

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2022

№ 76

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова (Красноярск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova (Krasnoyarsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Богинская О.А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда	5
Ларионова М.В., Демкина А.В. Лозунги vs хештеги в современном испанском политическом дискурсе	28
Дружинин А.С., Фомина Т.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта	47
Коротеева В.В., Железникова Н.В. Полиmodalный и лингвистический аспекты исследования межсемиотической адаптации эвфемизмов	76
Летучий А.Б. Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных	105
Матвеева А.А., Гаязова А.А. Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений	148
Мойсюк В.А. Процессы дополнения и элиминации образов как когнитивные механизмы вторичной фразеологизации (на материале французского языка)	166
Соболева Н.П. Особенности функционирования онтологической метафоры в исторической non-фикшн литературе на английском языке	185
Юрина Е.А., Жакупова А.Д., Мукашева А.О. Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева	199

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александрова Е.В., Жиликова Э.М. Е.П. Ковалевский и И.С. Тургенев: от личных взаимоотношений к творческим связям	230
Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурс о Горном Алтае в газете «Алтай» в течение 1917 г.	247
Гнюсова И.Ф. «Зараженное семейство» Л.Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос»	264
Горбенко А.Ю. «Наследник по прямой»: механизмы и функции литературной автоканонизации Г.Д. Гребенщикова	282
Максимов Б.А. Переосмысление просветительской концепции «ужасного» в романах А. Радклиф	306

ЖУРНАЛИСТИКА

Первалова Е.В. Министр и журналист: взаимоотношения Д.А. Толстого и М.Н. Каткова	329

CONTENTS

LINGUISTICS

Boginskaya O.A. Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom	5
Larionova M.V., Demkina A.V. Slogans versus hashtags in modern Spanish political discourse	28
Druzhinin A.S., Fomina T.A. Euphemisms and dysphemisms in experience construction	47
Koroteeva V.V., Zheleznikova N.V. Intersemiotic adaptation of euphemisms: Linguistic and multimodal approaches	76
Letuchiy A.B. The place of the predicative in the system of Russian attributive words (adverbials and adjectives)	105
Matveyeva A.A., Gayazova A.A. The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse	148
Moisiuk V.A. Complementing and eliminating images as cognitive ways of generating new conceptual meaning in secondary phraseologization	166
Soboleva N.P. On the peculiarities of ontological metaphors functioning in historical non-fiction literature in English	185
Yurina E.A., Zhakupova A.D., Mukasheva A.O. Interpretive and influential potential of key ideologemes in the presidential discourse of Nursultan Nazarbayev	199

LITERATURE STUDIES

Aleksandrova E.V., Zhilyakova E.M. Yegor Kovalevsky and Ivan Turgenev: From personal relationships to creative connections	230
Alekseev P.V., Alekseeva A.A. Discourse about Gorny Altai in the newspaper <i>Altai</i> during 1917	247
Gnyusova I.F. Leo Tolstoy's <i>The Infected Family</i> and George Eliot's <i>Romola</i> : Two answers to the "woman's question"	264
Gorbenko A.Yu. "The Heir in a Straight Line": Mechanisms and functions of George Grebenstchikov's literary self-canonization	282
Maximov B.A. Rethinking Enlightenment ideas of the "horrible" in the novels of Ann Radcliffe	306

JOURNALISM

Perevalova E.V. A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov	329

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161
doi: 10.17223/19986645/76/1

Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда

Ольга Александровна Богинская

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, olgaa_boginskaya@mail.ru*

Аннотация. Объектом исследования являются дискурсивные практики в зале суда. Предметом выступает агональность, исследуемая в трех аспектах: суд как состязание, суд как игра и суд как ритуализированное пространство. Показано, что аспекты агонального дискурсивного взаимодействия – состязательный, людический и ритуальный – взаимосвязаны и в совокупности определяют сущность коммуникативного взаимодействия участников судебного процесса.

Ключевые слова: агональность, судебный дискурс, состязание, игра, ритуал

Для цитирования: Богинская О.А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 5–27. doi: 10.17223/19986645/76/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/1

Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom

Olga A. Boginskaya

*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation,
olgaa_boginskaya@mail.ru*

Abstract. The article aims to identify and describe key aspects of agonal interactions in the courtroom and rhetorical strategies employed by prosecutors and defense attorneys in this context. Key aspects of agonal courtroom interaction – adversarial, human and ritual – were described. The study revealed that adversariality is realized through discredit, refutation and objection. The study showed that courtroom interactions are based on the conflict of intentions of the competing parties whose purpose is to win the struggle. The prosecutor aims at proving the defendant’s guilt, while the defense attorney aims to prove the defendant’s innocence. Persuasion is realized through a combination of adversary strategies. In order to prevent the

opponent from violating communicative maxims, attorneys employ the strategy of objection verbalized through performative verbs, performative nominations or performative constructions. The study revealed that the features of game (participants, entertainment, rules and scenarios) are inherent in courtroom discourse, which indicates its ludic nature. The struggle between lawyers (participants) is observed by spectators in the courtroom. The jurors identify the winner, and the judge ensures the observance of rules. The ritual is an integral part of both the game and the competition and determines the nature of a sacred activity whose formal goal is to restore justice and the actual one is to choose the winner. The study demonstrated that all aspects of agonality – adversarial, human, and ritual – are interrelated: competition is a sign of the game, and ludic elements are an integral characteristic of any competition as a product of culture; both competition and game are governed by rules and involve at least two participants. The study based on the Russian- and English-language materials revealed shared patterns in the agonal interaction in the context of two different linguistic cultures and helped verify the research hypothesis, excluding the influence of systemic aspects of one language. The study proved that the choice of rhetorical strategies is not reliant on linguistic cultures, which indicates the high intercultural potential of agonality as a complex category of courtroom communication. Research into the agonal nature of courtroom interactions in non-prototypic communicative situations seems to be promising. An analysis of the correlation of various strategies of agonality in the courtroom discursive practices can also be an avenue for research. Since agonal rhetorical strategies are not limited to those revealed in the present study, further research into this issue can expand the list and lay the theoretical basis for a linguistic theory of agonality as a complex communicative category in the context of multidirectional intentions of communicants.

Keywords: agonality, legal field, courtroom discourse, competition, game, ritual

For citation: Boginskaya, O.A. (2022) Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/1

Введение

Как отмечает Й. Хейзинга, «в процедуре, разворачивающейся перед лицом судьи, во все времена и при всех обстоятельствах стороны с такой силой, с такой остротой, с такой устремленностью хотят добиться победы, что агональный элемент не может быть здесь исключен ни на мгновение» [1. С. 87–92]. И действительно, если вспомнить нашумевший судебный процесс над актером М. Ефремовым, нельзя не согласиться с нидерландским философом в том, что агональность пронизывает всю систему правосудия, а идея победы затмевает морально-правовой аспект дела. И пусть не всякое судебное заседание можно охарактеризовать такими эпитетами, как «спектакль», «театр абсурда», «фарс», «битва» и т.п., признаки состязания и игры присущи любому судебному процессу, а ритуал является его неотъемлемой составляющей.

В современных социально-гуманитарных исследованиях понятие «агональность» имеет множество интерпретаций: агрессивность [2], речевая

агрессия [3], культуральная форма состязаний [4], конфликт [5], жажда соперничества [6], противоборство [7, 8], борьба с противниками [7], игра [8], ритуал [9, 10] и т.д. (рис. 1). Представляется, что такой разброс интерпретантов позволяет выделять различные аспекты, которые служат векторами исследования данного феномена, либо рассматривать их во взаимосвязи.

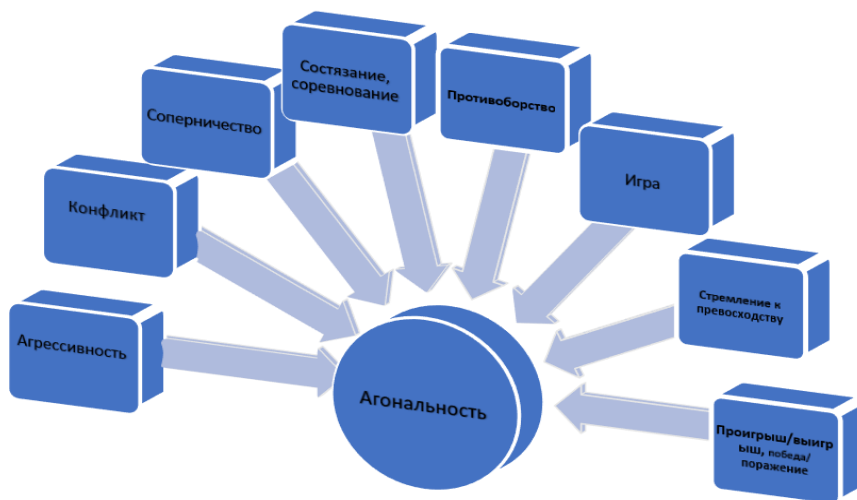

Рис. 1. Векторы интерпретации понятия «агональность»

Агональность неоднократно оказывалась в фокусе внимания исследователей политического дискурса. Так, по мнению Е.И. Шейгал, наряду с ориентацией и интеграцией агональность есть одна из составляющих функциональной триады политического дискурса [8]. О.В. Атьман видит в агональности политической коммуникации «проявление состязательности, конкурентной борьбы, часто – агрессии по отношению к сопернику, поскольку речевое взаимодействие коммуникантов <...> организовано вокруг конфликта целей его участников» [9]. Следует отметить, что исследователи не всегда связывают агональность с проявлением агрессии и нетолерантности. Примером неагрессивного типа интеракций, по мнению Е.И. Шейгал и В.В. Дешевой, служит игровая агональность, направленная на реализацию гедонистических целей [11]. Определяя агональность как компонент политического дискурса, Е.В. Сапрыкина отмечает, что «политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых жанров, в центре обозначенного полевого строения находятся те жанры, которые способствуют основному назначению политического дискурса – борьбе за сохранение и укрепление власти» [12]. О.Ф. Русакова и В.М. Русаков справедливо полагают, что агональный дискурс «становится господствующим в политическом коммуникативном пространстве», особенно интенсивно проявляя себя «во время идеологических и информационных битв, перерастая в дискурс

вражды и ненависти» [13. С. 10]. Интенциональная база политических дискурсивных практик, по мнению Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко, концентрируется вокруг борьбы за власть, что «накладывает отпечаток на выбор стратегии и тактики коммуникативного взаимодействия» [14. С. 164].

В последнее время в российском научном поле появился целый ряд работ, в которых авторы обращаются к теме агональности в судебных дискурсивных практиках. Так, анализируя состязательную природу судебного дискурса, И.М. Васильянова говорит о высокой степени его ритуальности, структурированности и регламентированности. Принцип состязательности «заключается в активном отстаивании сторонами перед судом своей точки зрения» [15. С. 7]. В.В. Богомазова отмечает, что агональность судебного дискурса связана с «намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон (адвоката – прокурора) победить в сложившемся споре» [16. С. 36], а агональный характер коммуникации проявляется в виде несовместимости мнений процессуальных оппонентов и их равноправия перед судом [16. С. 36]. А.А. Солдатова рассматривает агональность как компонент судебной речи, поскольку исход дела всегда определяется в терминах «проигрыш» и «выигрыш» [17. С. 8]. И.В. Палашевская полагает, что в основе агональности судебной коммуникации лежит не идея правоты или неправоты, а представление о победе или поражении. Автор детально проанализировала категорию агональности в судебном дискурсе и пришла к выводу, что схема агонального взаимодействия реализуется в судебном дискурсе как спор равных сторон, организуемый и разрешаемый независимым арбитром по заранее установленным правилам дискурса [18]. В работе О.А. Крапивкиной агональность рассматривается через призму теории прототипов и определяется как прототипический признак судебных дискурсивных практик. Автор анализирует три типа агональности – дискуссионную, конфронтативную и игровую – и заключает, что агональность обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных дискурсивных практик, задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса [19].

В настоящей работе *предметом* рассмотрения выступает агональность как комплексная категория судебной коммуникации, исследуемая в трех аспектах: суд как состязание, суд как игра и суд как ритуализированное пространство. *Методологическим субстратом* послужила концепция Й. Хейзинги. Выдвигается *предположение*, что состязательный, людический и ритуальный аспекты агональности взаимосвязаны и в совокупности определяют сущность коммуникативного взаимодействия в зале суда. С целью верификации данной гипотезы были исследованы тексты судебного дискурса на русском и английском языках, что позволило исключить влияние системных аспектов конкретного языка. Исходя из выдвинутой гипотезы, в исследовании решаются следующие *задачи*:

1) на основе признаков, присущих судебным дискурсивным практикам, описать аспекты коммуникативного взаимодействия в зале суда и установить связь между ними;

2) используя метод интерпретативного анализа, выявить стратегии, с помощью которых актуализируются аспекты агонального взаимодействия в русскоязычном и англоязычном судебном дискурсе;

3) используя метод количественного анализа, определить частотность применения стратегий агонального коммуникативного взаимодействия в зале суда и языковых единиц, участвующих в их актуализации;

4) выявить общие закономерности агонального взаимодействия в двух разных лингвокультурах.

Материалом исследования послужили авторские стенограммы судебных заседаний, видео которых размещены на канале [youtube.com](https://www.youtube.com), а также стенограммы судебных заседаний, размещенные на сайте [famous-trials.com](https://www.famous-trials.com) и ряде русскоязычных сайтов, отобранные с помощью приема сплошной выборки. Американский вебсайт [famous-trials.com](https://www.famous-trials.com) содержит стенограммы судебных разбирательств, получивших широкую известность в СМИ, в том числе благодаря речевым практикам обвинителя и защитника, использовавшим широкий спектр дискурсивных стратегий и тактик. Отсутствие подобной коллекции стенограмм в русскоязычном виртуальном пространстве заставило нас обратиться к эмпирическому материалу, размещенному на видеохостинге [youtube.com](https://www.youtube.com), а также к судебным материалам (защитительные речи, обвинительные речи, протоколы допросов), размещенным на других российских сайтах. Основным критерием отбора был период, к которому относятся используемые материалы, поскольку в фокусе исследования находились сопоставимые по времени тексты, в которых очевидным образом проявляются анализируемые аспекты агонального взаимодействия. Предпринятое на материале двух разноструктурных языков исследование позволило выявить общие закономерности речевого поведения в зале суда.

Суд как состязание

Как когда-то заявил немецкий правовед Р. Иеринг, «в борьбе обретишь ты право свое!». Как и в любом социальном пространстве, в юридическом поле «ведется борьба за навязывание определенного способа мировидения и миропонимания» [9. С. 151]. Принимая форму вербального состязания, борьба в зале суда основывается на стремлении к победе, а судебная тяжба – это всегда «спор о справедливости и несправедливости, вине и невиновности, о победе и поражении» [1. С. 63]. В основе состязательности – ведущего принципа коммуникативного взаимодействия в зале суда – лежит «идея достижения юридического результата через столкновение субъектов» [20]. «Судебный спор – это акт человеческого общения, борьбы, при котором между сторонами спора происходит противодействие воле, а победу в споре присуждает судья или присяжные заседатели. Участники такого спора оказывают воздействие, непосредственно и взаимно влияют друг на друга ради того, чтобы добиться поставленных целей» [21].

Как показал анализ эмпирического материала, основными стратегиями экспликации состязательности в дискурсе обвинения и защиты являются

дискредитация (речевые действия, направленные на подрыв авторитета оппонировавшей стороны или доверия к доказательствам, предоставляемым оппонировавшей стороной), опровержение (речевые действия, направленные против тезиса оппонировавшей стороны с целью установления факта его ложности) и возражение (речевые действия, направленные на отрицание тезиса оппонировавшей стороны, выражение несогласия с точкой зрения процессуального оппонента). Приведем примеры:

Защитник: *А можете конкретно пояснить?*

Обвинитель: *Я не желаю пояснять, я вас отсылаю к надлежащему процессуальному документу, который здесь есть. И я полагаю, что здесь не место и не время задавать, так сказать, экзаменовывать как следователя, так и участвующего прокурора.*

Защитник: *То есть вы считаете, что голословность...*

Обвинитель: *Вы сейчас только этим и занимаетесь (5).*

Прокурор эмоционально реагирует на просьбу адвоката пояснить основания избрания меры пресечения в отношении подсудимого. Конфликтность как один из признаков агональности проявляется в использовании негативно окрашенных лексических средств: *не желаю, не место и не время, только этим и занимаетесь*. Прокурор пытается дискредитировать доказательственную базу стороны защиты, ставя под сомнение компетентность и профессионализм адвоката. Лексема *голословность* указывает на использование стороной защиты непроверенных фактов. Другой пример:

Защитник: *Вы уже привлекались в качестве подозреваемого в деле об убийстве С.*

Обвинитель: *Причастность свидетеля проверялась компетентными органами и никакой причастности к убийству свидетеля не установлено (1).*

Фрагмент демонстрирует использование двух стратегий. Стратегия *опровержения* направлена на установление факта ложности заявления адвоката. Прокурор стремится подвергнуть сомнению сведения адвоката о личности свидетеля обвинения, а сторона защиты – *дискредитировать* свидетеля и подорвать доверие к доказательственной базе, на которой строится обвинение. Пример из англоязычного корпуса:

Defense attorney: *Only words, no other evidence.* [Одни слова. Никаких доказательств]

Prosecutor: *The words are the testimony of the victim, they are evidence (7).* [Слова – свидетельские показания потерпевшего, они являются доказательствами]

Защита строится на *дискредитации* доказательств, представленных стороной обвинения. Если в высказывании адвоката лексема *words* (слова) имеет негативную коннотацию «недостоверность», то прокурор, используя стратегию опровержения, утверждает, что слова имеют силу доказательств, а следовательно, могут быть положены в основу приговора.

В следующем примере защитник возражает против толкования показаний свидетелей, которое предлагает государственный обвинитель, и опровергает факт наличия в них обвинительного содержания. В данном фрагменте также актуализируется комбинация стратегий состязательности:

Защитник: *Абсолютное искажение показаний свидетелей, которые были вызваны по нашему ходатайству... они как раз показывают о фактах определенных, об обстоятельствах, на которых основывалось вот это мнение Орлова... Там чистое оправдательное содержание (4).*

В судебном дискурсе стратегия возражения часто актуализируется с помощью перформативных конструкций: *Objection! I object. Ваша честь, протестую! Возражаю, Ваша честь.*

Прокурор: *Ваша честь, я считаю недопустимым данный вопрос в связи с тем, что свидетель упомянул о данном деле только во взаимосвязи ее разговора с Эстемировой...*

Защитник: *Возражаю, Ваша честь. Дело в том, что для высказывания Орлова были существенные основания, и Орлов сейчас задал вопрос абсолютно в процедуре допроса свидетеля (4).*

Будучи арбитром состязания, судья либо удовлетворяет, либо отклоняет протест, используя следующие перформативы: *Sustained / Overruled / Протест принят / Протест отклонён.*

Как показал анализ, основными коммуникативными причинами заявления протеста являются следующие нарушения, допускаемые процессуальными оппонентами:

1) нарушение постулата количества (вопрос оппонента является наводящим или на него уже был получен ответ допрашиваемого):

Prosecutor: *Now, Mr. Sanders, have you also written a book about the Yippies?* [Итак, мистер Сандерс, Вы тоже написали книгу о членах Молодежной международной партии?]

Defense attorney: *Leading, objection (8)* [Наводящий вопрос. Протестую]

2) нарушение постулата релевантности (вопрос оппонента не относится к существу рассматриваемого дела):

Prosecutor: *And if he had been bleeding at 10:00 o'clock, 10:15 or 10:30 that night, you wouldn't know that either, would you, sir?* [Если бы он истекал кровью в 10:00, 10:15 или 10:30 той ночью, Вы бы тоже об этом не знали, не так ли, сэр?]

Defense attorney: *Objection. Irrelevant (7).* [Протестую. Не имеет отношения к делу]

3) нарушение постулата качества (вопрос оппонента содержит утверждение о факте, который не подтверждается имеющимися в деле доказательствами; свидетель не обладает достаточными знаниями, чтобы ответить на вопрос; вопрос предлагает свидетелю угадать ответ):

Prosecutor: *And if someone was in their home looking north, he should have been able to see you, isn't that right?* [И если бы кто-нибудь оказался в их доме и посмотрел в северном направлении, он должен был увидеть Вас, не так ли?]

Defense attorney: *Objection, calls for speculation.* (8) [Протестую. Требуется предположений]

Prosecutor: *How did you describe the way he looked?* [Как бы Вы описали его внешность?]

Defense attorney: *Objection. Hearsay* (7). [Протестую. Домыслы]

4) нарушение постулата способа изложения (вопрос оппонента сформулирован недостаточно четко, является двусмысленным):

Prosecutor: *Do you want to say anything else?* [Вам есть что добавить?]

Defense attorney: *Object to the form.* (7) [Возражаю против формы постановки вопроса]

Анализ русскоязычного и англоязычного эмпирического материала (23 англоязычные стенограммы и 23 русскоязычные стенограммы судебных заседаний) выявил общие тенденции в использовании стратегии возражения российскими и американскими защитниками и обвинителями (рис. 2, 3) и показал, что наибольшее количество протестов связано с нарушением постулата количества (37% в русскоязычном дискурсе и 32% в англоязычном дискурсе) и постулата релевантности (35,7% в русскоязычном дискурсе и 39,5% в англоязычном дискурсе). Значительно реже протест заявляется на нарушение оппонентом постулата способа изложения (12% в русскоязычном дискурсе и 15,5% в англоязычном дискурсе) и постулата качества (15,3% в русскоязычном дискурсе и 12% в англоязычном дискурсе).

Количественный анализ эмпирического материала позволил выявить процентное соотношение стратегий дискредитации, опровержения и возражения в русскоязычных и англоязычных дискурсивных практиках обвинения и защиты (рис. 4, 5).

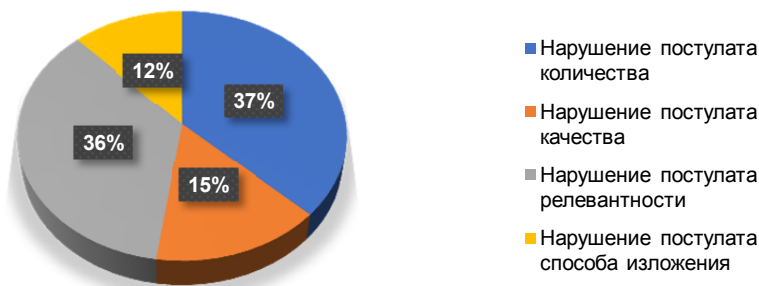

Рис. 2. Процентное соотношение коммуникативных причин заявления протестов в русскоязычном дискурсе

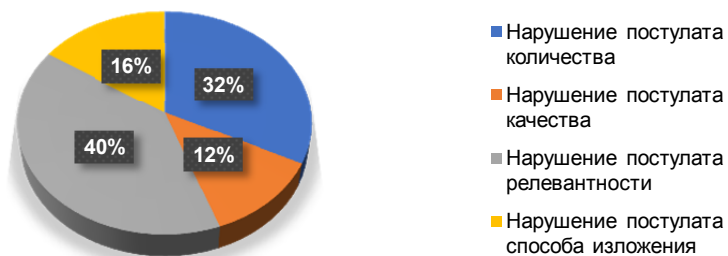

Рис. 3. Процентное соотношение коммуникативных причин заявления протестов в англоязычном дискурсе

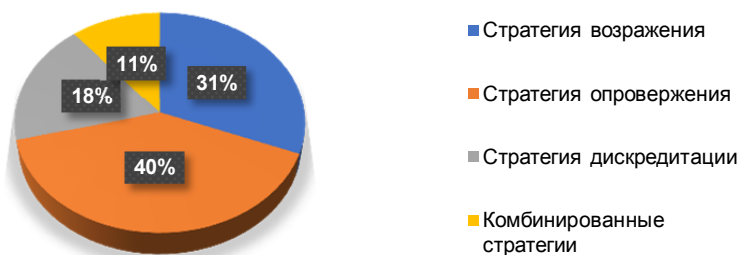

Рис. 4. Процентное соотношение стратегий состязательности в англоязычном дискурсе

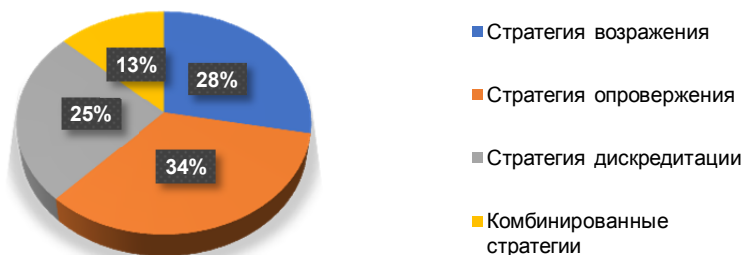

Рис. 5. Процентное соотношение стратегий состязательности в русскоязычном дискурсе

В условиях состязательного взаимодействия доминирующими в обеих лингвокультурах оказались стратегии опровержения и возражения. Стратегия дискредитации использовалась реже как российскими, так и американскими обвинителями и защитниками. В анализируемом эмпирическом материале было выявлено 54 и 67 употреблений данной стратегии в англоязычном и русскоязычном дискурсе соответственно, в то время как стратегия опровержения использовалась 120 раз в англоязычном корпусе и 91 раз в русскоязычном. Комбинированные стратегии (дискредитация + опровержение, дискредитация + возражение, опровержение + возражение) так-

же были обнаружены в ходе анализа, однако их частотность является достаточно низкой как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе. Таким образом, как показал анализ эмпирического материала, две разные лингвокультуры не оказывают существенного влияния на ключевые параметры состязательного взаимодействия в зале суда и выбор стратегий реализации агональных интенций.

Суд как игра

Признаки судебной коммуникации (участники, арбитр, цель, правила, сценарий, сценарность и зрелищность) позволяют рассматривать ее как игру, участниками которой являются стороны процесса («суд как азартная игра» [1]), что позволяет выделить юридический аспект коммуникативного взаимодействия в зале суда. Игра, как справедливо отмечает А.В. Олянич, «есть не что иное, как базовый концепт человеческого поведения (behavioral concept), который оказывается основанием для выстраивания в человеческом сознании картин мира» [22. С. 189]. *Homo ludens* создает дискурсивное пространство, отбирая с этой целью такие знаки, которые необходимы для конструирования той или иной версии реальности.

Идея сравнения судебной деятельности и права в целом с игрой восходит к работе Й. Хейзинги *Homo ludens*, в которой философ показывает, что проявления правовой реальности непосредственным образом наблюдаются в играх, имеют много общего с игровыми практиками. «Мы, однако, уже не раз убеждались, что священному и серьезному действию ни в коей мере не противопоказана игровая окраска. Возможность родства между игрою и правом делается для нас очевидной, как только мы замечаем, что правовая практика – другими словами, судопроизводство, независимо от того, какие идеалы положены в основание права, – носит в высшей степени состязательный характер. Но кто говорит “состязание”, говорит “игра”. <...> Как игровое качество, так и качество состязательности, – возносимые оба в сферу священного, как того требует для свершения правосудия всякое общество, – до сих пор пронизывают самые различные формы правовой жизни» [1. С. 85]. Идея сравнения судебного разбирательства и игры лежит и в основе исследования Н.В. Андрианова, который определяет судебный процесс как трансцендентальную языковую игру, конститутивные правила которой формально направлены на выяснение истины и перевода конфликтов в юридическую плоскость, а фактически обеспечивают не достижение истины, а определение победителя, разрешая конфликт через его обострение [23].

Роль правил в судебном споре очевидна: «...судебное поле представляет собой упорядоченное социальное пространство, в котором и через которое происходит преобразование конфликта непосредственно заинтересованных сторон в юридически регламентированные прения между профессионалами, ведущими дело по доверенности и разделяющими знание и признание правил юридической игры, то есть писаных и неписаных законов поля» [24]. Соблюдение правил является презумпцией любой игры. Всту-

пая в игру, участники соглашаются следовать ее правилам. Как отмечает Й. Хейзинга, при нарушении правил «все здание игры тотчас рушится» [1. С. 29]. Однако в судебном поле данная презумпция имеет свою специфику, поскольку не все участники судебного процесса принимают на себя это обязательство добровольно, а ведь именно свобода, добрая воля, согласно Й. Хейзинге [1], являются ключевым признаком игры.

Обратимся к другим признакам сходства судебного процесса и игры. Борьба обвинителя и защитника (*участников, игроков*) происходит на глазах зрителей (*зрелище*), которые присутствуют в зале суда (*на игровом поле*). Присяжные и судьи (*арбитры*) определяют победителя и обеспечивают соблюдение участниками правил игры. Победа заключается в выигрыше (*цель*), материальном или моральном удовлетворении от сыгранной роли [19. С. 18]. Добавим, что судебный процесс – это стратегическая игра, в которой каждый игрок знает цель, которую он преследует, и понимает, к каким последствиям может привести выбор той или иной стратегии, какое воздействие на адресата (присяжных, судью) окажет выбранная им стратегия. Игрок всегда принимает решение на основе информации, которой он располагает и которая имеет свойство меняться в процессе игры.

Аналогию между судом и игрой можно проследить на лингвосомиотическом уровне. Анализ русскоязычного материала, привлеченного для исследования, показал, что наиболее частотными языковыми знаками, характеризующими судебные интеракции как игру, являются *арбитр, жюри, марафон, победа, проигрыш, выигрыш, ход, win, lose, winner, jury, referee*. Приведем пример

Защитник: Судебное заседание – это... многомесячный длительный **марафон**. Мы, представители государственного обвинения и защитники, будем спорить друг с другом, оспаривать те или иные положения... А вы в этом марафоне будете нас судить. Вы будете **арбитрами** (2).

Адвокат использует стратегию метафоризации с целью актуализации закреплённых в сознании ассоциаций, которые способствуют пониманию сути судебного процесса как спортивной игры и роли присяжных как арбитров в этой игре.

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса, приведена в табл. 1, 2.

Таблица 1

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса (на материале русского языка)

Знак	Количество употреблений
Жюри	17
Арбитр	16
Победа	16
Проигрыш	11
Выигрыш	6
Ход	2

Частотность употреблений языковых знаков, актуализирующих людическую природу судебного дискурса (на материале английского языка)

Знак	Количество употреблений
Jury	25
Victory	17
Win	13
Lose	11
Winner	9

Очевидно, что языковые знаки, актуализирующие людическую природу судебного дискурса, повторяются в русскоязычных и англоязычных текстах, что позволяет сделать вывод о существовании общих закономерностей лингвосомиотического описания людического аспекта судебного состязания в двух разных лингвокультурах.

Людический аспект коммуникативного взаимодействия отчетливо проявляется и на уровне игры с языковыми знаками, имеющими размытую семантику. Приведем пример

***Обвинитель:** Вы обвиняете **непосредственно** Кадырова... в совершении убийства Эстемировой?*

***Защитник:** Что значит «**непосредственно**»? Уважаемый прокурор, что такое «**непосредственно**»? Самолично? Вот лично, он исполнителем был этого убийства? (4)*

Разногласия у адвоката и прокурора вызывает семантика наречия «непосредственно». Данный знак обладает манипулятивным потенциалом, и его намеренное использование помогает склонить суд на свою сторону, поскольку позволяет соотнести с той интерпретантой, которая соответствует выбранной линии игры.

Другой стратегией игровой агональности, которая была выявлена в эмпирическом материале и на русском и на английском языке, является использование поэтических форм. Будучи формой игры, поэзия остается на грани развлечения, находясь по ту сторону серьезного [1]. Приведем фрагмент защитительной речи адвоката Павла Астахова:

*Скажите правду, вымолвят уста.
Ведь правда здесь одна, она пред нами:
Он невиновен – оправдать его
Задача общая, не только наша с вами
А общества российского всего! (1).*

Российский адвокат, представляя интересы американского гражданина, нарушил жанровые нормы судебной речи, используя поэтические приемы. Следует обратить внимание на лингвокультурное различие: если в российском судопроизводстве такие творческие вкрапления являются достаточно редкими, то в американском дискурсе агенты более активно ис-

пользуют поэтические формы (см. Irvin v. Smith, Joe Hand Promotions v. Sports Page Cafe, United States v. One 1976 Ford F-150 Pickup, Helton v. State и т.д.). Так, в судебном процессе по делу Mackensworth v. American Trading Transportation Co. (367 F. Suppl. 373) все профессиональные участники (адвокат, прокурор и судья) продемонстрировали поэтическое мастерство. Приведем фрагмент речи судьи:

*A seaman, with help of legal sages,
Sued a shipowner for his wages.
The defendant, in New York City
(Where served was process without pity)
Thought the suit should fade away,
Since it was started in Pa... (9).*

Представляется, что в таких незначительных, с точки зрения закона, делах современная игровая культура позволяет юристам использовать разного рода поэтические приёмы, пренебрегая законами жанра (правилами игры) [25]. Участник коммуникации обладает высокой степенью творческой свободы, сопровождаемой выбором неожиданных для противника игровых стратегий и коммуникативных ходов [26].

Суд как ритуализированное пространство

Ритуализация, как отмечает В.И. Карасик, в различной степени присуща всем типам дискурса и выражается в виде особой коммуникативной тональности, подчеркивающей сверхценность определенной ситуации [27. С. 401]. Ритуальные действия, разворачиваемые в рамках коммуникативной ситуации, компоненты которой, как отмечает М.Г. Извекова, «приобретают особый символический смысл и имеют тенденцию к закреплению в особых ритуальных знаках» [28. С. 2]. В сравнении с рядом других типов дискурсивных практик в судебной коммуникации ритуальность является наиболее жесткой и характеризуется целым набором схем построения, знание которых необходимо для эффективного взаимодействия участников. Ритуальность судебных интеракций находит отражение в последовательности совершения речевых действий в пространственно-временном континууме, фиксированной статусно-ролевой структуре, сценарном распределении ролей, протокольно заданном расположении участников (зал суда – «подлинное теменос, освященное место <...> магический круг, игровое пространство» [1. С. 86]. На ритуальность указывают символическость действий (стук судейского молотка, вставание перед появлением и уходом судьи, принесение присяги) и одежда судьи («судьи до сих пор уходят из «обыденной жизни», прежде чем приступить к отправлению правосудия. Они облачаются в мантию или, скажем, надевают парик» [1. С. 86]). Даже черный цвет мантии имеет символическое значение, подчеркивая беспристрастность, статус и авторитет власти судьи.

Выраженный символизм ритуала направлен на подчеркивание особого статуса участников судебного процесса, а также акцентирование коммуни-

кативного приоритета лица с более высоким институциональным статусом – судьи. В судебном заседании слушатели сидят ниже судьи, который возвышается над залом, что подчёркивает его особую роль в судебном процессе. Пространство зала заседания играет роль театральной сцены. Места зрителей расположены напротив сцены, а места сторон защиты и обвинения противопоставлены друг другу и находятся слева и справа от сцены, что представляет собой «ритуализованный конфликт в форме магического поединка» [29. С. 221].

Ритуальный дискурс, как справедливо отмечает И.В. Палашевская [18], является детерминированной системой, состояние которой определяется законами, описывающими переходы от одних действий к другим. Профессиональные участники судебного процесса (судья, обвинитель и защитник) пользуются статусным превосходством в зале суда, являются носителями ритуальных ролей, посвящёнными в таинство происходящего. Вступая в судебный процесс, они «уже имеют представление о нарративе ритуала, их задача в процессе – посредством творческого применения заранее определённых ритуальных практик добиться желаемого исхода дела. Происходящее по своей сути и направленности является подобием магических практик архаического человека» [18. С. 23–24]. Остальные участники судебного разбирательства (подсудимый, свидетели, эксперты, потерпевшие) в обязательном порядке проходят обряд инициации (предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний, разъяснение прав и т.п.). Ниже приведены примеры актуализации ритуальной стратегии инициации подсудимого перед дачей показаний.

Judge: Mr. Simpson, you have the right to remain silent. If you give up the right to remain silent, anything you say can and will be used against you in a court of law. You have the right to speak to an attorney and to have an attorney present during the questioning. If you so desire and cannot afford one, an attorney will be appointed for you without charge before questioning. Do you understand your rights? (7). [Мистер Симпсон, Вы имеете право хранить молчание. Если вы откажетесь от этого права, все, что Вы скажете, может быть использовано против Вас в суде. У Вас есть право на адвоката и его присутствие во время допроса. Если Вы не можете нанять собственного адвоката, перед допросом Вам будет предоставлен государственный защитник. Вам понятны Ваши права?]

Процесс инициации присяжных заседателей как в российском, так и в американском судебном процессе начинается с оглашения судьей текста присяги. Приведем пример из русскоязычного корпуса:

Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку (9).

После оглашения данного текста присяжные поочередно произносят «клянусь» (ритуальный перформатив), становясь частью сакрального действия, разворачивающегося в зале суда.

К ритуализированным стратегиям, получившим распространение в судебном поле, следует также отнести стратегии инициации начала и окончания судебного заседания, заявления ходатайств, отводов и протестов, обращения к участникам судебного процесса. Все они сопровождаются ритуальными формулами, которые усваиваются участниками дискурсивного экспертного сообщества в процессе обучения и профессиональной деятельности. Приведем пример из русскоязычного корпуса.

Судья: *Имеются ли у кого из сторон обвинения и защиты отводы к кому-либо?*

Обвинитель: *Нет.*

Защитник: *Да. Ваша честь, отводу подлежит представитель потерпевшего Красенков Андрей Анатольевич (4).*

Символика ритуала видится как в строгой последовательности речевых действий (первым дает ответ сторона обвинения), так и в использовании ритуальных речевых формул, которые сопровождают судебный процесс. Другими словами, ритуал предполагает жесткое повторение всех предписанных действий и не допускает вариантов, сводится к трафаретным, клишированным компонентам коммуникации, отражая внешнюю форму поведения участников коммуникации [18]. Следует согласиться с И.В. Палашевской в том, что в Англии непрерывности традиций, символов и церемониалов судебного дискурса придается большее значение [18]. Полагаем, что англосаксонское происхождение американской правовой системы очевидным образом манифестируется в судебных дискурсивных практиках, которые сохраняют английские традиции судебной коммуникации, придавая огромное значение непрерывности церемониалов и сохраняя язык права, насыщенный архаичными терминами и устойчивыми формулами.

В ходе анализа эмпирического материала был выявлен целый ряд формул, которые актуализируют ритуальные стратегии, используемые участниками судебного разбирательства. Для иллюстрации приведем некоторые из них:

1) инициация: *This court is now in session. Court is in recess. All rise for the court! All rise! Please state your first and last name for the record / Пропу всех встать, суд идет! Судебное заседание объявляется открытым. Объявляется состав суда. Объявляется перерыв. Суд удаляется на совещание. Назовите свое полное имя;*

2) заявления: *Objection. – Overruled / Sustained. Возражаю, Ваша честь. – Возражение принято. Возражения имеются? – Возражений нет. У сторон есть ходатайства? – Ходатайствую о... Отводы имеются? – Отводов нет;*

3) обращения: *Ваша честь / Your Honor, Ladies and gentlemen of the jury, Respectful jury members / Уважаемые присяжные заседатели.*

Заметим, что если в американском судебном процессе инициация свидетелей осуществляется посредством присяги (*Do you swear that the testimony you will give in this case will be the truth, the whole truth and nothing but the truth, so help you God? - Yes, I do*), то в России свидетелей предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний (*Вы не вправе уклоняться от явки в суд, давать заведомо ложные показания и отказываться от дачи показаний*), что накладывает, как представляется, менее серьезный эмоциональный отпечаток, поскольку навязывается извне, судом, который сообщает, что ложь может иметь серьезные правовые последствия.

Как показал количественный анализ эмпирического материала, результаты которого представлены на рис. 6 и 7, заявления и обращения являются наиболее частотными ритуальными стратегиями как в русскоязычном (76 и 54 употребления соответственно), так и в англоязычном (98 и 67 употреблений соответственно) дискурсе. Стратегия инициации встречалась несколько реже (20 употреблений в русскоязычном корпусе и 25 употреблений в англоязычном) в силу ее использования лишь на отдельных этапах судебного разбирательства (в начале и в завершение судебных действий).

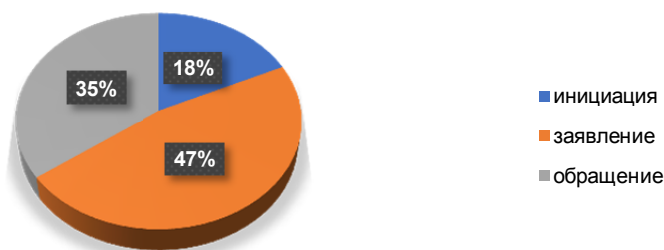

Рис. 6. Процентное соотношение ритуальных стратегий в русскоязычном дискурсе

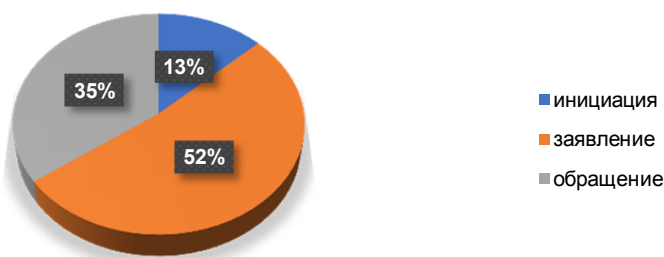

Рис. 7. Процентное соотношение ритуальных стратегий в англоязычном дискурсе

Правила – еще один неотъемлемый элемент ритуальности. Они охватывают порядок судебных действий и предполагают сценарную упорядоченность коммуникативного взаимодействия [18]. Как пишет А.В. Олянич, «для того, чтобы ритуальная коммуникация состоялась (была реализована), необходим некий алгоритм, которому будут подчиняться процессы

коммуникации ритуализованного типа... Вербальный компонент как наиболее вариативная часть ритуала... лимитирован максимумами «возможного и невозможного» [22. С. 73–77]. Нарушение правил в игре и состязании делает их результат ничтожным, а «ритуальный характер процесса столь чётко сформирован, что процессуальные ошибки могут привести к пересмотру дела» [29. С. 24]. Судебное состязание подчиняется как универсальным правилам общения (постулатам принципа кооперации, правилам рациональной аргументации, принципам вежливости), которые отражают состязательный и юридический аспекты судебной коммуникации, так и специальным нормам, определяющим ритуализованный порядок коммуникативного взаимодействия в зале суда (правила обращения к участникам процесса, заявления протестов и отводов, предупреждения об ответственности и т.п.).

Таким образом, сохранение ритуалов, приверженность им в зале суда не только помогают закрепить авторитет судебной власти и освящают процесс отправления правосудия, но и, как справедливо полагает И.В. Палашевская, устанавливают дистанцию между профессиональными и непрофессиональными участниками судебной коммуникации [18]. Устойчивые ритуальные формулы, выполняющие декоративную роль, затрудняют процесс коммуникативного взаимодействия для непрофессионала и облегчают его для участника юридического сообщества, хорошо знакомого со спецификой трафаретной коммуникации в зале суда.

Заключение

На основе выявленных характеристик коммуникативного взаимодействия в зале суда была реализована цель описания ключевых аспектов агональности. Такие признаки судебного разбирательства, как противостоящие стороны, арбитр, цель, результат (победа), позволили выделить *состязательный аспект* дискурсивных практик обвинения и защиты. Были выявлены основные стратегии, используемые обвинителем и защитником в условиях состязательного взаимодействия. Проведенный корпусно-ориентированный дискурсивный анализ установил, что доминирующей стратегией как в русскоязычном, так и в англоязычном дискурсе является стратегия опровержения.

На эмпирическом материале было продемонстрировано сходство судебного разбирательства с игровыми практиками (участники, арбитр, сценарность и зрелищность, наличие цели и правил). *Юридический аспект* коммуникативного взаимодействия в зале суда нашел отражение в таких игровых стратегиях, как манипуляция языковыми знаками и использование поэтических приемов.

Было показано, что *ритуальность* судебных дискурсивных практик находит отражение как на вербальном, так и на невербальном уровне (использование перформативных ритуальных формул, последовательность совершения речевых действий, фиксированная статусно-ролевая структу-

ра, сценарное распределение ролей, протоколно заданное расположение участников). Процедуры инициации, заявления ходатайств, протестов и отводов и обращения к участникам процесса указывают на ритуальный характер судебных интеракций. Используемый корпусный инструментарий дал возможность выявить наиболее частотные ритуальные стратегии в дискурсивных практиках на материале двух языков.

Корреляция трех аспектов агональности и обнаруженных дискурсивных стратегий их актуализации представлена на рис. 8.

Рис. 8. Стратегии актуализации ключевых аспектов агональности судебных интеракций

Представляется, что все аспекты агональности – состязательный, людический и ритуальный – взаимосвязаны:

- 1) состязание является признаком игры, а игровые элементы – неотъемлемая характеристика любого состязания как продукта культуры;
- 2) состязание, игра и ритуал регламентируются заранее установленными правилами;
- 3) состязание и игра нацелены на победу, предполагают не менее двух участников;
- 4) ритуал является неотъемлемой составляющей как игры, так и состязания, определяя сущность сакрального действия, формальной целью которого является восстановление справедливости, а фактической – выявление победителя.

Предпринятое на материале двух разноструктурных языков исследование позволило выявить общие закономерности агонального коммуника-

тивного взаимодействия в контексте судебных разбирательств в двух разных лингвокультурах, верифицировать гипотезу исследования, исключая влияние системных аспектов конкретного языка. Как показал анализ, конкретная лингвокультура не оказывает существенного влияния на ключевые параметры речевой деятельности и выбор стратегий состязательного, людического и ритуального взаимодействия, что позволяет говорить о высоком межкультурном потенциале агональности как комплексной категории судебной коммуникации.

В настоящей работе были рассмотрены только основные дискурсивные процессы, обеспечивающие требование репрезентативности. Частные и случайные явления, непрототипические ситуации агонального дискурсивного взаимодействия не менее интересны и заслуживают дальнейшего исследования. Перспективным представляется исследование агональной природы взаимодействия в непрототипической ситуации сговора стороны обвинения и стороны защиты. Другим примером могут служить коммуникативные ситуации во время сталинских политических судебных процессов, в которых отсутствовали состязательность и игра как признаки судебной коммуникации, однако сохранялась ее ритуальность.

Поскольку выявленные стратегии агонального взаимодействия в зале суда не исчерпывают соответствующего потенциала, дальнейшее исследование может расширить представленный в работе перечень и заложить теоретический фундамент для построения лингвистической теории агональности как комплексной категории коммуникативного взаимодействия в условиях реализации разнонаправленных интенций.

Источники примеров

1. *Защитительная речь* Павла Астахова. URL: <https://www.newsru.com/russia/01dec2000/astah.html>
2. *Стенограмма* судебного заседания по делу Л. (авторская запись).
3. *Стенограмма* заседания Ленинского районного суда г. Тюмени от 15.09.2009. URL: https://www.ssa-rss.ru/files/File/court15_09_09.pdf.
4. *Стенограмма* судебного заседания по уголовному делу о клевете в отношении Р. Кадырова. URL: <http://old.memo.ru/uploads/files/651.pdf>
5. *Стенограмма* по делу Ласточкина от 17.02.2014 г. URL: <https://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedanija>
6. *Стенограмма* по делу Я. (авторская запись).
7. *Courtroom transcript*. O.J. Simpson's Case. URL: <http://famous-trials.com/simpson>
8. *Courtroom transcript*. The Chicago Eight Conspiracy Case. URL: <https://famous-trials.com/chicago8/1362-edsanderstestimony>
9. *Mackensworth v. American Trading Transportation Co.* URL: https://setiathome.berkeley.edu/forum_thread.php?id=79171
10. *Уголовно-процессуальный кодекс РФ*. URL: <http://consultant.ru>

Список источников

1. *Хэйзинга Й.* Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М. : Айрис-Пресс, 2003. 416 с.

2. *Михальская А.К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М. : Academia, 1996. 192 с.
3. *Синельникова Л.Н.* Дискурс власти: от легитимизации до манипуляции // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 10–15.
4. *Плетников В.В.* Агональность как тип состязательности: характеристика и существенные черты // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 116–121.
5. *Карасик В.И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 5. С. 78–86.
6. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб. : Гос. Эрмитаж: Алетейя, 1998. 431 с.
7. *Пиевская И.М.* Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги псалмов») : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 175 с.
8. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 432 с.
9. *Сидоренко А.В.* Реализация агональности в современном англоязычном деловом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1 (3). С. 150–157.
10. *Атьман О.В.* Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96–102.
11. *Шейгал Е.И., Дешеева В.В.* Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. № 34 (172). С. 145–148.
12. *Сапрыкина Е.В.* Структура речевого действия «обвинение» в рамках парламентского дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2007. № 15 (93). С. 128–132.
13. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 10–15.
14. *Волкова Я.А., Панченко Н.Н.* Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4. С. 161–178.
15. *Васильянова И.М.* Особенности аргументации в судебном дискурсе : автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.
16. *Богомазова В.В.* Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе // Известия ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 35–40.
17. *Солдатова А.А.* Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 20 с.
18. *Палашевская И.В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград : Парадигма, 2012. 310 с.
19. *Кративкина О.А.* Агональность как прототипический признак судебных дискурсивных практик // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15 (4). С. 15–19.
20. *Ветютнев Ю.Ю.* Игровая концепция судебной процедуры // Современное право. 2009. № 11. С. 12–19.
21. *Шубин Д.А.* Искусство побеждать в суде: Применение теории военного искусства адвокатом при ведении дела в суде. М. : Перо, 2019. 270 с.
22. *Олянич А.В.* Драматургия ритуальной коммуникации (лингвосемиотический аспект) // Язык. Культура. Коммуникация: Изучение и обучение : материалы I Международной научно-практической конференции. Орел, 2016. С. 71–78.
23. *Андрянов Н.В.* Судебный процесс как трансцендентальная языковая игра // Naukarus. URL: <http://naukarus.com/sudebnyy-protsess-kak-transtsendentalnaya-yazykovaya-igra>

24. Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля. URL: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040>
25. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных Телешоу) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 21–30.
26. Казакова А.А. Особенности агональной коммуникации в судебно-юридическом дискурсе // VIP Studio. Серия: Гуманитарные исследования. 2018. Август. URL: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2018/humanities-sciences-2018-august/3756-hum-2018-08-26>
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
28. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с
29. Ягофарова И.Д. Судебный процесс как ритуал власти // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 21–24.

References

1. Huizinga, J. (2003) *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Translated from English. Moscow: Ayris-Press.
2. Mikhail'skaya, A.K. (1996) *Russkiy Sokrat: leksii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrates: lectures on comparative historical rhetoric]. Moscow: Academia.
3. Sinel'nikova, L.N. (2015) Discourse of power: from legitimisation to manipulation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 1 (67), 4. pp. 10–15. (In Russian).
4. Pletnikov, V.V. (2017) Agonality as a type of competition: characteristics and essential features. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 4 (66). pp. 116–121. (In Russian).
5. Karasik, V.I. (2007) Discursive personology. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 5. pp. 78–86. (In Russian).
6. Andreev, Yu.V. (1998) *Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko shtrikhov k portretu grecheskoy tsivilizatsii* [The price of freedom and harmony. A few touches to the portrait of Greek civilization]. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Aleteyya.
7. Pievskaya, I.M. (2006) *Sistemnye otnosheniya religioznogo diskursa (na materiale angliyskogo i russkogo perevodov "Knigi psalmov")* [System Relations of Religious Discourse (On the Material of English and Russian Translations of the Book of Psalms)]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
8. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
9. Sidorenko, A.V. (2015) Agonism realization in modern English business discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. 1 (3). pp. 150–157. (In Russian).
10. At'man, O.V. (2011) Verbalization of self-presentation strategy in presidential election debates as agonal genre of US political discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (35). pp. 96–102. (In Russian).
11. Sheygal, E.I. & Deshevova, V.V. (2009) Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya [Agonality in communication: the structure of the concept]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Philology. Art criticism*. 34 (172). pp. 145–148.
12. Saprykina, E.V. (2007) Struktura rechevogo deystviya "obvinenie" v ramkakh parlamentskogo diskursa [The structure of the speech action "accusation" within the

framework of parliamentary discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Philology. Art Criticism*. 15 (93). pp. 128–132.

13. Rusakova, O.F. & Rusakov, V.M. (2015) Agonistic discourse of modern politics of memory. *Diskurs-Pi – Discourse-P*. 1 (18). pp. 10–15. (In Russian).

14. Volkova, Ya.A. & Panchenko, N.N. (2016) Destructiveness in political discourse. *Vestnik RUDN Seriya: Lingvistika – RUDN Journal of Linguistics*. 20 (4). pp. 161–178. (In Russian).

15. Vasil'yanova, I.M. (2007) *Osobennosti argumentatsii v sudebnom diskurse* [Features of argumentation in the court discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.

16. Bogomazova, V.V. (2014) Correlation of agonality and the category of strange in the court discourse. *Izvestiya VGPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 10 (95). pp. 35–40. (In Russian).

17. Soldatova, A.A. (2013) *Rechevye strategii i taktiki advokatskogo diskursa v ugolovnom protsesse* [Speech strategies and tactics of lawyer discourse in criminal procedure]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.

18. Palashevskaya, I.V. (2012) *Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost'* [Court discourse: functions, structure, narrativity]. Volgograd: Paradigma.

19. Krapivkina, O.A. (2018) Agonality as a prototypical feature of courtroom discursive practices. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 15 (4). pp. 15–19. (In Russian).

20. Vetyutnev, Yu.Yu. (2009) *Igrovaya kontseptsiya sudebnoy protsedury* [The game concept of the judicial procedure]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 11. pp. 12–19.

21. Shubin, D.A. (2019) *Iskusstvo pobezhdat' v sude. Primenenie teorii voennogo iskusstva advokatom pri vedenii dela v sude* [The art of winning in court. The application of the theory of military art by a lawyer in the conduct of a case in court]. Moscow: Pero.

22. Olyanich, A.V. (2016) [Dramaturgy of ritual communication (linguosemiotic aspect)]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Studying and learning]. Proceedings of the 1st International Conference. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev. pp. 71–78. (In Russian).

23. Andrianov, N.V. (2012) *Sudebnyy protsess kak transtsendental'naya yazykovaya igra* [Trial as a transcendental language play]. Naukarus. [Online]. Available from: <http://naukarus.com/sudebnyy-protsess-kak-transtsendentalnaya-yazykovaya-igra>

24. Bourdieu, P. (n.d.) *Vlast' prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya* [Power of law: fundamentals of the sociology of the legal field]. Translated from French. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/labor-atory/expertize/3040>

25. Krapivkina, O.A. (2017) Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 21–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/2

26. Kazakova, A.A. (2018) *Peculiarities of agonal communication in law discourse*. VIP Studio. [Online] Available from: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2018/humanities-sciences-2018-august/3756-hum-2018-08-26>

27. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

28. Izvekova, M.G. (2006) *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic characteristics of ritual discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

29. Yagofarova, I.D. (2018) Trial as a ritual of power. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 4 (57). pp. 21–24. (In Russian).

Sources

1. *Pavel Astakhov's speech for the defense*. [Online] Available from: <https://www.newsru.com/russia/01dec2000/astah.html>.
2. *Transcript of the court session in the case of L*. Author's recording.
3. *Transcript of the session of the Leninsky District Court of Tyumen*. September 15, 2009. [Online] Available from: https://www.ssa-rss.ru/files/File/court15_09_09.pdf.
4. *Transcript of the court session in the criminal case of libel against R. Kadyrov*. [Online] Available from: <http://old.memo.ru/uploads/files/651.pdf>
5. *Transcript of the Lastochkin case*. February 17, 2014. [Online] Available from: <https://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedaniya>
6. *Transcript in the case of Ya*. Author's recording.
7. *Courtroom transcript. O.J. Simpson's Case*. [Online] Available from: <http://famous-trials.com/simpson>.
8. *Courtroom transcript. The Chicago Eight Conspiracy Case*. [Online] Available from: <https://famous-trials.com/chicago8/1362-edsanderstestimony>
9. *Mackensworth v. American Trading Transportation Co.* [Online] Available from: https://setiathome.berkeley.edu/forum_thread.php?id=79171
10. *Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://consultant.ru>

Информация об авторе:

Богинская О.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия).

E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Boginskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: olgaa_boginskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 28.09.2020;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 22.04.2022*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/19986645/76/2

Лозунги vs хештеги в современном испанском политическом дискурсе

Марина Владимировна Ларионова¹,
Анастасия Владимировна Демкина²

¹ *Московский государственный институт международных отношений,
Москва, Россия, larionova.m@list.ru*

² *Посольство Российской Федерации в Аргентинской Республике, МИД России,
Москва, Россия, a.v.dyomkina@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется когнитивно-прагматический потенциал и специфика функционирования лозунгов и хештегов в современном испанском политическом дискурсе. Хештег рассматривается в качестве самостоятельной вербальной функциональной категории дискурса, единицы значимой информации, которая целостно передаёт оформленное содержание в цифровом поле дискурса и обладает собственным функционалом в интернет-коммуникации, включающей политический дискурс. На новом языковом материале установлено, что использование хештегов и лозунгов подчинено реализации основной интенциональной задачи политики – завоеванию, осуществлению и удержанию власти в обществе.

Ключевые слова: политический дискурс, лозунг, хештег, когнитивистика, прагмалингвистика, Испания

Для цитирования: Ларионова М.В., Демкина А.В. Лозунги vs хештеги в современном испанском политическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 28–46. doi: 10.17223/19986645/76/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/2

Slogans versus hashtags in modern Spanish political discourse

Marina V. Larionova¹, Anastasia V. Demkina²

¹ *Moscow State Institute of International Relations Moscow, Russian Federation,
larionova.m@list.ru*

² *Embassy of the Russian Federation in the Argentine Republic, Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, a.v.dyomkina@yandex.ru*

Abstract. In the study, the authors aim to identify significant linguistic, cognitive and pragmatic parameters of slogans and hashtags in the Spanish political discourse

that determine the strength of their speech impact. This article fills a gap in empirical knowledge by presenting a systematic analysis of traditional and modern, digital, cognitive and linguistic instruments of the Spanish political discourse, taking into account the pragmatic context of the communicative situations and the information environment in which they are performed. The research materials are samples of slogans and hashtags used by leading Spanish parties (Spanish Socialist Workers Party, People's Party, Ciudadanos, Vox, Podemos, United Left) during electoral campaigns, as well as in the course of political communication through the media, their official websites and social media accounts in Facebook, Twitter, Instagram, real-time digital platforms that integrate the characteristics of social networks and blogs, and reflect a direct reaction to current social and political events. An interdisciplinary approach is applied by comprehensively combining comparative, pragmalinguistic, linguistic, cognitive, semantic, contextual and discourse analysis. For the first time, a hashtag is recorded as an independent verbal functional category of discourse, a unit of meaningful information that integrally conveys the formalized content in the digital field of discourse and has its own functionality in Internet communication, including political discourse. The discursive potential of traditional political slogans is revealed, which is performed through the function of consolidation – uniting as many voters as possible around the political movement via self-identification with a certain idea or values. Cognitive and linguistic features of slogans in the Spanish political discourse are determined: simplified syntax, frequently used verb constructions, rhythm, empathy, neutral or exclusively positive metaphors, de-ideologization, actualization of high civic concepts subordinate to the discursive task of consolidating a civic audience around a certain social idea. The authors specify that Spanish political hashtags and hashtagged slogans in the Internet discourse have their own broader functionality and additionally perform, among others, the functions of hypertext by framing the cognitive field of political discussions and allowing navigation in the Internet, intertext by structuring text-building processes in network discourse, rubricator that simplifies the search for information and finally, serve as a means of segmenting and mobilizing the audience, identifying the addressees of the message, functioning as a new unit of discourse. The comprehensive analysis of the cognitive and pragmatic potential of slogans and hashtags in political discourse demonstrates their multidimensionality and multifunctionality as effective tools for shaping and structuring the agenda, political discussions and social trends in society by framing the discourse field, segmentation and mobilization of the electoral audience. Examining the new language material of the Internet communication, the authors have established that the active use of hashtags as a discursive unit in current Spanish political communication, as well as the functioning of political slogans in the traditional field of political rhetoric, are subordinated to the implementation of the main intentional task of politics – to conquer, exercise and maintain power in society.

Keywords: political discourse, slogan, hashtag, cognitive science, pragmalinguistics, Spain

For citation: Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2022) Slogans versus hashtags in modern Spanish political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 28–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/2

Введение. Понятие политического дискурса в последние годы неизбежно претерпевает определённую трансформацию в связи с диверсифи-

кацией инструментов политической коммуникации, усложнением этой сферы и размыванием её границ. Если ранее политический дискурс трактовался как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом...» [1], то сегодня становится понятно: коммуникационные возможности цифровой демократии настолько многообразны, что современный политический дискурс фактически трансформировался в сплав политического, медийного и интернет-дискурсов и реализуется как «сложное единство языковой формы, значения и действия» [2. С. 121]. Политические партии стремятся интегрировать в зону своего влияния значительные культурные, социальные и медийные пространства, делая их частью своей избирательной стратегии [3. Р. 574; 4]. Вследствие этого арсенал воздействующих средств политического дискурса постоянно обновляется и расширяется [5]. Поэтому сравнительный анализ когнитивно-прагматического потенциала таких элементов политического дискурса, как лозунги и хештеги, представляется актуальным.

Теоретические основания исследования. Вопросам изучения специфики политического дискурса с позиций когнитивистики, политической лингвистики, теории дискурса и критического дискурс-анализа в рамках философской концепции постструктурализма посвящён целый ряд работ российских и зарубежных авторов [6–18].

Традиционно когнитивно-коммуникативная парадигма дискурсивных исследований [18] изучает политический дискурс сквозь призму трёх основных подходов – дескриптивного, (ориентированного на анализ риторики и языкового поведения политиков), критического (нацеленного на выявление признаков социального неравенства, интегрированных в дискурсе) и когнитивного (анализирующего фреймы и концепты политического дискурса) [11]. В статье в той или иной мере реализуются все вышеперечисленные подходы к изучению политического дискурса, однако особое внимание уделяется не только его реальному измерению, но и виртуальному: пространству политической интернет-коммуникации. Последнее включает в себя как традиционные вербальные (текст, высказывание, речевой акт [19]), новые вербальные (хештеги, микроблоги, например твиты), так и невербальные единицы дискурса, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в этой сфере [9. С. 16].

Актуальность, цель и материалы исследования. *Актуальность* работы определяется необходимостью системного анализа традиционных и современных, цифровых, когнитивно-языковых инструментов испанского политического дискурса с учётом прагматического контекста коммуникативных ситуаций, в которых они актуализируются, и той информационной среды, где они реализуются. *Цель исследования* состоит в выявлении значимых лингвокогнитивных и прагматических признаков лозунгов и хештегов в пространстве испанского политического дискурса, обуславливающих

силу их речевого воздействия. В статье впервые уточняется статус хештега в качестве самостоятельной категории дискурса, иными словами, единицы значимой информации, которая целостно передаёт оформленное содержание в цифровом поле дискурса и обладает собственным функционалом в среде интернет-коммуникации, включающей в себя политический дискурс. *Материалами исследования* являются примеры употребления лозунгов и хештегов ведущими испанскими партиями (Испанской социалистической рабочей партией, Народной партией, Сьюдаданос, Вокс, Подемос, Объединёнными левыми) в рамках агитационных кампаний, а также в ходе политической коммуникации через СМИ, официальные сайты и страницы в социальных сетях, прежде всего в Twitter, т.е., через цифровые платформы, функционирующие в реальном времени, интегрирующие характеристики социальных сетей и блогов и отражающие непосредственную реакцию на актуальные социальные и политические события.

Методы исследования. В полной мере разделяя точку зрения Т.А. ван Дейка, утверждающего, что «связи между властью и дискурсом могут быть полностью осмысленны, только если они выражены в широком мультидисциплинарном поле» [13], авторы используют междисциплинарный подход для анализа когнитивно-языковых и прагматических характеристик дискурса политических субъектов – испанских партий. Среди основных методов системного лингвистического исследования – сравнительно-сопоставительный, прагмалингвистический, лингвокогнитивный, семантический и контекстуальный, а также дискурс-анализ.

Когнитивно-языковые признаки лозунгов в современном испанском политическом дискурсе. Лозунг в политической коммуникации представляет собой ёмкое, краткое, зачастую афористичное выражение, отражающее видение ситуации, взгляды политика или партии, а также цели политического движения в определённый период. В качестве жанра политических текстов лозунг традиционно обладает устойчивой клишированной формой, синтаксически строится, как правило, в виде утвердительного или восклицательного предложения, характеризуется целенаправленностью, информативностью и часто оригинальностью формы. В силу краткости политические лозунги не содержат аргументации, их дискурсивная эффективность осуществляется через суггестию, иными словами, внушение, апелляцию к чувствам и эмоциям, а не к логике социальной аудитории. Прагматическое воздействие реализуется благодаря взаимосвязи между языковыми средствами и экстралингвистическими условиями их употребления, которые репрезентируют социально-политический контекст и прагматическую коммуникативную ситуацию и программируют необходимое социальное поведение или действия.

Приоритетная задача лозунга как традиционной дискурсивной единицы (политического текста, политического высказывания и речевого акта), активно функционирующего, прежде всего, в прагматической ситуации «Выборы» или «Протесты», сводится к оказанию перлокутивного эффекта речевого воздействия на адресата и консолидации аудитории с учётом по-

литического контекста, в котором он используется. Иллокутивный потенциал лозунгов в дискурсивном пространстве заключается в осуществлении ими *функции констатации* проблемы (*Merecemos una España mejor* (PSOE, 2004) – Мы заслуживаем лучшую Испанию), *функции призыва* к действию, к изменениям ситуации или положения дел (*¡Por el cambio! ¡Elecciones ya!* (PSOE, 1982) – За перемены! Выборы сейчас!), а также *функции выдвижения политических требований* (*¡Ni PSOE, ni PP! No nos representan. ¡Que se vayan!* (Indignados, 2011) – Ни ИСПП, ни НП! Нет, они нас не представляют. Пусть они уйдут!).

Проведённый анализ даёт основания утверждать, что для лозунгов испанских партий характерны следующие общие языковые и дискурсивно-прагматические закономерности:

- тенденция к структурированию через упрощённые безглагольные синтаксические формы (*Lo Próximo* (PSOE, 2000) – Самое близкое; *Las ideas claras* (PP, 2008) – Ясные мысли; *Con ilusión* (Ciudadanos, 2015) – С мечтой; *A favor* (PP, 2016) – В поддержку);

- перформативность, частотное употребление маркированных глагольных форм, превращающих лозунг в перформативный речевой акт, репрезентирующий через дискурс осуществление действия. Иными словами, лозунги-перформативы не просто описывают реальность, но и дискурсивно оказывают на неё непосредственное влияние (*Quieres. Puedes* (Podemos, 2016) – Хочешь. Можешь; *Vota con todas tus fuerzas* (PSOE, 2008) – Голосуй изо всех сил; *Trabajar. Hacer. Crecer.* (PP, 2015) – Работать. Делать. Расти);

- призывность за счёт активного употребления императивов, синтаксическая и семантическая ритмичность (*Súmate al cambio* (PP, 2011) – Присоединяйся к переменам; *Ahora, Gobierno. Ahora, España* (PSOE, 2019) – Теперь правительство, теперь Испания);

- адресность, эмоциональность, эмпатийность – непосредственное обращение к конкретной социальной группе (*Tu voto es nuestra fuerza* (PSOE, 1979) – Твой голос – наша сила; *Centrados en tí* (PP, 2011) – Ориентированы на тебя; *Un gobierno contigo* (Unidas Podemos, 2019) – Правительство с тобой; *Con tu voto, es posible* (Izquierda Unida, 2004) – С твоим голосом это возможно; *¡Rebélate!* (Izquierda Unida, 2011) – Взбунтуйся!);

- обращение к высоким гражданским концептам (*Igualdad PSOE* (PSOE, 2017) – Равенство ИСПП; *Por la libertad, la fraternidad y la convivencia* (Unidas Podemos, 2019) – За свободу, братство и гармоничное сосуществование);

- актуализация механизма «игра слов», оригинальность языковой формы, как, например, в случае *CorruPSOE* (2019, PP), представляющем контаминацию лексемы *corrupción* – коррупция и названия испанской социалистической рабочей партии *PSOE*, или в ситуации употребления символа «@» для акцента на гендерной нейтральности лозунга, демонстрирующего использование инклюзивного сленга: (*Somos necesari@s* (Izquierda Unida, 2000) – Мы необходимы);

– кажущаяся деидеологизированность (*La España que quieres* (PP, 2015, Vox, 2017, PSOE, 2019) – Испания, которую любишь): один и тот же лозунг использовался в разные годы правящими, крайне правыми и социалистами);

– потенциальное заимствование иностранных политических лозунгов и их адаптация для испаноязычной аудитории (*Sí, se puede* (Podemos, 2014) – Да, мы можем), производный от лозунга Б. Обамы 2008 г. – *Yes, we can*; *Hacer España grande otra vez* (Vox, 2019) – Сделать Испанию снова великой, по аналогии с лозунгом Д. Трампа (*Make America Great Again* – Сделаем Америку снова великой (2016), ранее этот лозунг использовался в избирательных кампаниях Р. Рейгана в 1980 г. и Б. Клинтона в 1992 г.).

Испанским электоральным лозунгам традиционно свойственно употребление метафор, которые по своему содержанию идеологически нейтральны: *país* – страна, *futuro* – будущее, *gobierno* – правительство, *mayoría* – большинство, *cambio* – перемена: *Un Gobierno firme para una Sociedad justa* (PSOE, 1979) – Решительное Правительство для честного Общества; *Con la nueva mayoría* (PP, 1996) – С новым большинством; *Un país contigo*, *Podemos* (Podemos, 2015) – Страна с тобой, Мы можем; *Un sí por el cambio* (PSOE, 2016) – Голосуй за перемены; *Un futuro para la mayoría* (PSOE, 2015) – Будущее для большинства, *Por un nuevo país* (Izquierda Unida, 2015) – За новую страну. Максимальная смысловая широта лозунга и отсутствие в нём идеологически маркированной лексико-семантической составляющей способствуют позитивному восприятию утверждения, которое таким образом адресуется наибольшему числу избирателей, а также усиливают его объединительный и мобилизационный когнитивно-прагматический потенциал.

Положительно маркированные и эмоционально нагруженные метафоры *sonrisa* – улыбка, *corazón* – сердце, *valor seguro* – надёжная ценность, актуализируемые в политических лозунгах испанских партий, содействуют позитивному восприятию политического актора, поддерживают отношения эмпатии между адресантом и адресатом: *Con cabeza y corazón* (PP, 2008) – Головой и сердцем; *La sonrisa de un país* (Unidos Podemos, 2016) – Улыбка целой страны; *Valor seguro* (PP, 2019) – Надёжная ценность; *Vota con el corazón* (PSOE, 2019) – Голосуй сердцем.

Иногда лозунги трансформируются в прецедентные тексты, которые Ю.Н. Караулов трактует как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности» [20. С. 216]. Примечательно, что лозунг может являться как источником, так и результатом прецедентного текста. В первом случае лозунг первичен по отношению к прецедентному тексту, как, например, в случае с французским лозунгом Первой мировой войны во время битвы при Вердене (1916) *On ne passe pas!* – Прохода нет! и знаменитой фразой, связанной с героической обороной Мадрида республиканцами во время Гражданской войны в Испании (1936–1939): *¡No pasarán!* – Они не прой-

дут! Во втором случае за основу лозунга берётся или другой прецедентный текст, или цитата: *Haz que pase* (PSOE, 2019) – Сделай, чтобы это случилось. По словам социалистов, в процессе создания этого лозунга они вдохновлялись фильмом «Титаник» [21], а именно фразой героя Л. Ди Каприо *Make it count*. Тем не менее в политической среде этот лозунг ИСПП стал примером дискурсивной неудачи, перформативной осечкой – *misfire*, в терминологии Дж. Остина [22]: испанцы недоумевали, что же всё-таки должно произойти, по мнению ИСПП? И пока спикер партии И. Селаа не пояснила, что речь идёт о прецедентной фразе из «Титаника», аудитория сообщения не могла понять смысл использования лозунга. Примечательно, что и после того, как первоисточник лозунга стал известен, общественность справедливо возмутилась: неужели в рамках предвыборной кампании уместно цитировать фильм с трагичным концом? Фактически публичное объяснение значения лозунга породило ещё больше насмешек и непонимания целевой аудитории, утвердив его прецедентность.

Таким образом, интенциональная прагматика политического лозунга состоит в намерении консолидировать электорат вокруг политической партии или объединить сторонников политической идеи, концепции. Функционируя в качестве дискурсивного текста, лозунг также интегрирует иллюкутивную и перлокутивную специфику речевого акта. Тем не менее лозунг не представляет собой самостоятельную дискурсивную единицу, так как его структура и дискурсивный функционал не выходят за рамки тех задач, которые реализуют текст, высказывание, речевой акт как традиционные единицы дискурса.

Когнитивно-языковые признаки хештегов в современном испанском политическом дискурсе. Развитие информационных технологий неизбежно обусловило появление новых форм политической жизни, таких как кибердемократия (*ciberdemocracia*), партисипативная демократия (*democracia participativa*), которые реализуются преимущественно в медийной среде, включающей онлайн-формат и ставшей полем функционирования политики в информационном обществе. В статье мы разделяем мнение о том, что пространство интернет-коммуникации закономерно интегрируется как часть общих политических и социальных процессов и не репрезентирует отдельную дискурсивную область или самостоятельное поле [20]. Несмотря на то, что политически ориентированное коммуникационное взаимодействие в Интернете всё значительнее институализируется с точки зрения властных иерархий, оно остаётся продолжением традиционных каналов политической коммуникации и сохраняет с ними преемственность, хотя обладает собственной спецификой, обусловленной характеристиками коммуникации в социальных сетях и новых цифровых медиа.

Феномен политического хештегирования представляет собой сравнительно новое явление, ведущее историю с 2007 г. [23]. Речь идёт об использовании в политической коммуникации хештегов (англ. *hashtag*, где «*hash*» – «решётка» – #, а «*tag*» – «ярлык»), т.е. слов или словосочетаний, опубликованных в Интернете с предваряющим символом #, в качестве

своеобразных дискурсивных маркеров, рубрикаторов, обеспечивающих поиск по ключевым словам в любых типах новых медиа. В политической интернет-коммуникации хештег в роли объединяющего текста-символа выступает своеобразным аналогом традиционных лозунгов, особым образом консолидирующих и идентифицирующих аудиторию: в силу своих когнитивно-языковых и прагматических свойств хештег в политической коммуникации служит эффективным ресурсом для структурирования политической повестки в интересах адресанта и средством воздействия на сознание и поведение адресата.

По своим когнитивно-языковым характеристикам хештег так же, как и лозунг, обладает категориальными признаками традиционных дискурсивных единиц – текста, высказывания и речевого акта [19]. Текстовыми характеристиками хештега как вербальной единицы в первую очередь являются цельность, связность, завершённость, информативность [24]. Тем не менее мы придерживаемся мнения, что хештег есть «новый особый формат текста, образованный по своей собственной «нестандартной» схеме, но обладающий такими же свойствами, как и общепринятый текст» [25]. Онтологически хештег наряду с *текстовыми* интегрирует *метатекстовые* характеристики, репрезентируя ситуацию общения и структурируя дискурс. Семиотически, обладая *интертекстуальностью*, хештег создаёт новые смыслы, реализуя формальную (структурную) или семантическую референцию между дискурсивными сообщениями.

Речевой акт как единица дискурса имеет трёхуровневую структуру и состоит из локутивного акта (произнесение высказывания), иллюкутивного акта (прагматического компонента) и перлокутивного акта (оказывающего воздействие на адресата) [22]. Высказывание в парадигме дискурса является результатом конкретного речевого акта. В терминах М. Фуко высказывание – это реализуемая в письменной или устной форме единица дискурса, которая детерминирована определённым культурным и ситуативным контекстами, «событие, открытое для повторения, преобразования, реакции» [26. С. 75], для которого характерно наличие адресанта, адресата, его совершенность (высказывание произнесено или написано с определённой целью), соотносённость с конкретной ситуацией, уместность в данной речевой ситуации и выполнение определённой коммуникативной задачи. В цифровой дискурсивной среде хештеги обладают функциональными свойствами высказывания и речевого акта, понимаемых как действия, реализующиеся через дискурс, и характеризуются иллюкутивностью, целенаправленностью и, в определённых случаях, перлокутивностью.

Тем не менее дискурсивное своеобразие хештегов, ставших частью информационного пространства политической коммуникации в цифровых медиа, их многоаспектность и полифункциональность, на наш взгляд, дают основания трактовать их в качестве самостоятельных дискурсивных вербальных единиц, целостно передающих оформленное содержание в цифровом поле дискурса и обладающих собственным функционалом. Хештег как единица значимой информации функционально сочетает в себе катего-

риальные характеристики трёх базовых единиц дискурса – текста, высказывания и речевого акта, обладая при этом метатекстовой структурой, семиотической поликодностью, гипертекстуальностью, интерактивностью, интертекстуальностью, и реализует ряд собственных назначений, обусловленных особенностями интернет-коммуникации.

Заложенная в дискурсивном механизме хештега возможность «объединения различных тем, позиций, потоков, объединения сторонников или противников, в рамках большого объёма дискурса в Интернете» [23] значительно расширяет функционал хештегов. Они выполняют целый ряд функций: идентификационную, объединительную, мобилизационную, игровую, эстетическую, экспрессивную и, наконец, функции самопрезентации и продвижения [23, 25, 27, 28]. В цифровой коммуникации хештеги как интерактивный объединяющий текст-символ используются, прежде всего, в качестве политико-идентификационного маркера [23], иными словами, гипертекста, позволяющего инициировать, структурировать и поддерживать дискуссии в политической коммуникации, ориентированной на широкую аудиторию пользователей социальных сетей, разделяющих непохожие взгляды и убеждения. Отметим, что функционально хештеги служат не только рубрикатором диалогической связи дискурсивных сообщений разных адресантов, но и тематически форматируют публикации, не составляющие единого текстового дискурсивного пространства и пересекающиеся только тематически.

Полифункциональность хештегов позволяет адресанту существенно расширить когнитивно-прагматический потенциал этой дискурсивной единицы. Так, хештеги, в первую очередь те из них, которые становятся актуальными темами – *trending topics*, активно используются для фреймирования и рефреймирования когнитивного пространства политического дискурса, задавая направление и формат широким политическим дискуссиям, в которых нередко участвуют несколько политических акторов, интерактивно взаимодействующих с электоратом. Трактую фрейм как определённую когнитивно-дискурсивную референтную рамку, структурирующую и унифицирующую «конструкцию знания» [29. С. 54], которая обобщает «определённый фрагмент человеческого опыта» [30. С. 65], отметим, что в политическом дискурсе процесс фреймирования – создания фреймов – побуждает участников коммуникативной ситуации действовать в заранее устанавливаемых границах [16; 31. С. 93], которые определяются с помощью отбора, категоризации, импликации и конструирования смыслов, детерминируемых коммуникативной ситуацией или событием [4]. Хештег в политической коммуникации функционирует как маркер референтной ситуации, фрейма, который, по Гоффману, позволяет участникам событий не только определённым образом моделировать реальность, но и даёт им возможность так «организовать повседневный опыт», чтобы адекватно интерпретировать референтную ситуацию и соответственно реагировать на неё, способствуя достижению коммуникативного намерения [32]. Коммуникативная ясность, иными словами, совпадение интенции автора и интер-

претации его послания адресатом, является важнейшим показателем эффективности политического дискурса: чем ближе и понятнее риторика партии потенциальному электорату, тем выше её поддержка среди избирателей.

Следует подчеркнуть, что культура политического хештегирования не ограничивается пределами виртуальной интернет-коммуникации [33]. Хештеги, наряду с лозунгами, активно используются в рамках агитационных кампаний на листовках, плакатах, сувенирной продукции, пресс-воллах, бренд-воллах. Это делается для того, чтобы адресат политического сообщения, увидевший хештег на реальном, физическом носителе, смог быстро найти по упомянутому хештегу в Интернете дополнительную информацию по теме. Для политического дискурса это имеет особое значение, так как его эффективность и в реальном коммуникативном пространстве, и в сфере интернет-общения среди других факторов «определяется скоростью поиска необходимой информации и умением её интерпретировать (использовать)» [34].

К специфическим когнитивно-прагматическим характеристикам хештегов в цифровой политической коммуникации относится, в частности, функция гиперссылки. Её реализация происходит за счёт того, что хештег не только выделяет, делает видимой в дискурсивном поле ту или иную информацию, идею или политического актора, но и служит пользователям социальной сети, иными словами, потенциальной электоральной аудитории, удобным средством для поиска информации по определенной теме. В контексте политической коммуникации структурирование информации по хештегам происходит чаще всего:

– по какой-либо конкретной и актуальной тематике: *#Sanidad*¹ – #Здравоохранение, *#Aduanas* – #Таможня;

– по географическому признаку: *#ppmadrid* – #ппмадрид (НП Мадрид), *#psoe_m* – #исрп_м (ИСПИ Мадрид), *#podemosmad* – #подемосмад (Подемос Мадрид), *#podemosBCN* – #подемосБСН (Подемос Барселона);

– в рамках определённой политической кампании – электоральной, имиджевой, протестной или ситуационной: *#28A*, *#10N* – хештеги, использовавшиеся в рамках предвыборных кампаний к всеобщим выборам 28 апреля 2019 г., 10 ноября 2019 г., *#tomalaplaza* – #ЗахватиПлощадь, один из лозунгов протестного движения «Недовольных», *#15M* – ещё один хештег «Недовольных», вышедших на улицы 15 мая 2011 г., *#RefugiadosBienvenidos* – #БеженцыДоброПожаловать, *#FrenarASánchez* – #ОстановитьСанчеса (Сьюдаданос, 2020), *#UnSíParaAvanzar* – #ДаЧтобыИдтиВперед (хештег PSOE в 2020 г., во время голосования по кандидатуре П. Санчеса на пост председателя правительства), *#DefenderCyL* – #ЗащититьКастилиюиЛеон (PSOE, 2020), *#SoyFeministaPorque* – #ЯФеминистПотомучто (PSOE, 2020);

¹ В статье при переводе авторы сохраняют орфографические особенности оригинальных испанских хештегов.

– вокруг какого-либо события или явления, как например, в случае с призывами к противостоянию эпидемии коронавируса: *#FuertesYUnidos* – *#СильныеИОбъединённые* (PSOE, 2020), *#EsteVirusLoParamosUnidos* – *#ЭтотВирусМыОстановимВместе* (PSOE, 2020).

Кроме того, хештег, попадая в кадр телевизионных или интернет-каналов, повышает радиус своего действия и распространения, а также получает возможность проделать обратный путь из офлайна в онлайн. Избиратель, увидев хештег партии на телеэкране, вводит его в поисковую строку социальной сети или браузера и получает целую подборку публикаций по заинтересовавшей его теме.

Отдельно следует подчеркнуть эффективность хештегов как средства социальной мобилизации, что делает их действенным дискурсивным инструментом протестных движений. В испанской политике убедительными примерами могут служить протесты *Indignados* 15 мая 2011 г., прошедшие в 58 городах страны, которые в той или иной форме поддержало около 8,5 миллиона человек [35], а также с каждым разом всё более массовые ежегодные демонстрации по случаю Международного женского дня. Движение *Indignados* вывело на улицы почти 800 тысяч испанских граждан с критикой антикризисных мер, предпринимаемых действующими политиками, используя для распространения информации о палаточных лагерях и собраниях, главным образом, платформу Twitter и в качестве маркера хештеги: *#15M*, *#nolesvotes* – *#неголосуэзаних*, *#nonosvamos* – *#мынеуйдем*, *#yeswecamp* – *#дамыразбиваемлагерь*, *#spanishrevolution* – *#испанскаяреволюция*, *#acampadabcn* – *#палаточныйлагерьбарселона*, *#acampadavalencia* – *#палаточныйлагерьваленсия*, *#acampadatenerife* – *#палаточныйлагерьтенирифе*, *#acampadamalaga* – *#палаточныйлагерьмалага*, *#acampadagranada* – *#палаточныйлагерьгранада*, *#acampadazaragoza* – *#палаточныйлагерьсаргоса*, *#acampadabilbao* – *#палаточныйлагерьбилбао*, *#acampadasantander* – *#палаточныйлагерьсантандер*, *#acampadasalamanca* – *#палаточныйлагерьсаламанка* и т.д.

В случае с ежегодными демонстрациями и забастовками в Международный женский день традиционными для испанского политического дискурса стали хештеги: *#8M*, *#díadelamujer* – *#деньженщины*, *#huelgafeminista8m* – *#забастовкафеминистов8M*, *#nosotrasparamos* – *#мыостановились (женщины)*, *#nadanospara8M* – *#ничтонаснеостановит8M*. Мобилизация граждан для участия в различных мероприятиях гражданского активизма через соцсети путём использования хештегов как политического инструмента стала популярным трендом в Испании: так, на манифестации 8 марта 2018 г. в Испании вышло более 120 тысяч, а в 2019 г. уже 550 тысяч [36]. По мнению А. Гуттьереса-Руби, испанского специалиста в области коммуникации, «*el éxito de las convocatorias de <...> #8M, no se puede explicar sin la capacidad movilizadora de la ciudadanía conectada y el extraordinario protagonismo de los hashtags en el activismo comprometido*» – «успех демонстраций #8M объясняется во многом способностью к мобилизации сетевого сообщества и исключительной ролью, которую играют хештеги в гражданском активизме» [37]. По данным

Trendsmar, хештег #8M за одну неделю, предшествовавшую демонстрациям 8 марта 2018 г., использовался в Twitter 580 000 раз [37].

Благодаря перформативности, которая даёт возможность на дискурсивном уровне подтвердить реальный характер декларируемых действий и призывов и усилить силу речевого воздействия сообщений на адресата, некоторые глагольные хештеги, а именно хештеги-перформативы, в рамках речевого акта способны приравнять слово к действию, например: #YoRepresentoPodemos – #ЯПредставляюПодemos, #LaHistoriaLaHacesTú – #ИсториюДелаешьТы, #YoMeQuedoEnCasa – #ЯОстаюсьДома, #YoMeVacuno – #ЯВакцинируюсь. У адресата в ходе создания, употребления и тиражирования хештегов возникает ощущение самоидентификации, сопричастности и реального действия. Отражая в полной мере императивный характер политического дискурса, хештеги-перформативы, часто структурируемые с помощью форм императива, в испанском политическом дискурсе могут побуждать не только к действию, но и к бездействию, как в случае с теми, которые посвящены необходимости соблюдать самоизоляцию в ходе эпидемии коронавируса: #QuedateEnCasa – #ОстаньсяДома; #YoMeQuedoEnCasa – #ЯОстаюсьДома. Вербализируя действительность, хештеги-перформативы оказывают на неё непосредственное воздействие, реализуясь как перформативный речевой акт, репрезентирующий действие.

Хештеги в испанском политическом дискурсе обладают следующими когнитивно-прагматическими характеристиками, которые отчасти повторяют языковые характеристики лозунгов:

– языковая компрессия, использование упрощённых синтаксических конструкций (#AhoraMasQueNunca (PP, 2016) – #СейчасБольшеЧемНикогда, #UnSíPorElCambio (PSOE, 2016) – #ГолосуйЗаПеремены, #ElGobiernoDelSí (PSOE, 2016) – #ПравительствоДа);

– частотное включение глагольных форм (первого лица единственного и множественного числа, второго лица, императивные формы и др.) (#SumamosParaGanar (Unidos Podemos, 2016) – #ПрисоединяемсяЧтобыВыиграть);

– призывность, ритмичность (#VotaPSOE (PSOE, 2015) – #ГолосуйИ-СРП); #VotaPP (PP, 2015) – #ГолосуйНП);

– адресность, инклюзивность, эмоциональность, эмпатийность (#ElCongresoEnTuPlaza (Unidos Podemos, 2016) – #КонгрессНаТвоейПлощади; #ContigoSumamos (PP, 2019) – #СТобойнабольше, #UnpaísconNosotras (Unidos Podemos, 2015) – #СтранасНами);

– широкое обращение к высоким гражданским концептам (#NuestraPatriaEsLaGente (Unidos Podemos, 2016) – #НашаРодинаЭтоЛюди, #DerechosMujeres (Unidos Podemos, 2016) – #ПраваЖенщины);

– актуализация механизма «игры слов», оригинальность языковой формы (#Peblo – #Певел (контаминация имён лидеров коалиционного правительства Педро Санчеса – *Pedro Sánchez* – и Пабло Иглесиаса – *Pablo Iglesias*), #PSOEGram (PSOE, 2018) – #ИСПГрам (контаминация названия

партии **ИСПП** и лексемы **Инстаграм**: публикации, сопровождавшиеся данным хештегом в партийном аккаунте Instagram, намекали на широкое освещение повседневной деятельности ИСПП в этой социальной сети), *#PPopulares* (PP, 2015) – *#НПНародники* (игра концептов испанского прилагательного *popular*, означающего одновременно ‘народный’ и ‘популярный’);

– деидеологизированность (*#PorTodoLoQueNosUne* (PP, 2019) – *#ЗаВсеЧтоНасОбъединяет*).

Несмотря на то, что хештеги, пусть и в более экономной языковой форме, используя механизм языковой компрессии, нередко дублируют лозунги партий, дискурсивный функционал хештега в политической коммуникации имеет ряд существенных отличий от назначения лозунгов. Если основной целью лозунга остаётся консолидационная – объединить вокруг политического движения как можно большее количество избирателей через механизм самоидентификации с определённой актором идеей или ценностями, то хештеги, сохраняя мобилизационный потенциал, призваны выполнять в пространстве интернет-дискурса ряд дополнительных функций, среди которых важнейшими являются способность служить гиперссылкой, рубрикаторм, структурирующим информационный поток, инструментом фреймирования и рефреймирования не только повестки дня, но и политических дискуссий, средством манипулятивного воздействия, а также способом «обратной связи», т.е. интерактивного взаимодействия адресанта и адресата в политической интернет-коммуникации.

Принципиальным контекстуально-прагматическим отличием употребления лозунгов и хештегов является то, что первые используются чаще всего в ходе агитационных и электоральных мероприятий, а также протестных выступлений, задавая своеобразную программно-идеологическую рамку выборной или протестной кампании, в то время как хештеги в качестве дискурсивной единицы становятся неотъемлемой частью не только конкретной пиар-кампании партии или частного сюжета избирательной гонки, но и практически любой социальной ситуации или события политической действительности, релевантных для актора, включающего их в свой дискурс. В силу интерактивности хештеги позволяют дискурсивным коммуникантам осуществлять взаимосвязанные речевые действия. С помощью хештегов как инструмента политического нейминга в цифровое поле дискурса, наряду с политическими лозунгами также интегрируются:

– имена политических акторов, например партий, платформ, движений (*#PSOE* – *#ИСПП*, *#TeruelExiste* – *#ТеруэльСуществует*; *#MásPaís* – *#БольшеСтраны*);

– концепты и метафоры, в том числе неологизмы, ставшие словами-победителями года (*#Posverdad* – *#Постправда*, *#NuevaNormalidad* – *#НоваяНормальность*, *#EscudoSocial* – *#СоциальныйЩит*, *#GobiernoBasura* – *#МусорноеПравительство*, *#Abstenciorracia* – *#ВоздержаниеОтГолосования*, *#Aporofobia* – *#Апорофобия* (боязнь бедности и бедных);

– имена-прототипы событий и ситуации (#8M – #8М (манифестации 8 марта), #10N – #10Н (10 ноября 2019 г., дата парламентских выборов в Испании), #COVID-19 – #КОВИД-19);

– номинации-перформативы (#EsteVirusLoParamosUnidos – #ЭтотВирусМыОстановимВместе, #TodosContraLaCorrupción – #ВсеПротивКоррупции);

– номинации-императивы (#DiLaVerdad – #СкажиПравду, #SonríeEspaña – #УлыбнисьИспания).

Таким образом, несмотря на то, что на основании анализа когнитивно-прагматических признаков лозунгов и хештегов можно констатировать определённую схожесть этих явлений с точки зрения языковой формы, мобилизационного потенциала, дискурсивной задачи фреймирования политических кампаний и манипулятивных возможностей, ни структурно, ни функционально они не могут отождествляться. Хештеги, в том числе хештегированные лозунги, обладающие метадискурсивностью, гипертекстуальностью, интертекстуальностью и интерактивностью, различаются по своему дискурсивному потенциалу: хештегирование лозунга, попадающего в цифровую дискурсивную среду, существенно трансформирует его дискурсивный и прагматический функционал.

Результаты исследования. На основании проведённого исследования можно утверждать, что к когнитивно-языковым признакам лозунгов в испанском политическом дискурсе относятся такие, как упрощённый синтаксис, частота использования глагольных конструкций, ритмичность, эмпатийность, нейтральная или исключительно позитивная метафорика, идеологизированность, актуализация высоких гражданских концептов, подчинённые дискурсивной задаче консолидировать гражданскую аудиторию вокруг определённой идеи, вызвать необходимую адресанту социальную реакцию. Испанские политические хештеги и хештегированные лозунги в дискурсивном интернет-пространстве обладают метатекстовой структурой, собственным, более широким функционалом и дополнительно выполняют функции гипертекста, фреймирующего когнитивное поле политических дискуссий и позволяющего осуществлять навигацию в интернет-пространстве, интертекста, структурирующего процессы текстопо-строения в сетевом дискурсе, рубрикатора, упрощающего поиск информации. Хештеги служат средством сегментации и мобилизации аудитории, идентификации адресатов сообщения, функционируя в качестве самостоятельной единицы дискурса, иными словами, единицы значимой информации, единицы мысли (idea units) или кванта речи (brief spurts of speech), по У. Чейфу [38. Р. 55], призванных целостно выражать оформленное содержание в цифровом поле дискурса.

Выделение хештега наряду с традиционным текстом, высказыванием и речевым актом в качестве самостоятельной дискурсивной единицы в цифровом пространстве коммуникации, а также анализ лингвокогнитивных и прагматических характеристик лозунгов и хештегов углубляют теоретические представления о дискурсе с точки зрения развития современ-

ных цифровых коммуникаций и расширения коммуникативного пространства дискурса и могут служить основой для проведения дискурсивных исследований на материале политической риторики других стран.

Заключение. Таким образом, проведённый комплексный анализ когнитивно-прагматического потенциала лозунгов и хештегов в пространстве политического дискурса демонстрирует их многоаспектность и полифункциональность в качестве эффективных инструментов формирования и структурирования повестки дня, политических дискуссий и социальных тенденций в обществе путём фреймирования дискурсивного поля, сегментации и мобилизации электоральной аудитории. На новом языковом материале интернет-коммуникации установлено, что активное использование хештегов как самостоятельной дискурсивной единицы в актуальной испанской политической коммуникации, а также функционирование политических лозунгов в традиционном поле политической риторики подчинены реализации основной интенциональной задачи политики – завоевать, осуществлять и удерживать власть в обществе.

Список источников

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
3. López-García G. Comunicación política y discursos sobre el poder. // El profesional de la información. 2017. Vol. 26, № 4. P. 573–578.
4. Larionova M.V., Demkina A.V. Lógica y pragmática del marco 'feminismo' en discurso de Unidos Podemos // Andamios. Ciudad de México. Enero-abril 2020. Vol. 17, № 42. P. 407–421.
5. Larionova M.V., Demkina A.V. Nuevas desigualdades socioespaciales a través del discurso de Podemos // Andamios. Ciudad de Mexico. Enero-abril 2020. Vol. 16, № 39. P. 305–328.
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С. 32–43. URL: <http://www.infolex.ru> (дата обращения: 22.04.2020).
7. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
8. Ларионова М.В., Сливчикова Ю.В. Современная Испания: новая политическая реальность – новый политический дискурс // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 53–66.
9. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. М.: Флинта, 2006. 254 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 27.02.2020).
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
11. Шейгал Е.И. Жанровое пространство политического дискурса. 2010. URL: http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Sheigal%20RED_VM.doc (дата обращения: 22.02.2020).
12. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 238–266.
13. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

14. *Dijk T.A. van.* What is Political Discourse Analysis. Amsterdam, 1998. URL: <http://www.discourse-in-society.org> (дата обращения: 26.04.2020).
15. *Howarth D., Norval A., Stavrakis Y.* Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies and Social Change. USA : Manchester University Press, 2000. 243 p.
16. *Lakoff G.* No pienses en un elefante. Lenguaje y debate político. Madrid : Foro Complutense, 2007. 153 p.
17. *Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemonía y estrategia socialista. Hacia una radicalización de la democracia. Buenos Aires : Fondo de Cultura Económica, 2004. 328 p.
18. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.
19. *Красина Е.А.* Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20, № 4 (20). С. 91–102.
20. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
21. "Haz que pase", el lema de la campaña del PSOE que Celaá asocia al Titanic // El Español. 02.04.2019. URL: https://www.elespanol.com/espana/20190402/haz-pase-campana-psoe-celaa-asocia-titanic/387961543_0.html (дата обращения: 03.04.2020).
22. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22–31.
23. *Новикова С.А.* Российские хештеги микроблога «Твиттер» как политико-идентификационный маркер // Социум и власть. 2014. № 5 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-heshtegi-mikrobloga-twitter-kak-politiko-identifikatsionnyu-marker> (дата обращения: 03.04.2020).
24. *Adamska K.* Hashtag as a message? The role and functions of hashtags on Twitter // Media Studies. 2015. № 62 (3). P. 61–71.
25. *Наволока Ю.С.* Хештег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). С. 568–573. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.30>
26. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой, вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб. : Гуманитарная академия: Университетская книга, 2004. 416 с.
27. *Атягина А.П.* Твиттер как новая дискурсивная практика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 24 с.
28. *Шурина Ю.В.* Коммуникативно-игровой потенциал хештегов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 100–104. URL: <https://www.chsu.ru/upload/iblock/bc6/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202015%20-%208.pdf> (дата обращения: 03.04.2020).
29. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
30. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М. : URSS, 2000. 352 с.
31. *Яноу Д., ван Хульст М.* Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 87–110.
32. *Goffman E.* Frame analysis: an essay on the organization of experience. New York : Harper and Row, 1974. 586 p.
33. *Solis B.* The Hashtag Economy. URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (дата обращения: 02.04.2020).
34. *Пожидаева Е.В., Карамалак О.А.* Хештеги в социальных сетях: интенции и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «food» (Пища / еда)) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 106–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/heshtegi-v-sotsialnyh-setyah-intentsii-i-affordansy-na-primere-gruppy-soobscheniy-na-angliyskom-yazyke-po-teme-food-pischa-eda> (дата обращения: 03.04.2020).

35. *Hasta 8,5 millones de españoles apoyan el Movimiento 15-M* // El País. 03.08.2011. URL: https://elpais.com/politica/2011/08/03/actualidad/1312388649_737_959.html (дата обращения: 03.02.2021).

36. *Feminismo: El 8-M sigue creciendo: más de 550.000 manifestantes entre Madrid y Barcelona* // El Confidencial. 08.03.2019. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2019-03-08/feminismo-movilizaciones-dobla-cifras-record-historico-28-a_1871382/ (дата обращения: 03.02.2021).

37. *Gutiérrez-Rubi A. La fuerza política de un #hashtag* // El País. 10.03.2018. URL: https://elpais.com/politica/2018/03/09/micropolitica/1520609803_940224.html (дата обращения: 09.04.2020).

38. *Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. 340 p.

References

1. Baranov, A.N. & Kazakevich, E.G. (1991) *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow: Znanie.

2. Dijk, T.A. van. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English by V.I. Gerasimov. Moscow: Progress.

3. López-García, G. (2017) Comunicación política y discursos sobre el poder. *El profesional de la información*. 26 (4). pp. 573–578.

4. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2020) Lógica y pragmática del marco feminista en discurso de Unidos Podemos. *Andamios. Ciudad de México*. 17 (42). pp. 407–421.

5. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2020) Nuevas desigualdades socioespaciales a través del discurso de Podemos. *Andamios. Ciudad de México*. 16 (39). pp. 305–328.

6. Dem'yanov, V.Z. (2002) Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. In: Gerasimov, V.I. & Il'in, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political science. Political Discourse: History and Modern Studies]. No. 3. Moscow: INIONRAN. pp. 32–43. [Online] Available from: <http://www.infolex.ru> (Accessed: 22.04.2020).

7. Mikhaleva, O.L. (2009) *Politicheskij diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: The specifics of manipulative influence]. Moscow: LIBROKOM.

8. Larionova, M.V. & Slivchikova, Yu.V. (2019) Modern Spain: new political reality – new political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 53–66. (In Russian).

9. Chudinov, A.P. (2006) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (Accessed: 27.02.2020).

10. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.

11. Sheygal, E.I. (2010) *Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa* [Genre space of political discourse]. [Online] Available from: <http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Shegal%20REDVM.doc> (Accessed: 22.02.2020).

12. Castells, M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*. 1. pp. 238–266.

13. Dijk, Teun van A. (2013) *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E. Pereverzev & E. Kozhemyakin. Moscow: LIBROKOM.

14. Dijk, Teun van A. (1998) *What is Political Discourse Analysis*. Amsterdam. [Online] Available from: <http://www.discourse-in-society.org> (Accessed: 26.04.2020).

15. Howarth, D., Norval, A. & Stavrakis, Y. (2000) *Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies and Social Change*. USA: Manchester University Press.

16. Lakoff, G. (2007) *No pienses en un elefante. Lenguaje y debate político*. Madrid: Foro Complutense.

17. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (2004) *Hegemonía y estrategia socialista. Hacia una radicalización de la democracia*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica.

18. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine 20 veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)]. In: Stepanov, Yu. S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RAN. pp. 144–238.

19. Krasina, E.A. (2016) Discourse, statement and speech act. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 20. 4 (20). pp. 91–102. (In Russian).

20. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka.

21. El Español (2019) “*Haz que pase*”, el lema de la campaña del PSOE que Celaá asocia al Titanic [Online] Available from: https://www.elespanol.com/espana/20190402/haz-pase-campana-psoe-celaa-asocia-titanic/387961543_0.html (Accessed: 03.04.2020).

22. Austin, J. (1986) Slovo kak deystvie [Word as action]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 22–31.

23. Novikova, S.A. (2014) Russian hash-tags of the micro-blog “Twitter” as a political and an identification marker. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 5 (49). (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-heshtegi-mikrobloga-twitter-kak-politiko-identifikatsionnyy-marker> (Accessed: 03.04.2020).

24. Adamska, K. (2015) Hashtag as a message? The role and functions of hashtags on Twitter. *Media Studies*. 62 (3). pp. 61–71.

25. Navoloka, Yu.S. (2018) Kheshteg-tekst kak novyy format teksta v internet-prostranstve (na primere sotsial'noy seti) [Hashtag text as a new text format in the Internet space (on the example of a social network)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (90). pp. 568–573. [Online] Available from: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.30>

26. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova & A.Yu. Serebryannikova. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.

27. Atyagina, A.P. (2014) *Twitter kak novaya diskursivnaya praktika* [Twitter as a new discursive practice]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

28. Shchurina, Yu.V. (2015) Kommunikativno-igrovoy potencial kheshtegov [The communicative and gaming potential of hashtags]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 8 (69). pp. 100–104. [Online] Available from: <https://www.chsu.ru/upload/iblock/bc6/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202015%20-%208.pdf> (Accessed: 03.04.2020).

29. Fillmore, Ch. (1988) Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics] Vol. 23. Moscow: Progress. pp. 52–92.

30. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: URSS.

31. Yanou, D. & van Hulst, M. (2011) Freymy politicheskogo: ot freym-analiza k analizu freymirovaniya [Frames of the political: from frame analysis to frame analysis]. Translated from English by K. Tkacheva. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 10 (1–2). pp. 87–110.

32. Goffman, E. (1974) *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. New York: Harper and Row.

33. Solis, B. (2011) *The Hashtag Economy*. [Online] Available from: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (Accessed: 02.04.2020).

34. Pozhidaeva, E.V. & Karamalak, O.A. (2018) Hashtags in social networks: intentions and affordances (Exemplified in the English language of a group of message groups on the topic “food”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 55. pp. 106–118. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/8

35. *El País*. (2011) Hasta 8,5 millones de españoles apoyan el Movimiento 15-M. 3 August. [Online] Available from: https://elpais.com/politica/2011/08/03/actualidad/1312388649_737959.html (Accessed: 03.02.2021).

36. *El Confidencial*. (2019) Feminismo: El 8-M sigue creciendo: más de 550.000 manifestantes entre Madrid y Barcelona. 8 March. [Online] Available from: https://www.elconfidencial.com/espana/2019-03-08/feminismo-movilizaciones-dobla-cifras-record-historico-28-a_1871382/ (Accessed: 03.02.2021).

37. Gutiérrez-Rubí, A. (2018) La fuerza política de un #hashtag. *El País*. 10 March. [Online] Available from: https://elpais.com/politica/2018/03/09/micropolitica/1520609803_940224.html (Accessed: 09.04.2020).

38. Chafe, W. (1994) *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago; London: University of Chicago Press.

Информация об авторах:

Ларионова М.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (Москва, Россия). E-mail: larionova.m@list.ru

Демкина А.В. – канд. филол. наук, атташе Посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике, МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.v.dyomkina@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Larionova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Moscow, Russian Federation). E-mail: larionova.m@list.ru

A.V. Demkina, Cand. Sci. (Philology), attache of the Embassy of the Russian Federation in the Argentine Republic, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.v.dyomkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.04.2020;
одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 27.04.2020;
approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 81-16
doi: 10.17223/19986645/76/3

Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта

Андрей Сергеевич Дружинин¹, Татьяна Анатольевна Фомина²

^{1,2} *Московский государственный университет международных отношений*

МИД России, Москва, Россия

¹ *Andrey.druzhinin.89@mail.ru*

² *wesna85@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантических единиц (не)вежливого общения, определяемых как эвфемизмы и дисфемизмы. Выдвигается гипотеза о том, что эвфемизмы и дисфемизмы являются способом языкового конструирования коммуникантами своего опыта в нестабильной динамике взаимодействий, определяющих постоянно меняющееся отношение к объекту внимания, которое невозможно определить заранее в виде словарной дефиниции.

Ключевые слова: икс-фемизмы, табу, экспериенциальная область, коммуникативное взаимодействие, контекстуальная амбивалентность

Для цитирования: Дружинин А.С., Фомина Т.А. Эвфемизмы и дисфемизмы в конструировании опыта // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 47–75. doi: 10.17223/19986645/76/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/3

Euphemisms and dysphemisms in experience construction

Andrey S. Druzhinin¹, Tatiana A. Fomina²

^{1,2} *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*

¹ *Andrey.druzhinin.89@mail.ru*

² *wesna85@bk.ru*

Abstract. The article deals with one of the most topical issues of modern linguistics consisting in identifying semantic units of (im)polite or (un)cultured behavior in terms of euphemism and dysphemism (X-phemism). The authors aim to approach the language analysis of X-phemism from the psychological and empirical point of view focusing on the experiential dynamics of communication rather than logical statics of text. A critique of the way euphemisms and dysphemisms are defined and theorized about in language studies reveals a number of paradoxes incompatible with a truly scientific and conceptually coherent knowledge of the world and its phenomena. It is hypothesized that euphemism and dysphemism are ways of language construction of experience in the unstable dynamics of communicative

interactions. These context-dependent interactions effect changes in the stance-taking process and affect the communicator's construal of words as positive or negative, which is always experientially relative. It follows that one person's euphemism may be another person's dysphemism. The hypothesis is proved and explained on the basis of theoretical and methodological tenets of constructivism, relativism and enactivism. Empirical data of research are made up of the filmed and tape-scripted communicative interactions borrowed from the American TV-series *Desperate Housewives* where the preceding and proceeding lived experience of communicators becomes available for observation and interpretation. The methodological procedure of the investigation is based on the textological analysis of the scripts representing the actors' interactions 'on paper' and empirical observation of the actors' respective communicative behaviors as shown in the motion picture on the screen. A conclusion is made that X-phemism is a dynamic semantic unit characterized by affective valence and blurred lines between its positive and negative value. Linguists' classifications of lexical units into those with positive or negative connotations must take into account the situational and experiential variables, i.e. dynamic contextual factors of meaning construction and the lived experience of those who engage in this participatory sense-making. Negative and positive meanings of words are not objective and ontological characteristics that can be deduced from words themselves and predicted before the communicative interaction. Instead, it is when, where and who utters these words that makes them sound good or bad. For example, insulting words may facilitate male bonding and appear evaluatively positive in the men's construction of experience of each other during an interaction.

Keywords: X-phemisms, taboo, experiential domain, communicative interaction, contextual ambivalence

For citation: Druzhinin, A.S. & Fomina, T.A. (2022) Euphemisms and dysphemisms in experience construction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 47–75. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/3

1. Эвфемизмы и дисфемизмы: история вопроса

Термин «euphemism» имеет корни греческого и протоиндоевропейского происхождения. Префикс *eu-* означает 'хорошо, благозвучно', а корень *pheme* – 'речь, высказывание, звучание' (восходит к *phanai* от корня **bha-* 'говорить, сказать') [1]. Любопытно, что корень **bha-* можно проследить в таких словах современного английского языка, как *ban*, *banish*, *banal*, *bandit*, связанных со смыслами запрета, провозглашения или проклятия (напр., *ban* исторически означал 'проклинать') [2]. Именно поэтому значение морфемы *pheme* в большей степени ассоциируется не просто с актом говорения как таковым, а с религиозным, церковным контекстом (ср. *blaspheme* 'богохульствовать').

В греческом языке термин *euphemismos* был засвидетельствован в середине XVII в. в значении «употребление более благозвучного слова взамен зловещего наименования». Эвфемизация определяется как ритуальная практика религиозных церемоний, лежащая в основе суеверия избегать плохие приметы, которые несут с собой слова и их значения.

Несмотря на то, что термин вошел в обиход только в XVII в., сама практика эвфемизации была знакома еще жителям Древней Греции. Византийский богослов и патриарх Константинопольский Фотий I в своем сочинении «Библиотека» цитирует историка Гелладиуса, писавшего в IV в., что «все древние люди, по большей части афиняне, были достаточно осторожны, чтобы не использовать слова, несущие зловещие знаки, поэтому называли тюрьму 'комнатой' (*chamber*), палача – 'слугой народа' (*public man*), а фурий и эриний (богини ненависти и мести) – эвминидами (Милостивыми)» [3. Р. 365].

Такое понимание языковой семантики, названное Р. Харрисом «квазимистическим» и номенклатурным [4. Р. 8], основывается на признании языка божественным даром, данностью, которыми человек распоряжается под присмотром бога. Происхождение языка описывается в Книге Бытия следующим образом (2: 19): «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым». Тем самым библейская интерпретация языка, согласно которой изначально в Эдеме вещи были названы правильными именами (по воле Божьей), отражающими их истинную сущность, оказала сильное влияние на развитие многих лингвистических процессов, к числу которых относится эвфемизация. Использование имен, «не разрешенных» Богом, считалось недопустимым; необходимо было использовать только те имена, которые «разрешены» Богом, что бы под этими именами ни подразумевалось.

Религиозный подтекст замены «плохих» и «дурных» наименований более наглядно прослеживается в практике табуирования. Термин «табу» был заимствован из языка народов Полинезии и означал «священно запретный» или «категорический запрет на религиозной основе» [5. С. 190]. Табуированная лексика, в некоторых исследованиях рассматриваемая на одном уровне с бранной лексикой (*swear-taboo*, или *S-T words*), охватывает «слова и понятия, которые нельзя озвучивать». Табуированность тесно связана с ритуализацией языка и восходит к религиозно-обрядовым запретам на совершение какого-либо действия под угрозой сверхъестественного наказания: считалось, что произнесенные слова либо отождествляются с запретными действиями, либо влекут их за собой. Именно поэтому большинство языковых табу представляют собой грубые или потенциально грубые, социально-порицаемые инвективы, а также языковые формы, значение которых связано с экскреторной функцией и с идеей продолжения рода [6. С. 25]. Ж. Варбот подытоживает, что в наши дни табу употребляется в двух значениях: 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определенные действия во избежание вредных проявлений сверхъестественных сил; 2) запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами [7. С. 345].

Вопрос религиозных и морально-нравственных коммуникативных запретов наиболее остро стал звучать в эпоху Просвещения, когда расцвет рационализма привел к переосмыслению многих считавшихся незыблемыми социальных норм и порядков. Идеи свободомыслия, свободы слова и независимости религии от морали активно пропагандировались в философских трудах многих ученых того времени. Однако ирландский философ и богослов Дж. Беркли выступал против таких идей и посвятил этой теме один из своих платоновских диалогов в книге «Алкифрон. Мелкий философ», ставшей апологетом христианской религии. Во втором диалоге Беркли в лице персонажа по имени Евфрон ведет дискуссии со свободо-мыслящим философом Люсиклом, олицетворяющим английского писателя и экономиста Б. Мандевиля. Люсикль приводит доводы в пользу того, что самые вредоносные и порицаемые обществом пороки имеют благие экономические последствия для самого же общества. Например, пьянство одних позволяет другим (пивоварам, винокурам, перегонщикам спирта и т.д.) иметь постоянную работу и получать доходы. Люсикль выступает против теологов и моралистов, осуждавших против всякого здравого смысла такие человеческие пороки и запрещавших их на религиозной основе. Однако, по словам Люсикля, некоторые «находчивые» и «ловкие» философы «изобрели особую изысканную манеру выражаться, весьма ослабевшую предубеждение и отвращение к пороку». Такие философы приняли в расчет, что «люди обращают внимание не на вещи, а на слова». Далее он уточняет: «Например, человек порочный – это на нашем языке “любитель удовольствий”, шулер – “тот кто ведет крупную игру”; о леди мы скажем, что “у нее роман”, джентльмена назовем “галантным кавалером”, а жулика – “человеком, знающим жизнь”. Таким образом, среди особ, принадлежащих к beau monde, не бывает ни горьких пьяниц, ни мошенников, ни развратников, ни блудниц – светский человек может преспокойно наслаждаться своими пороками, не рискуя навлечь на себя неудобные названия» [8. С. 43–44].

Со времен эпохи Просвещения в теории языка стала активно развиваться концепция суррогационизма [9. Р. 113–114], согласно которой языковой знак замещает некое содержание и служит условной формой его выражения. Эта условность подобна игровому принципу и носит характер договоренности между участниками коммуникации и проявляет себя только в акте употребления языкового знака [10]. Согласно этой концепции эвфемизмы стали пониматься как замены, субституты неких antecedentов для решения различных коммуникативных целей, в частности соблюдения принятых в обществе правил и норм речевого поведения.

В конце XVIII в. под эвфемизмом было принято понимать риторический прием, который заключается в использовании «менее неприятного слова или выражения, чем то, что подразумевается» [1]. В современном понимании эвфемизм – это более вежливое слово или выражение, выбранное взамен прямолинейного или оскорбительного, чтобы не обидеть и не задеть чьи-то чувства [11].

Необходимо отметить, что в современном мире эвфемизация приобретает политический контекст в связи с развивающимися интеграционными процессами и нарастающей актуальностью кросскультурной коммуникации. В эпоху глобальной ассимиляции, когда представители различных национальных, этнических, религиозных групп и сообществ вынуждены находить общий язык для гармоничного сосуществования друг с другом, фактор толерантности и уважения к чувствам и убеждениям другого играет огромную роль. Гарантировать подобные идеалы межкультурной и межличностной коммуникации была призвана политкорректность. Согласно С.Г. Тер-Минасовой политическая корректность языка выражается в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые... ущемляют его [индивидуума] человеческие права... языковой бестактностью и/или прямолинейностью...» [12. С. 216].

Первое упоминание слова «дисфемизм» (*dys-* «bad, abnormal, difficult») в качестве термина регистрируется 1927 г. Альбертом Карнуа, который определил его как «насмешливое, грубое издевательство, являющееся также реакцией на педантство, претенциозность и схолицизм в языке» [13. Р. 146]. В современных словарях английского языка фиксируется значение дисфемизма как «неприятное, оскорбительное или уничижительное слово или выражение взамен менее грубого или менее оскорбительного; противоположен эвфемизму» [1, 2]. Таким образом, в современной лингвистической науке принято считать, что эвфемизм и дисфемизм являются «противоположными полюсами на оси оценочного варьирования денотата» [14. С. 178; 15. С. 96].

Появление в научном обиходе термина «дисфемизм» вызвало необходимость проводить различие между эвфемизмами, дисфемизмами и нейтральными выражениями, потому что из определения дисфемизма следует, что заменяемое им выражение обязательно имеет смягчающий смысл только по сравнению с этим дисфемизмом. Чтобы решить такую терминологическую проблему, К. Аллан и К. Барридж ввели термин «ортофемизм», корни которого восходят к греческому «орто», т.е. «надлежащий, прямой, нормальный», как наименование нейтрального способа вербализации неприятного, отрицательного признака денотата [15. Р. 29–34]. Тем самым они определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения; икс-фемия же выделяется ими как термин–гипероним, обобщающий все эти три явления и характеризующий их в диалектике номинативного варьирования. В данном исследовании будет использоваться термин «икс-фемизм», означающий эвфемизм и/или дисфемизм.

2. Противоречия и ограничения существующих теорий

Исторический обзор и этимологический анализ свидетельствуют о том, что за много лет объяснительная модель эвфемизации и дисфемизации,

дополняемая научными описаниями их прагматических и семантических функций, существенным образом не изменились. Как и следует из самой этимологии терминов, это то, что лучше или хуже звучит вместо чего-то другого, по разным причинам не называемого. Однако такую объяснительную модель икс-фемизмов как явлений языка нельзя считать удовлетворительной в научном отношении, поскольку она обнаруживает в себе ряд логических противоречий.

1. С терминологической точки зрения существующие определения эвфемизации и дисфемизации вступают в противоречие с тем пониманием процесса номинации, из которого эти определения исходят.

Идея о существовании неких antecedентов «под оболочкой» субститутов (эвфемизмов и дисфемизмов) восходит к теории номинации, согласно которой языковой знак представляет собой суррогат, замещающий концептуальное или семантическое содержание. Суррогационизм стал популярен в учениях Ф. де Соссюра и Л. Витгенштейна, определившими природу такого процесса замещения как условность, проявляющую себя в самом акте употребления знака.

Таким образом, утверждается, что эвфемизмы и дисфемизмы замещают другие наименования, однако эти самые наименования тоже замещают некое концептуальное содержание. В результате получается двойное замещение, о котором не говорили ни Соссюр, ни Витгенштейн, или, по крайней мере, остается неясным, что конкретно замещают эвфемизмы и дисфемизмы – свое собственное концептуальное содержание (которое, судя по определениям, у них отсутствует) или содержание другого языкового знака (а в таком случае второй знак останется без содержания?).

Стоит отметить, что логика, взятая за основу определения терминов «эвфемизм» и «дисфемизм», циркулярна. Исходя из предположения, что эвфемизм – это менее оскорбительное слово взамен более оскорбительного, а дисфемизм – это более оскорбительное слово взамен менее оскорбительного, можно сделать вывод, что эвфемизм заменяет дисфемизм, который заменяет эвфемизм. Выход из этого логического тупика, предложенный К. Аллан и К. Барридж в виде термина «ортофемизм», не решает проблемы. Во-первых, не каждое концептуальное содержание возможно рассмотреть в том триединстве способов номинации, о котором говорят исследователи. Например, многие ругательные и бранные слова вряд ли могут иметь нейтральные и эвфемистические номинативные эквиваленты одновременно. Во-вторых, предположив, что ортофемизм – это неоскорбительное слово, но «более прямолинейное, буквальное и формальное, чем эвфемизм» [15. Р. 34], то все равно можно попасть в ту же самую логическую ловушку замкнутого круга: эвфемизм заменяет ортофемизм, который заменяет эвфемизм.

Еще более парадоксальным кажутся определения икс-фемизмов по отношению к тому, как процесс коммуникации понимается на уровне здравого смысла. Трудно отрицать тот факт, что общение (даже в письменной форме) – это прежде всего *выбор* слов. Между тем икс-фемизмы опреде-

ляются как замены неких других наименований. Возникает логическое противоречие, поскольку в отдельно взятый момент мы не можем выбирать и заменять слово одновременно: замена есть операция над уже сделанным выбором.

2. В стилистике и риторике название плохих вещей хорошими и наоборот определяется как ирония (противоречие «явного» смысла «истинному»). Ирония же всегда связана с эффектом высмеивания, что, по сути, создает негативные оценочные коннотации. В результате эвфемизм как способ замены неприятного наименования более приятным логично определить как иронию, создающую дисфемистический эффект. Один из таких примеров – эвфемизм *handi-capable*, описывающий людей с «неограниченными возможностями» [16].

3. Согласно прагматическому подходу, эвфемизмы могут служить коммуникантам средствами самооправдания, дезинформирования, манипулирования, «зартушевывания истинных значений» [14, 17]. Однако такая интерпретация функций эвфемизмов включает в себе негативную оценку со стороны интерпретанта, что ставит под сомнение логичность изначального определения эвфемизации. Если известный эффект эвфемизма настолько негативный и при этом сам говорящий это осознает, совершая эвфемистические замены ради обмана кого-либо, каким образом такая замена может трактоваться как «более вежливая, приемлемая, приятная, менее обидная и оскорбительная»?

4. С этической и религиозной точек зрения функция эвфемизмов также противоречива. С одной стороны, они замещают «порочные» наименования, но с другой стороны, о чем писал Дж. Беркли, служат оправданием самих пороков.

Данные логические противоречия, с которыми сталкиваются лингвистическая наука и смежные с ней дисциплины в попытке выстроить последовательную теорию икс-фемизмов, объясняются нарушением одного из законов логики, а именно принципа достаточного основания (закона логики, согласно которому каждое научное понятие или суждение может считаться достоверным, если были приведены достаточные основания, доказывающие его истинность). В частности, определение и описание эвфемизмов и дисфемизмов построено на таких характеристиках слов, как оскорбительность, чувство обиды и даже «(не)приятность». Однако не приводится никаких оснований или уточнений, помогающих понять, что может быть оскорбительным для одного человека и приятным для другого.

Не будет преувеличением сказать, что обида, вызванная тем или иным словом, – это сугубо психологический феномен, который невозможно определить линейно и в абсолютном измерении. Это всегда индивидуальные переживания каждого конкретного человека, зависящие от множества психологических факторов. Даже близкое знакомство или родство с человеком зачастую не помогает нам предугадать, как он воспримет наш тот или иной выбор слова, более того, зачастую мы даже можем не знать и постфактум о том, как обидели наши слова кого-то другого просто потому,

что кто-то другой умело скрыл свои чувства от нас. Включая в свой научный аппарат понятия из области психологии, лингвисты не углубляются в саму теорию психологии, объясняющей эти понятия.

Предполагается, что данную проблему можно решить, обратившись к междисциплинарному подходу к изучению коммуникационных явлений, интегрирующему знания из различных предметных областей, включая психологию и эпистемологию (в частности, философию науки).

3. Икс-фемизмы и относительность конструируемого опыта

В этом исследовании мы выдвинем гипотезу о том, что эвфемизмы и дисфемизмы невозможно определить заранее, в виде словарно-списочной номенклатуры, и они не служат «пользователю языка» средством замены или уклонения от чего-то иного, неназываемого. На наш взгляд, икс-фемизмы являются **способом конструирования опыта в нестабильной динамике коммуникативных взаимодействий, определяющих постоянно меняющееся отношение коммуниканта к объекту внимания**. Приведем теоретико-методологические основания для выдвинутой гипотезы и впоследствии докажем ее путем анализа эмпирического материала.

Идея о том, что между языком, опытом и миром человека существуют циркулярные, взаимно-каузальные связи, не позволяющие отделить одно от другого, восходит к учениям В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, неоднократно звучит в работах Э. Сепира и Б. Уорфа и находит свое развитие в современной философии конструктивизма и знактивизма (Х. фон Ферстер, Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, Г. Бейтсон, Дж. Келли, У. Матурана, Ф. Варела, Ж. Пиаже). В своих экспериментальных исследованиях Ж. Пиаже доказал, что развитие семиотических функций требует перестройки всего сенсомоторного интеллекта (опыта), которым человек оперировал раньше. Эта перестройка означает качественно новый уровень познавательной активности человека – вертикальный декалаж [18. Р. 148; 19. Р. 234], на котором все дооперациональные («доязыковые») концепты приобретают семантическую форму, а не дублируются ею. Язык становится онтогенетическим продолжением органов чувств [20; 21. Р. 122], и человеческий мозг начинает думать языком [22] ровно так же, как тело начинает чувствовать определяемые в языке ощущения. Восприятие, мышление, язык и эмоции взаимно обуславливают друг друга в формировании человеком своего познавательного опыта: если два разных человека произносят одно и то же слово, это не значит, что они воспринимают, осмысливают и чувствуют мир одинаково в соответствии с этим словом. Как заметил И. Кант, слепорожденный не знает, что такое тьма, потому что он не знает, что такое свет; «дикарь не представляет себе бедности, потому что не знает благосостояния» [23. С. 455].

Конструктивизм и теория семантической относительности отнюдь не чужды науке о языке. Популярный в современной теории языка термин «языковая картина мира», принадлежащий гумбольдтианцу Л. Вайсгербе-

ру, служит тому подтверждением. В это понятие немецкий лингвист вкладывал не столько значение отражательной способности языка по отношению к миру и реальности, сколько мировоззрение, миропонимание, образ мышления и способ восприятия мира, конституирующие человеческое сознание. Вайсгербер называет картиной мира «энергейтический» процесс «интеллектуальной переработки человеком его окружающего мира» [24. S. 600], духовного воссоздания мира посредством слова и процесс языкового мирозидания в целом [25. С. 235], сравнивая ее с гумбольдтовской внутренней формой языка как созидающим принципом, как «непрерывным процессом духовного преобразования и устроения» [26. S. 131]. Впоследствии в своей логико-позитивистской философии языка Л. Витгенштейн введет понятие «карта мира», подразумевая под этим изобразительную репрезентацию реальности, что в какой-то степени исказит конструктивистское толкование термина «картина мира» в теории языка. Так или иначе, понятие *Weltbild* трудно ассоциировать с метафорой изоморфного копирования «объективной действительности», особенно учитывая этимологию слова *Bild* (от «bilden») и дословный перевод немецкоязычного термина («строить мир»).

Л. Витгенштейн не признавал, что индивидуальный опыт – это и есть язык в коммуникативной динамике. Он верил, что общение строится на общественной условности (правилах игры), которую изменить нельзя, т.е. нельзя сказать «Мне холодно» и иметь в виду «Мне тепло» без нарочного нарушения неких правил игры [10. § 510]. В ответ на это конструктивизм имеет ряд веских контрдоводов.

Если исходить из утверждения, что использование знаков является предметом договорённости между пользователями языка, возникает логический парадокс. Согласия о правильном словоупотреблении нельзя достигнуть без сравнения между правильным и неправильным словоупотреблением. Откуда возникает правильность и неправильность словоупотребления, прежде чем стать объектом сравнения пользователей языка с целью их будущей договоренности о правильном словоупотреблении?

Аналогия между коммуникацией и игрой, полюболюбившаяся Ф. де Соссюру, Л. Витгенштейну и их последователям, также логически противоречива. Причина противоречивости заключается в игнорировании теории сложности динамических систем, к которым относится человеческий организм. Называя коммуникативную динамику игрой, философы пренебрегают важной биологической и психологической функцией общения как социального взаимодействия – взаимной адаптацией и сохранением внутреннего порядка. По сути, игра – это линейный процесс перехода от состояния большей упорядоченности к состоянию меньшей упорядоченности в заранее предписанных условиях окружающей среды. Игра неизменно начинается с «нулевой» позиции, где баланс сил между участниками равен, и главный смысл игры – это максимальное нарушение этого равновесия. Коммуникация же, напротив, всегда направлена на достижение когнитивного баланса и единогласия после ранее существовавшего дисбаланса и

разногласия. Коммуникация происходит не благодаря, а вопреки договоренностям и конвенциям: «непонимание становится триггером немедленного поиска значения и порядка» [27. Р. 22]. «Если бы оба человека все время говорили логически, они никогда ни к чему бы не пришли. Они только повторяли бы как попугаи старые клише, которые все повторяли столетиями» [28. Р. 15]. Иными словами, в основе коммуникативного взаимодействия лежит стремление восстановить нарушенное тем или иным образом когнитивно-эмоциональное равновесие, в то время как игровое взаимодействие подчинено прямо противоположной цели. Именно поэтому для коммуникации вполне естественно такое нарушение правил языковой игры, как неправильная интерпретация, а вернее, возникновение разных и порой прямо противоположных интерпретаций одного и того же слова, особенно если речь идет о конфликте или споре.

Возвращаясь к рассуждениям Л. Витгенштейна о противоположных значениях слов, скажем, что противоположность нередко проявляется в коммуникативных взаимодействиях, когда коммуниканты имеют разный предшествующий опыт и разные ожидания друг от друга. Именно противоположности такого рода, которые и следует назвать икс-фемизмами, мы проанализируем в следующем разделе статьи.

4. Икс-фемизмы в коммуникативных взаимодействиях

Метод. Как известно, методологическими приоритетами в научном познании считаются не только логическая последовательность и обоснованность концепций, но и объяснимость теоретических представлений их эмпирическими следствиями, возвратно-поступательное движение научной рефлексии от теории к наблюдению, и наоборот. Любое несоответствие между теорией и наблюдением рождает концептуальное противоречие, дискредитирующее всю теоретическую модель, поэтому противоречие в науке игнорировать нельзя [29. Р. 23]. Научный метод подразумевает подкрепление логического рассуждения эмпирическими данными для того, чтобы верифицировать результаты дедуктивных умозаключений относительно наблюдаемых явлений окружающего мира. Представляется, что лингвистическая методология не должна составлять исключение: исследование языка не может обходиться без свидетельства опыта, потому что язык – это и есть составная часть человеческого опыта, если не весь опыт вообще [30].

Традиционная практика лингвистического анализа полагается на логико-интерпретационный метод, с помощью которого создаются аналитико-теоретические конструкты, используемые для объяснения и описания друг друга. В роли объекта такого логико-интерпретационного анализа выступают различные абстрактные модели коммуникативных явлений, как, например, понятия «эвфемизм» и «дисфемизм». Материалом для такого исследования может служить только текст как упорядоченная идеализация коммуникативных явлений.

Однако что в исследовании языка можно подвергнуть эмпирическому наблюдению? Эвфемизмы и дисфемизмы – это понятия еще более высокого уровня генерализации, чем понятие «слово». Ни эвфемизмы, ни дисфемизмы наблюдать нельзя, поэтому они не могут стать объектами эмпирического анализа. Но, как заметил Р. Харрис, «языковой универсум населен не загадочным образом скрытыми от наблюдения объектами под названием “языки”, а наблюдаемыми человеческими существами, которые каким-то образом иногда умудряются общаться друг с другом» [31. Р. 16]. Соответственно, икс-фемизмы увидеть воочию нельзя, но можно наблюдать **поведение тех, кто ими (как предполагается) пользуется в своей речи.** В качестве такого поведения мы подразумеваем (негативные или положительные) *эмоциональные реакции* коммуниканта на исследуемую языковую единицу в отдельно взятой ситуации, а также его *опыт пережитых жизненных ситуаций*, который обусловил данную эмоциональную реакцию и специфическое понимание значения языковой единицы.

Признавая важность диалектического единства текстологического и эмпирического подходов к изучению языка и коммуникации, в данном исследовании мы совместим эти два научных метода – логической интерпретации текстовых фрагментов и наблюдения за коммуникативным поведением – с целью построения синтетической, лингво-психологической модели икс-фемии в противовес аналитико-текстологической.

5. Эмпирический материал и логико-методологическая процедура

В качестве первичных источников данных об икс-фемизмах были выбраны кинофильмы как видеодемонстрации эмпирических феноменов, поддающихся интерпретации. Наш выбор материала обусловлен следующими причинами: во-первых, поведение коммуникантов, запечатленное на пленке, доступно для непосредственного наблюдения, потому что можно видеть эмоциональные реакции, жесты и любые другие проявления оценочного отношения к объекту внимания (впрочем, сам объект внимания коммуниканта тоже наблюдаем); во-вторых, благодаря фильмам оказывается доступным для наблюдения предшествующий (и даже последующий) опыт взаимодействий коммуникантов, что позволяет глубже понять контекст коммуникации, включая такие психологические факторы, как мотивы, эмоциональное и физическое состояние коммуниканта.

Источником данных для исследования послужил культовый американский сериал «Отчаянные домохозяйки» (2004–2012 гг.), созданный в жанре трагикомедии. Данные, отобранные на основе анализа этого телесериала, мы считаем репрезентативными, поскольку сюжетные линии в фильме охватывают широкий спектр коммуникативных взаимодействий (взаимоотношения в семье, между друзьями, соседями, в преступной среде, в политической, медицинской, деловой и других сферах). Фактор жанровой характеристики подчеркивает тот факт, что все эти ситуации существуют или гипотетически могут возникнуть в реальной жизни. К тому же попу-

лярность телесериала во всем мире (по официальным данным, аудитория сериала составляет более 120 млн телезрителей) обосновывает актуальность историй, положенных в основу сюжета, для современного зрителя вне зависимости от национальной принадлежности.

В более широком научном смысле использование кинофильма как источника эмпирических данных может встретить возражения со стороны критиков. Подытожим доводы тех ученых, которые считают кино эмпирически неестественным и «скудным» явлением [32. Р. 83]:

- 1) фильмы – это вымысел, художественное произведение;
- 2) в фильмах нет спонтанной каузации;
- 3) вымышленное поведение не может быть наблюдаемо;
- 4) фильмы ограничены воображением своих создателей;
- 5) фильмы – это совокупность интерпретаций тех, кто участвует в их создании.

Приведем соответствующие контраргументы, доказывающие надежность кинофильма как эмпирического материала.

В аргументе **(1)** фильмы рассматриваются в известной дихотомии реализма «факт – фикция» («быль – небылица», «правда – вымысел»), согласно которой фильмы – это произведение кинематографического искусства, художественный вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью, и поэтому они не могут считаться эмпирическим обоснованием научной гипотезы. Однако не совсем справедливо называть кино вымышленной реальностью, поскольку вымышленным и «нереальным» можно назвать лишь сюжет кинофильма, но не то, как этот сюжет выстраивается и развивается в динамике видеоряда. Вымышленность – это интерпретационная характеристика прослушанной или прочитанной истории, видеодемонстрация этой истории никогда не бывает вымышленной, потому что наблюдаемость истории относится к перцептуальной, а не к интерпретационной характеристике опыта кинозрителя. Тот факт, что историю можно увидеть в игровой картине, не является вымыслом. Кино позволяет нам конструировать связную последовательность зрительных образов, в которой мы обнаруживаем следы собственного опыта, потому что наше тело движется, а сознание связывает эти движения в такой же последовательности [33. Р. 97]. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что наблюдение за такой последовательностью не принесет «реально» эмпирические результаты. По словам Э. Морена, фильмы – это реальность движения и форм: «Сочетание реальности движения и видимости форм создает впечатление действительной жизни и восприятие объективной реальности. Формы отдают свою видимую материальность движению, а движение реализует формы» [34. Р. 118].

Понятие спонтанной каузации в утверждении **(2)** лежит в основе осмысления причинно-следственных связей как структурных компонентов внешнего мира, существующих и реализующихся независимо от наблюдателя. Возникает парадокс, потому что наблюдение – это важнейший эмпирический метод научного познания, без которого науке не обойтись. При этом наблюдение, как известно, невозможно осуществить без наблюдателя.

В кино, которое по определению ориентировано на наблюдение и на наблюдателя, каузация всегда спонтанна с точки зрения этого наблюдателя: несмотря на наши ожидания, мы как зрители никогда не можем знать наверняка, что произойдет дальше и как поведут себя герои.

Заявление (3) о невозможности наблюдения вымышленного поведения [32. Р. 83] противоречит определению слова «наблюдать», означающего в первую очередь «быть доступным чувственному восприятию». Аудио- и видеозапись человеческого поведения предназначена для того, чтобы быть наблюдаемой, а вымышленность, как было отмечено выше, логически не отменяет факт наблюдаемости.

Ограниченность фильмов когнитивными границами чьего-либо воображения (например, сценариста), о которой говорится в аргументе (4), напротив, доказывает, а не опровергает изначальный тезис. Границы воображения, по сути, и становятся объектом лингвистического исследования, цель которого – проверить гипотезы о когнитивных механизмах конструирования человеческого опыта в языке [35]. Если мы сможем наблюдать, как человек создает мир в своем воображении, осмысляя не только логические, но и психологические связи и отношения между субъектами и объектами, то получим реальные эмпирические данные, позволяющие проверить теории о том, как человек использует языковые знаки в своем мышлении, общении и эмоциональном самовыражении.

Аналогичным образом утверждение (5) о совместном участии нескольких лиц в создании фильма [36. Р. 84] не только доказывает наш главный тезис, но и подтверждает репрезентативность данных, которые можно получить с помощью кинематографического наблюдения.

Лингвистическое исследование коммуникативных фрагментов подразделяется на два этапа: текстологический и эмпирический. Текстологический анализ подразумевает логическую интерпретацию текстового фрагмента, в роли которого выступает скрипт коммуникативного взаимодействия, изображенного в кино. Логико-интерпретационный анализ икс-фемизмов, используемых в тексте, осуществляется с опорой на лексикографические данные и логико-семантические параметры контекста, в рамках которых дисфемизмом считается слово с «однозначно» оскорбительной и неодобрительной эмоциональной коннотацией, а эвфемизм определяется как «однозначно» благозвучное и вежливое слово или выражение, заменяющее дисфемизм или нейтральное, ортофемистическое именование. Эмпирический анализ основан на методе наблюдения и интерпретации экспериенциальной ситуации, в которой предполагаемые словарные или логико-семантические икс-фемизмы реализуются на практике: в поведении коммуникантов и их отношении к объекту внимания, обусловленных специфическим жизненным опытом. Результаты текстологического и эмпирического анализа каждого фрагмента позволяют сделать синтетическое суждение о коммуникативной и прагматической природе исследуемых икс-фемизмов.

Логико-методологическая процедура исследования основана на принципе доказательства «от противного». Мы обоснуем тезис о том, что от-

ношение человека к тому или иному объекту внимания, в качестве которого выступает имя, не может быть зафиксировано в языковой семантике априори (согласно гипотезе о словарно-списочном, или номенклатурном, статусе эвфемизмов и дисфемизмов как вежливых и оскорбительных замен иных наименований), а всегда меняется в зависимости от контекста коммуникации, мотивов и эмоциональных состояний коммуниканта.

6. Исследование

Приведем пример ситуации, в которой функционирование словарного эвфемизма признается противоречивым самими участниками коммуникации. Коммуникативное взаимодействие происходит между супругами Бри и Орсоном, которые обсуждают соседку по улице Энджи Болен:

Bree. I'm not a fan of Angie Bolen. She can be very forward.

Orson. I like her. She's earthy, takes a real interest in people.

Bree. Yes. Last week she asked me how much my dress cost, and did I still get visits from my *Aunt Flo*.

Orson. I believe that's a *euphemism* for...

Bree. I know what it means¹.

Уже на этапе текстологического анализа выявляется ряд логических противоречий между лексикографическим статусом эвфемизма и его контекстуально-семантическим функционированием. Согласно словарю идиоматических выражений, фразеологизм *Aunt Flo* маркируется как эвфемизм и считается шутивным способом обозначения менструального периода у женщин [37]. На это указывает Орсон, используя непосредственно термин «эвфемизм» и убеждая жену в том, что Энджи Болен таким образом проявляет равнодушное отношение к другим людям. Однако сама Бри не разделяет энтузиазма мужа, пресекая его попытки объяснить значение эвфемизма. Возникает противоречие: с одной стороны, в теории языка эвфемизм считается непрямым обозначением [38], с другой стороны, Бри называет «автора» эвфемизма прямолинейной, явно обижаясь на вопрос о приходе Тетушки Фло.

Более широкий, эмпирический ракурс на дискурсивное взаимодействие помогает понять причины противоречий, возникших на логико-интерпретационном этапе анализа. Зритель телесериала как наблюдатель коммуникативных взаимодействий героев легко может реконструировать экспериенциальный контекст обидного для Бри эвфемизма. Бри Ходж пытается всегда быть во всем идеальной и примерной: у нее репутация образцовой домохозяйки и светской леди, она владеет кулинарным бизнесом и непревзойденно готовит разнообразные блюда. Однако при первой же встрече с недавно переехавшей в пригород Энджи Болен Бри испытывает

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 7. 2009. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

явную неприязнь к соседке, которая связана, как сама признается Бри, с разницей в воспитании. Энджи, итальянка по происхождению, родом из простой семьи и ведет себя в обществе свободно и непринужденно, позволяя себе экспрессивную жестикуляцию и откровенные вопросы, что смущает Бри, которая привыкла сдерживать свои эмоции и скрывать свои чувства от остальных. В результате негативное эмоционально-оценочное отношение Бри к Энджи на момент коммуникации стало условием того, что теоретический эвфемизм *Aunt Flo* «превращается» в практический дисфемизм в анализируемой дискурсивной ситуации.

Относительность и амбивалентность эмоционально-оценочных коннотаций икс-фемизма можно проследить в следующем примере, где сами коммуниканты расходятся в определении того, что есть пристойная замена неприличного слова, а что нет:

Eddie. Could this flip-flop have something to do with the fact that Danielle's dating Matthew? (обращается к Сюзан) I knew that would get her.

Bree. Who told you that?

Eddie. Mrs. McCluskey saw them *making out* in the park.

Susan. Eddie!

Eddie. What?

Susan. Can't you *sugar-coat* it a little?

Eddie. I did. He had his hand down her shirt¹.

Коммуникативное взаимодействие происходит между соседями по улице. Сюзан и Иди пытаются выяснить у Бри, почему та неожиданно возобновила дружеское общение с Бети Эпплвайт несмотря на то, что ее (Бети) и ее сына Мэтью подозревают в причастности к убийству. Иди предполагает, что на изменение решения Бри повлияла романтическая связь ее дочери с сыном Бети.

Логико-семантические параметры контекста позволяют выделить дисфемистические коннотации выражения *make out* 'лизаться', поскольку в самом тексте оно признается грубым, прямолинейным и нуждающимся в приукрашивании (*sugar-coating*). Лексикографические данные подтверждают выводы текстологического анализа: многие словари маркируют фразовый глагол *make out* как сленг или лексику потенциально грубого, сниженного стиля [39, 40]. Однако если Сюзан выражение *make out* показалось грубым, то для того, кто его использовал (Иди), оно звучит, напротив, мягко, потому что, на ее взгляд, французским поцелуем молодых людей дело не ограничилось. Получается, что в одной и той же ситуации *make out* воспринимается коммуникантами и как «приукрашивающее» (*sugar-coating*), и как грубое выражение одновременно.

Эмпирический анализ позволяет лучше понять причины такого эффекта амбивалентности икс-фемизма. Различный жизненный опыт Сюзан и Иди

¹ Desperate Housewives. Season 2. Episode 14. 2006. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

объясняет разницу во взглядах на коннотативную семантику выражения *make out*. Иди предстает зрителю как любвеобильная красавица, меняющая партнеров и использующая внимание мужчин как способ самоутвердиться. Ее привычка флиртовать с незнакомцами, манера откровенно одеваться, смотреть изучающим взглядом на мужчин и комментировать интимную жизнь подруг в их присутствии стали отличительной чертой ее поведения. Для нее не постыдно назвать близость молодых людей сленговым словом. Сюзан, наоборот, консервативна в вопросах интимной жизни, зачастую застенчиво и нерешительно рассказывает о сексуальном опыте. После развода Сюзан живет с дочерью, влюблена в одного мужчину и пытается построить с ним отношения. Очевидно, что в восприятии Сюзан *make out* звучит дисфемистично. В результате экспериенциальный статус одного и того же выражения меняется в зависимости от коммуниканта и его жизненного опыта, превращая семантическую единицу в эвфемизм и дисфемизм одновременно.

Рассмотрим другой пример, связанный с неоднозначным статусом иксфемизма. Действие происходит на пригородном шоссе, где Габриэль со своим знакомым попали в пробку, и чтобы быстрее добраться до ближайшей кондитерской, они решили поехать по обочине, намеренно нарушив правила дорожного движения. Это заметил полицейский и остановил их машину.

Policeman. Sir? You do realise the shoulder is used just for emergencies?

Gabrielle. Officer, hi. Are we glad to see you. We could really use a police escort to the bakery. It closes in 10 minutes.

Policeman. That's not an emergency, *ma'am*.

Gabrielle. *Ma'am*? Talk about police brutality.

Policeman. License and registration, please¹.

С текстологической точки зрения обращает на себя внимание неоднозначная коннотативная семантика слова *madam* (*ma'am*). Лексикографический анализ показывает, что это эвфемизм, потому что оно используется для вежливого и уважительного обращения к женщине, как правило, в сфере услуг, когда имя женщины неизвестно [11]. В рамках данного дискурсивного взаимодействия эвфемистический статус обращения *ma'am* дедуктивно выводится из представленной в тексте информации: полицейский соблюдает формальный стиль общения, реагируя на шутливое предложение Габриэль вежливо и уважительно, соблюдая правила вежливой коммуникации с гражданами. Отсутствие этого обращения можно было бы принять за проявление предвзятого и потенциально грубого отношения к Габриэль, поскольку к водителю полицейский обратился идентичным образом (*Sir*). Однако Габриэль воспринимает это обращение как проявление «полицейского произвола».

¹ Desperate Housewives. Season 7. Episode 8. 2011. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

Экспериментальная ситуация, наблюдаемая в фильме, помогает раскрыть сущность негативной эмоциональной реакции Габриэль. За некоторое время до инцидента Габриэль с мужем (Карлосом) принимали гостей. В то время пока Карлос готовил ужин, Габриэль как хозяйка взяла на себя функцию развлекать гостей различными шутками, веселыми разговорами и аперитивом в виде коктейля. Когда Карлос обнаружил, что Габриэль забыла купить обещанный ею десерт к ужину, он настоял на том, чтобы та съездила в кондитерскую. Однако Габриэль уже выпила бокал вина, поэтому за руль сел один из гостей (Гектор). Чтобы быстрее успеть в кондитерскую и исправить свою ошибку, Габриэль попросила Гектора ехать по обочине в объезд пробки. Поняв, что ее план обернется штрафом от полицейского, что явно испортит настроение ее гостю, Габриэль, чувствуя теперь двойную вину, продолжает веселить Гектора на правах хозяйки ситуации, надеясь отшутиться таким образом и от сотрудника полиции. Однако вопреки ожиданиям Габриэль полицейский не поддержал ее шутливый тон. Именно поэтому в данной ситуации обращение *ma'am*, которое использует полицейский, оказывается для нее «неудобным» и даже дисфемистичным. В результате словарный эвфемизм *madam* приобретает экспериментальный статус дисфемизма.

Междометие *please* играет важную коммуникационную роль, и в большей степени эта роль объясняется эвфемистической коннотацией: слово «пожалуйста» по своему определению позволяет участнику общения быть вежливым в своих просьбах [41], а известное с детства правило «волшебного слова», помогающего избежать грубого и обидного тона, является одним из базовых коммуникативных умений, которые мы приобретаем в своем языковом опыте. Тем не менее обстоятельства коммуникации могут изменить эвфемистическую коннотацию и превратить ее в дисфемистическую, как показано в сцене, основные действующие лица которой – муж (Орсон) и жена (Бри) – переживают кризис в отношениях после драматических событий (измена Бри и приобретенная инвалидность Орсона). Бри осознает свою вину и старается ее искупить тем, что берет на себя обязательство ухаживать за мужем, потерявшим способность ходить. Орсон же не может смириться с переменой в своей жизни и ведет себя крайне грубо и заносчиво по отношению к жене. В то время как Бри выполняет каждую просьбу Орсона, тот не удосуживается поблагодарить ее за это или даже сказать «пожалуйста». Чаша терпения Бри переполняется, когда Орсон уже в очередной раз отказывается принять ванну, чтобы избавиться от неприятного запаха. Она вывозит его на лужайку и окатывает водой из шланга. Между ними происходит следующий диалог:

Bree. Say "please!"

Orson. Go to hell!

Bree. Why can't you just say it? It's easy.

Orson. Please, please, please! Please, please, please. Please! Stop! Please, stop it! Please! Stop! Please roll me over, please help me off the toilet, please, please, please! That's the life I'm facing now! Having to ask people for help for everything!

Do you know how hard that is? Every morning I wake up at 5:00. You get up at 6:30. For an hour and a half, I lie there staring at the bedroom door, fantasizing about how lovely it would be, how excurciatingly lovely it would be to get up and make myself a cup of tea one last time. No "please," just hot water and tea¹.

С текстологической точки зрения функция вежливого слова в данном контексте также дисфемистична. На просьбу Бри сказать «пожалуйста» Орсон отвечает крайне резко и грубо, отказываясь благодарить жену, которая доведена его заносчивостью и грубостью до иступления. В данной эмоциональной сцене достаточно ярко и убедительно раскрывается идея негативного опыта, связанного с положительным на первый взгляд словом *please*. Для Орсона семантика этого слова дисфемистична в контексте взаимодействия с женой, поскольку попросить ее об одолжении – значит терпеть унижение и чувствовать себя беспомощным. Ему невыносимо трудно вежливо просить свою жену помочь ему с тем, о чем при иных обстоятельствах он бы никогда не стал просить. Именно поэтому он предпочитает грубить вместо того, чтобы быть вежливым (по крайней мере, в понимании его жены), а настойчивые просьбы Бри использовать слово «пожалуйста» воспринимает как оскорбление.

Следующим семантическим объектом исследования становится иксфемизм *slave*. Используя приемы историко-диахронического семантического анализа, докажем его дисфемистический статус с точки зрения теории языка и коммуникации. Слово *slave* для жителей современных США связано с негативной коннотацией, чему есть историческое объяснение. Проблема рабства, процветавшего в южных штатах, делила страну на два противоборствующих лагеря на протяжении более 150 лет. Гражданская война 1861–1865 гг. стала кульминацией борьбы за экономическое и социальное равноправие в развивающемся государстве, где еще почти сто лет до этого в первой официальной конституции 1787 г. Б. Франклин ввел статью о запрете рабского труда. Примечательно, что уже в этой статье слово *slave* было заменено на слово *Person*. Как известно, по окончании войны законом были запрещены любая торговля людьми, попавшими в рабство, и их использование. С тех пор понятие «раб» стало несовместимо с американскими ценностями. В своем буквальном значении слово *slave* считается в современном английском языке «обесчеловечивающим термином», а вместо него предпочитается сочетание *enslaved person*². Метафорическое значение слова (человек, подчиняющийся влиянию) также маркируется словами как неодобрительное [2].

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 13. 2010. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

² Zorn E. Language Matters: The shift from 'slave' to 'enslaved person' may be difficult, but it's important / Chicago Tribune. URL: <https://www.chicagotribune.com/columns/eric-zorn/ct-column-slave-enslaved-language-people-first-debate-zorn-20190906-audknc2ayrarfijimpz6uk7hvy-story.html>

Проанализируем сцену, главными действующими лицами которой стали домохозяйки, приглашенные на званый обед к общей знакомой (Максин). Застолье неожиданно прерывает стук в дверь: оказалось, что приехала полиция, чтобы арестовать Максин за «принуждение к наемному труду» эмигрантки из Китая, которую Максин прятала за запертыми дверями кухни:

FBI. Maxine Bennett, you're under arrest for *involuntary servitude*. Is this the woman who locked you up?

Maid. Yeah.

Guest. Bree, what's going on?

Bree. Well, I'm not sure, but I think Maxine had a *slave*.

Guest. I can't believe it. I just can't believe it.¹

Стилистический и контекстуальный анализ приведенного текстового фрагмента позволяет выделить контраст двух выражений, антонимично противопоставленных друг другу логико-семантическими отношениями. Термин *involuntary servitude* – это официально принятая в юридической сфере коммуникации формулировка правонарушения, которой пользуется сотрудник полиции для объяснения ареста домохозяйки. В тексте ей противопоставлен другой вариант обозначения того же правонарушения, которым пользуется приглашенная на обед домохозяйка и который включает слово *slave* нейтрального стиля, лексикографически и исторически ассоциируемое с негативной оценочной коннотацией. Создается эффект антитезы на оси «эвфемия–дисфемия»: высказывание *Maxine had a slave* по всем текстологическим параметрам интерпретируется как резкое, прямолинейное, оскорбительное и обидное в противовес официально юридическому термину *involuntary servitude*.

Однако эмпирическое наблюдение за поведением коммуникантов в режиме непосредственного диалогического взаимодействия выявляет ряд противоречий с результатами логико-интерпретационного анализа текста. В частности, эмоциональная реакция собеседницы Бри на слово *slave* не была отрицательной, а выражение лица самой Бри в момент произнесения фразы скорее передавало эмоцию радости и чувство удовлетворения. Иными словами, обида, оскорбленность и другие негативные эмоции, связанные с использованием дисфемизмов в речи, не наблюдались в общении женщин. Анализ экспериенциального контекста, предшествующего опыта коммуникантов и эмоционального фона коммутативного взаимодействия помогает понять причины расхождений между результатами эмпирического и текстологического анализа.

В отличие от читателя текстового фрагмента, зрителю, наблюдающему события на приеме Максин с самого начала, доступен более широкий контекст происходящего. Конфликтная ситуация разворачивается не между Максин и полицией, а скорее между Максин и ее гостями. Конфликт и

¹ Desperate Housewives. Season 2. Episode 14. 2006. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

негативный эмоциональный фон, на котором строится кульминация коммуникативного взаимодействия, заключается в следующем: все женщины были в восторге от роскошного обеда из большого количества блюд, приготовленных хозяйкой, приглашенные не могли поверить, что такой обед мог организовать один человек. Именно поэтому Бри не удержалась от прямого вопроса хозяйке о том, кто же это все приготовил. Но получив ответ от Максин, что все блюда собственного приготовления, Бри не оставила свои подозрения, подогреваемые чувством уязвленного самолюбия. Появление полиции расставило все по своим местам: Максин арестовали за использование нелегального труда. Несмотря на сострадательное отношение всех присутствующих к жертве принудительного труда, которое, несомненно, разделит бы в данной ситуации любой современный житель цивилизованного государства, домохозяйки предпочли назвать эмигрантку самым негуманным способом – дисфемизмом «рабыня». Объяснить такое поведение можно тем, что в данном экспериенциальном контексте референция к рабскому труду становится для Бри (и ее собеседницы) не столько оскорблением или ругательством в адрес домработницы, сколько способом справиться с негативными переживаниями, связанными с собственной пошатнувшейся самооценкой. Негодование из-за того, что их «коллега» может готовить и принимать гостей во много раз лучше них, приводит к тому, что женщины начинают относиться к Максин негативно, и в их восприятии любое положительное описание Максин становится обидным, и наоборот. Бри выбирает слово *slave* для описания произошедшего, поскольку оно помогает ей восстановить нарушенное эмоциональное равновесие и, прежде всего, дать положительную оценку себе, вернуть себе статус лучшей домохозяйки. Таким образом, в реляционной области Бри дисфемизм *slave* не обидное слово, а более чем уместное для данной экспериенциальной ситуации, а значит, оно может считаться эвфемизмом, исходя из лингво-теоретического определения этого термина [42].

Рассмотрим функционирование дисфемизма, описывающего нарушения психического здоровья. Разговор состоялся между двумя женщинами, одна из которых (Кэтрин) проходит лечение в психической больнице после серьезного нервного срыва на почве неразделенной любви, а другая (Карен) пришла ее навестить.

Katherine. What are you doing here? I told them I don't want any visitors.

Karen. Who says I'm visiting? Maybe I'm *bonkers*, too¹.

Лексикографические источники маркируют слово *bonkers* как неодобрительное [43] и оскорбительное [2]. Считается, что называть кого-то чокнутым, особенно если это пациент психиатрической клиники, крайне невежливо. Однако интерпретационный анализ приведенного текстового

¹ Desperate Housewives. Season 6. Episode 13. 2010. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

фрагмента показывает, что такие правила коммуникации работают не всегда. Слово *bonkers* помогает Карен в данном случае избежать обидной для Кэтрин фразы *I'm visiting* и заменить реальное обозначение цели своего визита на выдуманную, но более уместную для эмоционального состояния Кэтрин причину. Текстологический анализ позволяет выявить факт замены одного выражения другим: фраза *Who says I'm visiting?* имплицитно отказ Карен от признания себя посетителем, а значит, фраза *I am a visitor / I am visiting* является нежелательной в данном контексте. Более приемлемым для Карен описанием своего статуса оказывается слово *bonkers*. Можно предположить, что Карен заменяет одно выражение на другое с целью не обидеть своего собеседника. В результате словарный дисфемизм *bonkers* становится контекстуальным эвфемизмом по отношению к слову *visitor*.

Эмпирическое наблюдение за коммуникативным взаимодействием двух женщин позволяет также сделать вывод, что дисфемизм *bonkers* не звучит оскорбительно в экспериенциальной области Кэтрин: она с улыбкой воспринимает слова Карен о возможном совместном помешательстве. Прагматическое объяснение такого выбора слов со стороны Карен можно найти благодаря реконструкции предшествующих событий. Кэтрин попала в психиатрическую больницу из-за нервного срыва, связанного с тем, что ее жених бросил ее перед самой свадьбой. На момент диалога Кэтрин уже способна адекватно оценивать ситуацию, но вместе с восстановленным психическим здоровьем к ней приходит понимание того, сколько необдуманных поступков она совершила по отношению к своим друзьям и соседям с целью вернуть возлюбленного. Карен понимает эмоциональное состояние Кэтрин и действует исходя из этого сочувственного отношения, выбирая описания, коннотации которых совместимы с переживаниями Кэтрин. Таким образом, словарный дисфемизм *bonkers* становится для нее способом установить контакт с Кэтрин.

Последний пример иллюстрирует одно из самых больших противоречий между теорией языка и практикой коммуникации в вопросе дисфемизмов и пейоративной лексики. Приведенный ниже текстовый скрипт репрезентирует два диалога: один – между Джэксоном и Майком, обсуждающими результат просмотренного футбольного матча, а другой – между Джэксоном и Сюзан, встречающей его дома после встречи с Майком:

Jackson (to *Mike*). Thanks for tonight. And, uh, before I forget, the *Colts suck*.

Mike. Here's what *sucks*, watching a zero-zero game with no cheerleaders, soccer boy.

Susan (to *Jackson*). You guys were *insulting* each other. That's good, right?

Jackson. We had a blast¹.

Оба мужчины употребляют лексикографически дисфемистическое выражение *something sucks* («полный отстой»), относящееся либо к

¹ Desperate Housewives. Season 5. Episode 12. 2009. Scenarist M. Cherry. URL: <https://watchdesperatehousewives.com/> (дата обращения: 10.04.2020).

слэнгу [11], либо к разговорному регистру [40] и маркируемое как грубая [40] или вульгарная лексика [2]. Более того, референция *soccer boy* также претендует на статус контекстуального дисфемизма, поскольку приобретает ироничный смысл в реплике Майка, называющего своего визави, мужчину зрелых лет, мальчиком. Для Сюзан такой обмен репликами кажется взаимным оскорблением, но при этом оценивается положительно, что логически противоречит семантике самого слова «оскорблять».

Логическое противоречие на уровне текста можно разрешить, если провести эмпирический анализ коммуникации. Зритель, наблюдающий диалог между Майком и Джэксоном, так же как и Сюзан, по сюжету подслушивающая их разговор из окна, в своем окончательном суждении о коннотативной семантике полагаются на непосредственное чувственное восприятие, которое свидетельствует о том, что ни в интонациях, ни в мимике, ни в жестах участников диалога нет негативных эмоций. Майк и Джэксон не ругались и не оскорбляли друг друга в коммуникативно-эмпирическом взаимодействии, даже несмотря на то, что с логико-семантической точки зрения они использовали бранную лексику. Дисфемизация и оскорбление становятся «хорошим» результатом состоявшегося диалога между мужчинами, о чем говорит сам Джэксон. Дело в том, что Сюзан и Майк разведены, живут раздельно и воспитывают общего сына, а Джэксон – это друг и партнер Сюзан, с которым она только что начала жить совместно. Майк настоял на том, что должен знать, что за человек живет под одной крышей с его сыном, и назначил встречу с бойфрендом своей бывшей жены. Сюзан волновалась за то, как сложится первое знакомство двух мужчин, ведь от этого зависела ее дальнейшая личная жизнь. Услышав, как Майк и Джэксон обмениваются шутивными оскорблениями, она посчитала это добрым знаком, указывающим на то, что они поладили друг с другом.

7. Обсуждение результатов

В ходе анализа коммуникативного поведения, который стал доступным для эмпирического исследования благодаря видеодемонстрации на основе художественного фильма, мы выявили ряд закономерностей, которые помогают подтвердить и уточнить сформулированную гипотезу о семантической относительности слова.

Любые суждения о положительных и отрицательных коннотациях лексических единиц должны учитывать динамический фактор коммуникативных взаимодействий. Он заключается в том, что в одной и той же ситуации дискурса оказываются коммуниканты с разным жизненным опытом, под влиянием которого они специфически интерпретируют ситуацию, строят разные ожидания друг от друга и формируют зачастую противоположное эмоционально-оценочное отношение к тому или иному объекту внимания. То, что одному коммуниканту может казаться эвфемизмом (*Aunt Flo, make*

out, please), другой воспринимает как обидное, прямолинейное и оскорбительное выражение¹.

Опыт лингвистического анализа эмпирических данных доказывает, что словарные дисфемизмы и эвфемизмы в динамике коммуникативного взаимодействия могут выполнять прямо противоположную прагматическую функцию. В частности, дисфемизм *bonkers* выступает в качестве замены более грубого описания и является удачным способом установить контакт между коммуникантами. Напротив, эвфемизм *madam*, используемый в дискурсивной практике среднего класса как вежливое обращение [15. Р. 34], может в определенной ситуации оказаться поводом для обиды. Тем самым фактор контекста коммуникации и среды, в которой находятся коммуниканты, играет решающую роль в установлении концептуальных границ между эвфемизмом и дисфемизмом [44, 45].

Нуждается в теоретико-методологическом переосмыслении и понятие бранной лексики, ругательств и вульгаризмов. Утверждается, что вульгаризмы, например, встречаются в речи отдельных социальных групп, в частности малообразованных, малокультурных или «недосоциализированных» слоев населения [46. Р. 6]. Проводятся социолингвистические эксперименты с целью определения гендерных закономерностей брани. Так, по результатам некоторых опытных наблюдений социолингвистов, женщины ругаются реже мужчин и склонны к более частой эвфемизации речи [47–50], а мужчины по сравнению с женщинами чаще используют ненормативную лексику в процессе дисфемизации [47, 51]. Однако возникает вопрос: что же наблюдали организаторы данных экспериментов – процесс ругани (грубое и оскорбительное поведение) или ругательства (бранную лексику)? Ругались ли участники эксперимента друг на друга или просто употребляли слова, которые служили экспериментаторам формальным средством идентификации факта ругательства? Не принимали ли организаторы эксперимента интерпретацию за наблюдение: определив изначально те или иные слова как формальные ругательства, (пред)убеждали себя, что в каждом акте употребления этих слов наблюдаемый человек действительно ругается?

Проведенный в настоящем исследовании текстологический и эмпирический анализ показал, что оскорбление не всегда связано с конструированием негативных эмоций, тем более у «недосоциализированных» слоев населения, а наоборот, может оцениваться положительно, в частности как способ установления нормальных «здоровых» отношений между мужчи-

¹ То, как наша оценка и, соответственно, интерпретация меняются в зависимости от опыта взаимодействий, хорошо демонстрирует известный в психологии эксперимент. Если мы поставим три сосуда с водой разной температуры (холодной, горячей и теплой), опустим одну руку сначала в сосуд с холодной, а другую – в сосуд с горячей водой, то, опустив обе руки в сосуд с теплой водой, мы не сможем ни понять, ни почувствовать «истинную» температуру – обе наши руки будут «передавать» нам разные ощущения. Подобное верно для языковых взаимодействий в условиях реального времени, только в роли рук выступают конкретные коммуниканты.

нами. Зачастую сам человек не считает грубым то или иное выражение, а использует его иронично или шуточно по отношению к приятелю, а мужчины, употребляющие нецензурную лексику в общении между собой, не ругаются друг на друга вовсе, а «прекрасно проводят время» (have a blast).

Некоторые лингвисты находят дискурсивно-прагматическое объяснение тому, почему человек использует в своей речи бранные и запрещенные слова. Они считают, что «дисфемизация может быть продиктована желанием влиться в коллектив» [17. С. 93], признавая употребление табуированной лексики «социальной проблемой» [52]. Однако в психологии стремление человека стать частью коллектива не является признаком девиантного поведения, заслуживающим социального порицания. Таким образом, девиантная лексика в теории выполняет прямо противоположную функцию на практике, что создает логико-методологический парадокс, который предвосхитил еще сам Ф. де Соссюр, сказав о том, что «никогда нельзя быть уверенным, насколько знание говорящих собственного языка сходится с результатами анализа грамматистов» [53. Р. 138].

8. Заключение

Согласно теории конструирования опыта, человек не заменяет одно слово другим, а выбирает толкование, которое совместимо с его переживанием [54]. Этот выбор продиктован предшествующим опытом и контекстом текущих взаимодействий. «Нет ничего более эмпирически очевидного, чем тот факт, что каждый случай употребления какой-либо языковой формы в речи каждого отдельного говорящего уникален и никогда в точности не повторяется: меняется контекст, среда, физическое и эмоциональное состояние говорящего, его прошлый опыт и опыт всех тех людей, с которыми он вступает во взаимодействие» [55. С. 22]. Икс-фемизмы являются именно такой языковой формой, которая позволяет определить эмоционально-оценочное отношение коммуниканта к происходящему в анализируемый момент коммуникации. Это способ неоднозначного и зачастую амбивалентного конструирования мира в языковом опыте посредством изменения отношения к объекту внимания в непредсказуемой и нестабильной динамике коммуникативных взаимодействий. Определить оценочный и семантический статус икс-фемизмов в виде эвфемизмов и дисфемизмов как единиц языка (точнее, словаря) такая же трудная задача, как и определить, какие запахи, вкусы или изображения должны вызывать у людей негативную или положительную эмоциональную реакцию.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщений относительно природы эмоционально-оценочной лексики, которые нуждаются в дальнейшем теоретическом развитии и лингвистическом обосновании.

1. Эмоциональная оценка слова зависит не столько от денотативных, коннотативных и других логически объективированных свойств значения, сколько от того, *кто, совместно с кем, где и когда* конструирует это значение (см. [56. Р. 201]).

2. То, как коммуниканты воспринимают друг друга в процессе взаимодействия, обуславливает их ситуативную интерпретацию слов как «хороших» или «плохих».

Дисфемизация и эвфемизация семантических единиц напрямую зависит от степени совместимости опыта коммуникантов в отдельно взятый момент взаимодействия: чем выше степень совместимости, тем больше вероятность возникновения эвфемизмов и нейтральных фем (ортофемизмов), но меньше вероятность возникновения дисфемизмов.

Список источников

1. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 3.09.2021).
2. *Merriam Webster's Unabridged Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
3. *Frazer J.G.* (ed.) *Pausanias's Description of Greece*. Vol. 2 / ed. and transl. by J.G. Frazer. N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2012. 626 p.
4. *Harris R.* *Language, Saussure and Wittgenstein*. How to play games with words. London ; New York : Routledge, 1996. 152 p.
5. *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М. : Политиздат, 1980. 832 с.
6. *Блумфилд Л.* Язык. М. : Прогресс, 1968. 608 с.
7. *Варбот Ж.Ж.* Табу. Русский язык : энцикл. М. : Сов. энцикл., 1979. С. 345–346.
8. *Беркли Дж.* Алкифрон, или Мелкий философ: работы разных лет / под общ. ред. В.П. Сальникова, А.П. Альбова, Д.П. Масленникова; пер. с англ. А.А. Васильева. СПб. : Алетейя, 2000. 428 с.
9. *Harris R.* *Three Models of Signification*. *Integrational Linguistics: A First Reader* / eds by Roy Harris, George Wolf. Oxford : Pergamon, 1998. P. 113–126.
10. *Wittgenstein L.* *Philosophical Investigations*. 2nd ed / eds by G.E.M. Anscombe, R. Rheeds; trans. G.E.M. Anscombe. Oxford : Blackwell, 1958. 250 p.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
12. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 146 с.
13. *Hughes G.* *An Encyclopedia of Swearing*. New York ; London : ME Sharpe, 2006. 573 p.
14. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
15. *Allan K., Burridge K.* *Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 303 p.
16. *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
17. *Попова Я.В., Куликова Л.В.* Табуированные речесмыслы в дискурсивных практиках институционального общения. М. : Гнозис, 2019. 264 с.
18. *Piaget J.* *The psychology of intelligence*. Totowa, NJ : Littlefield, Adams & Co, 1976. 202 p.
19. *Bibok M.B., Müller U., Carpendale J.I.M., Smith L.* *Childhood // The Cambridge companion to Piaget* / eds by U. Muller, J.I.M. Carpendale, L. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 229–254.
20. *Morris C.W.* *Foundations of the theory of signs // International Encyclopedia of Unified Science* / eds by O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris. Chicago : Chicago University Press, 1938. Vol. 1, pt 2. P. 1–59.
21. *Kravchenko A.V.* *A critique of Barbieri's code biology // Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15 (2). P. 122–134.

22. Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. Vol. 28. P. 15–26.
23. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М. : Наука, 1999. 655 с.
24. Weisgerber L. Sprache // *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart : Enke, 1931. S. 592–608.
25. Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М. : Едиториал УРСС, 2005. 312 с.
26. Weisgerber L. Vom Weltbild der Deutschen Sprache. I. die Inhaltbezogene Grammatik. Düsseldorf : Schwann, 1953. 267 s.
27. Watzlawick P. How Real is Real? N.Y. : Vintage Book, 1976. 266 p.
28. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2000. 542 p.
29. Kosso P. A summary of scientific method. New York : Springer, 2011. 41 p.
30. Дружинин А.С. Язык и реальность: до или после, вместо или вместе? // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 69. С. 67–93.
31. Harris R. The Integrationsist Critique of Orthodox Linguistics / *Integrational Linguistics: A First Reader* / eds by R. Harris, G. Wolf. Oxford : Pergamon, 1998. P. 15–26.
32. Fultot M. Impoverished fiction // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 83–84.
33. Druzhinin A.S. Author's response: Counterfactuals: Multiple realities or an observable world? // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 96–100.
34. Morin E. The cinema, or the imaginary man / L. Mortime (transl.). Minneapolis : University of Minnesota Press, 2005. 292 p.
35. Druzhinin A.S. Construction of irreality: An enactive-constructivist stance on counterfactuals // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 69–80.
36. Bunnell P. Stories and alternative stories // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 16 (1). P. 84–87.
37. *Farlex Dictionary of Idioms*. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
38. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
39. *Macmillan Dictionary Online*. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
40. *American Heritage Dictionary*. 5th ed. URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения: 3.09.2021).
41. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 03.09.2021).
42. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: <https://www.textologia.ru/slovary/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (дата обращения: 03.09.2021).
43. *Collins Dictionary Online*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 03.09.2021).
44. Duda B. Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line // *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 2011. № 45. P. 9–11.
45. Фомина Т.А. Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // *Вестник СПбГУ*. 2020. № 17 (1). С. 122–134.
46. Jay T. Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets. Philadelphia; Amsterdam : John Benjamins, 1992. 272 p.
47. Bailey L.A., Tim A.L. More on women's and men's expletives // *Anthropol. Linguist*. 1976. Vol. 18. P. 438–449.
48. Mehl M.R., Pennebaker J.W. The sounds of social life: a psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations // *J. Personal. Soc. Psychol*. 2003. Vol. 84. P. 857–870.

49. Mulac A., Lundell T.L. Linguistic contributors to the gender-linked language effect // J. Lang. Soc. Psychol. 1986. Vol. 5. P. 81–101.
50. Jay T.B. What to Do When Your Students Talk Dirty. San Jose : Resource Publications, Inc, 1996. 212 p.
51. McEnery T. Swearing in English: Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present. London : Routledge, 2005. 296 p.
52. Жельвис В.И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 1997. 330 с.
53. Saussure F. de. Course in General Linguistics / eds by Ch. Bally, A. Sechehaye ; W. Baskin (transl.). New York : Philosophical Library, 1959. 242 p.
54. Kelly G.A. The psychology of personal constructs: Vol. 1: Theory and personality. New York : Norton, 1955. 422 p.
55. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
56. Foerster H. von. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. New York : Springer, 2003. 362 p.

References

1. *Online Etymology Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/> (Accessed: 3.09.2021).
2. *Merriam Webster's Unabridged Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed: 3.09.2021).
3. Frazer, J.G. (ed.) (2012) *Pausanias's Description of Greece*. Vol. 2. Translated from Greek by J.G. Frazer. New York: Cambridge University Press.
4. Harris, R. (1996) *Language, Saussure and Wittgenstein. How to play games with words*. London; New York: Routledge.
5. Frazer, J.G. (1980) *Zolotaya vetv'* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Translated from English by M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat.
6. Bloomfield, L. (1968) *Yazyk* [Language]. Translated from English by E.S. Kubryakova & V.P. Murat. Moscow: Progress.
7. Varbot, Zh.Zh. (1979) Tabu [Taboo]. In: *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Sovetski. pp. 345–346.
8. Berkeley, J. (2000) *Alkifron ili melkiy filosof: Raboty raznykh let* [Alkifron or the petty philosopher: Works of different years]. Translated from English by A.A. Vasil'ev. Saint Petersburg: Aleteyya.
9. Harris, R. (1998) Three Models of Signification. In: Harris, R. & Wolf, G. (eds) *Integrational Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon. pp. 113–126.
10. Wittgenstein, L. (1958) *Philosophical Investigations*. 2nd Ed. Translated from German into English by G.E.M. Anscombe. Oxford: Blackwell.
11. *Longman Dictionary of Contemporary English Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/> (Accessed: 3.09.2021).
12. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
13. Hughes, G. (2006) *An Encyclopedia of Swearing*. New York; London: ME Sharpe.
14. Sheygal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
15. Allan, K. & Burridge, K. (2006) *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. *Urban Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
17. Popova, Ya.V. & Kulikova, L.V. (2019) *Tabuirovannyye rechesmysly v diskursivnykh praktikakh institucional'nogo obshcheniya* [Tabooed Speech Senses in Discursive Practices of Institutional Communication]. Moscow: Gnozis.

18. Piaget, J. (1976) *The psychology of intelligence*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams & Co.
19. Bibok, M.B., Müller, U., Carpendale, J.I.M. & Smith, L. (2009) Childhood. In: Muller, U., Carpendale, J.I.M. & Smith, L. (eds) *The Cambridge companion to Piaget*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 229–254.
20. Morris, C.W. (1938) Foundations of the theory of signs. In: Neurath, O., Carnap, R. & Morris, C.W. (eds) *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1. Part 2. Chicago: Chicago University Press. pp. 1–59.
21. Kravchenko, A.V. (2020) A critique of Barbieri's code biology. *Constructivist Foundations*. 15 (2). pp. 122–134.
22. Maturana, H.R., Mpodozis, J. & Letelier, J.C. (1995) Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*. 28. pp. 15–26.
23. Kant, I. (1999) *Kritika chistogo razuma*. Translated from German by N.O. Losskiy. Moscow: Nauka.
24. Weisgerber, L. (1931) Sprache. In: Lamla, J., Rosa, H. & Strecker, D. (eds) *Handbuch der Soziologie*. Stuttgart: Enke. pp. 592–608.
25. Radchenko, O.A. (2005) *Yazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva* [Language as a world-creation: Linguo-philosophical concept of neo-Humboldtianism]. Moscow: Editorial URSS.
26. Weisgerber, L. 1953) *Vom Weltbild der Deutschen Sprache*. Vol. 1. Düsseldorf: Schwann.
27. Watzlawick, P. (1976) *How Real is Real?* New York: Vintage Book.
28. Bateson, G. (2000) *Steps to an Ecology of Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
29. Kosso, P. (2011) *A summary of scientific method*. New York: Springer.
30. Druzhinin, A.S. (2021) Language and reality: before or after, in or instead? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 67–93. (In Russian).
31. Harris, R. (1998) The Integrationsist Critique of Orthodox Linguistics In: Harris, R. & Wolf, G. (eds) *Integrational Linguistics: A First Reader*. Oxford: Pergamon. pp. 15–26.
32. Fultot, M. (2020) Impoverished fiction. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 83–84.
33. Druzhinin, A.S. (2020) Author's response: Counterfactuals: Multiple realities or an observable world? *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 96–100.
34. Morin, E. (2005) *The cinema, or the imaginary man*. Translated from English by L. Mortime. Minneapolis: University of Minnesota Press.
35. Druzhinin, A.S. (2020) Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 69–80.
36. Bunnell, P. (2020) Stories and alternative stories. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 84–87.
37. *Farlex Dictionary of Idioms*. (n.d.) [Online] Available from: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
38. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (Accessed: 3.09.2021).
39. *Macmillan Dictionary Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.macmillan-dictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
40. *American Heritage Dictionary*. (n.d.) 5th Ed. [Online] Available from: <https://ahdictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).
41. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 3.09.2021).
42. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. [Online] Available from: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484> (Accessed: 3.09.2021).
43. *Collins Dictionary Online*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 3.09.2021).

44. Duda, B. (2011) Euphemisms and dysphemisms: in search of a boundary line. *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 45. pp. 9–11.

45. Fomina, T.A. (2020) X-phemisms, or On the Difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms. *Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint Petersburg University*. 17 (1). pp. 122–134. (In Russian).

46. Jay, T. (1992) *Cursing in America: A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards, and on the streets*. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins.

47. Bailey, L.A. & Tim, A.L. (1976) More on women's and men's expletives. *Anthropological Linguistics*. 18. pp. 438–449.

48. Mehl, M.R. & Pennebaker, J.W. (2003) The sounds of social life: a psychometric analysis of students' daily social environments and natural conversations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 84. pp. 857–870.

49. Mulac, A. & Lundell, T.L. (1986) Linguistic contributors to the gender-linked language effect. *Journal of Language and Social Psychology*. 5. pp. 81–101.

50. Jay, T.B. (1996) *What to Do When Your Students Talk Dirty*. San Jose: Resource Publications, Inc.

51. McEnery, T. (2005) *Swearing in English: Bad Language, Purity and Power from 1586 to the Present*. London: Routledge.

52. Zhel'vis, V.I. (1997) *Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir.

53. Saussure, F. de. (1959) *Course in General Linguistics*. Translated from French by W. Baskin. New York: Philosophical Library.

54. Kelly, G.A. (1955) *The psychology of personal constructs*. Vol. 1. New York: Norton.

55. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

56. Foerster, H. von (2003) *Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition*. New York: Springer.

Информация об авторах:

Дружинин А.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

Фомина Т.А. – преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного университета международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: wesna85@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Druzhinin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrey.druzhinin.89@mail.ru

T.A. Fomina, instructor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: wesna85@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 12.02.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'25+811.111+ 003
doi: 10.17223/19986645/76/4

Полиmodalный и лингвистический аспекты исследования межсемиотической адаптации эвфемизмов

Валентина Владимировна Коротеева¹,
Наталья Владимировна Железникова²

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
valentina.shilova77@gmail.com

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, *getsquare@gmail.com*

Аннотация. Исследуется межсемиотическая адаптация фрагментов текста, содержащих эвфемизмы. Анализ взаимоотношений между вербальными и невербальными знаками, участвующими при переводе фрагмента оригинального текста, содержащего эвфемизм, в кинотекст, позволил выявить три типа отношений: равнозначности, комплементарности и контрадикции. Абсолютное большинство проанализированных примеров (31 из 37) иллюстрируют отношения равнозначности.

Ключевые слова: межсемиотическая адаптация, ресемиотизация, модус, эвфемизм, экранизация, перевод, полиmodalный анализ

Для цитирования: Коротеева В.В., Железникова Н.В. Полиmodalный и лингвистический аспекты исследования межсемиотической адаптации эвфемизмов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 76–104. doi: 10.17223/19986645/76/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/4

Intersemiotic adaptation of euphemisms: Linguistic and multimodal approaches

Valentina V. Koroteeva¹, Natalia V. Zheleznikova²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation,
valentina.shilova77@gmail.com

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
getsquare@gmail.com

Abstract. The article discusses the intersemiotic adaptation of textual fragments containing euphemisms from the literary drama text to the film. The samples are 37 units (24 original euphemisms and their 37 cinematographic verbal representations) from the three plays by Oscar Wilde (*The Importance of Being*

Earnest, An Ideal Husband, Lady Windermere's Fan) and 32 video episodes from 6 film adaptations of these plays. The methods of statistical and linguistic analyses employed while investigating euphemisms showed that about one half of all euphemisms are omitted, which is due to the change of the sociocultural context (for example, *the purple of commerce*) and the need to fit the time frame allocated for a particular film. The majority of euphemisms are translated without any transformation; only five have been transformed. The reasons for this are two-fold. On the one hand, the producers pursue the simplification of the content of the original play, for instance, "Mrs.Cheveley's past is merely a slightly decolette one" [*An Ideal Husband*] was adapted to "Mrs.Cheveley's past is merely a little too revealing" [1947]. On the other hand, the producers chose to retain and emphasise the individual peculiarities of Wilde's style: the euphemism "a woman of – well, more than doubtful character" [*Lady Windermere's Fan*] is adapted to "a woman of rather doubtful character. So doubtful in fact that there is no doubt whatsoever about it." [1949] In the earlier adaptation of the play, the producer (Otto Preminger) employed polyptoton to create a pun, with Wilde being a master of wordplay. The multimodal analysis of the samples demonstrated the following results: (1) the majority of euphemisms are adapted with the help of the communicative modes of intonation, facial expression and pauses (e.g. *walk in the mire*), which is fairly predictable since concealing the unpleasant facts of reality – the main function of euphemism – gets rendered primarily via spoken language and facial expressions; however, in certain cases the cinematographic codes of visual frame and composition, as well as the mode of proxemics, enhance the meaning of the euphemism in question (e.g. *far from indifferent to you*); (2) there have been revealed three types of relation between the verbal mode, on the one hand, and the nonverbal modes, on the other: coordination, complementarity and contradiction. The relation of coordination, or equivalence, predominates (31 units out of 37), which evidences the almost unequivocal interpretation of the same euphemism by two different producers (e.g. *Wagnerian manner, bed of pain, loss in the family*).

Keywords: intersemiotic adaptation, resemiotisation, mode, euphemism, film adaptation, film stylistics, multimodal analysis

For citation: Koroteeva, V.V. & Zheleznikova, N.V. (2022) Intersemiotic adaptation of euphemisms: Linguistic and multimodal approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 76–104. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/4

Введение

Теоретические предпосылки исследования вопросов, связанных с кинематографической и, в более широком понимании, межсемиотической адаптацией, можно обнаружить в нескольких широко изучаемых в настоящее время областях науки. Во-первых, межсемиотическая адаптация напрямую связана с вопросами перевода, поскольку подразумевает трансляцию смыслового содержания знаков, или сигнификатов, из одной семиотической системы в другую; во-вторых, она затрагивает проблему исследования взаимодействия различных кодов, или модусов, в процессе ресемiotизации, или вторичного кодирования смысла при помощи инструментов других знаковых систем [1–3]. Исследуемая тема касается также таких областей знания, как лингвостилистика, семиотика и формалистская теория кино.

Целью данной статьи является исследование особенностей кинематографической адаптации фрагментов литературного текста, содержащих эвфемизмы, и выявление специфики взаимоотношений между вербальными и невербальными средствами выражения изучаемых единиц. Особенности трансляции фрагментов литературного текста в полимодальную систему кинотекста составляют объект исследования. Предметом исследования является взаимодействие различных семиотических ресурсов, или модулов, в процессе межсемиотической адаптации фрагментов литературного текста, содержащих эвфемистическое выражение.

Практический языковой материал работы представлен 37 эвфемистическими выражениями, отобранными при анализе текстов трех пьес О.Уайльда *The Importance of Being Earnest, An Ideal Husband, Lady Windermere's Fan*. В данной статье под эвфемистическим выражением вслед за В.П. Москвиным мы будем понимать слово или выражение, используемые говорящим с целью избежать неловкости, из нежелания оскорбить собеседника или же показаться невежливым [4].

Кинематографический полимодальный материал представлен 32 эпизодами из 6 экранизаций, снятых по упомянутым пьесам (*Lady Windermere's Fan* 1949 г. (Отто Премингер) и 1985 г. (Тони Смит), *An Ideal Husband* 1947 г. (Александр Корда) и 1999 г. (Оливер Паркер), *The Importance of Being Earnest* 1952 г. (Энтони Аскит) и 2002 г. (Оливер Паркер)). Две экранизации для каждой пьесы были выбраны с целью отследить семантические и полимодальные закономерности при адаптации одного и того же сигнификата, или смыслового содержания знака, разными авторами, поскольку при киноадаптации решения, принимаемые сценаристами и режиссерами, субъективны и зависят как от их собственной интерпретации исходного текста, так и от восприятия реципиента, зрителя, на которого ориентирован кинофильм (массовая аудитория, аудитория интеллектуальной элиты и т.д.).

Выбор именно эвфемистических выражений связан, во-первых, с двусмысленностью и неопределенностью эвфемизма: такая особенность исследуемого лингвистического явления определяет интерес изучения кинематографической формы представления эвфемизмов, а именно взаимодействия нескольких семиотических ресурсов для реализации смыслового содержания изучаемых единиц; во-вторых, с проблемой изучения особенностей табуизации языка и влиянием этих особенностей на создание художественного образа.

Теоретические предпосылки исследования межсемиотической адаптации

В общих чертах адаптацию можно описать как передачу некоего сообщения знаками другой системы, т.е. перекодированием исходного текста в новую систему знаков с сохранением вложенного смысла.

Начало исследованиям собственно межсемиотического перевода положил Р. Якобсон. В статье «О лингвистических аспектах перевода» он выделил три типа перевода:

1) внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка (интралингвистический);

2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка (интерлингвистический);

3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [5].

По замечанию О'Хэллоран, Тан и Уигнелл, за последние несколько десятилетий положение о третьем типе перевода, межсемиотическом или, в другом варианте, интерсемиотическом переводе, претерпело существенные изменения: Якобсон говорил о переводе с обязательным участием языковых средств, не предполагая, что в будущем появится возможность перевода знаков одних невербальных систем в знаки других невербальных систем, что стало возможным благодаря развитию цифровых технологий [6].

Принимая во внимание вышеуказанное замечание о необходимости более широкого понимания межсемиотического перевода, мы рассматриваем процесс трансляции текста из литературного произведения в кинематографическое.

Существенно детализировал классификацию, предложенную Р. Якобсоном, известный филолог и семиотик У. Эко. В своей работе «Сказать почти то же самое. Опыты перевода» Эко предлагает следующую классификацию типов перевода, подразумевая изначально под переводом «интерпретацию»: 1. Интерпретация через транскрипцию. 2. Интрасистемная интерпретация: 2.1. Интрасемиотическая, в рамках той же семиотической системы. 2.2. Интралингвистическая, в рамках того же языка. 2.3. Исполнение (музыки, драматического произведения). 3. Интерсистемная интерпретация: 3.1. С осязаемыми изменениями субстанции: 3.1.1. Интерсемиотическая интерпретация. 3.1.2. Интерлингвистическая интерпретация, или перевод с одного языка на другой. 3.1.3. Переработка. 3.2. С изменением материи: 3.2.1. Парасинонимия. 3.2.2. Адаптация, или трансмутация [7. С. 283].

Данная классификация учитывает, происходит ли интерпретация между системами внутри одной системы или же разница между начальным и исходным вариантами сводится к транскрипции. Между системами интерпретация может проходить с изменением субстанции и с изменением материи. Под изменением субстанции У. Эко понимает изменение способа воссоздания произведения однотипными семиотическими средствами (гравюра с написанной маслом картины или замена слов в предложении на синонимичные), а под изменением материи – смену знаков одной семиотической системы на знаки другой (например, создание иллюстраций к произведению или комиксов по рассказу). У. Эко также указывает на «проблему изменения материи» [7. С. 307], заключающуюся в том, что средства выражения «материи», которые используются, например, в кинематографе (движение камеры, смена планов), слишком отличаются от языковых и их

достаточно трудно описать словами, передать тот смысл, который заложен в знаках иной семиотической системы.

Переход от одной «материи» к другой У. Эко, вслед за Р. Jakobsonом, предлагает называть «трансмутацией» или же «адаптацией». К этому виду перевода он относит в первую очередь экранизацию романов или постановку их на сцене. Существенным отличием адаптации от перевода он считает необходимость «эксплицировать те аспекты, которые в переводе остались бы неопределенными» [7. С. 386]. Если принять за факт, что в произведении автор всегда оставляет какой-либо аспект имплицитным, полагаясь на умозаключения читателя, то при переводе его в эксплицитную плоскость текст неизбежно подвергается интерпретации, т.е. оказывается представлен читателю с точки зрения режиссера, сценариста или иного автора экранизации. При перенесении в другую знаковую систему также неизбежно добавление новых смыслов либо усиление значимости мало-значимых в изначальном варианте коннотаций. По словам У. Эко, форма и «субстанция словесного выражения не могут один в один «наложиться» на другую материю, в переходе от словесного языка к языку, скажем, «зрительному» встречаются друг с другом две формы выражения, эквиваленты которых нельзя определить...» [7. С. 390].

К вопросам межсемиотической адаптации обращаются и российские ученые, среди которых О.А. Леонтович, И.В. Коваленко и С.Н. Покидышева. О.А. Леонтович [8] считает, что при трансформации литературного произведения в кинематографическое происходит двухступенчатый перевод – сначала интерлингвистический, затем интерсемиотический. С.Н. Покидышева определяет адаптацию как «такую транспозицию произведения словесно-художественного творчества, целью которой служит достижение адекватного восприятия, понимания и интерпретации данного текста всеми участниками художественного дискурса» [9. С. 56]. Среди адаптаций С.Н. Покидышева, как позднее и И.В. Коваленко [10], выделяет три группы, это: 1) межязыковая адаптация (художественный перевод с языка на язык); 2) внутриязыковая адаптация, иначе говоря, имитационные или «вторичные» тексты (это могут быть, с одной стороны, стилизации, пародии, перифраз, с другой – дайджесты, пересказы, учебные тексты); 3) межсемиотическая адаптация – транспозиция литературного текста в языки других семиотических систем. Третья группа включает интересующие нас экранизации или киноадаптации художественных произведений, драматизации и инсценировки литературного текста, оперные и балетные постановки.

Из приведенного краткого обзора видно, что термины «межсемиотический перевод» (Jakobson, Леонтович, Коваленко) и «межсемиотическая адаптация» (Эко, Покидышева) употребляются в научной среде как синонимичные.

Вслед за У. Эко мы будем использовать термин «межсемиотическая адаптация», под которым в нашем случае понимается перенос сигнификатов, или конкретных фрагментов смысла, из семиотической системы литературного текста в комплексную кинематографическую семиотическую

систему, использующую семиотические ресурсы аудиального и визуального каналов, а также кинематографические коды.

Процесс межсемиотической адаптации подразумевает работу с текстами особого рода – текстами, актуализирующими несколько семиотических ресурсов. Проблема описания подобного рода «гибридных» текстов появилась в семиотике и в лингвистике во второй половине XX в. и отразилась в исследованиях «креолизованных» текстов [11], термин, который впоследствии трансформировался в «поликодовые» [12, 13] и «полиmodalные» тексты [14, 15].

Последние два термина – полиmodalный и поликодовый – употребляются как неравнозначные [14, 15]. Т.А. Винникова вслед за А.Г. Сониным [16] указывает на то, что «тексты, различные по своей семиотической природе, но предназначенные исключительно для зрительного восприятия, было предложено называть поликодовыми, а их семиотически разнородные составляющие (изображение и слова) – гетерогенными. Для текстов, не только включающих гетерогенные составляющие, но воспринимаемых благодаря одновременной работе двух или нескольких перцептивных (сенсорных) modalностей, было принято название полиmodalных (западными исследователями для названия этих текстов используется слово *multimodal*)» [14. С. 15]. Под полиmodalными текстами мы будем понимать тексты, основанные на взаимодействии двух и более модусов, воспринимаемых разными сенсорными modalностями (в случае экранизаций – аудиальной и визуальной).

Для исследования такого рода текстов применяется метод полиmodalного анализа, а именно анализ взаимодействия визуальных и аудиальных коммуникативных модусов, составляющих поликодовый (или полиmodalный) текст, использующихся с целью передачи определенного смысла. Понятие модуса было введено Гюнтером Крессом и Тео Ван Лювенем, исследователями, указавшими на необходимость использования особых методов для изучения полиmodalных текстов. Модус исследователи определяют как «семиотический ресурс, который способствует одновременной реализации различных дискурсов и типов действия»: «*modes are semiotic resources which allow the simultaneous realisation of discourses and types of (inter)action*» (перевод наш. – В.К., Н.Ж.) [17. Р. 21]. Данное определение уточнялось и расширялось с течением времени. Под коммуникативным модусом вслед за профессором Оклендского технологического университета Сигрид Норрис мы понимаем «семиотическую систему с присущими ей правилами и закономерностями»: «*A mode of communication is a semiotic system with rules and regularities attached to it*» (перевод наш. – В.К., Н.Ж.) [18. Р. 11].

Сигрид Норрис рассматриваются следующие коммуникативные модусы: 1) звучащая речь (*spoken language*); 2) проксемика (*proxemics*); 3) поза (*posture*); 4) жесты (*gesture*); 5) движения головы (*head movement*); 6) взгляд (*gaze*); 7) музыка (*music*); 8) печатные материалы (*print*); 9) обстановка (*layout*) [18. Р. 11].

Учитывая сенсорную модальность, в которой реализуется модус, а также способ реализации модуса, мы можем предложить следующую классификацию модусов, использующихся при адаптации литературного произведения в кинематографическое:

1. Визуальные модусы.

1.1. Модусы, реализованные через актеров: а) мимика; б) взгляд; в) поза; г) движения головы; д) жесты; е) проксемика; ж) цвет; з) одежда.

1.2. Модусы, реализованные через техническое оборудование.

1.2.1. Кинематографические коды: а) план; б) композиция; в) движение камеры; г) угол камеры; д) монтаж; е) освещенность.

1.2.2. Модусы материального обеспечения (для создания обстановки и воссоздания духа эпохи).

2. Аудиальные модусы.

2.1. Модусы, реализованные через актеров.

2.1.1. Звучащая речь: а) собственно звучащая речь (артикулируемое вербальное наполнение); б) темп речи; в) громкость; г) интонация; д) тембр.

2.1.2. Модусы, сопровождающие речь: а) смех; б) покашливание; в) паузы.

2.2. Модусы, реализованные через техническое оборудование: а) фоновые звуки; б) музыка.

Анализируя межсемиотическую адаптацию эвфемизмов, мы обращали особое внимание на такие модусы, как «звучащая речь», «проксемика», «поза», «жесты» и «взгляд». Такой выбор обусловлен особым характером эмпирического материала: эвфемизмы представляют собой номинации, указывающие на имплицитный характер основного коммуникативного сообщения, именно поэтому они связаны в первую очередь с кинесическими и визуальными невербальными сигналами. Кроме этого, принимались во внимание кинематографические коды, которые используются в процессе адаптации фрагментов, содержащих эвфемистические выражения.

Лингвостилистический аспект исследования кинематографической адаптации эвфемизмов

Поскольку литературное произведение на вербальном уровне претерпевает значительные изменения в результате его межсемиотической адаптации, мы посчитали необходимым выполнить, прежде всего, исследование внутриязыкового перевода эвфемизмов и выявить причины переводческих трансформаций при трансляции исследуемых единиц из текста-источника в сценарий экранизации.

Результаты лингвостилистического и сравнительно-сопоставительного анализа показали, что наиболее высокий процент сохраненных эвфемизмов, как и ожидалось, принадлежит киноадаптациям пьес (т.е. фильмам, снятым по тексту произведения [9]): *Lady Windermere's Fan* – 88,9%; *The Importance of Being Earnest* – 57,14%; *An Ideal Husband* – 50%. В экраниза-

циях же – фильмах, снятых по мотивам произведения [9] – количество сохранных эвфемизмов незначительно (табл. 1).

В процессе адаптации, как можно видеть из табл. 1, достаточно большое количество фрагментов текста, содержащих эвфемизмы, подвергается опущению. Среди сохранных эвфемизмов 22 были перенесены в неизменном виде, а 3 подверглись преобразованию¹.

Т а б л и ц а 1

**Количество сохранных и опущенных эвфемизмов
в экранизациях пьес О. Уайльда**

Название пьесы	Персонаж	Общее количество эвфемизмов	Количество сохранных эвфемизмов		Опущено эвфемизмов			
					Опущена полностью реплика с эвфемизмом		Опущен только эвфемизм	
The Importance of Being Earnest	Главный	10	9 – 1952 г.	6 – 2002 г.	1 – 1952 г.	5 – 2002 г.	1 – 1952 г.	0 – 2002 г.
	Второстепенный	4	0 – 1952 г.	0 – 2002 г.	1 – 1952 г.	3 – 2002 г.	2 – 1952 г.	1 – 2002 г.
An Ideal Husband	Главный	11	5 – 1947 г.	2 – 1999 г.	2 – 1947 г.	9 – 1999 г.	3 – 1947 г.	0 – 1999 г.
	Второстепенный	3	2 – 1947 г.	0 – 1999 г.	1 – 1947 г.	3 – 1999 г.	0 – 1947 г.	0 – 1999 г.
Lady Windermere's Fan	Главный	5	2 – 1949 г.	5 – 1985 г.	3 – 1949 г.	0 – 1985 г.	0 – 1949 г.	0 – 1985 г.
	Второстепенный	4	0 – 1949 г.	4 – 1985 г.	4 – 1949 г.	0 – 1985 г.	0 – 1949 г.	0 – 1985 г.

Рассмотрим, какие эвфемизмы были опущены, какие оставлены в неизменном виде по отношению к оригиналу, а какие были изменены, а также проанализируем причины таких изменений.

Преобразование эвфемизмов объясняется двумя на первый взгляд противоречивыми факторами. С одной стороны, сценаристы стремятся сохранить и усилить выразительный потенциал индивидуального стиля автора, с другой – ввиду изменения прагматической ситуации (социально-культурного контекста) вводят лексические упрощения.

Так, в американской экранизации *The Fan* (1949 г.) по мотивам пьесы *Lady Windermere's Fan* вместо оригинального эвфемизма *a woman of – well, more than doubtful character* было использовано выражение *a woman of*

¹ Из 37 отобранных эвфемизмов суммарно и в киноадаптациях, и в фильмах по мотивам нашло отражение 24 оригинальных эвфемизма, в таблице отражены случаи реализации эвфемизмов, например, в одном фильме задействовано 9, в другом 6, но оригинальных выражений по-прежнему 9, хотя случаев реализации – 15 для фильмов, снятых по одной пьесе. Всего же в неизменном виде было перенесено 22 эвфемизма, а все три случая изменения описаны в статье.

rather doubtful character. Произошло лексическое преобразование с сохранением смысла:

Пример 1

Текст-источник	Сценарий 1949 г.
LORD DARLINGTON. [Still seated.] Do you think then – of course I am only putting an imaginary instance – do you think that in the case of a young married couple, say about two years married, if the husband suddenly becomes the intimate friend of a woman of – well, more than doubtful character , is always calling upon her, lunching with her, and probably paying her bills – do you think that the wife should not console herself? [Lady Windermere's Fan, Act 1]	LORD DARLINGTON I wonder if you wouldn't consider a compromise in a case such as I happened to hear of recently. The case of a young married couple. The husband has become involved with a woman of rather doubtful character. So doubtful in fact that there is no doubt whatsoever about it. He calls on her constantly and he's said to be paying her bills. Don't you think that in this instance the wife has a right to seek consolation elsewhere? [00:34:33–00:34:51]

В пьесе авторский эвфемизм *more than doubtful character* подчеркивает скандальность поведения миссис Эрлин, в версии же кинофильма 1949 г. эта черта характера подчеркивается во фразе, следующей за эвфемистическим выражением – *So doubtful in fact that there is no doubt whatsoever about it*, и указывает на негативную оценку той же степени, что и в оригинале пьесы, выраженную в этой экранизации с помощью такого стилистического приема, как каламбур, реализованного через полипитотон или, в русской традиции, через плеоназм. Таким образом, выполненное преобразование способствует усилению особенностей идиолекта О. Уайльда, характеризующегося частым использованием таких стилистических приемов, как каламбур и ирония.

В качестве лексического упрощения можно привести пример изменения эвфемизма *a slightly décoletté* на *a little... too revealing* в экранизации пьесы *An Ideal Husband* 1947 г., употребленного в ситуации, когда лорд Горинг описывает прошлое миссис Чивли как «слегка декольтированное»:

Пример 2

Текст-источник	Сценарий 1947 г.
LORD GORING. Most pretty women do. But there is a fashion in pasts just as there is a fashion in frocks. Perhaps Mrs. Cheveley's past is merely a slightly décoletté one and they are excessively popular nowadays [An Ideal Husband, Second Act]	LORD GORING Most pretty women do. There is a fashion in pasts just as there is a fashion in frocks. Perhaps Mrs. Cheveley's past is merely a little... too revealing. [00:40:58–00:41:02]

Понимание метафоры *past is merely a slightly décoletté one*, очевидно, было осложнено употреблением французской лексемы, что повлекло за собой преобразование. При этом лексическая замена *décoletté* на *revealing*

недвусмысленно указывает на сомнительное с нравственной точки зрения прошлое миссис Чивли, что полностью соответствует задачам режиссера облегчить восприятие вербального текста для зрителя, а также сохраняет образ персонажа, заложенный О. Уайльдом.

В ходе анализа был выявлен еще один тип преобразования эвфемизмов, который связан с преобразованием поэтической структуры текста, при котором эвфемистическое выражение – *gospel of gold* – перешло в уста другого действующего лица, отсутствовавшего в оригинальном произведении. Данный эвфемизм, основанный на метафоре, скрывает такое порочное социальное явление, как жажда наживы, и семантически связан с русскоязычным эвфемизмом *поклонение золотому тельцу*. Если в оригинале пьесы *An Ideal Husband* о *gospel of gold* говорил сэр Роберт, вспоминая своего наставника, барона Арнгейма, то в фильме 1999 г. зритель слышит ее уже от самого барона:

Пример 3

Текст-источник	Сценарий 1999 г.
SIR ROBERT CHILTERN. [Throws himself into an armchair by the writing-table.] One night after dinner at Lord Radley's the Baron began talking about success in modern life as something that one could reduce to an absolutely definite science. With that wonderfully fascinating quiet voice of his he expounded to us the most terrible of all philosophies, the philosophy of power, preached to us the most marvellous of all gospels, the gospel of gold [An Ideal Husband, Second Act]	BARON ARNHEIM That power, power over other men is the one and only thing worth having. This is what I call the philosophy of power, the gospel of gold [00:29:23–00:29:50]

Причинами **опущения** достаточно большого количества фрагментов текста, содержащих эвфемизмы (см. табл. 1), можно считать хронометрические и социокультурологические особенности переноса сигнификатов из семиотической системы художественного текста в кинематографическую постановку.

Режиссер выстраивает канву интерпретации оригинального произведения вокруг основных для сюжета сцен, принимая во внимание временные ограничения для текущей кинопостановки. По этой причине среди эвфемизмов, исключенных из обеих версий фильмов, можно назвать, прежде всего, реплики второстепенных персонажей, а также реплики главных персонажей, не связанные напрямую с основными событиями сюжета, а также не участвующие в создании художественного образа героя. Так, например, реплика леди Маркби в *An Ideal Husband* с эвфемизмом *violent language*, в которой она сетует на привычку своего мужа выражаться недостойным образом, полностью была исключена из обоих вариантов экранизации: «LADY MARKBY. ... Why, this morning before breakfast was half over, he stood up on the hearthrug, put his hands in his pockets, and appealed to the country at the top of his voice. I left the table as

soon as I had my second cup of tea, I need hardly say. But his **violent language** could be heard all over the house! I trust, Gertrude, that Sir Robert is not like that» [An Ideal Husband, First Act].

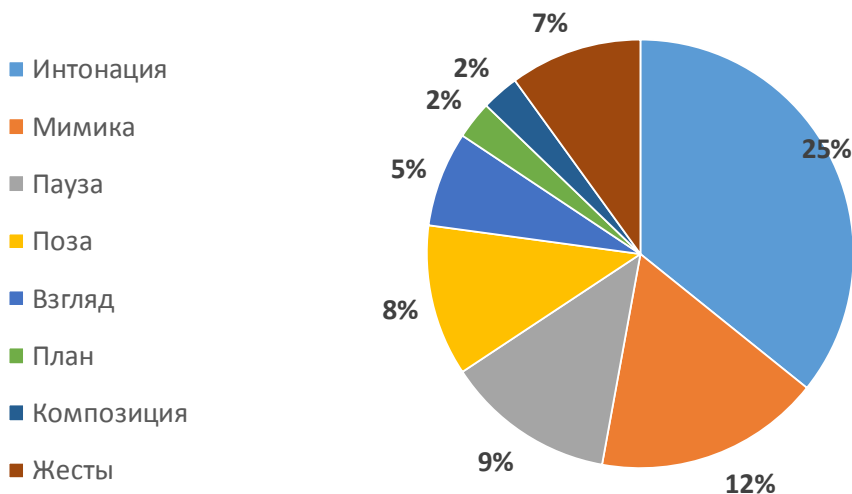

Рис. 1. Квантитативный анализ актуализируемых модусов при межсемиотической адаптации эвфемизмов

Кроме того, изменение социально-экономической ситуации в Британии 50-х гг. и рубежа второго и третьего тысячелетий привело к тому, что некоторые реалии конца XIX в. превратились в анахронизм на момент создания кинопостановки. Так, в пьесе *The Importance of Being Earnest* было опущено предложение с эвфемизмом метонимического характера *the purple of commerce*:

Пример 4

Текст-источник	Сценарий 1952 г.	Сценарий 2002 г.
LADY BRACKNELL: To lose one parent, Mr. Worthing, may be regarded as a misfortune; to lose both looks like carelessness. Who was your father? He was evidently a man of some wealth. Was he born in what the Radical papers call the purple of commerce , or did he rise from the ranks of the aristocracy?» [The Importance of Being Earnest, First Act]	LADY BRACKNELL: To lose one parent, Mr. Worthing, may be regarded as a misfortune. To lose both looks like carelessness. Who was your father? [00:24:50–00:24:57]	LADY BRACKNELL: To lose one parent, Mr. Worthing may be regarded as a misfortune. To lose both looks like carelessness. Who was your father? He was evidently a man of some wealth [00:25:13–00:25:19]

Выражение *the purple of commerce* отсылает читателя к тому времени в истории Европы, когда разбогатевшие торговцы отправляли своих детей в лучшие школы и университеты, чтобы получить доступ к государственным постам и политической власти наравне с элитой XIX в. – аристократией. Выходцы из аристократических семей считали торговлю недостойным занятием, поэтому даже при наличии хорошего образования и высокого поста люди, имеющие отношение к *the purple of commerce*, не могли считаться равными тем, чей род имел древнее благородное происхождение. Кроме этого, опущение данного эвфемизма может быть связано с цензурной правкой режиссера оригинального текста из соображений политкорректности.

Кроме хронометрических, идеологических и социо-культурологических причин опущения фрагментов текста, содержащих эвфемизмы, следует также указать на опущение вследствие трансформации сюжетной линии произведения. Так, например, из обеих экранизаций *An Ideal Husband* исчезла реплика главного персонажа, лорда Горинга, с эвфемизмом *a certain construction*, в которой он предупреждал леди Чилтерн о том, что ее письмо на розовой бумаге оказалось у миссис Чивли и последняя намерена отправить его сэру Роберту как доказательство супружеской неверности леди Чилтерн: «LORD GORING. [Rising] Lady Chiltern, I will be quite frank with you. Mrs. Cheveley puts **a certain construction** on that letter and proposes to send it to your husband» [An Ideal Husband, Fourth Act].

В экранизациях 1947 и 1999 гг. данная беседа не состоялась.

В табл. 1 показано соотношение опущений в каждой пьесе между разными экранизациями и персонажами (0 – сохранение эвфемизмов без изменений). Анализ табл. 1 позволяет сделать общий вывод о том, что при адаптации фрагментов текста, содержащих эвфемизмы, происходит опущение в основном всей реплики с эвфемистическим выражением. Таким образом, можно предположить, что именно ограничение экранного времени в первую очередь влияет на опущение реплик с эвфемизмами.

Третью группу эвфемизмов составляют те, которые попали в экранизации без изменений. В основном это реплики главных действующих лиц и реплики, содержащие эвфемизмы, важные для развития сюжета.

Именно эта группа эвфемизмов была подробно исследована при помощи метода полиmodalного анализа. Результаты данного анализа приведены в следующей части статьи.

Межсемиотическая адаптация фрагментов художественного текста, содержащих эвфемистические выражения

Непосредственная межсемиотическая адаптация эвфемизмов в рассмотренных нами экранизациях происходит с использованием таких визуальных семиотических модусов, как:

1) модусы, реализованные через актеров: а) мимика; б) взгляд; в) поза; г) жесты; д) проксемика; е) цвет; ж) одежда;

2) кинематографические коды: а) план; б) композиция; в) монтаж;
 г) движение камеры;
 3) модусы материального обеспечения, организующие обстановку в сцене;
 4) аудиальные модусы: модусы, формирующие звучащую речь. Модус фоновых звуков¹ был актуализирован всего один раз, но играл ведущую роль в трансляции смысла эвфемизма *Wagnerian manner*: «Ah! that must be Aunt Augusta. Only relatives, or creditors, ever ring in that **Wagnerian manner**» [*The Importance of Being Earnest*, First Act]. Данная аллюзия, указывающая на мощь звучания музыки Вагнера, могла быть реализована только при помощи аудиального канала восприятия, а именно громких звуков дверного звонка.

В процессе анализа эмпирического материала главной целью исследования являлось определение того, в каких отношениях состоят между собой вербальный модус звучащей речи, с одной стороны, и невербальные модусы – с другой. Это обусловлено предметом исследования: анализу подвергаются вербальные знаки в оригинальном литературном произведении и их кинематографическая реализация при помощи невербальных модусов.

Результаты анализа межсемиотической адаптации фрагментов текста, содержащих эвфемизмы (24 оригинальных эвфемизма и 37 их кинематографических реализаций), в сокращенном виде можно представить в виде таблиц (табл. 2–4).

Т а б л и ц а 2

**Модусы, способствующие реализации эвфемизмов
 в фильмах *An Ideal Husband* 1947 и 1999 гг.**

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Ideal Husband</i> 1947 г. и вкладываемый смысл	Реализация в фильме <i>The Ideal Husband</i> 1999 г. и вкладываемый смысл
1	I told you it was a question of rational compromise . It is no more.	Поза (защитная реакция на обвинение) Проксемика (интимный разговор + «нападение» – «защита») Композиция («нападение» – «защита»)	Отсутствует
2	Once a man has set his heart and soul on getting to a certain point, if he has to climb the crag, he climbs the crag; if he has to walk in the mire - He walks in the mire . Of course	Интонация (уговорить собеседника) Темп (тщательный подбор слов) Пауза (колебания при выборе выражения)	Интонация (уговоры с покровительственными нотками) Пауза (колебания при выборе выражения)

¹ В целом можно отметить, что во всех адаптациях и экранизациях, снятых в более ранний период (например, в *The Fan* 1949 г.), присутствует атмосфера театральности, т.е. практически нет или очень мало звуков реальной жизни, которые можно отнести к фоновым.

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Ideal Husband</i> 1947 г. и вкладываемый смысл	Реализация в фильме <i>The Ideal Husband</i> 1999 г. и вкладываемый смысл
		Жесты («ритмические», для придания словам убедительности)	Мимика (отстраненность, беспокойство) Взгляд
3	I did not sell myself for money. I bought success at a great price. That is all.	Интонация (нападение, агрессивная защита) Проксемика (один против всех)	Отсутствует
4	With that wonderfully fascinating quiet voice of his he expounded to us the most terrible of all philosophies, the philosophy of power, preached to us the most marvellous of all gospels, the gospel of gold	Пауза (осмысление) Жесты и поза (внутренняя борьба, беспокойство) Проксемика (один против всех)	Интонация (внушение, гипноз) Тембр (внушение, гипноз) Движение камеры (величественность)
5	She has had a loss in her family lately, which perhaps accounts for the lack of triviality your lordship complains of in the buttonhole	Взгляд (потребность в ответной реакции)	Отсутствует
6	Merely listening. I have a perfect passion for listening through keyholes	Интонация (самооправдание) Мимика (принятие себя со всеми недостатками и достоинствами) Жест (метафорический – «вот и я»)	Отсутствует
7	It is entirely composed now of beautiful idiots and brilliant lunatics . Just what Society should be.	Интонация (противоречие в высказывании)	Отсутствует

Т а б л и ц а 3

Модусы, способствующие реализации эвфемизмов в фильмах *The Fan* 1949 г. и *Lady Windermere's Fan* 1985 г.

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Fan</i> 1949 г.	Реализация в фильме <i>Lady Windermere's Fan</i> 1985 г.
1	Do you think then – of course I am only putting an imaginary instance – do you think that in the case of a young married couple, say about two years married, if the husband suddenly becomes the intimate friend of a woman of – well, more than doubtful character is always calling upon her, lunching with her, and probably paying her bills...	Жест (сокращение дистанции) Взгляд (соблазнение) Мимика (соблазнение)	Пауза (подбор выражения) Проксемика (нерешительность) Интонация Мимика (деликатность темы) Жесты (важность темы, осторожность)

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Fan</i> 1949 г.	Реализация в фильме <i>Lady Windermere's Fan</i> 1985 г.
2	...do you think that the wife should not console herself ?	Жест (сокращение дистанции) Взгляд (соблазнение) Мимика (соблазнение)	Пауза (подбор выражения) Проксемика (нерешительность) Интонация Мимика (деликатность темы) Жесты (важность темы, осторожность)
3	They outrage every law of the world, and are afraid of the world's tongue	Отсутствует	Интонация (возмущение)
4	Our grandmothers threw their caps over the mills , of course, but, by Jove, their granddaughters only throw their caps over mills that can raise the wind for them	Отсутствует	Интонация (насмешка) Мимика (насмешка)
5	They have absolutely no respect for dyed hair	Отсутствует	Интонация (насмешка) Мимика (насмешка)
6	Dumby, you are ridiculous, and Cecil, you let your tongue run away with you	Отсутствует	Интонация (мягкая угроза) Пауза (смягчение угрозы) Громкость (угроза)
7	Experience is the name Tuppy gives to his mistakes	Отсутствует	Интонация (насмешка) Проксемика (насмешка)
8	Well then, setting aside mercenary people, who, of course, are dreadful, do you think seriously that women who have committed what the world calls a fault should never be forgiven?	Отсутствует	Взгляд (намек) Пауза (почеркнутая значимость сказанного) Композиция
9	And mind you don't take this little aberration of Windermere's too much to heart	Отсутствует	Интонация (утешение) Мимика (утешение, снисходительность) Композиция (утешение с позиции силы)

Т а б л и ц а 4

**Модусы, способствующие реализации эвфемизмов в фильмах
The Importance of Being Earnest 1952 и 2002 гг.**

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Importance of Being Earnest</i> 1952 г.	Реализация в фильме <i>The Importance of Being Earnest</i> 2002 г.
1	ALGERNON. Well, that is exactly what dentists always do. Now, go on! Tell me the whole thing. I may mention that I have always suspected you of being a confirmed and secret Bunburyist ; and I am quite sure of it now. JACK. Bunburyist? What on earth do you mean by a Bunburyist?	Мимика (ухмылка, удовольствие, превосходство) Взгляд (хитрость, превосходство) Поза (доминирование, покровительство) Проксемика (наличие общей тайны)	Мимика (недовольство, подозрительность) Поза (напряжение) Проксемика (противостояние)
2	What you really are is a Bunburyist . I was quite right in saying you were a Bunburyist . You are one of the most advanced Bunburyists I know	Мимика (удовольствие, превосходство) Интонация (наличие общей тайны) Поза (превосходство) Проксемика (наличие общей тайны)	Интонация (обвинение) Мимика (обвинение) Проксемика (противостояние)
3	Well, he said at dinner on Wednesday night, that you would have to choose between this world, the next world , and Australia	Взгляд Жест (дейктический)	Жест
4	I believe it is customary in good society to take some slight refreshment at five o'clock	Интонация (насмешливая оборона)	Отсутствует
5	Even before I met you I was far from indifferent to you	Интонация (волнение, передача чувств) Проксемика (сближение) Пауза (важность информации)	Интонация (волнение, передача чувств) Проксемика (сближение) Громкость (интимная обстановка)
6	Only relatives, or creditors, ever ring in that Wagnerian manner	Фоновый звук (тревога) Интонация (насмешка и уважение одновременно) Жесты (суетливость)	Фоновый звук (тревога) Интонация (легкая насмешка)
7	And surely there must be much good in one who is kind to an invalid, and leaves the pleasures of London to sit by a bed of pain	Интонация (сочувствие; желание подчеркнуть подвиг)	Отсутствует
8	I don't allow any Bunburying here	Интонация (неодобрение)	Отсутствует

№	Эвфемизм	Реализация в фильме <i>The Importance of Being Earnest</i> 1952 г.	Реализация в фильме <i>The Importance of Being Earnest</i> 2002 г.
		Мимика (неодобрение) Жесты (нежелание иметь что-то общее)	
9	I have Bunburied all over Shropshire on two separate occasions	Интонация (невинная шалость) Мимика (невинная шалость) Взгляд (дружеский заговор)	Отсутствует
10	Few girls of the present day have any really solid qualities, any of the qualities that last, and improve with time	Интонация (дружелюбие) Мимика (интерес) Поза (интерес, расположение) Пауза (подбор подходящего выражения)	Отсутствует

На основе исследования адаптации эвфемизмов в пьесах О.Уайльда было выявлено три типа отношений между вербальными знаками и невербальными модусами, репрезентирующими исследуемые единицы: 1) равнозначности; 2) комплементарности; 3) контрадикции. Термины, представленные в данной статье, частично соотносятся с терминами, предложенными Брэдфордом Холлом при классификации отношений между вербальными и невербальными знаками в межличностной коммуникации. Так, термины «контрадикция» и «комплементарность» соответствуют «*contradiction*» и «*complement*» в таксономии Б. Холла [19. P. 162].

Отношения равнозначности

Отношения равнозначности наблюдаются в том случае, когда вербальный знак, представляющий собой эвфемизм со значением, допускающим однозначность трактовки, реализуется при помощи невербальных модусов, которые максимально близко отражают то значение, которое заложено в семантике эвфемизма, примерами таких эвфемизмов могут быть *Wagnerian manner, far from indifferent to you, let your tongue run away with you, bed of pain, loss in the family, passion for listening through keyholes* и т.д.

Необходимо отметить, что чем абстрактнее эвфемизм, тем сложнее найти невербальные средства для его выражения, именно поэтому и допускается широкая интерпретация, как можно увидеть на примере адаптации эвфемизма *gospel of gold* (табл. 7, см. с. 96–97). Однако если эвфемизм связан, например, с областью конкретных чувств, перед авторами киноадаптации открываются широкие возможности для относительно точного воссоздания его смысла в другой семиотической системе. Так, например,

фрагмент текста с сюжетообразующим эвфемизмом *far from indifferent to you*, который связан с имплицитным признанием героини в любви, реализуется в обоих кинофильмах главным образом при помощи модуса мимики и проксемики: 1) мимические знаки: улыбки, опущенные глаза, демонстрирующие стеснение, прерывающееся дыхание, свидетельствующее о волнении; 2) проксемические знаки: сокращение дистанции между собеседниками как намек на нечто интимное (см. табл. 5). Невербальные модусы, реализующие данный эвфемизм, указывают на его однозначную трактовку. Все изобразительные и аудиальные средства – близкое расстояние между актерами, опущенные взгляды, неровный темп речи, представление обоих актеров в одном кадре – практически идентичны в обоих киноэпизодах и направлены на то, чтобы подчеркнуть влюбленность Гвендолен в Джека.

Таблица 5

Анализ невербальных модусов при адаптации эвфемизма *far from indifferent to you*

Экранизация	<i>The Importance of Being Ernest</i> , адаптация 1952 г.	<i>The Importance of Being Ernest</i> , экранизация 2002 г.
Цитата	GWENDOLEN: Even before I met you I was far from indifferent to you	GWENDOLEN: Even before I met you I was far from indifferent to you
Кадр		
Значение сцены	Объяснение в любви	Объяснение в любви
Невербальные знаки визуальной модальности	Мимика: на губах Гвендолен едва заметна улыбка (реакция на предыдущую реплику Джека), которая исчезает под давлением волнения. Взгляд: глаза опущены. Поза: держится очень прямо. Проксемика: после слов <i>far from indifferent to you</i> Джек, стоявший до сих пор за спинкой дивана, на котором сидит Гвендолен, подсаживается к ней	Мимика: Гвендолен смеется над неловким замечанием Джека, потом становится серьезной. Взгляд: то опускает глаза, то поднимает, бросая на собеседника короткие взгляды. Сразу после признания отводит глаза, бросает обеспокоенный взгляд в окно. Поза: немного подается вперед, сокращая расстояние между собой и собеседником. Проксемика: Джек подсаживается на диван, некоторое время они сидят вместе. После признания Гвендолен поспешно встает с дивана, словно боясь, что сказала лишнее

Экранизация	<i>The Importance of Being Earnest</i> , адаптация 1952 г.	<i>The Importance of Being Earnest</i> , экранизация 2002 г.
Невербальные знаки аудиальной модальности	Темп: голос Гвендолен чуть прерывается, но она старается говорить как можно более спокойно и размеренно, от этого темп речи замедлен. Громкость: говорит негромко, но четко. Паузы: Гвендолен часто делает паузы, чтобы перевести дыхание	Темп: Гвендолен говорит как человек, который волнуется. Ее голос неровный, чуть срывающийся, нет намека на спокойствие, хотя она старается говорить сдержанно. Ее дыхание прерывается, она замолкает, чтобы набрать воздуха. Громкость: доверительно понижает голос
Кинематографические коды	План: камера с самого начала реплики берет общий средний план персонажей, изображение не становится статичным только за счёт движения персонажей. Композиция: Гвендолен сидит на диване, Джек стоит сзади, наклонившись к ней	План: средний план Гвендолен сменяется в процессе реплики средним планом Джека, показывая взаимодействие персонажей (слушающий – говорящий) и после фразы <i>I was far from indifferent to you</i> персонажи показаны вместе, все тем же средним планом. Композиция: персонажи сидят рядом на диване, друг напротив друга

Отношения комплементарности

Отношения комплементарности (дополнения) связаны с тем, что вербальный знак, представляющий собой эвфемизм с абстрактным и/или неопределенным значением, допускающим широкую интерпретацию, реализуется по-разному в разных экранизациях; при этом невербальные знаки дополняют и/или раскрывают значение эвфемизма. Так, например, в обеих экранизациях *The Importance of Being Earnest* используется ключевой с точки зрения сюжетообразования эвфемизм *Bunburyist* – дериват от имени воображаемого приятеля-инвалида Алджернона Монкрифа – *Bunbury*. Рассматриваемый эвфемизм основан на антономазии, и его значение контекстуально обусловлено: данная номинация является завуалированным указанием на безнравственное и безответственное поведение героя и употребляется с целью создания юмористической тональности повествования:

«ALGERNON: What you really are is a **Bunburyist**. I was quite right in saying you were a Bunburyist. You are one of the most advanced Bunburyists I know». [The Importance of Being Earnest, First Act].

В кинематографических воплощениях пьесы 1952 и 2002 гг. сцены, реализующие реплику, представлены по-разному (табл. 6).

В фильме 1952 г. невербальные знаки, участвующие в реализации эвфемизма, с одной стороны, придают ему положительную коннотацию с легким намеком на нечто, связанное с шалостью (мелиоративные мимические и жестуальные знаки, воспроизводимые Алджерноном, – довольная улыбка и объятия), с другой стороны, неоднозначные жестуальные знаки, субъектом которых выступает Джек (раздраженные жесты), демонстрируют сомнение относительно природы этого эвфемизма.

Таблица 6

Анализ невербальных модусов при адаптации эвфемизма *a Bunburyist*

Экранизация	<i>The Importance of Being Ernest</i> , адаптация 1952 г.	<i>The Importance of Being Ernest</i> , экранизация 2002 г.
Цитата	00:08:46–00:09:17 Algernon: I may mention that I have always suspected... and now I am quite sure that you are a confirmed and secret Bunburyist . Jack: Bun...Bunburyist? What on earth do you mean by Bunburyist?	00:08:19–00:08:33 Algernon: Oh, I suspected that, my dear fellow... just as I suspected you to be a Bunburyist . Indeed, you are one of the most advanced... Bunburyists I know
Кадр		
Значение сцены	Заговор, игра	Обвинение, преступление
Невербальные знаки визуальной модальности	Обстановка: перед зрителем комната в доме Уординга. Освещение: естественное освещение. Одежда: ощущение домашней непринужденной обстановки усиливает халат, в который одет Джек. Проксемика: Алджернон встаёт с кресла и подходит к Джеку, фамильярно приближает его на мгновение. Мимика: Алджернон улыбается хитро и заговорщически, понимаяюще глядя на друга. Джек при слове Bunburyist сначала округляет и отводит глаза, демонстрируя раздражение, при третьем повторе поднимает брови, показывая непонимание. Жесты и позы: произнося реплику, Алджернон приподнимает голову и смотрит на сидящего Джека сверху вниз. Потом подходит к нему и покровительственно приближает. Все его позы демонстрируют превосходство, покровительственное отношение	Обстановка: первая часть сцены снята в мрачных серых тонах. Алджернон и Уординг стоят под аркой на улице, Освещение: вокруг героев полумрак. Одежда: на персонажах черные костюмы, черные цилиндры. Проксемика: Алджернон и Джек стоят рядом, но не касаются друг друга. Мимика: Алджернон говорит сквозь сжатые зубы, сощурился глаза, покачивая головой, создавая впечатление, что он обвиняет Джека в каком-то серьезном проступке. Жесты и позы: во время разговора персонажи серьезные и почти неподвижны. Внезапно Алджернон бросается бежать, появляется полиция и преследует его

Экранизация	<i>The Importance of Being Ernest</i> , адаптация 1952 г.	<i>The Importance of Being Ernest</i> , экранизация 2002 г.
Невербальные знаки аудиальной модальности	Интонация: в голосе Алджернона звучит радость, когда он заявляет, что его друг настоящий Bunburyist. Он говорит громко и свободно, с довольной интонацией. Фоновые звуки: диететические звуки, сопровождающие действия актеров	Интонация: в голосе Алджернона чувствуется напряжение. Фоновые звуки: во время разговора на улице слышны крики, стук колес по мостовой. В конце сцены фоном появляется немного тревожная музыка в мажорной тональности, придающая погоне несколько комедийный оттенок
Кинематографические коды	План: реплика Алджернона начинается средним планом у камина, затем средний план демонстрирует движение героев и сцену с Джеком	План: во время первого разговора камера показывает действующих лиц крупным планом, сначала одного, потом другого

Таблица 7

Анализ невербальных модусов при адаптации эвфемизма *gospel of gold*

Экранизация	<i>An Ideal Husband</i> , адаптация 1947 г.	<i>An Ideal Husband</i> , экранизация 1999 г.
Цитата	00:35:49-00:36:11 SIR ROBERT CHILTERN. [Throws himself into an armchair by the writing-table.] One night after dinner at Lord Radley's the Baron began talking about success in modern life as something that one could reduce to an absolutely definite science. With that wonderfully fascinating quiet voice of his he expounded to us the most terrible of all philosophies, the philosophy of power, preached to us the most marvellous of all gospels, the gospel of gold	00:29:23 – 00:29:50 BARON ARNHEIM That power over other men is the one and only thing worth having. This is what I call the philosophy of power, the gospel of gold
Кадр		
Значение сцены	Отрицание собственной ошибки	Оправдание собственного поступка внешними обстоятельствами; благоговение
Невербальные знаки визуальной модальности	Обстановка и цвет: обстановка кабинета довольно мрачная: стены грязно-зеленого цвета, камин из серого камня, гравюры в массивных темных рамах. Когда сэр Чил-	Обстановка и освещенность: барон и молодой Чилтерн сидят за обеденным столом. Их всего двое, но на длинном столе стоит много ваз с фруктами. Вокруг стола рас-

Экранизация	<i>An Ideal Husband</i> , адаптация 1947 г.	<i>An Ideal Husband</i> , экранизация 1999 г.
	терн подходит к окну, становится видно, что небо затянуто тучами и между ними лишь небольшие просветы голубого неба. Жесты и поза: сэр Чилтерн серьезен и ведет себя немного нервно: сначала садится в кресло, но почти тут же поднимается и идет к окну, потом обратно. Взгляд: отвечая на вопрос, он не смотрит на собеседника, взгляд его направлен немного вправо и вниз, что создает впечатление углубленности в себя, раздумий	ставлены статуи и вазы, на фронтальной стене мы видим роспись в виде картины в классическом стиле. Атмосфера пропитана роскошью, которую проповедует барон Арнгейм, и в то же время в комнате полумрак, что создает ощущение тревожности. Этот полумрак ощущается как легкая дымка. Поза: барон сидит в кресле, откинувшись на спинку и развалившись как человек, добившийся большой власти и богатства. Он пьет вино. Взгляд: барон смотрит на Чилтерна не мигая. Мимика: Чилтерн улыбается ему почтительно и внимательно слушает
Невербальные знаки аудиальной модальности	Интонация: сэр Роберт говорит уверенно, достаточно громко, но с задумчивой интонацией. Паузы: выражение <i>the gospel of gold</i> он выделяет паузами до и после, что подчеркивает значительность этого предмета для сэра Чилтерна	Музыка: играет немного тревожная фоновая музыка (струнные инструменты). Интонации: голос барона звучит монотонно и завораживающе – образ гипнотизера, внушающего установки своей «жертве»
Кинематографические коды	План: камера застыла на среднем плане, лишь раз сменив ракурс, когда сэр Роберт поднялся с кресла и направился к окну	План и движение камеры: сцена начинается с крупного плана лица барона, кадр сменяется, показывая крупный план сэра Роберта, затем следует общий план комнаты, показанный сверху в плавном движении камеры сверху вниз

Однако общая атмосфера взаимопонимания поддерживается кинематографическим кодом плана и композиции: камера выбирает средний план для фиксации двух героев в кадре, когда Алджернон приближается, а потом приближает Джека.

В целом адаптация эвфемизма *Bunburyist* в данной киноленте связана с созданием семантики безобидной игры или дружеского заговора, что подчеркивается через употребление модуса одежды (халат как указание на атмосферу непринужденности), проксемики (объятия), мимики (улыбка и заговорщический вид Алджернона), а также интонации (радость и удовлетворение).

В фильме Оливера Паркера 2002 г. исследуемый фрагмент текста разбит на две части и прерывается сценой из жизни поместья, где живет Сесили.

Цветовая кодировка сцены сразу устанавливает атмосферу мрачности и уныния: действие начинается на улице, серые оттенки и черные костюмы героев создают удручающую атмосферу, настраивающую на серьезные разговоры. Модусы мимики и взгляда усиливают это впечатление (настроенное выражение на лице Джека и пристально, без улыбки разгляды-

вающий его Алджернон). Кинематографические коды монтажа и плана успешно передают идею разобщенности героев: крупные поочередные планы указывают на противостояние, как и обвиняющий тон Алджернона.

В начале второй сцены, когда Джек приходит в дом друга за объяснениями, атмосфера не меняется, на что указывают модусы взгляда, жестов и позы (руки в карманах, бегающий взгляд, торопливое поедание печенья). Проксемические знаки вновь подчеркивают разобщенность героев: камера показывает движение Алджернона навстречу Джеку, однако, оказавшись на мгновение рядом, они расходятся в разные стороны.

Анализ всех модусов в совокупности – модуса цвета (серые тона, передающие мрачную атмосферу; черные сюртуки), модуса одежды (строгие мрачные черные сюртуки и цилиндры), модуса мимики (серьезные, без улыбки лица) и поз (противостояние) – позволяет говорить о семантике обвинения в преступлении. Данное впечатление усиливается появлением в сцене полиции, однако музыка в мажорной тональности, сопровождающая бегство Алджернона указывает на несерьезность мнимого преступления. Возможно, такой контраст между семантикой невербальных визуальных знаков и модуса музыки указывает на иронический взгляд режиссера на эту сцену.

Таким образом, если в адаптации пьесы 1952 г. эвфемизм *Bunburyist* трактуется в легкой, шутливой манере, в экранизации 2002 г. все модусы способствуют созданию серьезной и несколько гнетущей атмосферы, сопровождающей образ *Bunburyist*, которая разряжается в самом конце при помощи недиегетической реализации модуса музыки, что указывает на ироническую интерпретацию режиссером данной сцены.

Другой эффективной иллюстрацией отношений комплементарности между вербальными знаками, репрезентирующими эвфемизм с абстрактным значением, и невербальными модусами, раскрывающими интерпретацию данного значения режиссером, может быть адаптация эвфемистического выражения *gospel of gold* (см. табл. 7 на с. 96–97). Данный эвфемизм был сохранен даже в вольной экранизации пьесы *An Ideal Husband* 1999 г., в которой из 14, сохранилось лишь 2 авторских эвфемизма. Даже вложив ее в уста другого персонажа (барона Арнгейма), автор сценария Оливер Паркер не изменил саму реплику, поскольку она однозначно указывает на порочное отношение сэра Роберта к деньгам:

Пример 5

<i>An Ideal Husband</i> , адаптация 1947 г.	<i>An Ideal Husband</i> , экранизация 1999 г.
00:35:49-00:36:11 SIR ROBERT CHILTERN. [Throws himself into an armchair by the writing-table.] One night after dinner at Lord Radley's the Baron began talking about success in modern life as something that one could reduce to an absolutely definite science. With that wonderfully fascinating quiet voice of his he expounded to us the most terrible of all philosophies, the philosophy of power, preached to us the most marvelous of all gospels, the gospel of gold .	00:29:23–00:29:50 BARON ARNHEIM That power over other men is the one and only thing worth having. This is what I call the philosophy of power, the gospel of gold

В более ранней киноленте через ансамбль таких модусов, как модус освещения (полумрак, затянутое тучами небо через окно), проксемика (персонаж один в кадре), жестов и позы (быстрая смена положения, выдающая беспокойство), авторы фильма передают ощущение тревоги и внутренней нравственной борьбы героя, понимающего, что поступил подло, но продолжающего оправдывать свой поступок тем, что богатство было чересчур соблазнительно и важно для него. Цветовая кодировка сцены, кратковременное включение символического пейзажа в кадр (затянутое тучами небо с небольшими просветами) и статичная камера косвенно указывают на использование режиссером идеи влияния злого рока на судьбу человека.

В экранизации 1999 г. режиссеру удалось создать величественную и немного волшебную атмосферу с помощью вертикального движения камеры, когда возникает ощущение, что потолок зала расположен высоко, как в соборах католических храмов. Актуализация модуса освещенности (полумрак, похожий на лёгкую дымку, навевающую мысли о воскурении фиамиама) и модуса обстановки (меблировка сказочного дворца, включающая такие предметы роскоши, как длинный стол, рассчитанный на большие приемы, роспись на стене) способствуют усилению атмосферы волшебства. Модусы цвета и композиции добавляют немного зловещих нот исследуемой сцене (холодные тона, серая дымка; пустота – в кадре лишь два персонажа за длинным столом с большим количеством стульев). Использование данных модусов, несомненно, способствует раскрытию семантики поклонения золоту, что напрямую передается эвфемизмом *the gospel of gold*, но, на наш взгляд, эти же модусы – цвета и композиции – придают ему оттенок черной мессы. Модусы мимики, взгляда и интонации, воспроизводимые бароном Арнгеймом (тяжелый немигающий взгляд, застывшее лицо, завораживающие монотонные интонации) и Чилтерном (почтительное внимание), вместе создают некий симбиоз гипнозизера и человека, поддавшегося гипнозу. Зрителю становится ясно, что, попав на крючок барона Арнгейма, его мировоззрения, Чилтерн потерял ощущение неправильности собственного поступка и оправдывал его властью философии барона.

Проанализированные сцены из кинофильмов 1947 и 1999 гг. соответственно указывают на совершенно разную художественную интерпретацию: внутренняя борьба героя и осознание собственной ответственности в адаптации 1947 г., в то время как в экранизации 1999 г. демонстрируется отсутствие попыток героя сопротивляться своей совести.

Таким образом, отношения комплементарности указывают на то, что невербальные средства, при помощи которых реализуется фрагмент текста, содержащий эвфемизм неопределенной семантики, модифицируют само значение исследуемой единицы, отражая режиссерскую интерпретацию сцены.

Отношения контрадикции

Отношения контрадикции указывают на то, что вербальные знаки, составляющие исследуемый эвфемизм, находятся в отношениях противоре-

чия с невербальными модусами, используемыми для адаптации данного эвфемизма. Отношения контрадикции между знаками имеют целью выявление скрытого конфликта (внутреннего или внешнего), а также, потенциально, указание на процесс манипулирования чувствами персонажа. Семантика вербальных знаков, составляющих эвфемизмы этой группы, как правило, допускает ироничное толкование (например, *rational compromise* [*An Ideal Husband*], *I bought success at a great price* [*An Ideal Husband*]).

В качестве иллюстрации отношений контрадикции обратимся к экранизации *An Ideal Husband* 1947 г. Друг сэра Роберта бросает ему несправедливое, с точки зрения сэра Роберта, обвинение: «LORD GORING. Robert, how could you have sold yourself for money? SIR ROBERT CHILTERN. [Excitedly.] I did not sell myself for money. **I bought success at a great price.** That is all» [*An Ideal Husband* (1947)].

При произнесении выделенной фразы зритель может наблюдать гневное выражение лица сэра Роберта. Аудиальные знаки – высокая громкость голоса и уверенная интонация – указывают на то, что говорящему нечего стыдиться; при этом мимика, поза, жестуальные и проксемические знаки – выражение гнева на лице, резкость движений, неожиданная смена положения в пространстве (то, как он то садится в кресло, но тут же встает, прогуливаясь по комнате) – дают зрителю понять, что совесть его неспокойна. Однако совершенно ясно, что для героя имеет огромное значение именно конкретное выражение, *I bought success at a great price*, как наиболее полно отражающее его внутренние ощущения. Используемые в сцене модусы вскрывают затаенный внутренний конфликт и подчеркивают смысл используемого эвфемизма.

Заключение

При экранизации адаптация фрагментов текста, содержащих эвфемизмы, затрудняется тем фактом, что само значение этих выражений представляет собой нечто завуалированное, требующее дополнительной интерпретации. Для их успешного воплощения требуется комплекс невербальных изобразительных и аудиальных средств, таких как мимика, интонация, паузы, позы и движения актеров, в сочетании с вербальным выражением. Данные невербальные модусы могут стоять в отношениях комплементарности, равнозначности и контрадикции с вербальным модусом, воспроизводящим оригинальный эвфемизм.

Отношения равнозначности между вербальным модусом и невербальными модусами, актуализирующими исследуемую единицу, отмечаются в случае однозначной трактовки эвфемизма-оригинала, при этом разные режиссеры опираются на относительно идентичный комплекс невербальных модусов для адаптации оригинального высказывания. Такие отношения наблюдаются в абсолютном большинстве случаев (83%) и указывают на то, что эвфемизмы в пьесах Оскара Уайльда в основном допускают недвусмысленную трактовку.

Отношения комплементарности можно наблюдать в том случае, когда эвфемизм имеет абстрактную семантику и, следовательно, может повлечь за собой двусмысленное толкование (10%). Таким образом, его реализация зависит от интерпретации режиссером элементов поэтической структуры кинематографического текста, например образа персонажей, системы конфликтов в произведении или определенной атмосферы произведения.

Отношения контрадикции, или противоречия, между вербальными знаками и реализующими их невербальными встречаются наиболее редко (7%), так как связаны с указанием на конфликт или на процесс манипуляции.

При межсемиотической адаптации фрагменты текста, содержащие эвфемизмы, могут быть опущены, преобразованы или перенесены в новую семиотическую систему без изменений. Нами было установлено, что в процессе экранизации большое количество эвфемизмов (см. табл. 1) опускается по социокультурным, хронометрическим причинам, а также вследствие преобразования поэтической структуры оригинального литературного текста. Участвующие в построении сюжетных линий эвфемизмы почти всегда переносятся в новую форму без потерь.

В межсемиотической адаптации эвфемизмов участвуют модусы трех каналов восприятия (не считая собственно вербального аудиального канала): невербального аудиального, невербального визуального и кинематографических кодов, и эти модусы задействованы неравномерно.

Так, по количественным данным, полученным нами, самым частотным модусом при передаче эвфемизмов является интонация, она играет важную роль во всех 6 экранизациях в 25 %. Второе место занимает мимика – она принимает участие в адаптации 12 % эвфемизмов, третья – пауза (9%). Самыми низкочастотными модусами можно назвать кинематографические модусы (см. рис. 1).

Высокая частотность аудиальных модусов интонации и паузации свидетельствует о том, что эвфемистические выражения, связанные по своей природе с двусмысленностью, адаптируются прежде всего через звучащую речь.

Квантитативный анализ, однако, не всегда дает представление о значимости того или иного модуса при адаптации эвфемизмов. Так, например, в экранизации пьесы *An Ideal Husband* 1999 г. при адаптации эвфемистического выражения *the gospel of gold* и план, и композиция способствуют наиболее полной и исчерпывающей интерпретации данного эвфемизма, а такой высокочастотный модус, как интонация, просто подчеркивает важность этого понятия для главного героя. Другим значимым для адаптации эвфемизмов модусом является проксемика, указывающая на характер взаимоотношений персонажей.

Данное исследование может быть продолжено в функционально-семантическом ключе с установлением зависимости между функциями эвфемизмов в тексте и выбором невербальных модусов, наиболее полно реализующих данную функцию в кинематографической адаптации.

Список источников

1. *Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г.* Диалог с экраном. Таллин, 1994. 144 с.
2. *Eco U.* Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message // Working Papers in Cultural Studies. 1972. № 2. P. 103–121.
3. *O'Halloran K.L.* Multimodal Discourse Analysis: The Modes and Media of Contemporary Communication // The Continuum Companion to Discourse Analysis. London ; New York : Continuum, 2011. P. 120–137.
4. *Москвин В.П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
5. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
6. *O'Halloran K.L., Tan S., Wignell P.* Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective. Signata Publ., 2016. P. 199–229. URL: <https://journals.openedition.org/signata/1223?lang=en> (accessed 09.18.19).
7. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыт перевода / пер. с итал. А. Коваля. СПб., 2006. 576 с.
8. *Леонтович О.А.* Интерсемиотический перевод как форма интерпретации культурных смыслов // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. Н. Новгород, 2008. Вып. 10. С. 56–61.
9. *Покидьшева С.Н.* Киноадаптация литературного произведения как объект филологического исследования : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 173 с.
10. *Коваленко И.В.* Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2 (56). С. 50–53.
11. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.
12. *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.
13. *Ивашина Н.Ю.* Языковые иконические знаки в процессах речевой деятельности (на материалах поликодового текста) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991. 246 с.
14. *Винникова Т.А.* Особенности поликодовой и полимодальной организации кинотекста (на материале художественного фильма "The Queen") // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polikodovoy-i-polimodalnoy-organizatsii-kinoteksta-na-materiale_hudozhestvennogo-filma-the-queen](https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polikodovoy-i-polimodalnoy-organizatsii-kinoteksta-na-materiale-hudozhestvennogo-filma-the-queen) (дата обращения: 14.02.2020).
15. *Некрасова Е.Д.* К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
16. *Сонин А.Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 310 с.
17. *Kress G., Van Leeuwen T.* Multimodal Discourse. London ; New York : Oxford University Press, 2001, 142 p.
18. *Norris S.* Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework. New York ; London : Routledge, 2004, 177 p.
19. *Hall B.J. et al.* Among Cultures: The Challenge of Communication. Wordsworth, 2005. 376 p.

References

1. Lotman, Yu.M. & Tsiv'yan, Yu.G. (1994) *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallinn: Aleksandra.

2. Eco, U. (1972) Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. *Working Papers in Cultural Studies*. 2. pp. 103–121.
3. O'Halloran, K.L. (2011) Multimodal Discourse Analysis: The Modes and Media of Contemporary Communication. In: Hyland, K. & Paltridge, B. (eds) *The Continuum Companion to Discourse Analysis*. London and New York: Continuum. pp. 120–137.
4. Moskvina, V.P. (2001) Euphemisms: systemic links, functions and ways of formation. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 3. pp. 58–70. (In Russian).
5. Jakobson, R. (1978) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On Linguistic Aspects of Translation]. In: Komissarov, V.N. (ed.) *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Issues of the theory of translation in foreign linguistics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 16–24.
6. O'Halloran, K.L., Tan, S. & Wignell, P. (2016) *Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective*. Signata. pp. 199–229. [Online] Available from: <https://journals.openedition.org/signata/1223?lang=en> (Accessed: 09.18.19).
7. Eco, U. (2006) *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty perevoda* [To say almost the same thing. Experiences of translation]. Translated from Italian by A. Koval. Saint Petersburg.
8. Leontovich, O.A. (2008) Intersemioticheskiy perevod kak forma interpretatsii kul'turnykh smyslov [Intersemiotic translation as a form of interpretation of cultural meanings]. *Problemy lingvistiki, perevoda i mezhkul'turnoy kommunikatsii. Seriya "Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya" – Problems of linguistics, translation and intercultural communication. Series "Language. Culture. Communication"*. 10. pp. 56–61.
9. Pokidysheva, S.N. (2007) *Kinoadaptatsiya literaturnogo proizvedeniya kak ob"ekt filologicheskogo issledovaniya* [Film adaptation of a literary work as an object of philological research]. Philology Cand. Diss. Belgorod.
10. Kovalenko, I.V. (2011) Intersemiotic translation in the intercultural aspect: statement of the issue. *Izv. Volgograd. gos. ped. un-ta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2 (56). pp. 50–53. (In Russian).
11. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990) Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: Bezmenova, N.A., Belyanin, V.P. & Bogomolova, N.N. (eds) *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of speech impact]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 180–186.
12. Anisimova, E.E. (1992) Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) [Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 71–78.
13. Ivashina, N.Yu. (1991) *Yazykovyye ikonicheskiye znaki v protsessakh rechevoy deyatel'nosti (na materialakh polikodovogo teksta)* [Linguistic iconic signs in the processes of speech activity (on the materials of a polycode text)]. Philology Cand. Diss. Kyiv.
14. Vinnikova, T.A. (2009) Osobennosti polikodovoy i polimodal'noy organizatsii kinoteksta (na materiale khudozhestvennogo fil'ma "The Queen"). *Vestnik ChelGU – CSU Bulletin*. 27. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polikodovoy-i-polimodalnoy-organizatsii-kinoteksta-na-materiale-hudozhestvennogo-filma-the-queen> (Accessed: 14.02.2020).
15. Nekrasova, E.D. (2014) On multimodal perception of the text (A psycholinguistic experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 45–48. (In Russian).
16. Sonin, A.G. (2006) *Modelirovaniye mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov* [Modeling the mechanisms of understanding polycode texts]. Philology Dr. Diss. Moscow.
17. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal Discourse*. London, New York, Oxford University Press.
18. Norris, S. (2004) *Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework*. New York, London, Routledge.
19. Hall, B.J. (2005) *Among Cultures: The Challenge of Communication*. Wordsworth.

Информация об авторах:

Коротеева В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: valentina.shilova77@gmail.com

Железникова Н.В. – магистрант факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: getsquare@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Koroteeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: valentina.shilova77@gmail.com

N.V. Zheleznikova, master's degree student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: getsquare@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2020;
одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 23.10.2020;
approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/76/5

Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных

Александр Борисович Летучий

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, alexander.letuchiy@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается роль в русской системе частей речи предикативов (слов категории состояния), таких как «уютно» («Мне здесь уютно»), «холодно» («На улице стоять холодно»), «неприятно» («Неприятно, что никто меня не поздравил!») и т.д. В итоге сделан вывод, что предикативы в языковой системе выступают во многом как аналог наречий в предикатной позиции. Однако предикативы сильно различаются и по функции, и по синтаксическим свойствам: часть из них имеют сентенциальное подлежащее, часть безличны.

Ключевые слова: предикатив, прилагательное, наречие, именная группа, ситуация, факт, инфинитив, подлежащее, сочинение

Для цитирования: Летучий А.Б. Предикативы в системе русских признаков слов – наречий и прилагательных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 105–147. doi: 10.17223/19986645/76/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/5

The place of the predicative in the system of Russian attributive words (adverbials and adjectives)

Alexander B. Letuchiy

*HSE University, Moscow, Russian Federation,
alexander.letuchiy@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the function and classification of Russian ‘predicatives’ (non-verbal predicates), such as *uyutno* ‘(it is) cosy’, *nepriyatno* ‘(it is) unpleasant’ and *kholodno* ‘(it is) cold’. The main problem I am solving is why the third element of the attributive system, besides adjectives and adverbials, is necessary. In the end, I conclude that predicatives have common properties both with adjectives and with adverbials. On the one hand, predicatives often describe features of situations, alternating with adjectives that characterize nominal phrases and pronouns. On the other hand, predicatives fill a lacuna in the use of adverbials, which normally cannot be used in the predicate position. Note that, in Cinque’s account, only ‘high’ VP modifiers can be used as predicatives, while for ‘low’ modifiers of mode of action

this use is rare. The conclusion is that different groups of predicatives function differently. Some of them having a complement clause grammaticalize the structure with an adverbial in the predicate position. This function is somewhat different from the canonical modifier position of the adverbial because the embedded clause is mainly interpreted as a fact, and not a proposition or another type of situational meaning. Semantic properties of predicatives are reflected in their syntactic behavior. For instance, predicatives that are used analogically to adjectives but for situations (e.g., *interesnyy* ‘interesting’) are also parallel to them in that the complement clause is a subject (the structure *Mne interesno, kto pridet* ‘It is interesting to me who will come’ is parallel to *Kniga okazalas’ interesnoy* ‘The book turned out to be interesting’). Very often, both the predicative and the adjective can have a dative argument. I called this type of predicatives ‘predicatives of property’, since their main function is to describe the property of the situation. Other predicatives mainly denote the state of the participant. Here belong physical sense predicates, such as *kholodno* ‘(it is) cold’ or *tesno* ‘(it is) too narrow’, *uyutno* ‘(it is) cosy’. Some emotional predicates such as *veselo* ‘(it is) funny’ or *grustno* ‘(it is) sad’ behave in an intermediate way but are closer to the second type. They are called ‘predicatives of state’, meaning the state of the animate participant they denote. The main research method is to check formal properties of predicatives using behavioral tests and, at the same time, to search for a semantic explanation. Thus, I accept that well-known semantic classes of predicatives are closely related to their formal properties. For instance, the fact that a particular predicative strictly corresponds to the adjective use with a nominal head is reflected on the syntactic level in that the complement clause behaves as a subject in syntactic tests, just as nouns in constructions with adjectives in the predicate position. By contrast, when the predicative use primarily describes the state of the dative experiencer, the complement clause may be completely missing or be syntactically an adjunct or another type of peripheral constituent: the speaker just means that the properties of the situation taking place at the time of speech make the experiencer feel cold or cosy. The type of infinitive control can be shifted with the change of the predicative use. For instance, the predicative *skuchno* ‘(it is) dull’ is usually a predicative of state. The infinitive in the complement clause is normally controlled by the experiencer from the main clause. However, there are uses in which *skuchno* functions as an analogue of the adjective, and there the control requirement becomes less strict. For instance, in the *Vse vremya zachityvat’ primery iz uchebnika skuchno dlya studentov* ‘It is dull for the students if the teacher always reads out examples from the student’s book’ the infinitive *zachityvat’* ‘read out’ is not controlled by the main clause argument *dlya studentov* ‘for the students’. Finally, my research shows that predicatives can sometimes be used with an object-like argument if a speaker does not want to mark it explicitly.

Keywords: predicative, adjective, adverbial, noun phrase, situation, fact, infinitive, subject, coordination

For citation: Letuchiy, A.B. (2022) The place of the predicative in the system of Russian attributive words (adverbials and adjectives). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 105–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/5

Введение

Типология частей речи и синтаксических разрядов довольно хорошо изучена в рамках современной науки. Отмечено, в частности, что помимо европейского типа системы частей речи есть и много других некоторые языки не различают или плохо различают прилагательные, причастия и существительные (например, в арабском языке эти части речи не всегда отчётливо различаются, конверсия из одного разряда в другой не сопровождается существенными грамматическими изменениями). Для других языков плохо выражено различие между именами и глаголами или между аргументными и предикатными группами (так устроены абхазо-адыгские языки).

В то же время есть случаи, когда языковая система различает больше частей речи или разрядов слов, чем мы ожидаем увидеть исходя из типологических данных. Для такого рода случаев напрашивается вопрос, как функционируют «добавочные» классы, в какой мере их можно назвать частями речи и для чего они нужны языку.

Именно так обстоит дело в русском языке с признаковой зоной: к ней относятся не только прилагательные и наречия, но и предикативы, тогда как, например, в германских или романских языках можно говорить только о первых двух типах (ниже мы называем все три категории *признаковыми словами*). Если наречия и прилагательные – типологически распространённые части речи, то предикативы как отдельный разряд слов представляют собой довольно редкое явление.

Понятие предикатива было введено в широкий лингвистический обиход Л.В. Щербой в [1], а затем изучалось в разных аспектах в последующих работах (см. [2–11] и др.). Предикативы – это слова, обычно совпадающие по форме с наречиями, которые находятся в предикатной позиции и выражают свойство некоторой ситуации или состояние участника¹. Например, к ним относятся слова *уютно*, *скучно*, *холодно* в следующих случаях:

Мне холодно.

Разве интересно каждый день делать одно и то же?

Уютно сидеть в тёплой кухне.

Грамматическая трактовка предикативов бывает разной. В русской грамматике [12] они считаются типом наречий – **предикативными наречиями**. Авторы работ [13–15] считают их **безличными прилагательными**. Наконец, А.В. Циммерлинг [5] и многие другие авторы говорят о предикативах как об особом разряде слов, не уточняя их соотношение с другими частями речи. Часть предикативов совпадает с именами существительными или производны от них (например, *лень*, *неохота*).

Ключевыми признаками предикативов мы будем считать следующие:

¹ В статье мы не будем затрагивать предикативов, восходящих к существительным (*лень*, *страх*, *недосуг*) или представляющих собой словосочетания (*не в курсе*, *не по плечу* и др.).

– неспособность иметь стандартное подлежащее – слово или группу в именительном падеже;

– (для многих предикативов) способность управлять словом или группой в дательном падеже, обозначающей экспериенцера или носителя свойства;

– (для многих предикативов) способность управлять сентенциальным актантом – инфинитивным оборотом или придаточным предложением с союзом¹.

Не только вопрос о функции предикативов в языковой системе, но и более частный вопрос, к чему ближе предикативы – к прилагательным или к наречиям, – совсем не тривиален. Как мы покажем ниже, с одной стороны, предикатив близок к прилагательным тем, что может находиться в предикатной позиции и вводить признак участника (только для прилагательного этот участник выражен именной группой, а для предикатива – клаузой, ср. *Твоё решение неправильно – Неправильно так судить о людях*). С другой стороны, сам тот факт, что предикатив характеризует ситуации, роднит его скорее с наречиями, которые тоже выражают характеристику ситуации (*Мы быстро / неожиданно / сегодня приехали на станцию*).

Дальнейшие части статьи организованы следующим образом. В части 2 мы сначала обсуждаем функции признаков классов слов, а затем сосредоточимся на предикативах с актантом-клаузой и обсудим их функцию относительно других признаков частей речи. Часть 3 противопоставляет рассмотренные ранее предикативы, определяющие составляющую, выраженную клаузой, предикативам без явной определяемой единицы, служащим для неглагольного выражения состояния некоторого участника. В части 4 в рассмотрение вводится тип употреблений, промежуточный между предикативами и прилагательными. Мы показываем, что предикативы действительно не характеризуют именные группы, однако это не значит, что они и семантически не способны характеризовать объект: есть случаи, когда предикативы относятся к объектам, а не к ситуациям, однако эти объекты не выражены именными группами. Часть 5 посвящена употреблению в качестве предикативов наречий типа *медленно* (наречий образа действия, занимающих низкую позицию в синтаксической структуре) и их месту относительно других типов предикативов. Часть 6 посвящена формальным свойствам двух основных классов: в ней проверяются семантические и синтаксические свойства употреблений предикатива – способность к сочинению, аспектуальные и временные свойства, возможность опущения за-

¹ Отдельный вопрос вызывают слова типа *рад*, которые способны управлять сентенциальным актантом, существуют только в краткой форме и употребляются только в предикатной позиции (соответствующего прилагательного для атрибутивной позиции типа **радый* в русском языке нет), однако присоединяют не дативный актант, а стандартное номинативное подлежащее. Несмотря на то, что эти слова могут по многим признакам быть близки к предикативам с дативом, здесь мы их не рассматриваем.

висимой ситуации. В заключении (часть 7) подводятся итоги обсуждения предикативов, их классов и поведенческих тестов.

2. Функция предикатива в сопоставлении с функциями наречий и прилагательных в отношении к определяемой единице

2.1. Предикативы, наречия и прилагательные: синтаксические функции

Начнём с того, что подробно рассмотрим распределение трёх типов слов: наречий, прилагательных и предикативов – и попытаемся определить функцию предикативов по отношению к двум другим классам слов. При этом начнём мы с предикативов, имеющих сентенциальный актанта (*Мне приятно туда ходить / что ты мне позвонил*). Конструкции типа *Мне весело / хорошо* в этой части обсуждаться не будут.

В чём же заключается функция предикативов типа *приятно* среди русских частей речи? Мы покажем, что предикативы, с одной стороны, параллельны прилагательным, а с другой стороны, заполняют собой некую лакуну в употреблении наречий.

Вспомним, что два типологически распространённых класса, прилагательные и наречия, в большинстве случаев демонстрируют довольно понятное распределение по синтаксическим контекстам – в традиционных терминах они обозначаются как «признак предмета» и «признак действия». В более точной формулировке можно сказать, что прилагательное входит в именную группу и предназначено для модификации именной вершины (пример (4)). Напротив, наречие используется для модификации глагольной (5), адъективной (6), другой наречной вершины (7). Сравнительно редкие употребления наречий с именами (8) не меняют общей картины.

(4) *В комнату вошёл **высокий** человек.*

(5) *Мы **быстро** ехали по шоссе.*

(6) ***Исключительно** приятный был вечер!*

(7) *Официант **очень** быстро понял, что от него требуется.*

(8) *Его приход **вчера** на стадион всё испортил.*

Для чего же нужен третий член признаковой зоны – предикатив? Он явно не является модификатором – в конструкциях типа *Мне холодно тут стоять / Мне было холодно там стоять* предикатив явно является вершиной (или частью предикатной группы типа *было холодно*). Нет никакой составляющей, которую он мог бы модифицировать: так, предикатив и инфинитив не образуют группы [*холодно стоять*] с вершиной в инфинитиве.

Нередко утверждается, что предикатив – это своего рода аналог прилагательного для определяемых единиц, которые не могут контролировать согласование и не имеют рода, числа и падежа. В частности, на этом утверждении основывается анализ предикативов в работах [2, 9]. Действительно, сентенциальные актанта, к которым относится предикатив, не могут контролировать согласование. В этом смысле предикатив находится

ближе всего к прилагательному, с точностью до согласования. Ср., например, работы [13–15], в которых считается, что предикативы – это своего рода безличные прилагательные (см., впрочем, далее о сложностях в применении к предикативам понятия подлежащего).

Однако в то же время предикатив очень близок и к наречию. Ведь наречие как раз и служит для того, чтобы определять свойства ситуации, выраженной клаузой. Поэтому наиболее точно будет сформулировать функцию предикативов так: они используются, чтобы заполнить лауну в употреблении признаков слов для ситуаций, которая при именных группах заполняется просто прилагательными. Эта лауна – предикатное употребление признакового слова. Поясним нашу точку зрения.

Как мы знаем, наряду с атрибутивным употреблением у прилагательных есть и предикатное – в этом случае, как в примерах (9) и (10), основной ассерцией является наличие у объекта некоторого свойства (оно, как говорят, «предидируется» для данного объекта):

(9) *Знаете, в детстве я был очень **романтичным*** (Илья Стогов. Семен Якерсон: «В десятом классе что-то щелкнуло, и я захотел узнать про евреев» (2017.07.20)).

(10) *В 16 лет я был ничем не **примечателен*** (http://www.parklife.ru/pressa/2011_02_graham_coxon/)

Отдельный вопрос составляет синтаксическое устройство таких конструкций (см., в частности, [16, 17]). Например, не очевидно, стоит ли считать, что прилагательное в позиции второго актанта при *быть* получено сокращением именной группы, совпадающей с выраженной ранее. Во всяком случае, очевидно, что решить проблему тривиальным образом, просто восстановив именную вершину из первого актанта (подлежащего) не получается. В этом случае мы получили бы неприемлемые конструкции типа (11). Тем не менее в части случаев сделать это получается (12):

(11) *#В детстве я был очень **романтичным мной / романтичный я**.*

(12) *Футболисты ЦСКА – очень **мастеровитые (футболисты)***¹.

Другой проблемой, обсуждаемой в работах [16, 17], является разграничение кратких и полных прилагательных в предикатной позиции. Авторы этих двух работ считают, что в зависимости от формы прилагательного по-разному устроены референция и присваивание объекту признака, за которое отвечает прилагательное. Однако здесь мы не будем касаться этой проблемы.

Наречия же, во всяком случае при финитных глаголах, не имеют предикатных употреблений. Как правило, они не могут быть вынесены в предикатную позицию или эта позиция для них крайне неестественна.

Позиция модификатора:

¹ Согласно работам [16, 17], есть основания полагать, что краткие и полные прилагательные как раз различаются тем, что краткие фиксируют свойства объекта сами по себе, а полные – относительно других представителей класса. Однако здесь речь об этом идти не будет.

(13) Мы ехали туда **долго**.

(14) Он играл **тихо**.

(15) Он **легко** решает такие задачи.

Предикатная позиция невозможна:

(16) ??То, как туда мы туда ехали / Как мы туда ехали / #Мы туда ехали – **долго**.

(17) ??То, как он играл / Как он играл / #Мы туда ехали было **тихо**.

(18) ??То, когда состоится концерт / Когда состоится концерт, – **завтра**.

(19) ??Как он выглядел, будет **странно**.

(20) #Он решает такие задачи – **легко**¹ (возможно, если слово *легко* не является сказуемым связочной конструкции).

Преобразования конструкции с наречием в роли модификатора в конструкцию с наречием в предикатной позиции типа (16)–(20) невозможно хотя бы потому, что оно бы требовало употребления клаузы (например, *как мы туда ехали* или *как он играл*) как аргумента, а не как финитного сказуемого. При этом должна была бы употребляться связочная конструкция, подобная той, которая в примерах (9) и (10) возникает с прилагательными. Однако с клаузами такая конструкция проблематична. Ведь в связочной конструкции предикатным элементом является связка – нулевая, как в (12), или выраженная, как в (9)–(11). Сопоставляемые же элементы – подлежащее и именная часть сказуемого – не обладают финитностью. Следовательно, исходную клаузу нужно сделать нефинитной. Однако стопроцентно применимого способа это сделать в русском языке нет. Подчинить клаузу непосредственно нулевой связке без дополнительных преобразований невозможно, и именно поэтому структуры вида (16)–(20) естественным способом не строятся². Построить требуемую конструкцию можно, например, используя сентенциальные актантаы с *то, что*, как в первых вариантах примеров (17)–(19). Однако добавление коррелятива *то* в каком-то смысле разрушает структуру: зависимые с *то, что* / *как* / *куда* и т.д. имеют смешанные свойства клауз и именных групп, а не чисто клаузальные.

Другая причина отсутствия у наречия предикатного употребления состоит в том, что для наречия более доступно интонационное оформление главной темы, чем для прилагательного. Это связано с положением наречия внутри предикатной группы, т.е. в более непосредственной связи с

¹ Подобные конструкции возможны как раз в случае, когда в роли подлежащего – именная группа (*Наш концерт завтра*). Это неудивительно, поскольку для существительного или именной группы не требуется дополнительных преобразований, чтобы поместить его в актантную (в данном случае – подлежащую) позицию.

² В этом смысле более подходящим кандидатом для переноса наречия в предикатную позицию являются конструкции с инфинитивом (*Куриль оказалось вредно*). Основным контекстом употребления инфинитива как раз и является подчинённая позиция при финитном предикате. Однако эти контексты не имеют соотносительной конструкции с наречием при глаголе и скорее тоже иллюстрируют употребление предикатива.

вершиной предложения – финитным глаголом, чем у прилагательного, которое отделено от глагола ещё и границей именной группы. Пример ниже показывает, что наречие легко помещается в конец предложения (нередко эта позиция даже является для него основной) и выделяется рематической интонацией (пример (22)), а прилагательное с трудом подвергается такому преобразованию (24):

(21) *Он легко решает такие задачи.*

(22) *Он решает такие задачи **легко!***

(23) *Он купил большой стол.*

(24) *??Он купил стол **большой!***

Можно сказать, что предикатив восполняет (хотя лишь в части случаев) необходимость в конструкциях, где признак некоторой ситуации находится в предикатной позиции. Он помещается в предикатную позицию и выражает свойство ситуации как основную рему высказывания. Например, в (25) подразумевается, что ситуация оценивается как понятная для говорящего или неприятная для него, а в (26) – что она развивается быстро:

(25) ***Понятно** / **плохо**, что ничего он не успеет.*

(26) *Ехать туда было **удобно**.*

Эта операция лексически ограничена. В особенности это касается конструкций с финитными зависимыми: они могут появляться лишь в том случае, когда зависимая клауза может иметь значение факта в терминах [18, 19]. Пример (25) выше имеет именно такое значение ('тот факт, что он ничего не успеет, очевиден'). Именно в силу этого предикативы *легко*, *быстро* не допускают конструкции типа (27) – (28) с финитными зависимыми:

(27) ****Легко**, что он решает такие задачи.*

(28) ****Быстро**, что он туда приехал.*

Это, видимо, связано с тем, что при словах типа *легко* или *быстро* фактивное значение не естественно. В качестве наречий данные слова являются «низкими», т.е. согласно подходу [17] занимают сравнительно низкую синтаксическую позицию и модифицируют только определённые компоненты ситуации. Поэтому эти наречия вряд ли сочетаются с фактивным прочтением – они не подвергают оценке факт возникновения ситуации целиком, а воздействуют на отдельные компоненты её семантики.

Другое значение имеют конструкции, где предикативу подчинён инфинитивный оборот. Можно заметить, что те же лексемы *быстро* и *легко* как предикативы с инфинитивом допустимы.

(29) *Решить такую задачу **быстро** / **легко**.*

'тот факт, что он решит такую задачу, является лёгким / быстрым'
'ситуация «решить такую задачу» является лёгкой / быстрой для участника'¹

¹ См. в разделе 3 о нестандартном соотношении финитного придаточного и инфинитивного оборота при предикативах.

(30) *Блокировку выбрасывать не стоит, хотя настроить её не так уж быстро* (<http://rangerfinder.ru/club/viewtopic.php?f=9&t=9679&p=528957>).

(31) *Наверняка, многие больше любят пробовать этот торт у подружки, мамы, бабушки, ведь готовить его не так уж быстро и просто, да и получается не всегда хорошо.*

Эти конструкции уже не обязательно характеризуют факт – свойство может присваиваться как факту, так и ситуации в её протекании. Например, конструкция в (29) – (31) имеет только значение протекания ситуации, но не фактивное. Предикатив *приятно* может сочетаться с инфинитивом как в значении факта, так и в значении протекания ситуации:

(32) *Приятно решить такую задачу* (факт – ‘тот факт, что X решил такую задачу, ему приятен’).

(33) *Приятно решать такую задачу* (протекание ситуации – ‘процесс решения задачи приятен для X’).

Предикатив *глупо*, видимо, сочетается только с фактами:

(34) *Глупо сначала решить / долго решать задачу, а потом отказаться от премии.*

Однако и инфинитивная конструкция не полностью синонимична конструкции с наречием. Различие заключается в параметре, который можно назвать «рестриктивность / не рестриктивность». Наречие характеризует протекание ситуации, ограничивая её от сходных ситуаций, которые имеют несколько другие свойства. Предикатив же характеризует ситуацию как таковую.

Например, предложение *Тарас тяжело пережил увольнение* означает ‘То, как он пережил увольнение, было тяжёлым (хотя кто-то переживает увольнение легко)’ и отделяет поведение Тараса от поведения прочих людей в сходной ситуации. Напротив, *Тяжело (было) пережить увольнение* подразумевает ‘Ситуация увольнения такая, что пережить её трудно (для любого увольнения). В этом смысле прочтение в первом примере рестриктивное, а во втором – нерестриктивное. Точно так же ведут себя наречия и предикативы с временным и локативным значениями: предложение *Вася ехал туда долго* означает, что долгим был именно путь Васи, тогда как другие люди могли доехать быстрее. Напротив, *Туда долго было ехать* выражает суждение о длине пути в целом и не предполагает, что одни люди могли ехать долго, а другие добрались бы быстрее.

Казалось бы, это указывает на то, что предикатив и наречие ведут себя по-разному и не сводятся к одной части речи. В действительности ситуация несколько сложнее. Можно сказать, что высокая позиция предикатива в структуре и зависящая от него инфинитивная конструкция навязывают прочтение предикатива «поверх» зависимой ситуации (‘ехать туда’), а низкая позиция подразумевает более узкое прочтение в значении модификатора. Для модификатора естественно интерпретироваться рестриктивно. В этом смысле можно считать, что позиция наречия придаёт ему другую интерпретацию. Различие по рестриктивности возникает и между атрибутивным и предикативным употреблением прилагательных: ср. *рыжие собаки*

(рестриктивное прочтение – ‘те собаки, которые являются белыми, в противоположность – остальным собакам’) vs *собаки – рыжие* (нерестриктивное прочтение – ‘собаки в норме, по умолчанию являются рыжими’). Следовательно, рестриктивность не служит критерием различия между частями речи.

Тем не менее встречаются и такие наречия и прилагательные, от которых соотносительные предикативы не образуются вообще, хотя их семантика вроде бы допускает такую возможность. Это, например, слово *успешно*: оно может выступать в форме полного (*успешная попытка*) или краткого прилагательного (*Это путешествие было уже более успешно*) и наречия (*Он успешно завершил обучение*), но не в роли предикатива (ср. невозможное **Успешно, что / как он выступил с докладом, *(Для него) успешно выступить с докладом*). Основание для ограничений такого рода пока неясно.

В табл. 1 показаны синтаксические функции наречия, прилагательного и предикатива.

Таблица 1

Синтаксические функции наречия, прилагательного и предикатива

Позиция	При именной составляющей	При предикатной составляющей (инфинитивной или финитно клаузе)
Позиция модификатора	Прилагательное	Наречие
Предикатная позиция	Прилагательное	Предикатив

Хотя, как было сказано раньше, наречия стандартно описывают тип протекания ситуации, образ действия, И.М. Богуславский [20] и Г. Чинкве [21] убедительно показывают, что есть и другие, «высокие» наречия типа *вчера* или *неожиданно* – они располагаются высоко в структуре и характеризуют не компоненты ситуации, а её возникновение как единое целое:

(35) *Вчера* прошла встреча президентов России и Парагвая.

(36) *Часто* описать семантику надежда довольно трудно.

(37) *Неожиданно* поднялся пожилой мужчина, сидевший в первом ряду.

В примерах (35) – (37) наречия не характеризуют тип протекания ситуации. В (35) говорится о расположении ситуации во времени, в (36) – о её повторяемости, а в (37) – об оценке ситуации в сравнении с ожиданиями. При этом, как показано И.М. Богуславским [20], Е.В. Падучевой [22], Т.Е. Янко [23], отнесение наречия к «высоким» или «низким» не вполне предсказуемо. Например, наречие *странно*, как и *неожиданно*, обозначает некоторую оценку ситуации, выбивающуюся из ожиданий, из ряда свойств ситуаций этого класса. Однако первое из них – «низкое» наречие, а второе – «высокое»: наречие *странно* характеризует тип ситуации, а не сам факт её возникновения, тогда как *неожиданно* может описывать именно неожиданность самого факта. Чтобы оценить как *странный* сам факт возникновения ситуации, используется словосочетание *странным образом*:

(38) *Странно он играет в футбол.*

(39) *Станным образом, он (прекрасно) играет в футбол.*

В (38) имеется в виду, что способ игры в футбол данного участника странный, а в (39) – что странным сам факт, что участник может играть в футбол или что он делает это хорошо.

Все эти индивидуальные особенности наречий никак не влияют на характеристику конструкций с соответствующими им предикативами и финитными зависимыми. Последние, как правило, обозначают именно характеристику некоторого факта или обобщённой ситуации в целом, а не способ протекания или возникновения ситуации:

(40) *Странно, что он играет в футбол* = ‘тот факт, что он играет в футбол, является странным’.

Поскольку предикативы с сентенциальными актантами выражают характеристику некоторого факта, типа протекания или степени реальности ситуации, мы называем их **предикативами свойства** (см. раздел 3 ниже о **предикативах состояния**). Как будет показано ниже, клауза, обозначающая ситуацию, которая описывается предикативом, имеет при них свойства подлежащего.

Ряд контекстов можно считать контекстами нейтрализации конструкций с наречиями и предикативами. Как правило, это конструкции с инфинитивными оборотами.

(41) *Кристина одна поехала в другой город – в Томск. Ехать туда было долго – двое суток на поезде* (О. Мартик. Гадкий утёнок, или Дичь. GoogleBooks).

Теоретически этот контекст можно рассматривать как содержащий наречие *долго*, как в примере *ехать туда нужно было долго*. Тогда значение формулируется, как в (41’), и слово *долго* как наречие модифицирует глагол *ехать*:

(41’) ‘Было нужно, чтобы Х ехал туда долго – двое суток на поезде’.

Такая трактовка возможна, если мы считаем, что в (41) опускается инфинитивный оборот, совпадающий с выраженным:

(41’’) *Ехать туда было [долго [ехать туда]]*.

(см. выше о примерах типа *Футболисты ЦСКА – очень [мастеровитые [футболисты]]*). Прочтение вида (41’) также опровергается тем, что похожие конструкции с временными адвербиалами типа *завтра* или *скоро*, которые вообще не бывают предикативами, выглядят существенно хуже (ср. *?Выезжать было завтра /уже скоро*).

Кроме того, ситуацию осложняет наличие сочинительных конструкций типа (42), где слова типа *долго* соединяются с помощью союза *и* с предикативом:

(42) *Ехать было долго и скучно, поэтому в поезде из пивной банки, ампулки и крышечек от Шейка родилась вот такая машинка* (<https://featheryami.livejournal.com/12523.html>).

Слово *скучно* крайне редко выступает как наречие, в частности, сомнительны предложения типа *Он скучно ехал в Новочеркасск*. Исключения

встречаются, как правило, в сфере речи, которая может быть скучной для адресата:

(43) *Он начал так академически **скучно**, о каких-то ямбах, что я скис* (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // Звезда. 2003. НКРЯ).

Как правило, слово *скучно* является именно предикативом (*Ему скучно всё время сидеть дома*), и если мы считаем, что сочиняться обычно могут слова или группы с одной синтаксической функцией, приходится признать, что и *долго* является предикативом. В части 4 мы подробнее рассмотрим конструкции типа (41).

Если функция предикатива по отношению к клаузе вроде бы ясна – предикатив делает основной ассерцией некоторое свойство ситуации, выраженной клаузой, то возможности присоединения дативного актанта очень различны:

(44) *Мне интересно разговаривать об искусстве.*

(45) *#Мне глупо разговаривать об искусстве.*

(46) **Мне глупо, когда со мной разговаривают об искусстве.*

В статье С.С. Сая [10] именно свойства дативного аргумента считаются основным параметром классификации (сходный подход также принят в [24]). Однако две классификации: по характеристике ситуации и по возможности датива – не полностью изоморфны. Например, предикативы *интересно* и *глупо* характеризуют некоторые ситуации, однако в отношении датива их свойства совершенно различны. Не только предикатив *интересно*, но и соотносительные формы прилагательного *интересен* и *интересный* способны присоединять датив. Напротив, прилагательное *глуп* / *глупый* с дативом не сочетается, а при предикативе *глупо* дативная группа возможна только в позиции аргумента, поднятого из зависимой клаузы (см. работу [25]).

Вероятно, это связано с различием между значением *глупо* – объективной характеристикой и значением *интересно*, предполагающим экспериментера.

3. Предикативы без синтаксического подлежащего как неглагольные предикаты

Итак, мы выяснили, что предикативы с синтаксическими актантами (ниже мы будем их называть **предикативами свойства**) подменяют наречия в предикативной позиции – они характеризуют клаузы, но эта характеристика выносится в позицию предиката. Однако проблема заключается в том, что есть и категория предикативов, никак не соотносящаяся по семантике с наречиями или прилагательными. Это, например, употребление предикатива *плохо*, как в (48) (наряду с этим *плохо* имеет и употребление с синтаксическим актантами, ср. (47)):

(47) *Плохо, что дождь пошёл.*

(48) *Мне плохо.*

В противоположность рассмотренным ранее предикативам свойства, предикативы типа *плохо* в (48) будем называть **предикативами состояния**¹.

В первом примере *плохо, что дождь пошёл* – это высказывание о свойствах ситуации *дождь пошёл*. Эта фраза практически синонимична ‘*тот факт, что пошёл дождь / ситуация, когда пошёл дождь, является плохой*’. Это различие находит подтверждение в семантике: *плохо* в (47) означает то же самое, что прилагательное *плохой*, – общую отрицательную оценку. Напротив, в (48) предикатив, можно сказать, выполняет функцию нефинитного предиката. Речь идёт о состоянии субъекта, которое, однако, не выражается глаголом. Никакой альтернативы с прилагательным или наречием у предикатива нет в силу того, что нет ситуации или предмета, свойства которого могли бы описываться. *Плохо* здесь вообще не свойство, а состояние, такое же, как в предложении *Меня тошнит* или *У меня чешется нога*. Аналогов (48) в именной сфере нет, если не считать примеров типа *У него плохое самочувствие* (однако там этот смысл создаётся не прилагательным, а его сочетанием с существительным *самочувствие*). При этом комбинация конструкций свойства и состояния для многих предикативов невозможна или затруднена:

(49) **Мне плохо, что дождь пошёл.*

Тем не менее нельзя сказать, что между предикативами с сентенциальным актантом и без него проходит чёткая граница. Например, в случае с предикативом *уютно* или *весело* оба актанта могут сочетаться (см. примеры (52) – (55) ниже):

(50) *Сидеть тут уютно.*

(51) *Мне уютно.*

(52) *Вот и могилку себе подыскивает, где ему с Нацокиным уютно лежать будет, – сам об этом в письме пишет* (Светлана Васильева. Первый встречный (вольное сочинение на тему «Слово и театр») // Октябрь. 2001).

(53) *Монахов себя чувствовал сверху, и было ему уютно, что он к этому делу отношения не имел, а понимал достаточно, больше других* (Андрей Битов. Лес (1960–1980)).

(54) *Да и не старается вовсе, а просто ему весело, что мы встретились, и хочется, чтобы я узнала его* (В.А. Каверин. Перед зеркалом (1965–1970)).

(55) *Всему весело распускаться и цвести в этой укрывающей тени – и радостям встречи с другим человеком, и радостям уединения* (С.С. Аверинцев. «Как все ценное, вера – опасна...» (2001) // Континент. 2004).

¹ Понятия «свойство» и «состояние» кажутся сходными, однако не тождественны. Мы понимаем их следующим образом. Свойство присуще его носителю постоянно и не обязательно меняется со временем (ср., например: *Алюминий – лёгкий металл, Москва-река непригодна для купания*). Состояния же как раз часто являются временными, например: *Серёжа сегодня грустный*. В этом смысле *Мне уютно* – это состояние (в другое время и в другом месте говорящему уже может не быть уютно), а *Работать на заводе трудно* – свойство (говорящий имеет в виду, что трудной является работа на заводе как таковая, вне зависимости от конкретных места и времени).

Между двумя конструкциями с предикативами: рассмотренной ранее с сентенциальными актантами и только с дативом без СА – есть некоторые различия. Например, **предикативы свойства** с сентенциальными актантами обычно хорошо соответствуют прилагательным: существование предикатива часто подразумевает существование прилагательного. Напротив, для **предикативов состояния** (ср. (56)) зависимость не столь очевидна: многие прилагательные не имеют соответствий в виде предикатива, и наоборот, многие предикативы не точно соответствуют по смыслу прилагательным: предикатив *глупо* не употребляется как предикатив состояния:

(56) ?*Мне глупо / странно* (см. [4, 7, 9] об ограничениях на образование предикативов и прилагательных). Ср. нормальное предложение *Я чувствую себя странно / глупо*.

Для тех же прилагательных существуют соотносительные **предикативы свойства**: *Глупо так делать; Странно говорить об этом сейчас*. Так происходит потому, что перенос от прилагательного к предикативу свойства более прозрачен, чем к предикативу состояния типа (54). Фразы типа *Глупо так делать* – это просто способ охарактеризовать зависимое, не являющееся ИГ. Поскольку у неименных составляющих нет рода, числа и падежа, у них нет и возможности контролировать согласование полного прилагательного. Поэтому прилагательное переводится в форму предикатива – фактически просто краткую форму прилагательного и / или форму наречия. Напротив, для образования конструкций типа *мне плохо* требуется не просто переход от именной составляющей к неименной, но и опущение самого характеризуемого объекта. В этом варианте как плохое характеризуется некоторое общее состояние участника, которое вообще не упоминается в предложении.

Отметим, что **предикативы состояния** могут сочетаться с сентенциальными составляющими, ср., например *Мне холодно там стоять*. Однако если сентенциальная составляющая у них есть, она не является подлежащим, тогда как **предикативы свойства** обычно присоединяют сентенциальный актанта со свойствами подлежащего (см. часть 3.1 ниже).

Между этими случаями есть и формальные различия. Например, конструкция с предикативом свойства, если сентенциальный актанта у них выражен, способна к преобразованию в конструкцию с субстантивированной превосходной степенью прилагательного, как в (57):

(57) *Самое приятное – рассматривать старые фотографии.*

Однако аналогичные конструкции типа (58), (59) невозможны. Ситуация не зависит от того, не имеет предикатив сентенциального актанта, как в (58), или этот сентенциальный актанта есть, но не является подлежащим, как в (59):

(58) **Мне самое плохое* (ср. *Мне плохо*).

(59) **Самое холодное – стоять на остановке* (ср. *Холодно стоять на остановке*).

(60) ??*Мне самое весёлое – петь песни.*

Конструкция с *самое* не требует, чтобы определяемый элемент был существительным или именной группой. Достаточно, чтобы этот определяемый элемент просто существовал, даже если это инфинитивный оборот, как в (57), и был при этом подлежащим. Если же, как в (63) и (64), определяемого элемента просто нет или он не является подлежащим, употребление конструкции с *самый* невозможно.

3.1. Синтаксический статус сентенциальных актантов и тип предикатива

Как было показано выше, даже у предикативов свойства типа *холодно* может быть сентенциальный актант. Рассмотрим теперь вопрос о синтаксическом статусе сентенциальных актантов при предикативах свойства и состояния. В статье [26] показано, что СА при разных предикативах имеют разные свойства: одни ближе к подлежащему (*недопустимо туда идти*), другие скорее им не являются (*холодно тут стоять*) (ср. также работу [27], где на типологическом материале показана разнородность конструкций, описывающихся как безличные). Разный статус сентенциальных актантов подтверждается различной степенью толерантности к синтаксическим преобразованиям. Конструкция с СА при предикативах типа *недопустимо* может переходить в конструкцию с прилагательными при полувспомогательных глаголах типа *казаться* (61, а) или контролировать анафорическое местоимение *это* (61, б). Для сентенциальных актантов при предикативах типа *холодно* это недопустимо (62):

(61) а. *Мне казалось недопустимым туда идти.*

б. *Он считал, что недопустимо опаздывать, и я считаю, что это недопустимо.*

(62) а. **Мне казалось холодным там стоять.*

б. **Он считал, что тут холодно стоять, и я считаю, что это холодно / холоднее всего.*

В этой и последующих работах мы отметили, что «безличные» предикативы типа *холодно* часто относятся к группе физических ощущений, а «подлежащие» – к группе эмоций (*приятно, неприятно*) и оценочных характеристик (*важно, существенно*) (см. ниже, в части 3.2 о промежуточном поведении предикативов типа *уютно* или *весело*). В статье [26] различия в синтаксических свойствах объяснялись следующим образом: именно группа эмоций принадлежит к ядру группы глаголов с сентенциальными актантами, и именно в ней (в том числе в конструкциях с матричным глаголом) обычно наблюдаются сентенциальные подлежащие. Как кажется, можно предложить более глубокое, семантически ориентированное объяснение. Прилагательные физических ощущений: *холодный, горячий*, – в большинстве случаев относятся к предметам. Холодным или горячим (в буквальном смысле) не может быть урок, футбольный матч или обсуждение доклада – эти свойства присущи только предметам, которые можно пощупать. Тем самым они не допускают тривиального перехода в предика-

тивы с заменой класса описываемого объекта. Для них возможно только предикатное употребление – на самом деле предикативы типа *холодно* всегда образуют конструкцию **состояния** (*мне холодно*), а инфинитивные зависимые присоединяются к ним примерно как временные обстоятельства и обозначают одновременную ситуацию (*мне холодно, когда я сижу на останковке*). Не случайно для многих из этих прилагательных недопустимо зависимое со *что*, которое практически всегда занимают актантную позицию.

Если немного подробнее рассмотреть вопрос о том, что означает *Мне холодно*, ответ будет состоять в том, что конструкция обозначает состояние экспериенцера типа 'Я чувствую себя, как будто нахожусь в холодной среде, я мёрзну', т.е. переход от *холодный* к *холодно* предполагает сильную абстракцию от исходной конструкции с прилагательным типа *холодная ручка двери*. Напротив, эмоциональные и оценочные прилагательные не специфицируют то, какой класс предметов описывают: *приятным, странным, удивительным* могут быть как предмет, так и ситуация. Поэтому предикативы этих групп образуют конструкцию второго типа – точнее, тривиальным образом переносят её с адъективной.

(63) *Это утверждение – удивительное.*

(64) *Это происшествие – удивительное / приятно.*

(65) *Удивительно / приятно, что это случилось.*

(66) *Это удивительно / приятно.*

Здесь уместно вспомнить о различии, предлагаемом С.С. Саем [10]. Он считает, что предикативы типа *холодно* описываются с помощью конструкции физического состояния; предикативы типа *приятно* напрямую соответствуют однокоренным прилагательным, например *приятный* в словосочетании *приятное событие*; наконец, предикативы типа *грустно* – результат аналогии с *приятно*. Выше мы показали, как с этим системным и семантическим различием сопоставить синтаксическое: именно при тех предикативах, которые в наибольшей мере связаны с исходными конструкциями с прилагательными, сентенциальный актант становится подлежащим, подобно существительному в конструкции вида *Мне приятно такое отношение*.

Правда, не все лексемы просто отнести либо к одному классу, либо к другому. Например, пара *горячий – горячо*, казалось бы, должна быть парой, где предикатив выражает **свойство**. *Горячо* относится не к абстрактному восприятию внешней среды (так употребляется, например, конструкция *Мне жарко* или *Мне холодно*), а к ощущению при прикосновении к горячему предмету. Однако подлежащим сентенциальный актант не является:

(67) **Это горячо.*

(68) **Он считал горячим прикоснуться к конфорке.*

Вероятно, дело в том, что *горячий* и *горячо* всё-таки не минимальная пара. Горячим является сам предмет, тогда как *горячо* применяется к ситуации – прикосновению к предмету. При этом с прилагательным сочетаний типа **горячее прикосновение* не возникает. В парах *интересный – интересно* возникают в буквальном смысле минимальные пары из употребле-

ний прилагательного и предикатива (ср. *интересная поездка – поехать туда интересно, важный разговор – важно с ним поговорить* и др.).

Как правило, безличные предикативы, не имеющие подлежащего, также не сочетаются с финитными зависимыми, ср. следующие недопустимые структуры:

(69) **Холодно, что ты там стоишь* (ср. нормальное *Тебе не холодно, когда ты там стоишь*).

(70) ??*Уютно, что мы снова здесь встретились*.

(71) **Горячо, что я прикоснулся к конфорке* (ср. грамматичное *к конфорке горячо прикасаться*).

(72) **Тесно, что я сажу в этом месте* (ср. грамматичное *мне тесно здесь сидеть*).

Инфинитивные зависимые предпочтительны и при части **предикативов свойства**, например *скучно*, однако для них обычно финитное зависимое хотя бы маргинально возможно:

(73) ?*Скучно, что мы здесь сидим уже два часа*.

(74) *а он сидел на диване и ободрал занавески с окон, которые у дивана, – ему было скучно, что ничего не видно* (Нина Катерли. Сквозь сумрак бытия // Звезда. 2002).

Пример (75) показывает, что сентенциальный актант при *скучно* действительно занимает позицию подлежащего:

(75) *Другими словами, я объявил своей родне, что сидеть с ними, в их одряхлевшем обществе, не намерен и не стану, мне это скучно и неинтересно* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)).

Особенности поведения предикативов типа *холодно* указывают на различия между инфинитивными и финитными зависимыми. Вспомним, что при *холодно* и близких предикативах сентенциальный актант не является подлежащим. Из того факта, что при этих предикативах возможен почти исключительно инфинитив, с высокой вероятностью следует, что инфинитивы могут не занимать аргументной позиции, а для финитных клауз такое употребление невозможно. В целом материал русского языка подтверждает этот вывод. Хотя и инфинитивы, и финитные зависимые могут занимать периферийную актантную позицию (как при предикатах *рад* и *бояться*, см. (76) и (77)), только инфинитивы могут встречаться в позиции, где не имеют актантного статуса вообще, как в примере (78), в значении «основания для дескрипции», или как в (79), в значении цели:

(76) *Я рад тебе помочь / *чтобы он тебе помог / что тебе помогу*.

(77) *Я боюсь ошибиться / что ошибусь*.

(78) *Что я, дурак – выходить в такую погоду без перчаток / *что я выйду в такую погоду без перчаток?*

(79) *Он поехал посмотреть город / *что посмотрит город*.

Интересно, что соотношение финитных придаточных и инфинитивов при предикативах обратно тому, которое наблюдается при глаголах. Как правило, если при глагольной вершине в одном и том же контексте возмо-

жен и инфинитив, и финитное зависимое, инфинитив в большей мере ограничивает семантику ситуации. Ср., например, встречаемость при глаголе *надеяться*:

(80) *Я надеюсь, что завтра не опоздаю / завтра не опоздать.*

(81) *Я надеюсь, что вчера не насажал ошибок в контрольной / не насажать ошибок в контрольной.*

При *надеяться* инфинитив всегда несёт проспективное значение (ситуация следует за моментом, когда человек на неё надеялся), а зависимое со *что* не ограничено по времени. При предикативах же инфинитив имеет более широкую дистрибуцию, чем финитное придаточное со *что*.

Предложенное выше объяснение, связанное с типом переноса от прилагательного к предикативу, учитывает странное поведение предикативов *плохо* и *хорошо*: хотя СА при них допускает замену на *это* (и, следовательно, должно являться подлежащим), полувспомогательные глаголы типа *считать* или *казаться* малоприемлемы.

(82) *Хорошо приходит в школу заранее.*

(83) *Плохо так поступать.*

(84) ??*Он считал хорошим приходит в школу заранее.*

(85) ??*Он считал плохим так поступать.*

Это связано с тем, что прилагательные *плохой* и *хороший*, в отличие от предикативов *плохо* и *хорошо*, употребляются довольно узко. Предложения типа (87) допустимы, однако их смысл не вполне определён: не совсем очевидно, в каком смысле обсуждение называется плохим или хорошим. И даже если считать их приемлемыми, они не соотносятся напрямую со значением предложений типа (86), с предикативом *плохо* или *хорошо*. В (86) *плохо* и *хорошо* могут обозначать приблизительно ‘приятно / неприятно’, ‘несёт положительные / отрицательные последствия’, тогда как *плохой / хороший* в (87) такого значения не имеет.

(86) *Плохо / хорошо быть худшим в классе.*

(87) #*Плохое / хорошее обсуждение.*

Нужно сказать, что различие в синтаксической структуре предикативов свойства (типа *интересно*) и состояния (типа *холодно*) требует корректировки вывода А.В. Циммерлинга [9] о том, что в конструкциях типа *было очевидным, что ФНС... действовал под защитой Р. Хасбулатова* наблюдается подъём сентенциального актанта. Конечно, в таких конструкциях следует считать СА со *что* субъектом. Однако, по-видимому, субъектный статус присущ сентенциальным актантам и в некоторых исходных конструкциях без вспомогательного глагола. Можно думать, что в конструкциях с *было очевидным* подъёма не происходит.

Тенденция, связанная с тем, что финитное зависимое имеет актантный статус, а для инфинитива это не обязательно, находит ещё одно подтверждение. При предикативах *трудно* и *тяжело* группа с предлогом *для* сочетается с финитным придаточным, а датив к этому скорее не способен – пример (89) является сомнительным, хотя и найден в тексте:

(88) *Для меня трудно, что это состояние приходит неожиданно и я начинаю думать: это не для тебя, ну куда тебе* (<https://fabula.club/posts/9804-motivacija-dlja-lenivyh.html>).

(89) *?Мне тяжело, что мы расстались* (https://pikabu.ru/story/ponimaeshona_luchshee_chno_byilo_v_moej_zhizni_mne_tyazhelo_chno_myi_rasstalis_4418778)¹.

По всей видимости, это связано с тем, что дативные группы синтаксически являются более привилегированными, чем предложные. Поэтому дативные ИГ легче сочетаются с инфинитивными оборотами, которые не обязательно имеют актантный статус, чем с финитными. Тенденция подтверждается корпусными данными (табл. 2). Поиск, где перед предикативом зафиксирована форма датива *мне*, встречается с инфинитивом чаще, чем с придаточным со *что*. При предложной группе *для меня* ситуация обратная.

Таблица 2

Встречаемость инфинитива и финитного придаточного со *что* при предикативе с местоимением *мне* в дательном падеже и в составе предложной группы *для меня*²

Форма перед предикативом	INF	<i>что</i>
<i>мне</i>	8 076	1 117
<i>для меня</i>	41	134

Впрочем, результаты из этой таблицы подвержены влиянию некоторых посторонних факторов. В частности, сочетание датива и инфинитива может представлять конструкцию с подъёмом аргумента (см. [25] о конструкциях с подъёмом аргумента в русском языке).

Выше мы показали, что инфинитивные и финитные зависимые при предикативах также выражают разный семантический тип события: финитные обычно кодируют факт (ср.: *Интересно, что он так и не позвонил*), а инфинитивные могут также обозначать ситуацию, событие во всех его проявлениях (ср.: *Интересно проехать по острову на велосипеде*). Если соединить этот вывод с тенденцией безличных предикативов не иметь финитных зависимых, в сумме это даёт нам утверждение, что **безличные предикативы обычно не имеют зависимых, кодирующих факт**. Это тоже не вполне прямо, но объясняется свойствами предикативов. Если предикативы *холодно*, *жарко*, *тесно* описывают физическое ощущение, они в первую очередь кодируют не свойства ситуации, а состояние экспериенцера. Сентенциальный актант выражает условия, при которых возникает это состояние, причём эти условия синхронны состоянию. Если так,

¹ Как справедливо указывает анонимный рецензент, для *тяжело* сочетание датива и придаточного со *что* несколько более допустимо, чем для *трудно*, однако в любом случае сомнительно.

² Поиск вёлся по основному корпусу Национального корпуса русского языка. Статистика отражает состояние на 31 декабря 2020 г.

то ситуация должна описываться в своей процессной фазе, так же как само состояние. Поэтому конструкция *Мне тесно сидеть на этой скамейке* естественна (она обозначает, что состояние 'тесно' возникает при условии, что человек в то же время сидит на скамейке). Напротив, конструкции **Мне тесно, что я сижу на этой скамейке* не существует, поскольку факт не может существовать одновременно с некоторым ощущением и кодировать условие его возникновения.

Напротив, предикативы типа *интересно, приятно* (ср.: *Мне интересно слушать этот альбом; Мне приятно сидеть на этой скамейке*) имеют сентенциальный актанта в позиции подлежащего и финитные зависимые, и мы показали, что он более прямо произведен от соответствующего прилагательного. Прилагательное – это универсальный тип слов для модификации вершин, неудивительно, что обычно данные типы предикативов не имеют ограничений по тому, факт или событие они описывают: это признаковые основы широкой сочетаемости, не ограниченные определённым типом вершин.

3.2. Изменение статуса сентенциального актанта при дативе

В работе [6] считается, что при наличии у предикатива и дативного, и сентенциального актанта подлежащим является именно дативный (см. [28] о возможности строгого типологического и теоретического определения дативного субъекта). Этот взгляд не выдерживает столкновения с реальностью – тест на *это* показывает, что по меньшей мере некоторые подлежащие свойства в конструкциях типа приведённых ниже имеет и сентенциальный актанта (*открывать окна*):

(90) *Бабушка считает, что важно каждый день открывать окна, и это действительно важно.*

Тем не менее для части данных точка зрения А.В. Циммерлинга верна, а именно при предикативах *весело, грустно, страшно, стыдно* и др. сентенциальный актанта проявляет подлежащие свойства, когда дативного аргумента в предложении нет, и не является подлежащим, если дативный аргумент выражен. В частности, при добавлении датива к таким предикативам сентенциальный актанта полностью или частично теряет способность заменяться на местоимение *это* (ср. примеры (93), (94), (99), (102), (105)):

(91) *Мне весело было болтать о всяких вещах.*

(92) *Весело болтать о всяких вещах.*

(93) *??Пете весело болтать о всяких дурацких вещах, и мне тоже это весело.*

(94) *??Мы гуляем по прогулочному пути, и нам это весело.*

(95) *Мы гуляем по прогулочному пути, и это весело* (Т.Н. Ткаченко. Американский дневник – 1991 год (1991)).

(96) *Ему страшно взять в руки её последнее письмо* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

(97) – Ты не понимаешь, как это страшно – разочароваться в человеке! – кричит Валька и зло ерошит волосы (Григорий Горин. Чем открывается пиво? (1960–1985)).

(98) Много совсем молодых бойцов умирало. Это страшно (Аркадий Цирлин, Марина Суркова. Аркадий Цирлин: «Там было страшно» // За науку. 2013)¹.

(99) ??Ему страшно разочароваться в человеке, и мне это страшно.

(100) – И мне хорошо смотреть на вас и на свечи и вспоминать то, что можете вспоминать и вы...» (Юрий Бондарев. Берег (1975)).

(101) Знаешь, как это хорошо – жить каждую минуту так, как будто она последняя? (Владимир Скрипкин. Тинга // Октябрь. 2002).

(102) *Знаешь, как мне это хорошо?

(103) Мне стыдно, что я оказался среди худших.

(104) А чтобы никто не видел, как я плачу, ведь это стыдно... (Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // Знамя. 2010).

(105) *Это мне стыдно / Мне это стыдно.

В частности, в НКРЯ сочетание датива с *это весело* встречается только в текстах XIX в. Практически нет и примеров на сочетание датива с *это страшно*. Наконец, комбинация датива с *это хорошо*, судя по всему, вообще невозможна, хотя соответствующие сочетания с инфинитивом (*Мне хорошо смотреть на вас*) иногда встречаются.

Едва ли можно это объяснить просто конкуренцией со стороны датива – не случайно при предикативе *интересно* ситуация другая, хотя конкуренция есть и при нём (ср. возможное – *Зачем ты постоянно читаешь старые газеты? – Мне это интересно*). Скорее, речь о соотношении экспериенцера в дативе и ситуации, выраженной сентенциальным актантом. При вершинах типа *интересно*, *важно* и др. сентенциальный актант – это актант в полном смысле слова, который неразрывно семантически связан с дативным актантом. Например, модель *интересно, кто убил эрцгерцога* подразумевает субъекта сознания / экспериенцера, и состояние его сознания – это и есть интерес к вопросу, зафиксированному в придаточном (косвенном вопросе). Состояния *мне интересно* без стимула, вызывающего интерес, не существует – пример (106) не имеет смысла, стимул интереса не был введён в предыдущей речи или не следует из окружения коммуникации (например, разговор происходит на лекции, которая интересна одному из участников):

(106) #*Мне интересно*.

Состояние *весело* в большей мере автономно от ситуации, выраженной сентенциальным актантом. Даже если стимул не выражен или не мыслится вообще, предложение с данным предикативом не является неграмматичным или неполным:

¹ Здесь мы не рассматриваем тонких различий между употреблением *это*, отмеченных А.В. Циммерлингом [6], например *это* в собственно анафорическом употреблении vs плеонастическим *это*, как в (99).

(107) *Мне весело.*

Так, при выраженном сентенциальном актанте и дативном актанте возникает конкуренция между двумя прочтениями – предикативом состояния, описывающим состояние субъекта, и предикативом свойства, описывающим свойство зависимой ситуации ('болтать о разных вещах'):

(108) *Мне весело болтать о разных вещах.*

- i. 'когда я болтаю о разных вещах, мне становится весело';
- ii. 'болтать о разных вещах – это ситуация, которая кажется мне весёлой'.

Как кажется, в большей мере соответствует действительности первое прочтение – речь в этом предложении идёт именно о состоянии субъекта, а не о характеристике ситуации. Следовательно, при добавлении дативной группы происходит диатетический сдвиг, соответствующий сдвигу в значении, – синтаксически дативный аргумент занимает позицию субъекта, которую раньше занимал сентенциальный актант. Сентенциальный актант, смещённый с позиции подлежащего, уже не может заменяться местоимением *это*.

В этом смысле предикативы типа *весело, стыдно, хорошо* находятся посередине между **предикативами свойства** и **предикативами состояния**. Собственно предикативы свойства типа *интересно* допускают замену сентенциального актанта на *это* и при наличии дативного аргумента, и в его отсутствие:

(109) *Пете интересно разговаривать о науке / интересно, кто убил эрцгерцога, и мне тоже это интересно.*

(110) *Лианэль, ну ты же мне не мама, давай не будем ссориться? Вот тебе это интересно? Мне нет* (коллективный. Форум: О любви и обо всём что её касается! (2011)).

В следующих двух частях мы рассмотрим два типа контекстов, где различие между предикативами и прилагательными (часть 4) или наречиями (часть 5) почти стирается. В таких случаях предикатив является синтаксическим средством, однако семантически не вписывается ни в один из рассмотренных выше классов – **свойства** и **состояния**.

4. Предикативы как аналоги прилагательных для неизменных определяемых слов

Первое из употреблений, отстоящее далеко от двух основных типов, обсуждаемых в частях 2 и 3, аналогично употреблению прилагательного: по сути, предикатив здесь описывает некоторый объект, а не состояние участника или свойство ситуации. Основание его употребления – синтаксическое: в примерах (111) в функции определяемого слова подразумевалась именная составляющая, выражающая предмет, но она подверглась опущению – либо предмет в явном виде не назван, либо для него выбрана менее определённая, не именная номинация:

(111) *но тогда чуть потолще мастику раскатывать, у тебя слишком тонко* (<http://povary.ru/forum/lofiversion/index.php>).

(112) *Да! Там выгнуто, сама ручка мешает* (<https://www.drive2.ru/b/456445210914719947/>).

(113) *Был немного разочарован внешним видом – боевых ран хватало везде – там замято, там выгнуто, там течет* (<https://www.drive2.ru/r/uaz/31519/1574752/>).

(114) *Недошкурили – это значит везде гладко, а там шершаво* (<https://www.forumhouse.ru/threads/336749/>).

Естественно, *тонко* (в буквальном значении), *выгнуто*, *замято*, *шершаво*, *гладко* – это прилагательные, которые не могут относиться к ситуации – речь идёт о том, что мастика в данном месте слишком тонкая. Однако в разговорном языке ИГ часто заменяются нулевыми составляющими или локативными местоимениями типа *тут*, *здесь*, *там* даже в тех случаях, где литературный язык требовал бы употребления местоимения (см. [29] о вариативности дискурсивных средств) или полных именных групп. В примерах выше подразумеваются конкретные объекты, которые замяты, однако говорящий не счёл нужным вводить их именными группами. Поэтому полные прилагательные в данном случае сомнительны или недопустимы:

(115) *?Везде гладкое, а там шершавое.*

(116) **Надо потолще мастику раскатывать, у тебя слишком тонкое.*

Полное прилагательное употреблялось бы в случае типа (117), если бы контекст содержал именную вершину:

(117) *Это место у тебя слишком тонкое.*

Аналогичным образом употребляются и другие нестандартные предикативы в «именных», а не «ситуационных» контекстах: ср. *высоко*, *криво*, *красиво*:

(118) *Спросит – почему здесь криво, почему это плохо* (<https://vg-saveliev.livejournal.com/189749.html>).

(119) *Здесь красиво, совсем неподалеку горы, бирюзовые реки* (Анатолий Кириллин. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012).

Иначе говоря, в (118) кривым или плохим называется некоторый объект (например, покрытие стен или потолка), а в (119) красивым считается некоторое место – ни свойств ситуации, как в (2), ни внутреннего состояния, как в (1), контекст не предполагает.

Казалось бы, приведённые примеры можно считать стандартным случаем употребления кратких прилагательных: референту присваивается свойство, обозначаемое прилагательным. Однако усмотреть в данных контекстах краткое прилагательное мешает то, что в норме формы типа *шершаво* практически не используются – даже в предикатной позиции выбирается именно полная форма:

(119) *Покрытие здесь шершавое / ??шершаво.*

(120) *Покрытие здесь слишком тонкое / ??тонко.*

Ещё одним, даже более сильным, аргументом является то, что в конструкциях с местоимениями типа *это* или *так* могут употребляться наре-

чия на *по-*, не имеющие соотносительных прилагательных (ср. *Это не по-товарищески – так поступать с друзьями; Всё теперь по-новому*).

Наречие в данных контекстах тоже вряд ли можно усмотреть: в части примеров такого рода выраженного глагола нет, часть его содержит, но вряд ли он составляет одну группу с исследуемыми словами: например, в (122) глагол *получиться* находится слишком далеко от слова *шершаво*, а между ними расположены сочинённые конструкции с существительными, которые мешают интерпретировать глагол и предикатив как единую группу):

(122) *получилось не идеально, тут трещины, там трещины, там пузырики, тут гладко, а там шершаво* (https://www.drive2.ru/r/lada/priora_hatchback/4899916394579160165/logbook/).

В результате мы можем только считать, что в примерах выше выбирается предикатив. Однако у него нет присущего предыдущим типам прочтения состояния (*мне холодно*) или свойства ситуации (*приятно, что ты позвонил*). Скорее, предикатив является именно синтаксическим механизмом – способом обозначить свойство объекта, не обозначенного именной группой и поэтому не способного контролировать согласование полного прилагательного. Субстантивированная превосходная степень в таких контекстах тоже обычно невозможна, поскольку для неё нет выраженного актанта (именного или сентенциального), который был бы с ней связан:

(123) ??*Здесь самое широкое.*

(124) **В этом месте самое красивое.*

Следовательно, предикативы могут характеризовать не только свойства ситуаций или состояния участников, но и вполне предметные сущности, которые просто не выражены ИГ. Например, в конструкциях типа *Там очень полого* понятно, что речь идёт о горе или скале – просто выбрана наименная конструкция, которая могла бы быть заменена альтернативой *Горы там очень пологие*. В этом смысле предикатив здесь плохо отличим от краткого прилагательного – он просто является последним вариантом на случай, если характеризуемый объект не имеет именного числа, рода и других категорий, необходимых для согласования.

Нужно также отметить, что похожим образом могут объясняться некоторые другие сложные случаи, когда непонятно, прилагательное перед нами или предикатив. Например, так происходит в конструкциях с местоимением *это*:

(125) – *Я не подготовил задание. – Это плохо.*

Казалось бы, неясно, почему в примере (125), содержащем субстантивное местоимение *это*, употребляется предикатив. Между тем краткое прилагательное среднего рода здесь усмотреть нельзя: краткое прилагательное *плохо*, как правило, не употребляется в среднем роде:

(126) **Твоё задание плохо* (ср. нормальное *плохое*).

В действительности можно говорить, что форма *плохо* здесь употребляется просто потому, что местоимение *это* не является именной группой, хотя и имеет свойства субстантива. А для употребления согласованной формы прилагательных нужна либо именная группа, указывающая на объ-

ект, либо соотносительная с ней местоименная. Поэтому конструкция с прилагательным типа **Это плохое* недопустима. Сходным образом объясняется форма при местоимении *всё* (*Всё плохо / *плохое*), *что* (*Что именно странно / глупо / *странное / *глупое*) и, возможно, некоторых других. Эти контексты являются переходными между примерами, где предикативы определяют клаузу, и примерами, где именные группы сочетаются с краткими прилагательными.

Косвенным подтверждением того, что в конструкциях типа *это плохо* выступает предикатив, является общность ограничений на предикатив и на структуры с *это*. Прилагательные, которые не могут встречаться в форме предикатива, невозможны и с *это* (ср. прилагательное *успешно*: **успешно, что он выступил на конференции, *это успешно*).

Возможно, имеет смысл считать, что и часть структур с сентенциальными актантами относятся к данному типу (к употреблением, аналогичным прилагательным), а не к предыдущим двум. Речь идёт о конструкциях, в которых сильно предпочитается постпозиция предикатива:

(127) *В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей* (С.А. Есенин. До свиданья, друг мой, до свиданья).

(128) *Вот у нас в школе над шутками из 4-го класса в 7-ом классе смеяться было уже как-то невзросло, штоли* (http://www.ippodrom-rb.ru/oldguest/page_330.html).

(129) *То, как они просят чаевые, очень уродливо* (https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g294446-d12067846-Reviews-Reka_Pasticeri-Tirana_Tirana_County.html).

(130) *Называть кита рыбой – неточно / нестандартно.*

(131) ??*Не ново умирать.*

(132) ??*Не взросло смеяться над шутками из 4-го класса.*

(133) Глеб Павловский: *«Убрать Мишустина – это слишком радикально для Путина»* (<https://rtvi.com/broadcast/gleb-pavlovskiy-ubrat-mishustina-eto-slishkom-radikalno-dlya-putina/>).

(134) ??*Радикально убрать Мишустина.*

Примеры типа (131), (132), (134) не являются стопроцентно недопустимыми, однако менее типичны, чем их аналоги с постпозицией предикатива (128) – (130) и (133). При этом для обычных предикативов типа *странно* или *неприятно* такого предпочтения к постпозиции не наблюдается (ср. *странно такое слышать, неприятно осознавать свою вину*). Поэтому примеры выше, скорее всего, следует интерпретировать так же, как примеры типа *Здесь у тебя слишком тонко*: по сути дела, перед нами предикативы, замещающие прилагательные и не имеющие всех свойств стандартных предикативов (в частности, способности к начальному расположению).

Наконец, ещё одним сомнительным типом конструкций, где различие между прилагательным и предикативом проблематично, являются конструкции с предложными группами типа (135):

(135) *А скучнее всего было про тайное общество каллиграфов, их философия, как-то вообще не тронуло меня это.*

Как уже говорилось, изложенный в этой части материал допускает две интерпретации: либо слова типа *ново*, *радикально* в предикатной позиции считаются предикативами, либо краткими прилагательными. Однако второе решение естественным образом влечёт за собой более общий вопрос: не являются ли все предикативы (по меньшей мере, предикативы свойства, см. часть 2) краткими прилагательными, используемыми в силу отсутствия канонической именной вершины.

В таком радикальном виде ответ скорее должен быть отрицательным. Ответ подсказывает ударение – как известно (см. [12. § 978]), небольшой класс основ демонстрирует различия в ударении между наречиями и прилагательными. В некоторых случаях предикативы ведут себя в смысле ударения как наречия: например, *архаично*, но возможно ударение на последний слог в форме прилагательного *коротко*; в наречии такое ударение недопустимо. Предикатив не допускает ударения на последний слог (ср.: *тут слишком коротко*). Видимо, это связано с тем, что для прилагательного существует парадигма родовых форм, где форма женского рода имеет ударение на последний слог (*коротка*), а для предикатива её не существует. Это показывает, что предикатив несводим к прилагательному, во всяком случае для некоторых лексем. Однако за пределами этой малой группы ответ не столь очевиден и скорее связан с синтаксическими критериями типа взаимного линейного расположения предикатива и его зависимого.

5. Употребление «низких» наречий (наречий образа действия) в качестве предикативов

Во втором нестандартном употреблении, автономном и от конструкций с предикативами свойства, и от конструкций с предикативами состояния, предикативы сближаются с наречиями. По сути, речь идёт о прямом переносе наречия в предикатную позицию. Можно заметить, что следующие предложения не допускают ни интерпретации типа той, которая присуща предикативам состояния типа *холодно*, ни той, которую мы усматриваем у предикативов свойства типа *интересно*. Отметим, впрочем, что некоторые носители языка считают предложения типа (137) сомнительными.

(136) *Лезть туда было слишком высоко.*

(137) *?Ехать было медленно, но удобно* (https://www.tumblr.com/search/Нижний_Тагил).

Можно показать, что интерпретация и характеристики предикативов типа *высоко* в (136) и *медленно* в (137) не совпадают ни с теми, которые мы описали для предикативов свойства, ни с теми, которые имеют предикативы состояния. Напомним интерпретацию каждого из этих классов:

Интерпретация типа *интересно* – предикативы свойства:

(138) *Там неинтересно стоять* = ‘ситуация, когда там стоишь, описывается / воспринимается как неинтересная’.

Интерпретация типа *холодно* – предикативы состояния:

(139) *Холодно там стоять* = ‘чувствуешь холод, когда там стоишь’.

Несложно видеть, что конструкции типа (136), (137) не значат ничего из перечисленного ниже:

#‘ситуация «ехать» является далёкой / медленной’.

#‘когда едешь, находишься в состоянии «далеко / медленно»’.

Скорее, речь идёт о немаркированной деривации от конструкций вида *Он медленно ехал*. Наречие здесь помещается в предикатную позицию, давая прочтение ‘тот способ, которым можно ехать на велосипеде, можно обозначить как *ехать медленно*’. В этом смысле (136) и (137) как раз ближе всего к конструкции с наречием в позиции сказуемого, в целом нехарактерной для русского языка. Наречие *медленно* не способно иметь широкую сферу действия, выражая свойство всей ситуации, и сохраняет узкое прочтение способа. Отметим, что многие предложения такого рода выглядят сомнительными.

Данное явление сильно ограничено лексически, хотя точный охват наречий образа действия, способных к таким употреблением, пока неясен. На некоторых примерах можно видеть, что конструкции, потенциально имеющие два прочтения – широкое и узкое (образа действия), обычно выбирают широкое, относящееся к факту, эпистемическому статусу или оценке протекания ситуации. Ср., например, употребление слова *нагло* в качестве предикатива:

(140) *Все же Снайдер мог отшлифовать его почти до полного совершенства (хоть и **нагло** так говорить о трудах человека)* (<https://www.kinopoisk.ru/user/1/comment/1173213/>).

Наречие *нагло* может обозначать и образ действия (*Он держался нагло* = ‘То, каким образом он держался, было наглым’; *Он нагло разговаривал*), и оценку ситуации как таковой (*Он нагло отрицал своё участие* = ‘Тот факт, что он отрицал своё участие, был наглым’). Однако предикатив в (140) явно выражает не тот факт, что некоторый тип высказывания является наглым по форме, а то, что наглым является сам факт именованья себя чемпионом. Несколько сложнее ведёт себя наречие *вкусно*. Из предложений ниже гораздо лучше выглядит пример (141):

(141) *Есть капусту с яйцом не очень вкусно.*

(142) *Готовить капусту в сковородке не очень вкусно.*

В примере (142) задействовано узкое прочтение – речь идёт о способе готовки (ср. пример с наречием образа действия *Серёжа вкусно готовит*). Но в конструкции с предикативом это прочтение гораздо менее естественно, чем (141), с широким прочтением, относящимся ко всей ситуации еды и её восприятию экспериенцером. При этом в (141) можно усмотреть прочтение, характерное для предикатива свойства, хотя, впрочем, охарактеризовать ситуацию как вкусную в буквальном смысле нельзя.

Напротив, в (143) прочтение предикатива *жёстко* явно устроено, как у наречия образа действия:

(143) *Так говорить – слишком жёстко.*

Предикатив *жёстко* скорее характеристика способа выражения, чем ситуации. В этом смысле здесь *жёстко* не является ни предикативом

свойства, ни предикативом состояния, а наследует свойства «низкого» наречия (ср.: *Он выразился слишком жёстко*).

В целом возможность «низких» наречий типа *медленно* в позиции предикатива редкое явление. Например, конструкция типа (144) теоретически могла бы иметь прочтение ‘Эти слова слишком спокойные’. Однако в действительности она просто неграмматична:

(144) **Говорить такое в этой ситуации – слишком спокойно.*

Можно сказать, что описанные в этом разделе конструкции являются исключениями из ранее наблюдаемой тенденции, согласно которой наречия не употребляются в предикатной позиции – в случаях типа (136)–(137) различить предикатив и наречие в предикатной позиции практически невозможно.

Два контекста – аналогичный прилагательному (часть 4) и наречию (часть 5) – не всегда очевидным образом отличаются друг от друга. Например, приведённый пример *Так говорить – слишком жёстко* можно трактовать двумя способами. Либо перед нами прилагательное (‘Этот способ говорения – слишком жёсткий’), либо наречие (‘Когда так говорят, говорят слишком жёстко’). Однако в данном случае естественнее принять второе решение: краткие формы прилагательного *жёсткий* практически не употребляются. Тем не менее в некоторых случаях два периферийных употребления легко отличить друг от друга: например, очевидно, что *Здесь у тебя толсто* – именно контекст, близкий к прилагательному (речь не идёт о характеристике никакой ситуации, толстым является именно объект, например слой материала или фрагмент рисунка).

Интуитивно различие между **предикативами свойства** и употребленными, близкими к наречиям, кажется ясным, однако сформулировать его формально не слишком легко: ведь во всех случаях речь идёт о характеристике ситуации. Диагностическим признаком может быть следующий. Поскольку предикативы – это аналоги «высоких» наречий, их семантика соответствует их синтаксическому расположению. Предикативы фиксируют не признаки, интегрированные исходно в семантику ситуации и релевантные для её оценки на фоне других ситуаций (громкость речи, скорость движения, красоту картины или музыки), а признаки внешние, которые сопоставляет с ситуацией говорящий. В числе прочего это связано с тем, что предикативы обычно не имеют рестриктивной семантики, а классификация по ингерентным признакам, таким как громкость речи, служит прежде всего именно для того, чтобы отличить одну ситуацию некоторого класса от другой.

Например, наречие *жестко* фиксирует, прежде всего, внешнюю оценку с моральной стороны некоторого поступка. Близкое к нему *жёстко* способно фиксировать и оценку, и ингерентный признак: *Он жёстко высказался* в большей мере фиксирует объективное содержание речи. Именно поэтому первое легко транспонируется в предикатив, а для второго это нехарактерно, хотя и возможно (речь идёт о нестандартном «наречном» употреблении предикатива). При этом наречие *спокойно*, как говорилось

выше, вообще не может употребляться как предикатив, поскольку выражает только ингерентную объективную характеристику речи.

Семантическую характеристику употребления предикатива, близкую к наречию, можно сопоставить с синтаксическим механизмом, который мы усматриваем в такой ситуации. В случаях типа (144), когда в роли предикатива употребляется «низкое» наречие образа действия, можно говорить о подъёме наречия: оно поднимается из позиции адьюнкта внутри глагольной группы в позицию предикатива. Напротив, для случаев типа *скучно, жестоко, приятно* и др. подъёма усматривать не стоит: речь идёт о том, что наречие *жестоко* и предикатив *жестоко* – две разные лексемы, различающиеся и позицией в дереве, и актантной структурой, и семантикой.

Показателен случай употреблений предикатива *скучно*. Когда *скучно* является **предикативом свойства**, оно стандартно требует контроля инфинитива со стороны дативного актанта, выраженного или опущенного: *(Лектору) скучно всё время зачитывать примеры из учебника* стандартно означает, что зачитывать примеры будет сам лектор, а в версии *Студентам скучно всё время зачитывать примеры из учебника* – студенты. Если же *скучно* находится в постпозиции, оно выступает в периферийном употреблении, как аналог прилагательного или наречия, и жёсткое требование контроля смягчается:

(145) *Иногда эта история бывает длинной, и записывать ее в текст скучно для аудитории* (<https://www.makewebvideo.com/ru/make/intro-maker-logo-animation-video>).

В примерах типа (145) невыраженное подлежащее инфинитива *записывать* не совпадает с экспериенцером предикатива *скучно* (экспериенцер – это аудитория, а записывает историю в текст автор). Такие конфигурации в целом допустимы потому, что в (145) речь идёт не о восприятии ситуации извне, а о её ингерентном признаке и оценивает речь участник – адресат, а не говорящий.

6. Некоторые синтаксические и семантические признаки конструкций с предикативами

Как было показано выше, класс предикативов и их употреблений в русском языке гетерогенен. Однако эта разнородность становится ещё яснее, если взглянуть на формальные и семантические свойства данных конструкций, связанные с классом предикатива. Среди таких свойств – временная интерпретация конструкции с предикативом, конструкции с прилагательными с дативом экспериенцера и с определяемым словом, соответствующим экспериенцеру, конструкции со сравнительной степенью. Используя эти свойства, мы покажем, что деление предикативов на предикативы свойства и предикативы состояния не чисто семантический конструкт, а оппозиция, имеющая чёткие синтаксические корреляты. Тем не менее в конце части будет показано, что соответствие семантических и

синтаксических свойств не является полным и для части лексем их принадлежность к тому или иному классу неоднозначна.

6.1. Возможность употребления датива при предикативе

Одна из корреляций связывает класс предикатива (и, соответственно, подлежащую / неподлежащую позицию сентенциального актанта) с поведением дативных групп при соответствующем прилагательном. Поскольку конструкции с сентенциальным актантом в позиции подлежащего предикатива обычно напрямую соответствуют конструкциям с прилагательным, именно для этих случаев дативные группы возможны не только при предикативе, но и при исходном прилагательном. Следовательно, датив при исходном прилагательном обычно возможен при предикативах, требующих зависимой ситуации и присваивающих ей статус подлежащего (предикативах свойства).

(146) *холодный мне

(147) *страшный мне

(148) ??скучный мне

(149) *весёлый мне

(150) ?смешной мне

(151) приятный мне

(152) интересный мне

О разнице в способности к присоединению датива говорит С.С. Сай в [10], однако связь со статусом сентенциального актанта в этой работе не отмечается.

6.2. Возможность синонимичных конструкций с прилагательным – модификатором при одушевлённом участнике

С другой стороны, именно для предикативов состояния, которые часто употребляются без указания на зависимую ситуацию, нередко возможен другой тип соотносительной конструкции, при которой предикативу соответствует прилагательное, характеризующее одушевлённого участника, и конструкции с прилагательными синонимичны конструкциям с предикативами. Например, для *Мне скучно* порой является *Я сегодня скучный*, для *Мне грустно / весело* – *Я грустный / весёлый*. В то же время для предикативов типа *интересно* или *приятно* пары *Я приятный* или *Я интересный* не синонимичны вариантам с предикативами *Мне приятно* или *Мне интересно*. Такое различие связано с тем, что предикативы типа *скучно* характеризуют именно состояние участника, и несущественно, в какой позиции стоит участник. Напротив, предикативы типа *интересно* или *приятно* характеризуют свойства ситуации, поэтому при образовании конструкций типа *Я неинтересный* обозначается уже не ментальное состояние одушевлённого участника, а его свойство.

В то же время при предикативах типа *Мне холодно*, также относящихся к классу свойства, такие пары отсутствуют: конструкция *Я холодный* не может означать ‘Я чувствую холод’.

6.3. О неполном соответствии семантической и синтаксической классификаций

Хотя, казалось бы, классы предикативов состояния типа *холодно* и свойства типа *важно* довольно просто различить, в действительности иногда ситуация сложнее. Трудность возникает тогда, когда необходимо отличить друг от друга синтаксические и референциальные характеристики. Под референциальным классом предикатива мы понимаем то, возможно ли для предикатива употребление без сентенциального актанта, при котором зависимая ситуация даже не достраивается – речь идёт об общем состоянии экспериенцера.

Например, ясно, что предикатив *холодно* – это в чистом виде **предикатив состояния**, который может описывать актуальное состояние экспериенцера (в пространственных и временных характеристиках, свойственных моменту речи). Мы будем говорить, что в отношении референции *холодно* является предикативом, не требующим выражения сентенциального актанта, т.е. не нуждается в указании на причину возникновения состояния или ситуацию, которая описывается. *Мне холодно* без дополнительных модификаторов означает ‘Я чувствую холод в месте и во время, когда это говорю’. А вот случаи вроде *скучно* или *неинтересно* несколько сложнее. Казалось бы, оба предикатива имеют по два употребления, с сентенциальным актантом и без него:

(153) *Мне скучно.*

(154) *Скучно каждый день делать одно и то же.*

(155) *Мне неинтересно.*

(156) *Неинтересно каждый день делать одно и то же.*

Однако на самом деле только *скучно* в одном из употреблений (153) не требует указания на ситуацию, а *интересно* в (155) ведёт себя по-другому. Например, высказывание *Мне скучно* может применяться к общему состоянию говорящего в этом месте и в это время, без указания на ситуацию, которая скучна. Употребление *Мне неинтересно* в таком контексте невозможно – необходимо, чтобы в семантике ситуации существовала причина того, что экспериенцеру неинтересно, ситуация, которая оценивается как неинтересная (например, если *Мне неинтересно* говорится во время научного доклада, имеется в виду, что доклад говорящему неинтересен). Точно так же хабитуальные контексты типа *все последние три года* допускает *скучно*, но не *неинтересно*:

(157) *Последние три года мне скучно.*

(158) *??Последние три года мне неинтересно.*

Указание на большой отрезок времени исключает указание на конкретную ситуацию, а без неё употребление предикатива *неинтересно* сомни-

тельно (нужно добавить указание на ситуацию или на место, где возникает состояние, например: *Последние три года мне в институте неинтересно*). К такому же типу различий относится отмеченное М. Копчевской-Тамм противопоставление *жарко / холодно*, с одной стороны, и *горячо* – с другой. Первые два предикатива выражают просто состояние экспериенцера, вызванное окружающими условиями. Третье, *горячо*, допустимо только в том случае, когда причина состояния конкретизирована, но не выражена напрямую: о своём состоянии, не имеющем конкретной причины, нельзя сказать *Мне горячо*, а вот к ситуации, когда говорящий коснулся горячей плиты, это предложение применимо.

Наконец, некоторые предикативы, такие как *важно*, не допускают опущение ситуации ни при какой интерпретации:

(159) **Мне сейчас важно*.

В списке ниже приводятся референциальные характеристики нескольких предикативов.

Не требующие зависимой ситуации даже семантически	С возможностью опущения оцениваемой ситуации, но требующие её семантически	Без возможности опущения зависимой ситуации
<i>хорошо</i>	<i>хорошо</i>	<i>желательно</i>
<i>плохо</i>	<i>плохо</i>	<i>важно</i>
<i>грустно</i>		<i>хорошо бы</i>
<i>скучно</i>	<i>интересно, неинтересно</i>	<i>надо (бы)</i>
<i>страшно</i>	<i>приятно</i>	<i>нужно (бы)</i>
<i>холодно</i>	<i>уютно</i>	
<i>весело</i>		

Взаимно однозначного соответствия между референциальным и синтаксическим типом предикатива нет. Однако некоторые корреляции обнаруживаются. Как правило, предикативы, не предполагающие указания на ситуацию, не имеют подлежащего и являются предикативами состояния, а предикативы, при которых ситуация выражается обязательно, имеют синтаксическое подлежащее и являются предикативами свойства. К предикативам свойства относятся и многие предикативы с возможностью опущения. Это неудивительно: если предикатив выражает в первую очередь состояние экспериенцера, то вполне возможен случай, когда состояние возникает без внешнего стимула или этот стимул нерелевантен. В некоторых случаях предикативы, не требующие указания на ситуацию, относятся к промежуточному типу, описанному в 3.2, как, например, *весело* или *страшно*.

Разница между предикативами *скучно* и *интересно* (ср.: *Мне это интересно vs ?Мне это скучно*) также показывает корреляцию между синтаксической структурой и референцией: *скучно*, как было показано выше, не требует указания на ситуацию, а синтаксически его синтаксический актанта утрачивает статус подлежащего при употреблении датива). При *интересно* синтаксический актанта всегда является подлежащим.

Для предикативов с возможностью опущения ситуация может быть разной: например, при предикативе *интересно* и *приятно* СА является подлежащим, а при *уютно* – скорее нет. В любом случае существенно, что способность употребляться без выраженного заполнителя валентности стимула не говорит однозначно о принадлежности к тому или иному синтаксическому классу.

6.4. Возможность конструкции со сравнительной степенью предикатива и словом всего

Одним из критериев различения предикативов, требующих и не требующих указания на зависимую ситуацию, являются конструкции превосходной и сравнительной степени. Речь идёт не о конструкциях с *самое*, а о конструкциях с формами сравнительной степени + *всего*. С предикативами, не требующими зависимой ситуации, эти конструкции нормальны и не вызывают ощущения неполноты даже без других выраженных актантов:

(160) *Ему (сейчас) холоднее / веселее всего.*

С предикативами типа *приятно* это невозможно либо конструкция вызывает ощущение неполноты:

(161) *??Ему (сейчас) приятнее / интереснее всего.*

Употребление типа *Мне приятно* обязательно задействует невыраженную зависимую ситуацию. Поэтому при сравнении необходимо пояснить, относительно какой ситуации оно проводится.

6.5. Интерпретация времени и аспектуальные свойства

Отмеченный нами факт, что поведение предикатива зависит не только от класса, но и от выраженности сентенциального актанта, ещё лучше виден на примере поведения временных и аспектуальных значений. Значение времени довольно давно рассматривалось в связи с классом предикативов. Авторы работ [8, 9, 25] в качестве одного из параметров классификации предикативов и близких к ним слов указывают значение времени. В данных исследованиях предполагается, что в структурах с дативом типа *мне стыдно* легко актуализуется значение актуального настоящего, а в структурах без него (*Признаваться в том, что ты не читал Якобсона, – стыдно*) конструкция часто имеет «семантику обобщенной оценки, относящейся к классу ситуаций, а не состояния, т.е. характеристики конкретной референциальной ситуации» [8. С. 32].

Нам кажется, что это различие должно быть скорректировано, поскольку зависит от присутствия не только дативного актанта, но и сентенциального. Сравним, например, три предложения:

(162) *И все было бы прекрасно, если бы не случай, за который мне стыдно до сих пор* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)).

(163) *Мне стыдно приходить туда с опозданием.*

(164) *Стыдно приходить на концерт с опозданием.*

Употребление (162) без выраженного сентенциального актанта передает актуальное состояние говорящего – он испытывает стыд в момент речи или в интервале, включающем момент речи. Иначе интерпретируются конструкции (163) и (164) с выраженными сентенциальными актантами. Поскольку инфинитив в составе сентенциального актанта даёт информацию о свойствах ситуации (в частности, в случае употребления НСВ, о её повторяемости), ограничение, требующее актуального прочтения, уже не действует. Более того, нормой является именно хабитуальное прочтение (163) и (164) (несмотря на то, что в (163) выражен экспериенцер) могут интерпретироваться как ‘(мне) всегда стыдно, когда я туда прихожу с опозданием’. Эта тенденция сохраняется и в случае, когда сентенциальный актант выражен менее стандартным способом (например, зависимым с *если* или *когда*):

(165) *Особенно мне стыдно, если кто-то видит, что мне плохо* ‘стыдно всегда, во всех подобных случаях’ (<https://v1.fobii.net/node/1282?page=4>).

Предпочтение актуальной ситуации приоткрывает секрет семантики предикативов без сентенциального актанта. Выше мы говорили, что они действуют как стативные предикаты, описывающие состояние одушевлённого экспериенцера и не присваивающие свойство никакому объекту или ситуации. Возможно, это представление неточно. Можно подумать, что предикативы типа *холодно* описывают свойство мира в целом – по умолчанию, в момент и в месте речевого акта. На это косвенно указывает тот факт, что у предикативов состояния разная сочетаемость с локативными выражениями.

(166) *Эстония шумела вокруг Гали и Димки, и им было хорошо в её кругу, они стояли и целовались* (Василий Аксенов. Звездный билет // Юность. 1961).

(167) **Мне было стыдно дома / в их кругу.*

Невозможность предложений типа (167) не связана с неполнотой предложения – ведь просто предложение *Мне стыдно* нормально. Стоит предположить, что компоненты мира, которые характеризуют предикативы, могут быть разными: для *холодно* это элемент физического мира (место и время, где находится говорящий), для *стыдно* – просто состояние говорящего.

Выраженность или невыраженность сентенциального актанта влияет и на аспектуальные свойства предикатива. Приведём пример. Если без сентенциального актанта предикативы могут употребляться в конструкции вхождения в актуальное состояние с глаголом *стать* (168), то с инфинитивным сентенциальным актантом эта же конструкция обычно выражает только начало последовательности повторяющихся ситуаций (169), но не актуального состояния (170):

(168) *Мне стало приятно / холодно* ‘Я начал чувствовать, что мне приятно / холодно’.

(169) *Мне стало приятно встречать знакомых* ‘Я начал чувствовать, что мне приятно каждый раз, когда я встречаю знакомых’.

(170) *??Мне стало приятно встретить знакомых* ‘#Я стал чувствовать, что мне приятно, поскольку встретил знакомых’.

Сочетаемость с видами тоже различает **предикативы состояния** типа *холодно* и **предикативы свойства** типа *приятно*. Как правило, предикативы состояния допускают только одновременность состояния и зависимой ситуации, а значит, обычно сочетаются с сентенциальным актантом, содержащим глагол НСВ. Например, *Тут холодно стоять / Холодно ходить* выглядит лучше, чем *Холодно прогуляться зимой без куртки*. Напротив, при эмоциональных предикативах типа *приятно* или оценочных типа *важно* нормальными являются и НСВ, и СВ:

(171) *Важно понимать, что в ребенке тебя бесит прежде всего именно то, в чем ты сам не совершенен* (А.А. Данилова, Тутта Ларсен. Тутта Ларсен: «Мои дети не будут делать татуировки». 2017).

(172) *Очень важно понять, что ничего мудреного в будущей реформе нет и быть не может* (Реформа ради светлого будущего // Красноярский рабочий. 2003).

Характеристика двух классов полностью соответствует их главным свойствам а именно тому, что при **предикативах состояния** зависимая ситуация не является основным актантом, а понимается как сопутствующая ситуация, которая разворачивается одновременно с главным состоянием. Напротив, при **предикативах свойства** зависимая ситуация оценивается с помощью предикатива и занимает позицию подлежащего – оценке могут поддаваться ситуации с любой аспектуальной характеристикой.

6.6. Сочинение конструкций с предикативами разных типов

В связи с тем, что мы постулируем несколько типов предикативов, интересен вопрос об их сочетаемости в рамках одной сочинительной конструкции. Он особенно актуален в связи с тем, что синтаксическое устройство конструкций тоже разное. Отметим, что сочинительные конструкции обычно предъявляют довольно жёсткие требования идентичности к конъюнктам – в частности, затруднено сочинение глаголов с общим актантом, если маркирование этого актанта различается:

(173) ??*Все помогали и поддерживали Серёжу* (при глаголе *помогать* должна быть форма дательного падежа *Серёжи*, а при глаголе *поддерживать* используется винительный падеж, поэтому конструкция сомнительна).

Затруднено и сочинение, при котором общий актант маркируется одинаково, но имеет разный синтаксический статус в первом и втором конъюнктах. Например, предложение ниже сомнительно, поскольку в первом случае не прямое дополнение *бабушке* – это актант глагола *помогать*, а во втором – скорее сирконстант при *открыть дверь*:

(174) ??*Он помог и открыл дверь бабушке*.

Проверим возможности сочинения разных типов предикативов. Оказывается, что в целом они несколько шире, чем ожидалось бы из общих соображений. Как кажется, ограничение касается прежде всего статуса дательной группы:

– затруднено сочинение составляющих, если в одной из них датив поднят из зависимой клаузы (*глупо* в (175) и *смешно* в (176)), а в другой является элементом главной клаузы (*неинтересно* в обоих примерах ниже):

(175) ?*Мне неинтересно и глупо это делать.*

(176) ?*Профессору смешно и неинтересно учиться у студента.*

Примеры выше кажутся не полностью неграмматичными, но создают эффект языковой игры: это связано с тем, что *мне* в сочетании *мне неинтересно* является полноценным актантом предикатива (экспериенцером, ощущающим, что некоторое действие для него неинтересно), а в *мне глупо* – актантом, подвергшимся подъёму (конструкция *Мне глупо это делать* эквивалентна *Глупо будет, если я буду это делать*).

В то же время различие в свойствах сентенциального актанта не блокирует сочинение. Так, возможно сочинение **предикативов свойства** и предикативов с промежуточными свойствами типа *весело*.

(177) *Хм, да мне интересно и весело быть наедине самой с собой* (<https://m.facebook.com/talantialand/photos/a.116144609789596/300277268042995/?type=3>).

Сочинение предикативов, из которых один относится к классу **свойства** (*неприятно*), а другой – к классу **состояния** (*холодно*), также допустимо:

(178) *Неприятно и холодно каждый раз прикасаться к стеклу.* (<https://www.lacasa-m.ru/inspiration/16807/>).

(179) *Мне неприятно и холодно его под мышку засовывать* (<https://irecommend.ru/content/infrakrasnyi-termometr-dlya-mladentsev-detei-ivzroslykh-mgnovennoe-bezkontaktное-izmerenie>).

Возможны даже конструкции, где второй конъюнкт, как в (180), употребляется в периферийных употреблениях, как аналог наречия или прилагательного (см. части 4 и 5).

(180) *Лезть на него не страшно, хотя и высоко* (<https://featheryami.livejournal.com/12523.html>).

Эта толерантность к сочинению предикативов с разной, казалось бы, синтаксической моделью показывает две вещи.

Как показано в [30, 31], само понятие синтаксической позиции для сентенциальных составляющих не обладает той же значимостью, что и для именных. В этом смысле разная позиция СА при предикативах не ставит между ними непреодолимой границы.

В частности, сочинение вершин с общим сентенциальным актантом в разной позиции скорее допустимо. Для именных актантов оно выглядит менее приемлемым.

(181) ?*Мне хочется и нравятся яблоки.*

(182) ?*Мне хочется и нравится яблоко.*

(183) *Почему мне хочется и нравится учиться, а не работать* (<https://otvet.mail.ru/question/21272053>).

При глаголе *хотеться* зависимое (сентенциальное или именное) занимает позицию прямого дополнения (ср. *Мне хочется* / **хотятся яблоки*).

При *нравиться* те же типы актантов являются подлежащими. Поэтому сочинение этих двух глаголов при именном актанте невозможно. Однако при сентенциальном оно, судя по всему, приемлемо.

В то же время не существует строгой границы между типами предикативов. Хотя выше мы говорили, что предикативы типа *интересно* являются, по сути, аналогами предикатных употреблений наречий, а предикативы типа *холодно* обозначают свойство экспериенцера, функция и тех и других в том, чтобы выразить свойства сущности, не обозначенной именной группой.

Заключение

Итак, как было показано выше функции предикативов в языковой системе нетривиальны и не сводятся к одной главной. Основные две функции таковы: во-первых, помещать в предикатную позицию свойства составляющих, не сочетающихся с полными прилагательными (**предикативы свойства**), а во-вторых, кодировать состояния, не выражающиеся глаголами (**предикативы состояния**). В первой функции предикативы находятся между прилагательными и наречиями и заполняют лауну, образованную в силу отсутствия у наречий предикатного употребления, а во второй похожи на безличные глаголы *тошнить*. Как мы выяснили, утверждение о том, что предикативы – это лишь аналоги прилагательных, огрубляет картину даже для предикативов свойства.

В некотором роде оба типа предикатива безличны, однако точный смысл этого понятия разный. В наиболее распространённом в современной лингвистике смысле безличными называются конструкция или предикат, где не содержится подлежащего. В этом смысле безличны только предикативы типа *холодно* (в некоторых конструкциях также типа *весело*), при которых сентенциальный актант не проявляет подлежащих свойств. У них нет ни одного актанта, хоть сколько-нибудь близкого по синтаксическому поведению к подлежащему. Другой смысл понятия безличного предиката или конструкции предполагает, что они не имеют не любого подлежащего, а только способного контролировать согласование. В этом смысле безличны все предикативы (см. статью А.В. Циммерлинга о связи предикативов с согласованием [9]).

Предпосылкой для существования предикативов является асимметрия между прилагательными и наречиями. Прилагательные способны употребляться и в атрибутивной и в предикатной позиции (в последнем случае основной ассерцией высказывания, которая выражается в рамках финитной конструкции с нулевой связкой, является наличие у участника признака). Наречия по умолчанию выступают только в адьюнктивной позиции: они описывают свойства ситуации, но эти свойства не находятся в позиции главного предиката. Такая разница связана с тем, что при помещении прилагательного в позицию предиката подлежащим становится именная группа – составляющая, для которой такая позиция нормальна и вне связочных конструкций с прилагательным. Если же в позиции предиката окажется наречие,

то подлежащим станет глагольная группа, TP или ещё какая-нибудь предикатная составляющая. В русском эти составляющие не могут перемещаться в аргументную позицию без дополнительного маркирования (например, без образования номинализации или использования сложного маркера *то, что*). Предикатив же – это лексически ограниченный механизм помещения в предикатную позицию характеристики ситуации, который позволяет не использовать механизмы номинализации.

Как уже сказано, предикативы часто служат для того, чтобы выражать свойства составляющих, не способных к контролю согласования. В этом смысле выраженная в [2] гипотеза во многом верна, однако требует уточнения: она одновременно слишком узка и слишком широка. С одной стороны, под неё не подпадают те предикативы (**предикативы состояния**), которые вообще не характеризуют свойства какой-либо сущности. А с другой стороны, гипотеза Поспелова плохо взаимодействует со случаями типа *Всё хорошо, Это странно* – местоимения *это, всё* теоретически способны к контролю согласования, так как охарактеризованы и по роду, и по числу, и по падежу, однако с полными местоимениями почти не сочетаются.

Свойства предикативов обобщены в табл. 3.

Таблица 3

Функции, классы предикативов и синтаксические свойства

Функция	Предикативы свойства	Предикативы состояния
	Аналогично прилагательному – описывает признак составляющей, не способной к контролю согласования; отчасти функционирует как наречие в предикатной позиции	Аналогично безличному глаголу – описывает состояние экспириенцера
Синтаксическая роль синтаксического актанга	Подлежащее	Периферийное зависимое
Вид зависимого глагола	НСВ, СВ	В основном НСВ
Способность соотносительного прилагательного управлять дативной группой	Часто способно	Обычно неспособно
Возможность сравнительной конструкции с показателем <i>самое</i>	Возможно при выраженном синтаксическом актанте	Невозможно
Возможность соотносительной конструкции типа <i>Он весёлый</i>	Невозможно	Для некоторых предикативов возможно

Важно понимать, что мы не рассматривали собственно семантические классы. Именно поэтому в таблице отсутствуют ярлыки типа «Предикативы оценки», «Предикативы эмоций», «Предикативы физического ощущения». Наша классификация, хотя и во многом связана с семантической, не совпадает с ней в полной мере – она прежде всего говорит не о лексиче-

ской семантике, а о поведении и функции в системе частей речи разных групп предикативов.

Несмотря на то, что мы не согласны с утверждением А.В. Циммерлинга о подлежащем статусе дативной группы по сравнению с сентенциальным актантом в его самом общем виде, в некоторых случаях оно верно, а именно: при появлении дативной группы при некоторых предикативах лишается подлежащего статуса (например, возможности замены на *это*) сентенциальный актант. Однако, на наш взгляд, это объясняется не только конкуренцией двух типов актантов на синтаксическом уровне. Скорее при появлении дативной группы происходит своего рода конверсия от описания ситуации (предикатив свойства) к описанию состояния экспериенцера (предикатив состояния). В этой связи на первое место в иерархии участников выходит именно датив, а сентенциальное зависимое просто поясняет, при каких условиях возникает и чем вызывается свойство.

Формальные свойства предикативов, как описанные ранее, так и рассматриваемые в этой статье (превосходная степень с *самое*) непосредственно связаны с функциональной нагрузкой. Как правило, сентенциальный актант-подлежащее есть у тех предикативов, которые семантически составляют минимальную пару с прилагательным (напрямую переносят класс характеризуемых сущностей от объектов к ситуации, а дативный актант не является для них главным или не употребляется вообще). Они аналогичны по структуре конструкциям типа *Эта комната очень уютная*. Напротив, для предикативов типа *холодно* принципиально наличие экспериенцера, а сентенциальный актант не соответствует напрямую именной группе, которую характеризует прилагательное, и не является подлежащим.

Мы заметили и другие корреляции между свойствами предикативов. В частности, коррелируют между собой референциальный тип и синтаксическая структура. Оказалось, что предикативы, не требующие указания на зависимую ситуацию, в случаях, когда она выражена, часто не имеют подлежащего (сентенциальный актант при них является периферийным зависимым) и относятся к **предикативам состояния**, а соотносительные с ними прилагательные не могут управлять дативным зависимым. И наоборот, предикативам, требующим указания на ситуацию, свойственно иметь подлежащее, которое они характеризуют как **предикативы свойства**, а дативное зависимое часто имеют и предикатив и прилагательное. Это связано с более прозрачной связью между предикативом и прилагательным у предикативов свойства. Хотя дативный аргумент и сентенциальный актант не обязательно тривиальным образом соотносятся, способность иметь первый и второй типы аргументов – не полностью независимые свойства.

Различаются и аспектуальные свойства типов предикативов. **Предикативы состояния** чаще управляют инфинитивными оборотами в НСВ, поскольку подчинённая ситуация одновременна с главным состоянием, а для **предикативов свойства** возможно управление и СВ и НСВ.

Наряду с первыми двумя типами, где предикатив маркирует некоторое состояние или свойство ситуации, мы рассмотрели употребления типа

Здесь у тебя не очень гладко; Это плохо: в этих контекстах предикативы максимально сближаются по месту в синтаксической структуре с прилагательными. В конструкции часто даже есть элемент типа *это*, имеющий падеж и число, но полной именной группой он не является. В этих контекстах граница между предикативом и прилагательным размыта. Аналогичный тип, промежуточный между предикативом и наречием, иллюстрировался примерами типа *Так говорить – слишком жёстко*.

Вопрос, который мы задали вначале, – к наречиям или к прилагательным ближе находятся предикативы – не имеет единого ответа. По внешним свойствам (собственной позиции в предложении) они ближе к прилагательным, однако связи с описываемой составляющей ставят их ближе к наречию или, во всяком случае, отделяют от прилагательных. Группы предикативов существенно различаются, и важно, что синтаксическое поведение основных групп отчасти предсказывается их семантикой и соотношением с другими частями речи.

Список источников

1. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. 1928.
2. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958. 332 с.
4. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык : в 2 ч. М.: Просвещение, 1973.
5. Циммерлинг А.В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 54–59.
6. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме : сб. ст. в честь 80-летия А.В. Бондарко / отв. ред. М.Д. Воейкова. М., 2011. С. 568–590.
7. Циммерлинг А.В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г. Вып. 16 (23) : в 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 466–481.
8. Циммерлинг А.В. Автореферентность и классы предикативных слов // Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / ред. М.Д. Воейкова, В.В. Казаковская. М., 2020. С. 16–36.
9. Циммерлинг А.В. Есть ли согласование?: Гипотеза Поспелова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4: Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017» / ред. А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова. М., 2017. С. 45–63.
10. Say S.S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with «predicatives» // Current Studies in Slavic Linguistics [Studies in Language companion series 146] / ed. by Irina Kor Chahine. Amsterdam : John Benjamins, 2013. P. 225–246.
11. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7–85.
12. Русская грамматика. Т. 1, 2 / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
13. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъективные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. С. 150–157.

14. *Бабайцева В.В.* Предложения с безлично-предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 12 с.
15. *Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968. 160 с.
16. *Siegel M.A.* Capturing the Adjective : doctoral dissertation. University of Massachusetts Amherst, 1976.
17. *Morzycki M.* The lexical semantics of adjectives: more than just scales. Manuscript. 2014. URL: https://msu.edu/~morzycki/work/papers/chapter_notscales.pdf
18. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. *Оценка, событие, факт.* М. : Наука, 1988. 338 с.
19. *Boye K.* Epistemic Meaning: A Crosslinguistic and Functional-Cognitive Study. Berlin : Mouton de Gruyter, 2012. 373 p.
20. *Богуславский И.М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 8–18.
21. *Cinque Guglielmo.* The syntax of adjectives: a comparative study. Linguistic Inquiry Monographs. Vol. 57. Cambridge, MA : MIT Press, 2010. 203 p.
22. *Падучева Е.В.* К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989. С. 18–29.
23. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М. : ЯСК, 2001. 382 с.
24. *Бонч-Осмоловская А.А.* Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
25. *Летучий А.Б., Виклова А.В.* Подъём и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. 2020. № 2. С. 31–60.
26. *Летучий А.Б.* Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 62–84.
27. *Malchukov A., Siewerska A.* (eds.) Impersonal Constructions. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2011. 641 p.
28. *Moore J., Perlmutter D.* What Does it Take to Be a Dative Subject? // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. Vol. 18. P. 373–416.
29. *Kibrik, Andrei A.* Reference in discourse. Oxford : Oxford University Press, 2011. 651 p.
30. *Летучий А.Б.* Есть ли в русском языке сентенциальные подлежащие? // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 4. С. 25–48.
31. *Летучий А.Б.* Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке: Семантика, синтаксис, сочетаемость : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.

References

1. Shcherba, L.V. (1928) O chastyakh rechi v russkom yazyke [About parts of speech in Russian]. In: *Russkaya rech'. Novaya seriya* [Russian speech. New series]. Leningrad: Academia.
2. Pospelov, N.S. (1955) V zashchitu kategorii sostoyaniya [In defense of the category of state]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 55–65.
3. Galkina-Fedoruk, E.M. (1958) *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Modern Russian literary language]. Moscow: Moscow State University.
4. Gvozdev, A.N. (1973) *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: v 2 ch.* [Modern Russian literary language: in 2 parts]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Tsimmerling, A.V. (2003) *Predikativy i kachestvennye narechiya: klassy slov i napravleniya derivatsii* [Predicatives and Qualitative Adverbs: Classes of Words and

Directions of Derivation]. In: Onipenko, N.K. (ed.) *Rusistika na poroge 21 veka: problemy i perspektivy* [Russian Studies on the Threshold of the 21st Century: Problems and Prospects]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 54–59.

6. Tsimmerling, A.V. (2011) Nekanonicheskie podlezhashchie v russkom yazyke [Non-canonical subjects in Russian]. In: Voeykova, M.D. (ed.) *Ot formy k znacheniyu, ot znacheniya k forme* [From form to meaning, from meaning to form]. Moscow: Znak. pp. 568–590.

7. Tsimmerling, A.V. (2017) [Russian predicatives in the mirror of experiment and corpus grammar]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies]. 16 (23): in 2 vols. Proceedings of the Annual International Conference “Dialog”. Vol. 2. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 466–481. (In Russian).

8. Tsimmerling, A.V. (2020) Avtoreferentnost' i klassy predikativnykh slov [Self-referentiality and classes of predicative words]. In: Voeykova, M.D. & Kazakovskaya, V.V. (eds) *Problemy funktsional'noy grammatiki: Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of functional grammar: Attitude to the speaker in the semantics of grammatical categories]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 16–36.

9. Tsimmerling, A.V. (2017) [Is there agreement? Pospelov's hypothesis and the competition of predicatives and agreed adjectives]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters]. Proceedings of the International Conference. Vol. 4. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 45–63. (In Russian).

10. Say, S.S. (2013) On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” In: Kor Chahine, I. (ed.) *Current Studies in Slavic Linguistics [Studies in Language companion series 146]*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 225–246.

11. Bulygina, T.V. (1982) K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [On the construction of a typology of predicates in Russian]. In: Seliverstova, O. N. (ed.) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka. pp. 7–85.

12. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vols 1, 2. Moscow: Nauka.

13. Migirin, V.N. (1970) Kategoriya sostoyaniya ili bessub'ektivnye prilagatel'nye? [Category of state or subjective adjectives?]. In: Lomtev, T.P. & Kamynina, A.A. (eds) *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Research on the modern Russian language]. Moscow: Moscow State University. pp. 150–157.

14. Babaytseva, V.V. (1955) *Predlozheniya s bezlichno-predikativnymi slovami v sovremennom russkom yazyke (bez infinitiva)* [Sentences with impersonal predicative words in modern Russian (without the infinitive)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

15. Babaytseva, V.V. (1968) *Odnosostavnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [One-member sentences in modern Russian]. Moscow.

16. Siegel, M.A. (1976) *Capturing the Adjective*. Philology Dr. Diss. Amherst: University of Massachusetts Amherst.

17. Morzycki, M. (2014) *The lexical semantics of adjectives: more than just scales*. [Online] Available from: https://msu.edu/~morzycki/work/papers/chapter_not scales.pdf.

18. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of language values. Evaluation, event, fact]. Moscow: Nauka.

19. Boye, K. (2012) *Epistemic Meaning: A Crosslinguistic and Functional-Cognitive Study*. Berlin: Mouton de Gruyter.

20. Boguslavskiy, I.M. (1998) Sfera deystviya nachinatel'nosti i aktual'noe chlenenie: vtyagivanie remy [Scope of initiation and actual articulation: retraction of the rheme]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*. 36. pp. 8–18.

21. Cinque, G. (2010) *The syntax of adjectives: a comparative study*. Linguistic Inquiry Monographs. Vol. 57. Cambridge, MA: MIT Press.

22. Paducheva, E.V. (1989) K intonatsionnoy transkripsii dlya predlozheniy proizvol'noy sintaksicheskoy slozhnosti [On intonational transcription for sentences of arbitrary syntactic complexity]. *Voprosy kibernetiki. Semioticheskie issledovaniya – Questions of Cybernetics. Semiotic research*. Moscow: USSR AS; Scientific Council on the Complex Problem “Cybernetics”. pp. 18–29.

23. Yanko, T.E. (2001) *Kommunikativnye strategii russkoy rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: YaSK.

24. Bonch-Osmolovskaya, A.A. (2003) *Konstruktzii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke: opyt korpusnogo issledovaniya* [Constructions with a dative subject in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.

25. Letuchiy, A.B. (2014) Sintaksicheskie svoystva sententsial'nykh aktantov pri predikativakh [Syntactic properties of sentential actants with predicatives]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki – Bulletin of Sholokhov Moscow State University for Humanities. Philological Sciences*. 1. pp. 62–84.

26. Malchukov, A. & Siewerska, A. (eds) (2011) *Impersonal Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

27. Letuchiy, A.B. & Viklova, A.V. (2020) Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behavior of pronouns). *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 31–60. (In Russian).

28. Moore, J. & Perlmutter, D. (2000) What Does it Take to Be a Dative Subject? *Natural Language and Linguistic Theory*. 18. pp. 373–416.

29. Kibrik, A.A. (2011) *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.

30. Letuchiy, A.B. (2018) Is there a sentential subject in Russian? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*. 4. pp. 25–48. (In Russian).

31. Letuchiy A.B. (2020) *Konstruktzii s sententsial'nyimi aktantami v russkom yazyke. Semantika, sintaksis, sochetaemost'* [Constructions with sentential actants in Russian. Semantics, syntax, compatibility]. Philology Dr. Diss. Moscow: HSE University.

Информация об авторе:

Летучий А.Б. – д-р филол. наук, доцент Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Letuchiy, Dr. Sci. (Philology), associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexander.letuchiy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 13.01.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 81'37, 811.111
doi: 10.17223/19986645/76/6

Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений

Анна Анатольевна Матвеева¹, Айгуль Азаматовна Гаязова²

¹ Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, AnnaUfa@yandex.ru
² Школа № 22, Уфа, Россия, marycave@yandex.ru

Аннотация. Исследуются манипуляции в дискурсе британских СМИ. Изучается воздействие, оказываемое тактиками и стратегиями речевой манипуляции, на функционирование стереотипов в средствах британских массмедиа. Выявлены четыре манипулятивные целевые программы в отношении стереотипа: 1) формирование стереотипа; 2) закрепление существующего стереотипа; 3) борьба со стереотипом; 4) трансформация стереотипа. Особенное внимание уделяется трансформационному потенциалу стереотипов в британском массмедийном дискурсе. Определяется связь между типологией стереотипов, тактико-стратегической манипулятивной характеристикой и целью речевой манипуляции.

Ключевые слова: стереотип, манипуляция, стратегия, тактика, трансформация, свой, чужой

Для цитирования: Матвеева А.А., Гаязова А.А. Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 148–165. doi: 10.17223/19986645/76/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/6

The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse

Anna A. Matveyeva¹, Aygul A. Gayazova^{1,2}

¹ Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, AnnaUfa@yandex.ru
² School 22, Ufa, Russian Federation, marycave@yandex.ru

Abstract. The article aims to investigate the manipulative technologies' impact on the functioning of stereotype in mass media discourse. We analysed 200 fragments of discourse containing stereotypes employed in verbal manipulation. The study has shown that verbal manipulation in the British mass media discourse has four aims

with reference to stereotypes: (1) forming a stereotype; (2) fixing an already existing stereotype; (3) fighting a stereotype; (4) transforming a stereotype. Stereotype-oriented verbal manipulation employs two manipulative strategies: the strategy for decline and the strategy for increase. The strategy for decline is used for fighting a stereotype and forming a new stereotype. Either the strategy for decline or the strategy for increase is used in fixing an already existing stereotype depending on the fact whether it is a positive stereotype or a negative stereotype that is confirmed. The combination of two strategies in the sequence “strategy for decline → strategy for increase” is used in transforming a stereotype. First of all, an existing negative stereotype is debunked by means of the strategy for decline. In this case the strategy for decline is directed against the stereotype itself. After that a new positive stereotype is embedded in the mind of the addressee of manipulation by means of the strategy for increase. The strategy for increase is directed at the group of people in relation to whom an attempt to substitute a positive stereotype for a negative stereotype is performed. The study has revealed that the strategy for increase and the strategy for decline use several tactics specific for either each or both strategies. The tactic of positive evaluation and the tactic of euphemization are specific for the strategy for increase. The tactic of negative evaluation, the tactic “us vs. them”, the tactic of dispemization, the tactic of hyperbolization, and the tactic of depreciating the opponent’s opinion are specific for the strategy for decline. Both the strategy for increase and the strategy for decline use the tactic of (pseudo-)scientific justification, the tactic of substitution of concepts, and the tactic of detailed explanation. The analysis of manipulative processes in reference to stereotypes in the British mass media discourse has revealed a considerable transformational quality of stereotypes (82% of analysed stereotypes have been discriminated or transformed). Stereotypes are becoming less rigid and more flexible. The “us” area is gradually growing, thus moving aside the “them” border.

Keywords: stereotype, manipulation, strategy, tactics, transformation, us, them

For citation: Matveyeva, A.A. & Gayazova, A.A. (2022) The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 148–165. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/6

Введение. Теоретические предпосылки исследования

Слово «стереотип» имеет греческое происхождение: «stereos» означает «твёрдый», «typos» – форма, отпечаток. Изначально наименование «стереотип» использовалось как полиграфический термин для обозначения печатной формы. Впоследствии слово «стереотип» приобрело переносное значение, указывая на шаблон, общепринятый образец, и стало употребляться как в быту, так и в научной сфере. В основе понятия «стереотип» оказалась заложена «идея однообразного повторения чего-либо» [1].

В широкий обиход слово «стереотип» вошло благодаря американскому журналисту Уолтеру Липпманну, став после выхода книги У. Липпманна «Public Opinion» единицей культурного пространства. У. Липпманн не просто сделал термин «стереотип» общеупотребительным, не только положил начало широкомасштабным исследованиям стереотипов в гуманитарной научной сфере, но и обосновал стереотипизацию как основопола-

гающий принцип формирования картины мира. В основе стереотипизированного мировосприятия лежат «экономия усилия»¹, «типизирование и обобщение» вместо «свежего и детализированного» мировосприятия, «традиционности» и «защиты нашего положения в обществе» [2]. У. Липманн определяет стереотипность мышления как «философию», в которую вплетены «наши привычки, вкусы, способности, удобства и чаяния», которая «описывает» и «судит» «мир, находящийся за пределами нашего восприятия» [2].

Можно выделить три вектора развития исследования стереотипов в современной науке: социопсихологические, лингвистические и лингвокультурологические. Исследования стереотипов в социологии и психологии имеют богатую традицию и отмечены такими именами, как А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, У. Джеймс, С.А. Райс, Э. Богардус, Д. Катц, К. Брейли, Т. Адорно, Г. Олпорт, Т. Шибутани, М. Шериф, Г. Тэджфел, Л.Н. Гумилёв, О.Ю. Семендяева, П.Н. Шихирев, Т.Г. Стефаненко, В.Г. Крысько и др. Социопсихологические исследования стереотипов позволяют лучше понять функционирование социума в целом и индивидуального сознания в частности.

В рамках лингвистических изысканий в сфере стереотипизации исследуются языковые единицы, представляющие стереотипы. Языковедческие исследования стереотипов проводились Х. Патнэм, Дж. Лайонз, Е. Гюлих, Ш. Шапира, Р. Гиббс, Н. МакКаррелл, Дж. Клайбер, Ю.Д. Апресяном, В.А. Рыжковым, Ю.А. Сорокиным, Ю.Е. Прохоровым, Н.В. Сорокиной, В.П. Фурмановой, Н.В. Уфимцевой, Е.В. Теновой и др. Перспективным направлением современных лингвистических исследований стереотипизации является изучение ассоциативно-вербальной сети как «стереотипного поля, репрезентирующего концептосферу того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [3. С. 234] в рамках понимания сопряженности любой языковой единицы со стереотипным представлением.

Лингвокультурологические исследования стереотипов продолжают и развивают сферу лингвистических исследований стереотипизации, сосредоточиваясь на изучении стереотипов как языковых репрезентантов пространства той или иной культуры. Здесь можно назвать изыскания В.В. Красных, О.А. Леонтович, В.А. Масловой, Н.В. Уфимцевой, С.Г. Тер-Минасовой, С.В. Ивановой, З.З. Чанышевой. Как отмечают С.В. Иванова и З.З. Чанышева, лингвокультурологическое исследование стереотипов опирается на корреляцию трёх составляющих «язык, этнос, культура» [4. С. 325; 5. С. 343].

Важнейшими свойствами стереотипа, по мнению исследователей, являются: 1) наличие в его основе «убеждения, разделяемого группой людей» [6]; 2) устойчивость или даже, как отмечает Т.Г. Стефаненко, «ригидность к новой информации» [7]; 3) упрощённость, или, в иной терминологии,

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

гии, минимизированность [3], экономичность [2] и даже «энергосбережение» [6]; 4) нормативность [6]; 5) экспланаторность и предиктивность [6]; 6) импликация «свой – чужой» [5, 8]; 7) эмоционально-оценочный характер [7, 9]; 8) культурная детерминированность [3].

Суммируя выделенные свойства стереотипов и отмечая, что стереотип может давать не только эмоциональную, но и рациональную оценку, предложим **определение стереотипа** как культурно-обусловленного когнитивно-оценочного инварианта восприятия действительности, воплощённого в теле языкового знака, который носит рекуррентный характер и через посредство приписывания качеств группе осуществляет маркирование «свой – чужой» и объясняет окружающую действительность.

Другим значимым для современного общества феноменом является манипуляция. Слово «манипуляция» происходит от латинского «manus» (рука) и «rleo» (наполняю). Перейдя от первоначального значения «пригоршня» к значению «обращение с предметами с определённой целью» (например, в медицине «осмотр пациента при помощи рук»), лексема «манипуляция» приобрела переносное значение «акт влияния на людей или управления их поведением». Исследованием манипуляции занимались Э. Шостром, О.Т. Йокояма, У. Рикер, Т.А. ван Дейк, Е.Л. Доценко, А.В. Шилова, С.Г. Кара-Мурза, А.А. Ворошилова, М.Ф. Сиразетдинова и др.

В сфере гуманитарных исследований манипуляция изучается как социально-психологический феномен, представляющий собой «узел, в котором сплелись важнейшие проблемы психологии воздействия» [10. С. 5]. Т.А. ван Дейк соединил исследование манипуляции с исследованием дискурса, определив манипуляцию как «форму злоупотребления общественной властью, контроля сознания и дискурсивного взаимодействия» [11]. В настоящее время всё более активным становится исследование интернет-манипуляции [12].

В лингвистике интерес к феномену манипуляции повлёк за собой исследование данного явления как речевой (языковой) манипуляции. Данной теме посвящены работы Т.М. Николаевой, К.В. Никитиной, А.А. Поляковой, А.Г. Гурочкиной, Е.В. Денисюк, Г.А. Копниной, М.Н. Ковешниковой. Так, К.В. Никитина изучает речевую манипуляцию в аспекте регулятивных возможностей политического медиадискурса [13]. А.А. Полякова исследует дискурсивные практики речевого манипулирования в этнологическом ракурсе [14]. В исследовании М.Н. Ковешниковой феномен языкового манипулирования предстаёт в ракурсе категорий персуазивности и суггестивности [15].

Под **речевой манипуляцией** в данной работе понимается воплощённое средствами языка воздействие на сознание адресата с целью изменить его мировоззренческие установки, убеждения, оценки. При этом задействуется определённая манипулятивная стратегия.

В статье применяется широкая трактовка понятия речевой манипуляции. В связи с этим понятие речевой манипуляции отграничивается от понятия коммуникативного воздействия. Понятие коммуникативного (речевого) воз-

действия представляется более широким, чем понятие речевой манипуляции. Коммуникативное воздействие включает в себя как осознанное, так и неосознанное воздействие на собеседника в процессе коммуникации, тогда как речевая манипуляция всегда является намеренным речевым действием. Будучи осознаваемой и целенаправленной, речевая манипуляция может предполагать скрытое для адресата манипулятивное воздействие (имплицитная манипуляция) и открытое, явное манипулятивное воздействие (эксплицитная манипуляция).

Таким образом, и исследования манипуляции, и исследования стереотипов являются в современной науке актуальными и востребованными. Вместе с тем недостаточно изучена роль стереотипов в практиках речевого манипулирования. Исследования данного вопроса преимущественно направлены на изучение того, как манипулятивные технологии участвуют в создании и распространении стереотипов (например, о направленности речевого манипулирования на формирование у широкой аудитории стереотипов см. [15]). Однако практики речевого манипулирования способствуют не только появлению и закреплению стереотипов, но и их дискриминации и трансформации. **Целью** данной статьи является исследование многосторонности воздействия дискурсивных манипулятивных практик на бытование стереотипов в современном обществе. **Рабочей гипотезой** проводимого исследования является предположение о значительном трансформационном потенциале стереотипов под влиянием манипулятивных стратегий, используемых в массмедийном дискурсе.

Материалом исследования послужили британские периодические издания *The Daily Express*, *The Daily Telegraph*, *The Financial Times*, *The Guardian*, *The Independent*, *The Observer* и *The Times*, проанализированные за 1993–2020 гг. Анализу подверглись **200** фрагментов дискурса, содержащих стереотипы, вовлечённые в процесс речевого манипулирования.

Целевые установки речевой манипуляции в отношении стереотипов

Как показало эмпирическое исследование, речевая манипуляция в дискурсе СМИ может иметь 4 целевые программы в отношении стереотипа: 1) формирование стереотипа; 2) закрепление существующего стереотипа; 3) борьба со стереотипом; 4) трансформация стереотипа. В статье «Речевая манипуляция в дискурсе британских СМИ как средство борьбы со стереотипами» [16] изучены манипулятивные процессы утверждения и развенчивания стереотипов. В данной работе исследуются трансформационные возможности стереотипа сквозь призму манипуляции, а также даётся обобщающая характеристика манипулятивного воздействия на функционирование и развитие стереотипов.

Согласно количественному анализу полученных данных борьба со стереотипом осуществляется в 58,5% случаев (117 примеров), трансформация стереотипа была отмечена в 23,5% случаев (47 примеров), закрепление существующего стереотипа было зафиксировано в 11,5% случаев (23 при-

мера) и формирование стереотипа характерно для 6,5% случаев (13 примеров). Статистика представлена на рис. 1.

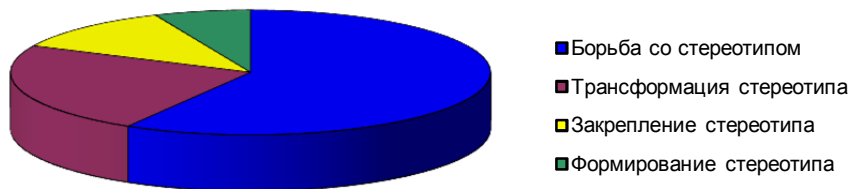

Рис. 1. Цели манипуляции по отношению к стереотипу

Реже всего, как показал анализ, манипуляция направлена на **формирование стереотипа**. Причина тому – общая тенденция на дискриминацию и трансформацию стереотипов в современном массмедийном дискурсе, что делает непопулярным создание новых стереотипов. Появление новых стереотипов отмечено в первую очередь в отношении политических систем и персоналий политиков, а также этносов и реже в отношении общественных институтов (например, полиция), возрастных групп (например, миллениалы), праздников. Все зафиксированные стереотипы являются негативными.

Примером формирования стереотипа может служить статья «Russia is “playing with the West’s minds” says Putin advisor», опубликованная в *The Independent* от 12.02.2019 [17] (e.g. 1). В ней даётся обзор статьи В.Ю. Суркова «Долгое государство Путина» в «Независимой газете». Опираясь на существующие стереотипы о России и её лидере и задействуя манипулятивную стратегию на понижение, стратегию с опорой на образы и стратегию с опорой на обращение к духовным ценностям, автор обзора не только осуществляет имплицитную манипуляцию сознанием читателей с целью создания неприятия статьи В.Ю. Суркова и укрепления негативного отношения к России, но и формирует новый стереотип о России и её современном политическом устройстве – «любой, даже самый влиятельный человек и идеолог современной политической системы России, может в одночасье лишиться поста и влияния по необъяснимой прихоти руководителя страны».

Для достижения этой цели автор использует комплекс речевых приёмов. Одним из них является противопоставление. Во-первых, формируется противопоставление по линии «наличие влияния – потеря влияния». В начале статьи В.Ю. Сурков описывается как *influential Kremlin aide, Kremlin’s “grey cardinal”, all-powerful operator, expertly recruiting and co-opting all strands of ideology political opinion, the beating intellectual heart of the regime*, тогда как в конце статьи про него сказано *is no longer at the heart of the Kremlin policy machine, he fell out of favour, ...was unceremoniously dropped....* Такой контраст призван создать ощущение нестабильности и невозможности быть уверенным в завтрашнем дне в условиях политической системы России. Во-вторых, создаётся противопоставление в ас-

пекте «долговечность – недолговечность». Противопоставляя цитаты В.Ю. Суркова в интерпретации автора статьи о долговечности государства В.В. Путина (*the ideology of the future, longevity built in, it would last for decades*) и слова автора статьи о быстро наступившем конце политической карьеры В.Ю. Суркова (*is no longer at the heart of the Kremlin policy machine*), журналист издания *The Independent* создаёт тонкий эффект недолговечности политического пути крупного чиновника в контексте разговоров о долговечности истории государства. Также в статье применяется приём негативного оценивания (*Russia's... authoritarian model of government*).

Манипуляция, направленная на **закрепление существующего стереотипа**, встречается немногим чаще, чем манипуляция, направленная на формирование стереотипа. Наиболее часто закреплению подвергаются политические, этнические и гендерные. Реже осуществляется утверждение семейных стереотипов, стереотипов о внешности, стереотипов об автовладельцах, региональных и возрастных стереотипов. Утверждаемые стереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными.

Примером утверждения стереотипа может служить статья «Why blondes go to war to get ahead», опубликованная в *The Daily Express* от 18.01.2010 [18] (*e.g.* 2). В данной статье подтверждаются и закрепляются общеизвестные стереотипы о блондинках:

1. Блондинки более агрессивны и решительны, так как привыкли быть в центре внимания.

(2.1): *GENTLEMEN, beware blondes. They are more aggressive and determined than brunettes or redheads – and they like to get their own way.*

(2.2): *Fair-haired females are more likely to display “warlike” tendencies because they are used to being the centre of attention and reaching their goals.*

2. К блондинкам окружающие относятся лучше, чем к женщинам других типов внешности.

(2.3): *The study found that blondes were more likely to be treated better than other women.*

3. Блондинки более уверены в себе и пользуются вниманием мужчин.

(2.4): *...blondes are more confident in their abilities <...> Women who go blonde quickly get used to the privileges of blondeness – usually male attentiveness...*

4. Блондинки более привлекательны, но менее умны и серьёзны.

(2.5): *Blondes have long been regarded as more attractive but less intelligent and serious.*

Манипуляция, направленная на утверждение стереотипов о блондинках, является в данной статье эксплицитной. Она опирается на стратегию с опорой на образы, стратегию с опорой на знаковые системы и стратегию с опорой на роли. Убедить читателя в истинном характере стереотипов внешности призваны апелляция к двум научным исследованиям и цитирование эволюционного психолога из Калифорнийского университета. Усиливают эффект метафоры (*go to war*), оценочные лексемы (*aggressive, de-*

terminated, warlike), сравнения (*more attractive but less intelligent and serious*). Экспрессивный эффект имеет использование заглавных букв в обращении *GENTLEMEN, beware blondes*. Совокупность данных средств способствует утверждению традиционного стереотипического образа напористой и уверенной в себе, но не слишком умной и легкомысленной красавицы-блондинки.

Наиболее часто фиксируемая манипуляция – это манипуляция, направленная на **борьбу со стереотипом**. Развенчиванию подвергаются гендерные стереотипы, стереотипы в отношении физических параметров человека (например, избыточного веса), стереотипы о разных социальных группах людей (например, студентах Оксфорда и Кембриджа; учёных; родителях-одиночках; молодых матерях), региональные стереотипы, возрастные стереотипы, стереотипы о внешности, расовые стереотипы. Развенчиваемые стереотипы являются отрицательными.

Примером развенчивания стереотипа может служить статья «Celebrating Adele's weight loss isn't a compliment – it's fatphobia», опубликованная в *The Independent* от 28.10.2019 [19] (*e.g. 3*). В данной статье опровергается стереотип идеализации худобы. Поводом для публикации послужило появление похудевшей певицы Адель на вечеринке, после чего социальные сети переполнились поздравлениями певицы с обретением прекрасного внешнего вида (*sensational new look*). Используя стратегию на понижение, автор статьи осуществляет эксплицитную манипуляцию с тем, чтобы доказать, что поощрение стремления к похудению неэтично и может нанести вред здоровью.

В рамках данной манипулятивной стратегии автор применяет тактику обесценивания мнения оппонента. Тактика обесценивания мнения оппонента достигается через многократное использование кавычек (*a "compliment"; ...congratulating her on her "revenge body"; headlines that discussed her "sensational new look"; ...posting her "before and after" snaps; the assumption that her "old" body was "wrong"; ...that she made a deliberate and "healthy" choice; the fixation on Adele's post separation "glow up"*).

Развенчиванию стереотипа о похудении как способе обретения физической привлекательности и, соответственно, большей ценности в глазах общественности способствуют также такие речевые приёмы, как риторические вопросы (*However, why do we rarely acknowledge that weight loss, especially at a rapid rate, can be a cause for concern? <...> Why do we continue to comment on people's bodies without knowing context? How can we be sure that a "compliment" is not fuelling or validating a potential crisis?*), использование неологизмов (*fatphobia*), собственно оценочные лексемы с экспрессивной коннотацией (*terrible*), лексемы с оценочной коннотацией (*backhanded, detrimental, harmful*).

Манипуляция, направленная на **трансформацию стереотипа**, занимает второе место по частотности среди всех выявленных видов манипуляции по отношению к стереотипу. Трансформации подвергаются стереотипы в отношении разных социальных групп (работающих матерей; людей с

психическими заболеваниями; студентов; холостяков; веганов и вегетарианцев; феминисток; наркоманов; инвалидов; гомосексуалистов; сатанистов), стереотипы в отношении профессиональных общностей, расовые, гендерные, возрастные, конфессиональные, этнические стереотипы. Чаще всего трансформации подвергаются гендерные стереотипы. Во всех проанализированных случаях трансформация стереотипа проходит в два этапа: 1) развенчивание отрицательного стереотипа о какой-либо группе людей; 2) формирование нового (положительного) стереотипа о них.

Примером трансформации стереотипа может служить статья «Meet the firefighters trying to become the first women's team to trek 1,180 miles across Antarctica», опубликованная в *The Independent* от 11.12.2019 [20] (e.g. 4). В статье идёт речь о женщинах-пожарниках, готовящихся преодолеть лыжный путь в 1180 миль по самым суровым землям Антарктиды. Сначала развенчивается стереотип о хрупкости женщин (*stereotypes about women being fragile are outdated*). Применяется стратегия на понижение по отношению к данному стереотипу, в рамках которой используются слова с негативной оценочной коннотацией (*barriers; outdated*), лексемы с экспрессивной коннотацией (*defy; smash*), эмоционально и экспрессивно окрашенные предложения (к примеру, автор статьи приводит слова Джорджины Джилберт, одного из организаторов экспедиции: *We want to smash stereotypical barriers for women...; We don't care what society says...*). Затем формируется новый стереотип о сильных, негибаемых женщинах, способных на любую работу и любое преодоление (*...girls can be tough and strong, and do jobs like firefighters, the army, or the police force*). В отношении нового стереотипа применяется стратегия на повышение, в рамках которой используются лексемы с положительной оценочной коннотацией (*teach; inspire*), утвердительные предложения (*...you can do these things too*). Уникальность и сложность предпринимаемого маршрута также призвана подчеркнуть силу и волю женщин.

Тактико-стратегическое своеобразие при манипуляции стереотипными представлениями

Под **стратегией речевой манипуляции** в данной статье понимается совокупность запланированных и реализуемых автором коммуникативных воздействий на адресата, направленных на достижение конечной цели манипуляции. **Тактика речевой манипуляции** предстаёт в данной работе как совокупность техник речевой манипуляции, направленных на решение одной из стратегических задач и способствующих реализации общей стратегии манипуляции.

Широко известна классификация стратегий манипуляции, разработанная И.А. Диманте, согласно которой выделяются речевая стратегия с опорой на образы, речевая стратегия с опорой на знаковые системы, речевая стратегия с опорой на роли, речевая стратегия с опорой на метод эксплуатации личности адресата, речевая стратегия с опорой на апелляцию к жиз-

ненным ценностям и речевая стратегия с опорой на обращение к духовным ценностям [21. С. 55–57]. Как показывает эмпирическое исследование, данные стратегии находят отражение при речевой манипуляции в отношении стереотипов, но не играют значительной роли. Эти стратегии преимущественно используются при манипуляции политическими стереотипами.

Наибольшая часть примеров речевого манипулирования в отношении стереотипов задействует две манипулятивные стратегии: стратегию на понижение и стратегию на повышение. **Стратегия на понижение** используется при борьбе со стереотипом и формировании нового стереотипа. При борьбе со стереотипом стратегия на понижение направлена против самого стереотипа. Её цель – снизить ценность стереотипа в глазах адресата. При формировании стереотипа мишенью стратегии на понижение является группа людей, в отношении которых осуществляется попытка создания нового стереотипа. Причиной использования именно стратегии на понижение при формировании стереотипа является тот факт, что все проанализированные формируемые стереотипы отрицательные. В большинстве случаев формируемые стереотипы политические или этнические. Вырисовывается картина формирования стереотипа, согласно которой к уже существующему негативному образу политического оппонента, чужого этноса или маргинальной социальной группы, обременённому значительным количеством отрицательных стереотипов, добавляется ещё один негативный штрих, по отношению к которому предпринимается попытка внедрить его в сознание адресата и придать ему устойчивый характер. Теоретически возможно применение стратегии на повышение, если формируемый стереотип будет положительным, но подобные примеры не были зафиксированы в процессе анализа эмпирического материала.

Либо стратегия на понижение, либо стратегия на повышение применяется при закреплении уже существующего стереотипа в зависимости от того, положительный или отрицательный стереотип утверждается. При утверждении положительного стереотипа применяется стратегия на повышение, направленная на повышение ценности группы лиц, по отношению к которым утверждается стереотип, в глазах адресата манипуляции. Обратный процесс наблюдается при утверждении отрицательного стереотипа.

Комбинация двух стратегий в последовательности «стратегия на понижение → стратегия на повышение» задействуется при трансформации стереотипа. Сначала через посредство стратегии на понижение развенчивается существующий отрицательный стереотип. Стратегия на понижение направлена при этом против самого стереотипа. После этого в сознание адресата манипуляции внедряется новый положительный стереотип через посредство стратегии на повышение. Стратегия на повышение направлена на группу лиц, в отношении которых осуществляется попытка замены отрицательного стереотипного представления на положительное.

Исследование позволило выявить, что стратегия на повышение и стратегия на понижение используют ряд тактик, среди которых можно выделить тактики, специфические для стратегии на повышение, тактики специ-

фические для стратегии на понижение, и тактики, которые оказываются задействованными обеими стратегиями. Специфичными для стратегии на повышение являются тактика позитивного оценивания и тактика эвфемизации. Специфичными для стратегии на понижение являются тактика негативного оценивания, тактика «свой – чужой», тактика дисфемизации, тактика гиперболизации и тактика обесценивания мнения оппонента. И стратегия на повышение, и стратегия на понижение задействуют тактику (псевдо)научного обоснования, тактику подмены понятий.

Примером реализации стратегии на повышение с использованием тактики позитивного оценивания и тактики научного обоснования может служить статья «We're tired of these stereotypes of older people in the media», опубликованная в *The Telegraph* от 05.10.2015 [22] (e.g. 5). В этой статье осуществляется трансформация стереотипа о технологической «беспомощности» пожилых людей в стереотип о технологической компетентности людей старшего поколения. Тактика позитивного оценивания находит своё отражение в лексемах с положительной оценочной семантикой по отношению к людям старшего возраста (*tech savvy; competent*) и в сравнении (*the older generation are just as competent as the younger ones when it comes to technology*). Тактика научного обоснования позволяет придать вес тезису о технологической успешности старшего поколения благодаря отсылке к социологическому исследованию (*36 per cent of retirees regularly use YouTube, 24 per cent use Skype, and a further 54 per cent are using Facebook regularly. 15 per cent use iTunes to download music, and one in ten opt for WhatsApp as their messaging platform of choice to stay in contact with friends and family. Over half of all retirees say they get their daily news intake from an electronic device and more and more are turning to online dating as opposed to more traditional methods of meeting people*).

Примером реализации стратегии на понижение с использованием тактики «свой – чужой» и тактики негативного оценивания может служить статья «Young, black and British: The young men who refuse to bow to the stereotypes», опубликованная в *The Independent* от 22.11.2008 [23] (e.g. 6). В статье ведётся борьба со стереотипами о чернокожих людях. Тактика «свой – чужой» находит отражение в статье через использование дейктических маркеров «we», «they», «those», а также лексемы «aliens», экспрессивно усиленной определением «Mad Max».

Автор статьи приводит цитаты политика Шона Бейли, являющегося чернокожим, в которых прослеживается имплицитное противопоставление «нас» (*we*) враждебному окружающему миру:

(6.1): *We are represented in the media horribly. Only terrorists are represented as badly. We are shown as sexy, dangerous and exotic. We are either guilty or victims, and if we are victims it is at another black man's hand. You've got entire TV channels set up to celebrate everything that is bad in our community.*

В противопоставление данному мнению автор приводит мнение таксиста, принадлежащего к расе белых, в котором используются дейктики «they», «them», «those» по отношению к чернокожим:

(6.2): *The cab driver exploded with racist abuse: “Those black bastards are all the same, all criminals, half-mad druggies. Never pick them up. Why do you want to talk to them?”*

Оппозиция «свой – чужой» проявляется и в словах бывшего активиста (белого), приводимых автором статьи, и в последующем акцентировании автором статьи отношения белых к чернокожим как к чужакам:

(6.3): *“They’re psychos,” he now says. “Know nothing, want everything, no brain, all body and blades – Mad Max aliens. They don’t care about anyone, not even their mums.” They, them, those, the whole lot damned.*

Тактика негативного оценивания по отношению к стереотипам отражена в оценочной лексеме «negative», характеризующей стереотипы о чернокожих, в лексической единице «demoralising», отражающей отношение к сложившейся ситуации, встречаемых при цитировании автором статьи Криса Уилсона, специализирующегося на подготовке чернокожих детей к поступлению в высокорейтинговые учебные заведения:

(6.4): *“It is very demoralising,” he says, “because there is an exaggeration of negative stereotypes, an over-dramatisation”.*

Цитирование сопровождается мнением автора статьи, воспроизводящим негативную оценку стереотипов через посредство лексем «negative», «unjust», «prejudice»:

(6.5): *The press is often no better. Newspapers circulate negative stories about young black men.*

(6.6): *The journalist Joseph Harker knows these embedded (and unjust) values well...*

(6.7): *Imagine how it feels, then, to be a goodie not a hoodie, one of the many who strive to do their best for themselves and society. Prejudices stalk them, relentlessly, as do enticements to join the wild side.*

Заключение. Выводы из проведённого исследования

Проведённое исследование позволило выявить значительную трансформационную составляющую в функционировании стереотипов в манипулятивных дискурсивных практиках современных британских средств массовой информации. Речевая манипуляция с целью изменения существующего стереотипа (сюда относятся развенчивание стереотипа без замены его новым стереотипом и трансформация стереотипа в иной стереотип с противоположным знаком оценки) зафиксирована в 82 % проанализированных примеров. Речевая манипуляция с целью формирования стереотипа и утверждения стереотипа зафиксирована в 18 % проанализированного эмпирического материала.

Анализ манипулятивного дискурса британских массмедиа показал, что трансформации подвергаются не только стереотипы – происходит трансформация традиционных стратегий манипулирования. Традиционные манипулятивные стратегии (например, такие как опора на духовные ценности) чаще функционируют в политическом дискурсе в рамках политиче-

ских стереотипов. Стереотипы в этом случае преимущественно формируются или утверждаются. При развенчивании и трансформации стереотипов применяются стратегии на понижение и на повышение, тогда как традиционные манипулятивные стратегии не только непопулярны, но иногда и сами подвергаются дискриминации. Так, например, в статье «Women in politics say they are still not on equal ground», опубликованной в *The Observer* от 09.01.2015 [24] (e.g. 7), не только развенчивается гендерный стереотип о том, что политика является неподходящей сферой деятельности для женщин, но также получает негативную оценку традиционная манипулятивная стратегия с опорой на роли. В статье отмечены недостатки ролевой дифференциации мужчин и женщин в политике.

(7.1): *...women are often held to different standards than male counterparts, making it hard to be taken seriously in the political spectrum.*

(7.2): *“A male will often be described as strong and a good leader where a woman with the same traits might be described as aggressive or shrill”.*

В статье «It seems that we can only be interesting if we are smoking, snorting or stabbing», опубликованной в *The Guardian* от 15.04.2009 [25] (e.g. 8), не только подвергается критике стереотип о том, что подростки склонны воровать, бездельничать и употреблять наркотики, но также показывается, что традиционная манипулятивная стратегия с опорой на образы несовершеннолетня. В статье демонстрируется, что образ неблагополучного подростка, лежащий в основе соответствующего стереотипа, не соответствует действительности.

(8.1.): *They don't all wear hoodies, and there is no need to bar them from shops.*

(8.2): *One stereotype of young people today is that they are all thieving, knife-carrying, troublemakers who waste most of their time dossing about.*

Таким образом, манипуляция в отношении стереотипов имеет свои стратегии и тактики. Преимущественно используемые стратегии – это стратегия на повышение и стратегия на понижение. Наиболее часто используемые тактики – это тактика позитивного оценивания, тактика негативного оценивания и тактика научного обоснования. Тактика научного обоснования заключается в опоре на мнение авторитетного специалиста или на научное исследование (иногда она превращается в тактику псевдонаучного обоснования, имитируя стилистику научного исследования) и в совокупности с оценкой соответствующего знака является мощным инструментом для достижения манипулятивных целей.

Необходимо отметить, что при формировании стереотипа, утверждении стереотипа и во второй части трансформации стереотипа (где создаётся новый стереотип) стереотип никогда не называется стереотипом. Также цель создания или закрепления стереотипа никогда не постулируется субъектом манипуляции. Но при развенчивании стереотипа и в первой части трансформации стереотипа (где стереотип опровергается) субъект манипуляции называет стереотип стереотипом и чётко обозначает свою цель – борьбу со стереотипом. Понятие стереотипа при этом выражается либо собственно

оценочной лексемой с отрицательным знаком оценки (*labelling, prejudice, misconception*), либо лексической единицей с негативной оценочной коннотацией (*bias, stigma / stigmatisation, preconception*), либо единицей, приобретающей контекстуальную негативную окраску (*myth, stereotype, trope, representation, outlook, concept, image, cliché, viewpoint*). Отрицательная оценочная единица может сопровождать слово с положительной оценочной коннотацией, тем самым нивелируя её. Так, например, мужественность традиционно считается положительным качеством, но в борьбе с гендерными стереотипами предпринимаются попытки уравнивать мужчин и женщин во всём, поэтому возникает новое понятие *toxic masculinity*.

В заключение сделаем ряд выводов относительно сдвигов в общественном сознании, которые наблюдаются в процессе анализа современного британского массмедийного дискурса. Мировоззрение представителя современного англоязычного лингвокультурного сообщества подвергается крупным тектоническим изменениям. Стереотипы становятся менее ригидными, более подвижными. У. Липпманн отмечал, что стереотипизированное мировидение экономит усилия, создаёт обобщённое (вместо детализированного) представление об окружающей действительности. Результаты исследования дискурса современных британских СМИ, согласно которым 82 % проанализированных стереотипов опровергаются или подвергаются трансформации, позволяют зафиксировать и обратный процесс – формирование более тонкого и гибкого мировидения, где есть место деталям, а не только типизированию и генерализации. Развенчивание множества отрицательных стереотипов в отношении различных социальных групп или трансформация подобных стереотипов в положительные свидетельствуют о более глубоком и позитивном мировоззрении в аспекте стереотипизации в современной британской лингвокультурной общности.

Как отмечают лингвисты, функция стереотипов заключается в «конструировании символических границ между Своими и Чужими» [8]. Борьба со стереотипами и их трансформация из отрицательных в положительные свидетельствуют даже не о размывании границ между своими и чужими, а о расширении области «своего» и включении в неё новых групп населения, социальных явлений, мировоззренческих идей. То, что ранее было чуждым и непонятым, воспринималось недифференцированно, оценивалось как отрицательное и потенциально опасное, подвергается переосмыслению и переоценке, более глубокому и внимательному рассмотрению, подходу с более мудрой и понимающей позиции. Вырисовывается общая направленность трансформации стереотипичного мировосприятия: уравнивание разных социальных групп и общественных слоёв. Стремление признать равные права обоих полов приводит к внедрению в массовое сознание идеи того, что женщины могут выполнять любую работу, требующую большой выносливости и силы, проявлять себя на равных с мужчинами в бизнесе и политике, тогда как мужчины могут не хуже женщин справляться с воспитанием детей, имеют право на проявление слабости, могут пользоваться косметикой. Иными словами, происходит снятие оппозиции «фемининность – маскулинность». Стремление

дать равное уважение людям любого возраста приводит к попыткам изменить традиционное восприятие молодости и старости. Подчёркивается, что молодые могут быть мудрыми и ответственными, тогда как люди в возрасте способны активно работать, быть полезными обществу, хорошо разбираться в гаджетах, свободно ориентироваться в просторах интернета, влюбляться и начинать строить отношения. Прослеживается тенденция к равному восприятию всех конфессий (куда причисляют и сатанистов). Предпринимаются попытки включить в сферу «своих» всех, кто в рамках традиционного стереотипизированного мировоззрения подвергался в той или иной степени маргинализации (люди с избыточным весом, люди с психиатрическими диагнозами, наркоманы и т.д.).

Вместе с тем функция «инаковизации» (термин Т.Б. Рябовой) стереотипов не уходит в небытие. Более тонкое, глубокое, толерантное мировосприятие в отношении стереотипизируемых групп наблюдается в рамках внутрикультурной общности, тогда как по отношению к иным культурам, этносам, а также в политической сфере стереотипы чаще формируются и закрепляются, чем развенчиваются и трансформируются. Оппозиция «свой – чужой» не исчезает, но меняет свои границы, отодвигаясь в сторону иных культур и иных политических систем.

Видоизменяются не только стереотипы, но и манипулятивные стратегии и тактики. Речевая манипуляция в отношении стереотипов может быть как имплицитной, так и эксплицитной. При формировании и закреплении стереотипа манипуляция, как правило, имплицитна. При развенчивании и трансформации стереотипа манипуляция по преимуществу эксплицитна. Зафиксирована как эмоциональная, так и рациональная речевая манипуляция. При этом наблюдается общая тенденция к большей эксплицитности и рационализации процессов речевого манипулирования в отношении стереотипов.

Список источников

1. *Сорокина Н.В.* Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации. М. : ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2014. 265 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/445197>
2. *Lippmann W.* Public Opinion. N.Y. : Harcourt, Brace, 1922. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456-images.html>
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
4. *Иванова С.В., Чанышева З.З.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
5. *Чанышева З.З.* Стереотипы в лингвокультурологической парадигме // Homo loquens в языке, культуре, познании : сб. науч. ст. К 70-летию профессора Р.З. Мурсова. Ч. 1 / отв. ред. З.З. Чанышева. Уфа, 2010. С. 338–349.
6. *McGarty C., Yzerbyt V., Spears R.* Stereotypes as Explanations. The formation of meaningful beliefs about social groups. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. URL: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002073438.pdf>
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М. : Институт психологии РАН: Академический проект, 1999. 320 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/13.php
8. *Рябова Т.Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 1–2 (15–16). С. 120–139. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotypy.htm>

9. Тенева Е.В. Национально-культурные стереотипы в публицистике (на материале английского языка) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2010. № 7. С. 228–236.
10. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
11. Dijk T.A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20and%20manipulation.pdf>
12. Marchal N., Neudert L.M. Polarisation and the use of technology in political campaigns and communication // European Parliamentary Research Service. Brussels, 2019. 60 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634414/EPRS_STU\(2019\)634414_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634414/EPRS_STU(2019)634414_EN.pdf)
13. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 22 с.
14. Полякова А.А. Средства речевой манипуляции в американском предвыборном дискурсе (на материале электоральных выступлений Д. Трампа и Х. Клинтон) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2019. 20 с.
15. Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приёмы речевого манипулирования // XVIII Царскоельские чтения : материалы междунар. науч. конф., 22–23 апр. 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2014. С. 387–394.
16. Матвеева А.А., Гаязова А.А. Речевая манипуляция в дискурсе британских СМИ как средство борьбы со стереотипами // Доклады Башкирского университета. 2020. Вып. 5, № 1. С. 66–70.
17. *The Independent*. 12.02.2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/putin-russia-kremlin-vladislav-surkov-grey-cardinal-moscow-a8773661.html>
18. *The Daily Express*. 18.01.2010. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/152420/Why-blondes-go-to-war-to-get-ahead>
19. *The Independent*. 28.10.2019. URL: https://www.independent.co.uk/voices/adele-weight-loss-picture-drakes-birthday-party-fatphobia-mental-health-a9174976.html?utm_source=taboola&utm_medium=Feed
20. *The Independent*. 11.12.2019. URL: <https://www.independent.co.uk/lifestyle/women/antarctic-fire-angels-trek-antarctica-grenfell-a9242621.html>
21. Диманте И.А. Инструментарий профессионального коммуникатора (приёмы речевого воздействия) // Коммуникативные исследования. 2015. № 4 (6). С. 52–64.
22. *The Telegraph*. 05.10.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/goodlife/living/were-tired-of-these-stereotypes-of-older-people-in-the-media/>
23. *The Independent*. 22.11.2008. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/young-black-and-british-the-young-men-who-refuse-to-bow-to-the-stereotypes-1026040.html>
24. *The Observer*. 09.01.2015. URL: <https://observer.com/2015/09/women-in-politics-say-they-are-still-not-on-equal-ground/>
25. *The Guardian*. 15.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/society/2009/apr/15/stereotypes-young-people>

References

1. Sorokina, N.V. (2014) *Natsional'nye stereotipy v mezhhkul'turnoy kommunikatsii* [National stereotypes in intercultural communication]. Moscow: ITs RIOR, NITs INFRA-M. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/product/445197>
2. Lippmann, W. (1922) *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456-images.html>
3. Krasnykh, V.V. (2003) “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost'?” [“Us” among “them”: myth or reality?]. Moscow: Gnozis.

4. Ivanova, S.V. & Chanysheva, Z.Z. (2010) *Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya* [Linguoculturology: problems, searches, solutions]. Ufa: RITs BashSU.

5. Chanysheva, Z.Z. (2010) Stereotipy v lingvokul'turologicheskoy paradigme [Stereotypes in the linguoculturological paradigm]. In: Chanysheva, Z.Z. (ed.) *Homo loquens v yazyke, kul'ture, poznanii. K 70-letiyu professora R.Z. Muryasova* [Homo loquens in language, culture, knowledge. To the 70th anniversary of Professor R.Z. Muryasova]. Part 1. Ufa: RITs BashSU. pp. 338–349.

6. McGarty, C., Yzerbyt, V. & Spears, R. (2002) *Stereotypes as Explanations. The formation of meaningful beliefs about social groups*. Cambridge: Cambridge University Press. [Online] Available from: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002073438.pdf>

7. Stefanenko, T.G. (1999) *Etnopsikologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS; Akademicheskiiy proekt. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/13.php

8. Ryabova, T.B. (2003) Stereotypes and Stereotyping as a Problem of Gender Studies. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo – Personality. Culture, Society*. 5 (1–2) (15–16). pp. 120–139. (In Russian). [Online] Available from: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova-stereotipy.htm>

9. Teneva, E.V. (2010) Natsional'no-kul'turnye stereotipy v publitsistike (na materiale angliyskogo yazyka) [National-cultural stereotypes in journalism (on the material of the English language)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*. 7. pp. 228–236.

10. Dotsenko, E.L. (1997) *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. Moscow: ChRo, MSU.

11. Dijk, T.A. van. (2006) *Discourse and manipulation*. [Online] Available from: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20and%20manipulation.pdf>

12. Marchal, N. & Neudert, L.-M. (2019) Polarisation and the use of technology in political campaigns and communication. In: *European Parliamentary Research Service*. Brussels. [Online] Available from: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634414/EPRSSTU\(2019\)634414EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634414/EPRSSTU(2019)634414EN.pdf)

13. Nikitina, K.V. (2006) *Tekhnologii revevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SSHChA)* [Speech manipulation technologies in the political discourse of the media (on the basis of US newspapers)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.

14. Polyakova, A.A. (2019) *Sredstva revevoy manipulyatsii v amerikanskom predvybornom diskurse (na materiale elektoral'nykh vystupleniy D. Trampa i Kh. Klinton)* [Means of speech manipulation in American pre-election discourse (based on the electoral speeches of D. Trump and H. Clinton)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.

15. Koveshnikova, M.N. (2014) [Speech manipulation and methods of speech manipulation]. *18 Tsarskosel'skie chteniya* [18th Tsarskoye Selo readings]. Proceedings of the International Conference. 22–23 April 2014. Saint Petersburg: Leningrad State University. pp. 387–394.

16. Matveeva, A.A. & Gayazova, A.A. (2020) Speech manipulation in British mass-media discourse as a means to fight stereotypes. *Doklady Bashkirskogo universiteta*. 5 (1). pp. 66–70. (In Russian).

17. *The Independent*. (2019) 12 February. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/putin-russia-kremlin-vladislav-surkov-grey-cardinal-moscow-a8773661.html>

18. *The Daily Express*. (2010) 18 January. [Online] Available from: <https://www.express.co.uk/news/uk/152420/Why-blondes-go-to-war-to-get-ahead>

19. *The Independent*. (2019) 28 October. [Online] Available from: https://www.independent.co.uk/voices/adele-weight-loss-picture-drakes-birthday-party-fatphobia-mental-health-a9174976.html?utm_source=taboola&utm_medium=Feed

20. *The Independent*. (2019) 11 December. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/life-style/women/antarctic-fire-angels-trek-antarctica-grenfell-a9242621.html>

21. Dimante, I.A. (2015) Instrumentariy professional'nogo kommunikatora (priemy rechevogo vozdeystviya) [Means of a professional communicator (reception of a speech effect)]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Research*. 4 (6). pp. 52–64.

22. *The Telegraph*. (2015) 05 October. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/goodlife/living/were-tired-of-these-stereotypes-of-older-people-in-the-media/>

23. *The Independent*. (2008) 22 November. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/young-black-and-british-the-young-men-who-refuse-to-bow-to-thestereotypes-1026040.html>

24. *The Observer*. (2015) 09 January. [Online] Available from: <https://observer.com/2015/09/women-in-politics-say-they-are-still-not-on-equal-ground/>

25. *The Guardian*. (2009) 15 April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/society/2009/apr/15/stereotypes-young-people>

Информация об авторах:

Матвеева А.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: AnnaUfa@yandex.ru

Гаязова А.А. – студент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, учитель английского языка школы № 22 (Уфа, Россия). E-mail: marycave@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Matveyeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: AnnaUfa@yandex.ru

A.A. Gayazova, student, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation); teacher, School 22 (Ufa, Russian Federation). E-mail: marycave@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2020;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 16.10.2020;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 811.133.1'06-373.7
doi: 10.17223/19986645/76/7

Процессы дополнения и элиминации образов как когнитивные механизмы вторичной фразеологизации (на материале французского языка)

Валентина Анатольевна Мойсюк

*Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, Черновцы, Украина,
hladka_valya@yahoo.fr*

Аннотация. Осуществляется моделирование когнитивных процессов дополнения и элиминации, присущих развитию современного французского языка. Исходя из теории ментальных пространств и концептуальной интеграции, показывается, что когнитивной основой порождения нового концептуального значения является извлечение имеющихся образов в исходных компонентах узуальных фразеологизмов либо дополнение их новыми, что отображает основные процедуры мышления человека в процессе номинации, его жизненный и речевой опыт.

Ключевые слова: вторичная фразеологизация, ментальное пространство, порождающее пространство, интегрированное пространство, процесс дополнения, процесс элиминации

Для цитирования: Мойсюк В.А. Процессы дополнения и элиминации образов как когнитивные механизмы вторичной фразеологизации (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 166–184. doi: 10.17223/19986645/76/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/7

Complementing and eliminating images as cognitive ways of generating new conceptual meaning in secondary phraseologization

Valentina A. Moisiuk

*Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine,
hladka_valya@yahoo.fr*

Abstract. The article discusses the structural and semantic modifications of conventional phraseological units, in which a change in the formal structure of original phraseological units entails the generation of a new semantic meaning, and then a new phraseological unit. In light of the emergence of new scientific concepts, especially in the domain of cognitive linguistics, they attract more and more attention

of linguists, since they reflect the peculiarities of the complex activity of the human brain in obtaining, processing, and using of verbalized knowledge. The aim of the article is a detailed description from a cognitive point of view of the processes of complementing and eliminating images during secondary phraseologization by modeling the mental spaces of the components of the original phraseological unit and the integrated space of the generated phraseological unit, in which a new conceptual meaning develops. The research material is the neological phraseological units of the journalistic discourse of the modern French language formed as a result of these processes, which have appeared for the last 10 years. This research is based on the cognitive concepts of meaning generation, namely, on the theory of mental spaces and conceptual integration developed by Gilles Fauconnier and Mark Turner. Reasoning from the structure of mental spaces (sacred, profane and metaphorical spheres), as well as their ability to integrate, the author models the mechanism of generating a new conceptual meaning during the formation of a neological phraseological unit. The analysis of the complementing shows that the initial conceptual meaning can be replenished with new images (image of the performed action or state, image of the attribute of the nomination object, the image of a new scenario, the image of the performer of the action, the image of the attribute of the action, the image of the scene), as a result of which the original phraseological unit acquires a new conceptual meaning. Elimination of images, in which the structural organization of the original phraseological unit is reduced, supposes two ways of developing a new conceptual meaning: categorical transformation of the original phraseological unit and development of conceptual meaning in the direction from a specific to a generalized meaning. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the cognitive basis for generating a new conceptual meaning is the rethinking of the images available in the original mental spaces, which reflects the basic procedures of a person's thinking during secondary phraseologization, as well as their life and speech experience.

Keywords: secondary phraseologization, mental space, generating space, integrated space, complementing, elimination

For citation: Moisiuk, V.A. (2022) Complementing and eliminating images as cognitive ways of generating new conceptual meaning in secondary phraseologization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp.166–184. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/7

Введение. Постановка проблемы

Для осуществления новой категоризации и концептуализации действительности номинаторы, используя имеющиеся в языке единицы и применяя языковые законы их комбинаторики, часто вынуждены прибегать к порождению инноваций, расширяя знаковый массив языка. В то же время динамика и способность к неологизации позволяют языку выполнять все более сложные когнитивно-дискурсивные функции, способствуя отражению в сознании его носителей объектов окружающей среды. Следовательно, обновление языка связано с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также с факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, обуславливающими порождение новой единицы различными способами интеллектуальной и эмотивно-оценочной активности говорящих.

Основные проявления этого процесса – первичная и вторичная фразеологизация, которые отображают креативные механизмы этносазнания, особенности категоризации эмпирического и рефлексивного опыта, концептуальное переосмысление действительности, динамику оценочного, ценностного и культурного ее восприятия. Но если первый способ порождения фразеологических единиц (далее – ФЕ) часто привлекает внимание исследователей различных научных школ (М. Алефиренко, Н. Болдырев, А. Брагина, В. Костомаров, Е. Кубрякова, Р. Намитокова, С. Тогоева, М. Шанский, Ш. Гледилл, П. Фраз, Ж. Прюво и др.), то второй рассматривается лишь в единичных работах, посвященных закономерностям и путям возникновения в языке фразеологических дериватов (Ю. Гвоздарев, С. Денисенко, Д. Добровольский, Ю. Караулов, Н. Керимзаде, А. Кунин, В. Мокиенко, И. Чернышева, У. Бахлер, Ж. Хаслер, Ш. Хюммер и др.).

Однако появление новых лингвистических парадигм открывает перед фразеологами перспективные направления, требует применения нестандартных подходов к осмыслению и описанию механизмов порождения новых фактов в языке и речи. Поэтому особенно **актуальными** кажутся нам исследования инноваций с позиций когнитивной лингвистики, которая рассматривает проявления неологизации в тесной связи с духовно-практической деятельностью человека, мышлением и культурой, т.е. с теми внутренними и внешними лингвальными факторами, которые и определяют лингвокогнитивную деятельность человека.

Одной из главных задач когнитивной лингвистики является исследование структур представления знаний и способов концептуальной организации знания в процессах порождения и восприятия речи. Современное состояние обозначенной проблемы характеризует попытки отразить эти структуры именно с учетом сложной деятельности человеческого мозга в процессах получения, обработки, переработки и использования вербализованных знаний. Один из таких способов описания знаний – теория ментальных пространств и концептуальной интеграции, которые, собственно, и позволяют смоделировать процесс формирования нового фразеологического значения вследствие вторичной фразеологизации.

Цель данной статьи заключается в детальном описании когнитивных процессов дополнения и элиминации образов во время вторичной фразеологизации путем моделирования ментальных пространств компонентов исходной ФЕ и интегрированного пространства порожденной ФЕ, в котором развивается новое концептуальное значение.

Материал и методы исследования

Теоретическое обоснование настоящего исследования исходит из нескольких когнитивных теорий порождения смысла в языковых знаках. В первых, речь идет о разработанной Ж. Фоконье *теории ментальных пространств* небольших концептуальных областей, «которые конструируются в процессе мышления и говорения в целях локализованного понимания

и действия» [1. С. 15]. Ученый пишет также о том, что ментальные пространства обладают большой гибкостью, нестабильностью и представляют собой не абстрактный домен, а сценарий конкретной ситуации [1. С. 15]. Однако, исходя из ономаσιологической точки зрения, т.е. с точки зрения говорящего, цель которого, по словам Н.Н. Козловой, «быть понятным, и для достижения этой цели он движется от конструирования смыслов, вкладываемых в сообщение, к выбору способов их репрезентации» [2. С. 117–118], считаем, что смоделировать ментальные пространства, которые находятся в сознании говорящего как этап выявления языкового значения, в частности фразеологизмов, все-таки возможно. Несмотря на то, что ментальные пространства не заложены в человеческом сознании как готовые структуры, в процессе познания мира и коммуникации они «обрастают» информацией. В результате этого становится возможным выделение определенных относительно устойчивых сфер, каждая из которых сформирована из нескольких образов познаваемого объекта. Пользуясь терминологией, предложенной современными исследователями [2–4], мы выделяем три сферы ментального пространства (далее – МП), а именно: 1) сакральную, в которую входят образы самого человека и мышления, образы социальных и духовных сущностей, открытые для «внутреннего глаза» в соответствии с религиозными, мифическими представлениями и стереотипами; поскольку эти образы не воспринимаются внешними органами чувств, они находятся вне человеческого понимания и заложены в сознании так, что это трудно объяснить и проанализировать; 2) профаническую, сформировавшуюся на образах, взятых из мира неосознанной практики и основанных, в свою очередь, на определенной практической вере, которая позволяет взаимодействовать с миром и верить в его реальность; как когнитивная структура, она представляет собой, так сказать, обобщение предложений, суждения об определенном объекте окружающей действительности; профанические образы, по словам А.В. Колмогоровой, «имеют пространственный характер, т. е. являются совокупностью «следов» в памяти тела, говорящего о типичной ситуации, когда объекты-элементы окружающей среды бывают *такими* и могут быть эксплицированы в исследовательских целях в виде суждений пропозиционального характера» [4. С. 137]; 3) метафорическую, образы которой связаны не с телесным, а дискурсивным опытом человека, т.е. с применением языковых единиц в речи, и основаны на обеих предыдущих. Таким образом, выделение разных сфер МП основано на различии когнитивных структур, которые бессознательно и осознанно присутствуют или же появляются в «ментальном багаже» говорящего: сакральная сфера наполнена образами, заложенными в сознании говорящего на генетическом уровне, то есть переходящими от поколения к поколению; профаническая сфера – образами, которые говорящий приобрел осознанно в процессе «телесного» познания окружающей среды, в процессе своей жизнедеятельности, а метафорическая сфера – образами, которые возникают в сознании говорящего в процессе «дискурсивного» познания окружающей среды, в процессе коммуникации. Отметим, что

образ в этом контексте является «посредником между собственно объектом / элементом окружающей среды и языковым знаком во взаимодействии человека с этим миром в языковой коммуникации, описанием прошлого опыта взаимодействия с этим объектом / элементом в вышеупомянутых сферах человеческого бытия, характерного для данного этноса» [4. С. 91].

Во-вторых, в основе нашего исследования лежит *теория концептуальной интеграции* (или *концептуального бленда*), разработанная Ж. Фоконье вместе с М. Тернером [5, 6]. Концептуальную интеграцию они истолковывают как базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на разных уровнях абстракции и имеет четкую структуру. Она содержит четыре МП: два исходных пространства, порождающее пространство (далее – ПП) и интегрированное пространство (далее – ИП), образованное на основе межпространственных связей. Исходные пространства представляют собой независимые друг от друга МП, из которых спроектированы общие для данного момента речевой деятельности образы сначала в ПП, а затем в новый МП – ИП, где они формируют новое концептуальное значение [6]. Именно здесь, в ИП, порождены новые действия, новые концепты, новые эмоции и понимание.

Как часть более широкой проблематики, а именно изучение лингвокогнитивных механизмов неологической фразеологизации, данное исследование основывается на фактическом материале (259 неологических ФЕ, которые являются результатом процесса вторичной фразеологизации), отобранном из центральных периодических изданий современного французского языка (*Le Parisien, Le Figaro, Le Monde, Le Point, L'express, La libération* и т.д.) за последние 10 лет.

Поставленные в исследовании цель и задачи обусловили использование некоторых лингвистических методов. Например, *метод неофразеологического описания*, основанный на комплексном анализе их параметральности (полилексичность, различная степень устойчивости лексико-семантического, грамматического и структурного характера, воспроизводимость, маркер новизны), применен для отбора и идентификации неологических ФЕ, *анализ контекстуального окружения* использован с целью выявления инновационных сдвигов в дискурсивно-смысловом содержании исследуемых единиц, характера взаимодействия фразеологических компонентов, а также установления степени закреплённости состава и структуры неологических ФЕ, *элементы компонентного и этимологического анализа* помогли отобрать неологические ФЕ, образованные в результате вторичной фразеологизации, *когнитивный анализ* – для моделирования процесса порождения нового концептуального значения путем построения интегрированного пространства, определения лингвокогнитивных механизмов вторичной фразеологизации, описания основных когнитивных моделей, которые детерминируют характер взаимосвязи исходных ментальных пространств, а также *количественные подсчеты* – для практического подтверждения теоретических предположений.

Основные результаты исследования

Изучая фразеологическую деривацию, лингвисты выделяют два основных типа модификаций: 1) семантические преобразования, которые не нарушают лексико-грамматическую структуру исходной ФЕ, а переосмысливают, обновляют ее семантику; среди них называют двойную актуализацию, народно-этимологическое переосмысление внутренней формы, антонимическое развитие образа, перефразирование, семантическое обновление и т.д.; 2) структурно-семантические преобразования, связанные с формальными изменениями исходной ФЕ, т.е. те, которые могут трансформировать ее компонентный состав и грамматическую структуру, видоизменяя при этом ее семантическое значение; среди них – редукция, развертывание структуры, модернизация, морфологические трансформации, контаминация, конверсия, аналогия, переразложение, отделение компонентов, изменение компонентов, замена предлогов в составе ФО, перераспределение и т.д. [7–11]. Отметим при этом, что их исследования могут касаться как тех изменений, которые не выходят за пределы предложения, так и тех, которые распространяются на целые отрывки текста. Последний тип модификаций обуславливает окказиональное употребление ФЕ в дискурсе, что составляет предмет изучения дискурсивного анализа и, соответственно, выходит за пределы нашего исследования.

Интересный взгляд на поставленную проблему выражают современные германисты, которые, изучая пути вторичного фразообразования, учитывают тип и характер изменений, которые зависят от различной активности плана выражения и плана содержания ФЕ. Они различают четыре типа изменений: 1) семантические (активность содержания – пассивность формы); 2) структурно-синтаксические (активность формы – пассивность содержания); 3) структурные и семантические (активность формы – активность содержания); 4) неизменность ФЕ (пассивность формы – пассивность содержания) [12].

Сосредоточив внимание на лингвокогнитивных механизмах порождения неологических ФЕ французского языка путем вторичной фразеологизации (259 ФЕ), которые осуществляются непосредственно в пределах устойчивого выражения, а также проанализировав лингвокогнитивные модели создания нового концептуального смысла, можем констатировать существование структурно-семантических и семантических модификаций. При этом укажем, что основной характеристикой обоих типов изменений, независимо от присущей им особой когнитивной модели построения ИП, является максимальная семантичность. Именно она определяет когнитивные процессы, лежащие в основе речевого развития и стимулирующие в целом процесс деривации. Ведь новые значения об объекте номинации, новые квалификационные признаки требуют новых способов выражения.

Структурно-семантические модификации, в отличие от семантических, обязаны не только особому, необычному контекстному употреблению узальных ФЕ, но и их культурно-речевой природе. Отчетливо эти модифика-

ции проявляются в структуре фразеологических сочетаний – коллокаций разной степени устойчивости, что объясняется, прежде всего, тем, что именно в них компоненты, хотя и остаются фразеологически связанными, характеризуются значительно большей самостоятельностью, чем в идиомах, что и позволяет говорящему нарушать законы семантических связей, присущие данному языку. Заложенная в них порождающая сила притяжения к динамике и преобразования на каждом уровне языковой структуры, а также специфика их речевого варьирования обусловлены, по словам Е. Макаева, их языковой природой. Они имеют сложную семантико-грамматическую структуру, определяемую их уровневым статусом в системе языка – иерархической «высотой», которую они занимают, и признаками аналитичности [13]. Идиомы же, отличающиеся целостностью значения, не допускают каких-либо изменений компонентов, на что давно указывают ученые [8, 14]. Однако, как отмечает В. Чередниченко, фразеологические единства могут подвергаться изменениям, поскольку их значение в определенной степени мотивировано отдельными значениями их составляющих компонентов [10. С. 71]. Наряду с этим устойчивые выражения имеют ярко выраженную прагматическую нагрузку, которая и делает эти единицы способными для использования в сфере речевых актов и действий как удобных «заготовок» для различных ситуаций. Трансформация узуальных ФЕ, пишут, в частности, Д. Добровольский и Ю. Караулов, «заложена в самой природе владения ими носителями языка» [15. С. 109]. Таким образом, в основе структурно-семантических модификаций лежат коммуникативно-прагматические факторы, когнитивно обусловленные и мотивированные намерениями говорящих. Они также основаны на целенаправленном видоизменении устойчивой структуры ФЕ и их семантики, направлены не только на оживление и усиление их выразительности, но и на новое отражение восприятия человеком известного уже ему объекта или явления.

С точки зрения построения ИП в ходе порождения новых номинативных единиц отметим, что, разрабатывая теорию МП, исследователи указывают на их гибкую природу, которая позволяет осуществлять различные модификации, в частности введение нового пространства, замену имеющегося пространства новым, выведение на первый план (актуализация) других элементов МП и т.п. Указанные трансформации определяют, в свою очередь, существование таких когнитивных процессов, как амплификация, дополнение, элиминация, калькирование, грамматическая трансформация и контаминация.

Среди основных характеристик МП Ж. Фоконье называл гибкость и способность к модификации. Он утверждал, что, формируясь «в режиме реального времени» (в процессе мышления и речи), они могут дополняться новыми элементами или, наоборот, элиминировать имеющиеся» [1. Р. 16]. Соответственно, перед нами предстают два когнитивных процесса – дополнение и элиминация, благодаря которым ПП и ИП меняют наполненность и формируют новое концептуальное пространство. Рассмотрим два указанных процесса более детально.

1. Процесс дополнения бленда новыми образами

Вопрос о структурном развертывании (расширении, добавлении) исходной ФЕ привлекал внимание еще сторонников семасиологического направления изучения языка и его единиц. При этом развертывание рассматривалось как один из структурно-семантических способов фразеологической деривации, в результате которого происходит своеобразная деформация начальной структуры, что способствует усилению образности, экспрессивности и эмоционального заряда образующейся ФЕ [8–11, 16–18].

Интересное мнение в этом контексте выражают ученые, говоря о различных типах вставного компонента. Так, Д. Добровольский в зависимости от сочетаемости последнего с буквальным и переносным значениями выделяет узуальные и окказиональные вставки: для первых значение вставки совместимо с буквальным и переносным значением модифицированной ФЕ, а для других – значение вставного элемента комбинируется только с фразеологически устойчивым значением [16]. К этим двум типам Г. Хаслер и Ш. Хюммер добавляют еще один, характеризующийся сочетаемостью значения вставки только с буквальным значением компонента ФЕ [18. P. 113].

Одним из условий возможного расширения лексического состава ФЕ ученые называют наличие компонента, который бы имел определенную семантическую автономность и мог быть изолирован семантически во фразеологическом значении [16]. Свои соображения они объясняют на примере узуальной ФЕ *jeter de l'huile sur le feu*, в которой элементу *feu* присущи одновременно семантическая автономность – «проблематичная ситуация» – и общее значение, которое в определенном контексте может допускать уточнение. Что, собственно, мы и видим на страницах периодических изданий, например: «*Nous ne voulions tuer personne, mais semer la terreur*», *Téhéran rejette de l'huile sur le feu nucléaire* (www.liberation.fr).

Отметим, однако, что исследования ученых были направлены на изучение только окказиональных модификаций узуальных ФЕ, которые усиливают ее образность и экспрессивность, в то время как расширения лексического состава ФЕ могут порождать абсолютно новый мотивированный образ и вместе с тем новое семантическое значение.

Например, общеизвестная французская пословица *Advienne que pourra!* «Пусть случится то, что должно произойти», в результате развертывания своей структуры получила форму *Fais ce que tu dois, advienne que pourra* «Случится то, что должно произойти, но в любом случае следует делать то, что нужно» и уже не выражает чистый фатализм, а учит выполнять свой долг, несмотря на возможные последствия. За счет уточняющих слов к тем или иным компонентам узуальная ФЕ может изменить свою первоначальную форму вплоть до неузнаваемости. Это наблюдаем в ходе эволюции ФЕ *aller son chemin* «продолжить начатое дело», датируемой еще XIV в., которая стала генетическим источником для нескольких других фразеологизмов. Так, с одной стороны, она была усилена в XVII в. прилагательным

компонентом *droit* без изменения семантического значения *aller le droit chemin*, но считается устаревшей сегодня. С другой стороны, в XVIII в. она расширила свою структуру за счет еще одного компонента (*petit bonhomme*, появление которого, правда, до сих пор не нашло обоснованного объяснения [19. Р. 93]. Получив значение «продвигаться, продолжать свое дело без преград», фразеологический дериват *aller (continuer, faire...) son (petit) bonhomme de chemin* функционирует в современном французском языке.

Исследуя динамику фразеологического массива, лингвисты часто отмечают важность в различении «факультативных», но постоянных компонентов, которые появляются при варьировании фразеологического оборота, и «временных дополнений» [11. С. 67–68], не указывая, впрочем, критерии и методы этого различения. Поэтому считаем целесообразным применение метода когнитивного моделирования МП, который поможет не только показать изменения в ИП и появление нового концептуального содержания, но и отличить собственно неологические образования от фразеологических вариантов типа *C'est mon petit doigt qui me l'a dit* (< *Mon petit doigt me l'a dit*) «знать что-либо, не раскрывая источник» или дополненных дискурсивными вставками, такими как, например, *dit, appelé, prétendu (la jeunesse dite dorée, l'art appelé figuratif)*, которые придают большую объективность объекту номинации.

Итак, смоделируем когнитивную модель неологической ФЕ ***montrer ce qu'on a dans le ventre*** «доказать свою храбрость», порожденную путем дополнения узуальной ФЕ *avoir dans le ventre* «быть храбрым» (рис. 1). Моделируя сначала МП значимых компонентов узуальной и неологической ФЕ *avoir* «иметь», *ventre* «живот», *montrer* «показывать», видим, что каждый из них имеет образы профанической и метафорической сфер. Профанические образы соответствуют лексическим значениям данных языковых единиц, представленным в толковом словаре французского языка [20], а метафорические – их семантическим значениям, которые они приобретают в дискурсе и также зафиксированы лексикографически [20]. Во время формирования значения исходной ФЕ компоненты *avoir* «иметь» и *ventre* «живот» проектируют к ПП профанические образы 'поссесивность' (МП 1) и 'брюшная полость', 'совокупность основных внутренних органов' (МП 2), а также метафорические образы 'чувствовать' (МП 1) и 'место, где находятся основные элементы' (МП 2), которые совместно порождают образы 'поссесивность', 'движение жизни', 'человеческое создание'. Попадая в ИП, они частично трансформируются и образуют концептуальный смысл, который апеллирует к лицу, одним из ощущений которого является храбрость, вследствие чего образованная ФЕ *avoir dans le ventre* означает «быть храбрым». В случае ее дополнения глагольным компонентом *montrer* «показывать» новообразованное ИП обогащается еще одним образом 'доказать поступком', который был спроектирован с метафорической сферы 'выявить что-либо своим поведением или поступком' (МП 3). В результате этого порождается новый концептуальный смысл «доказать поступком, что че-

ловеческому созданию свойственна храбрость». Таким образом, когнитивная модель развернутой ФЕ *montrer ce qu'on a dans le ventre* «доказать свою храбрость» демонстрирует появление нового значения за счет добавления к образующему значению нового образа, а значит, и новой ФЕ.

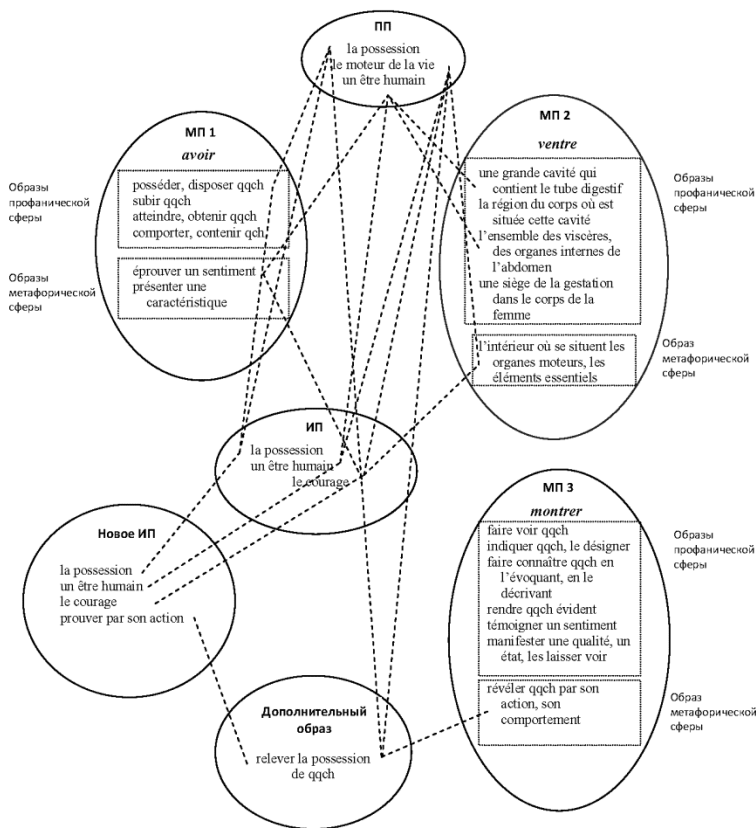

Рис. 1. Когнитивная модель порождения неологической ФЕ *montrer ce qu'on a dans le ventre* «доказать свою храбрость» путем дополнения бленда новым образом

Детальный анализ ФЕ, образованных путем дополнения, показал, что порождение нового концептуального смысла обусловлено появлением в бленде новых образов, апеллирующих:

1) к выполнимому действию или состоянию (43 ФЕ – 58%), которые вводятся новым глагольным компонентом, например: *foutre les nerfs au paquet* (< *les nerfs au paquet*) «сильно нервничать», *s'écarter des sentiers battus* (< *les sentiers battus*) «отклониться от общего решения», *agir de but en blanc* (< *de but en blanc*) «импровизировать», *avoir une tête à claques* (< *une figure, une tête à claques*) «вызвать злость», *être une vraie peau de vache* (< *peau de vache*) «быть очень строгим»;

2) признаку объекта номинации (11 ФЕ – 15%), представленного прилагательным или партиципной формой глагола, например: *haché comme chair à pâté* (< *chair à pâté*) «избитый; тяжело раненный», *avoir des mains en or* (< *avoir la main*) «быть очень искусным», *de ma (sa) blanche main* (< *de ma main*) «сделанный собственноручно»;

3) новому сценарию (11 ФЕ – 15%), который добавляется к исходному образу и трансформирует концептуальное значение, например: *Qui cherche trouve et qui trouve supporte* (< *Qui cherche trouve*) «Инициатива наказуема», *L'argent ne fait pas le bonheur mais y contribue* (< *L'argent ne fait pas le bonheur*) «Не в деньгах счастье, а в их количестве», *Il faut appeler un chat un chat et Pollet un fripon* (< *appeler un chat un chat*) «говорить откровенно», *mettre les points sur les "i" et les barres aux "t"* (< *mettre les points sur les "i"*) «четко расставить акценты»;

4) исполнителю действия (7 ФЕ – 9%), который вводится именным компонентом, например: *tomber dessus comme une pierre de la lune* (< *tomber de la lune*) «неожиданно появиться», *profiteur de pain de fesse* (< *pain de fesse*) «сутенер», *bon chien chasse la race* (< *chasser de race*) «унаследовать характер от родителей, предков»;

5) месту действия (2 ФЕ – 3%), которое вводится именными конструкциями с предлогом, например: *tomber tout cuit dans le bec* (< *C'est du tout cuit*) «не требовать дополнительных физических усилий», *lever le cul de sa chaise* (< *lever le cul*) «начать действовать; приложить физические усилия».

Таким образом, дополнение узуальной ФЕ выступает одним из когнитивных процессов образования неологических ФЕ, во время которого за счет добавления новых образов появляется новый концептуальный смысл.

2. Процесс элиминации имеющихся образов

Во время вторичной фразеологизации наблюдаем также противоположный дополнению когнитивный процесс элиминации, сущность которого заключается в том, что из-за сокращения структурной организации исходной ФЕ на один или несколько компонентов уменьшается количество проектируемых в ПП и ИП образов, что обуславливает изменение концептуального значения, а вместе с тем порождение новой ФЕ.

Отметим, что, с точки зрения традиционного подхода к изучению семантики языковых единиц под этим процессом имеют в виду удаление компонентов, редукцию, эллипсис или аллюзию и истолковывают его как семантическое преобразование производной ФЕ, в результате которого происходит вычленение, отрыв от всей ткани производной ФЕ неразрывной группы компонентов, которая имеет семантическую монолитность (А. Кунин, Б. Ларин, М. Шанский и др.). Еще А. Потемня, рассматривая процесс эволюции внутренней формы ФЕ от синтаксически широких единиц к узким или более узким, квалифицировал эти новообразования как «обломки текстов (песен, сказок, басен) или их фрагментов, которые сокращались до пословиц или поговорок, или даже слов» [21]. Продолжая

его мысль, ученые заключают, что аллюзионные единицы отражают ассоциативную связь не только с производными единицами, но и с той ситуацией, с тем прагматическим значением, которые они имеют в полной форме. Такое «осовременивание» производной единицы, ее привязка к какой-либо ситуации придают ей большую экспрессивность. В то же время, отмечают они, несмотря на то, что новообразованная фразема начинает жить самостоятельно, ее значение и тип переосмысления определены семантикой исходной ФЕ [9. С. 139; 11. С. 67–68]. Во фразеологическом сращении, объясняет В. Виноградов, все элементы настолько слиты и недифференцированы в смысловом отношении, что эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение хотя бы одного из них никак не влияет на значение целого. С одной стороны, такие единицы семантически низменны, а с другой – при определенных синтаксических условиях их основная часть может быть равна целому и выступать в значении целого. Поэтому фразеологические сращения могут утрачивать свои части одну за другой, не теряя своей семантики [14]. Рассматривая подробнее этот процесс, Б. Ларин, в частности, пишет: «В длительном речевом использовании любимые выражения теряют подробности, сокращаются, сохраняя лишь самые необходимые элементы <...>. Обычное, давно известное всем понимается с полуслова, с полунамек <...>. Первоначальный состав изречения деформируется, от него остается сигнальный фрагмент, который вскоре превратится в идиому, неразложимое словосочетание, а полная и понимаемая исходная формула забудется» [9. С. 139].

Изучая процесс удаления компонентов, В. Чередниченко называет несколько причин его существования: 1) обычная экономия времени в процессе речи; 2) необходимость удаления лишних компонентов, то есть семантическая избыточность; 3) стремление к экономному использованию языковых усилий и средств [10. С. 92–93].

Примечательно, что изучение фразеологической деривации путем редукции, хотя и привлекает уже давно внимание исследователей, редко выходит за пределы паремийного фонда, оставляя в стороне процесс отделения, свойственный фразеологическим идиомам и фразеологическим сериям, что, собственно, и доказывает фактический материал: в нашем корпусе всего три неологические ФЕ (15%) порождены узуальными паремиями.

Об этом говорит также Е. Блинова, исследуя типологию именно отфразеологических ФЕ русского языка. При этом она констатирует связь эллипсиса в языке и речи с синхронией и диахронией: «Появившись в речи и став его характерным достоянием, эллиптированные ФЕ переходят в систему языка, где приобретают статус автономных фразеологизмов» [22. С. 47]. Соглашаясь с ней, исследователи считают, что зависимость речи от фактора времени позволяет рассматривать эллипсис ФЕ в динамике как процесс, с одной стороны, а относительная стабильность языковой системы в каждый отдельный момент ее развития определяет подход к синхронному анализу эллипсиса в статике как результат развития семантики и формы ФЕ – с другой. Соответственно, они выделяют два вида эллипсиса

ФЕ: 1) синхронный, который представляет собой варьирование значения и формы ФЕ в контексте отдельных произведений; при этом наблюдают семантическую тождественность полной и эллиптической форм ФЕ;

2) диахронный, который обуславливает образование новых ФЕ, входящих в систему языка вместе с исходными ФЕ [22, 23].

При формировании корпуса неологических ФЕ нами часто наблюдались случаи употребления ФЕ, которые в обновленной форме сохраняют семантическое значение исходных ФЕ, т.е. образованных путем «синхронного эллипсиса». Так, общеизвестная ФЕ *avoir un polichinelle dans le tiroir* «быть беременной» (XIX в.) функционирует в современном языке без изменения семантики в виде ее варианта *avoir un polichinelle*; новообразование *faire le voisinage* «проводить опрос соседей» представляет собой стянутый вариант коллокации *faire une enquête de voisinage* с тем же значением. На наш взгляд, такие случаи следует рассматривать как окказиональное употребление узуальных ФЕ или же, по словам И. Вардуля, как «варианты одного инварианта» [24. С. 304]. Нас же интересует скорее «диахронный эллипсис», результатом которого являются ФЕ, которые, попадая со временем в словарный состав языка как неологизмы, а потом как конвенциональные единицы, имеют значения, отличные от исходной ФЕ. Только в таком случае целесообразно говорить о редукции компонентов как процессе, результатом которого являются неологические ФЕ, которые, хотя и в незначительной степени, характеризуют развитие фразеологической системы современного французского языка.

Рассматривая указанное явление с точки зрения когнитивного моделирования ИП, предлагаем придерживаться понятия элиминации, которое широко используется, в частности, в когнитивной науке и психологии для обозначения процесса уничтожения содержания слота или всего слота в целом [25] либо отторжения усвоенных ранее впечатлений, которые участвовали в формировании психологических структур, уступая место новым структурам [26]. Именно благодаря элиминации имеющихся в ПП и ИП образов, спроектированных с МП компонентов исходной ФЕ, возникает новый концептуальный смысл.

Проиллюстрируем сказанное на примере создания неологической ФЕ ***un cheveu sur la langue*** «шепелявение» на основе узуальной ФЕ *avoir un cheveu sur la langue* «шепелявить» (рис. 2). Моделирование МП значимых компонентов узуальной и неологической ФЕ *avoir* «иметь», *cheveu* «волос», *langue* «язык» показало, что каждый из них имеет образы профанической и метафорической сфер, выведенные нами из лексикографических источников [20]. Во время порождения концептуального значения исходной ФЕ ПП содержал два общих образа 'поссесивность' и 'человеческое создание', как результат спроектированных на него профанических образа 'владеть' (МП 1), 'человеческое создание' (МП 2), 'один из основных органов речи' (МП 3) и метафорического образа 'чувствовать' (МП 1). К ИП данной узуальной ФЕ проектируются общие образы из ПП, а также метафорические образы 'препятствие' (МП 2) и 'манера говорить' (МП 3), в ре-

зультате чего формируется концептуальный смысл, который апеллирует к «человеку, которому что-то мешает во время речи». В случае редукции глагольного компонента *avoir* «иметь» в ПП и ИП элиминируется профанический образ 'поссесивность', что обуславливает изменение концептуального значения: теперь речь идет только о самой «манере речи человека, которому якобы что-то мешает говорить». Таким образом, процесс номинации переходит от действия к понятию, а вместе с тем и порождает новую ФЕ с новым концептуальным значением.

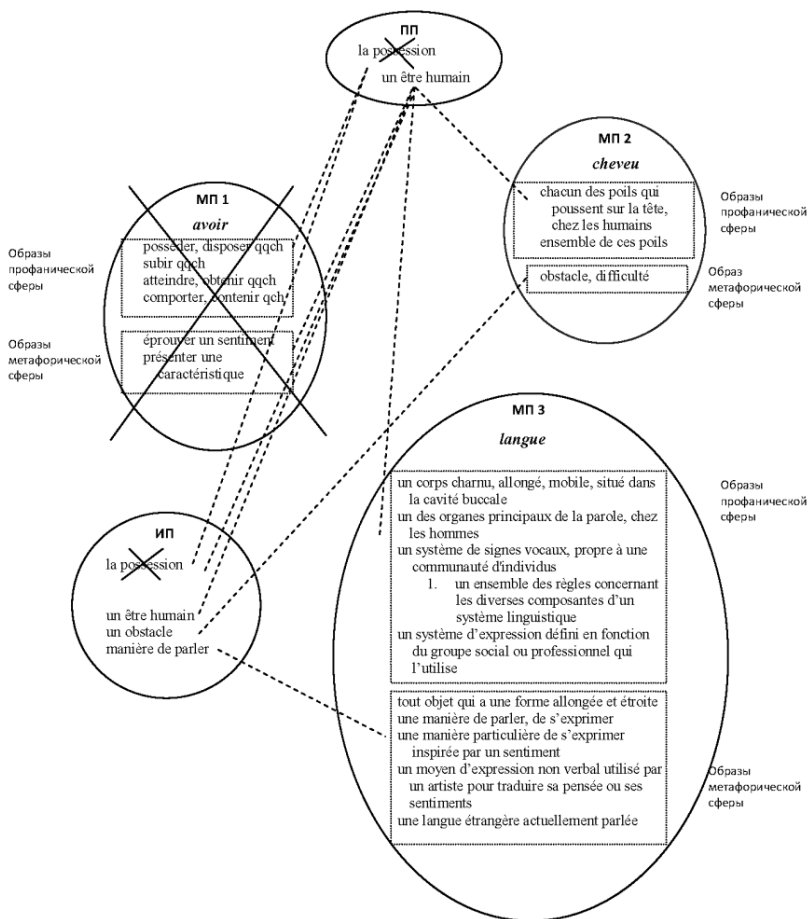

Рис. 2. Когнитивная модель порождения неологической ФЕ *un cheveu sur la langue* «шепелявение» путем элиминации имеющихся образов

Анализ ФЕ, порожденных путем элиминации, показывает, что этот процесс предполагает существование двух разных путей развития концептуального смысла:

1) концептуальный смысл неологической ФЕ претерпевает категориальные трансформации (14 ФЕ – 64%), т.е. в результате усечения одного из компонентов узуальная ФЕ меняет свой категориальный статус. Чаще всего процесс элиминации касается начального компонента глагольных ФЕ, вследствие чего семантика неологических ФЕ направлена на отражение объекта номинации, признаков этого объекта и признаков его действий, напр.имер: *eau de boudin* (< *s'en aller en eau de boudin*) «бесценный предмет», *eau qui dort* (< *il n'est pire eau que l'eau qui dort*) «тиховодье; омут», *jamais un mot plus haut que l'autre* (< *ne pas dire un mot plus haut que l'autre*) «человек, который никогда не выходит из себя, с равнодушным характером; приятный, скромный человек», *poule aux œufs d'or* (< *tuer la poule aux œufs d'or*) «постоянный источник доходов») или признака действия (например: *comme en quarante* (< *repartir comme en quarante*) «энергично, активно», *comme perles aux cochons* (< *jeter des perles aux cochons*) «абсурдность, расточительство», *bouche à oreille* (< *de bouche à oreille*) «молва; слухи»). Именно благодаря тому, что образы, которые остались в новом концептуальном смысле, отражают семантическую монолитность, они способны получить индивидуальное, целостное значение и выполнять новую номинативную функцию. В ходе исследования мы наблюдали также отделение начальных именных компонентов у узуальных ФЕ. В таком случае именно они служат носителем семантического стержня исходной ФЕ, на основе которого формируется новый концептуальный смысл, например: *bave du crapaud* (< *la bave du crapaud n'atteint pas la blanche colombe*) «несправедливое высмеивание», *une main de fer* (< *une main de fer dans un gant de velours*) «твердое, непоколебимое руководство»;

2) концептуальное содержание неологических ФЕ разворачивается в направлении «конкретное значение → обобщенное значение» (8 ФЕ – 36%), например: неологическая ФЕ *tout est bien qui finit* «хорошо то, что завершается» апеллирует к любому (хорошему или плохому) конечному результату дела, главное – то, чтобы оно вообще завершилось, чем и отличается от исходной ФЕ *tout est bien qui finit bien*, которая предусматривает только хорошее завершение дела. Подобным образом порождены также такие неологические ФЕ, как: *mettre le feu à qqch* (< *mettre le feu aux poudres*) «сеять панику, волнение», *manger son pain blanc* (< *manger son pain blanc le premier*) «пережить наиболее благоприятный период», *venir de la flûte, retourner au tambour* (< *l'argent qui vient de la flûte, s'en retourne au tambour*) «плохо нажитое добро не приносит».

Таким образом, когнитивный процесс элиминации, в результате которого в ИП исчезают образы, имеющиеся в исходных ФЕ, обуславливает изменение концептуального значения, а вместе с тем и появление новой ФЕ.

Выводы

При вторичной фразеологизации когнитивной основой порождения нового концептуального значения является переосмысление образов МП

компонентов исходной ФЕ, результатом которого выступает появление новой интегрированной структуры, которая отражает основные процедуры мышления человека, а также опыт, полученный им в жизненной и речевой практиках. Концептуальная интеграция, как главная ментальная операция, применяемая во многих плоскостях мысли и поведения человека, основывается на его способности к образному мышлению, к установлению связи между МП. Применение в исследовании основных постулатов теории ментальных пространств и концептуальной интеграции позволило осознать процессы вторичной фразеологизации, понять их смысловое наполнение, определить образную и рационально-умственную аналогию, лежащую в основе формирования нового фразеологического значения.

Рассмотренные когнитивные механизмы дополнения бленда новым образом и элиминации уже имеющегося образа в составе концептуального значения ФЕ на материале французского языка представляют собой, во-первых, количественные изменения, отражающие парадоксальность динамики развития языка: с одной стороны, мы имеем дело с увеличением элементов речевого потока, а с другой – экономии языковых усилий. Во-вторых, порождение новых ФЕ в процессе вторичной фразеологизации приводит к обобщению объекта номинации либо к его конкретизации, в частности признаков самого объекта номинации, признаков, исполнителя, способов, места и сценариев его действий.

Таким образом, когнитивное моделирование процесса порождения новых ФЕ помогло идентифицировать их как новообразования с новым концептуальным значением, целью которых, в отличие от фразеологических вариантов, является неконцептуализация и перекаатегоризация действительности.

Список источников

1. *Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, 1994. 240 p.
2. *Козлова Н.Н.* Моделирование ментального пространства как этап выявления фразеологического значения (на примере ментального пространства *green*) // Гуманитарный вектор. 2010. № 2: Филология. С. 117–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-mentalnogo-prostranstva-kak-etap-vyyavleniya-frazeologicheskogo-znacheniya-na-primere-mentalnogo-prostranstva-green/viewer>
3. *Бурдые П.* Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бибикив, Е.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. М. ; СПб., 2001. 562 с.
4. *Колмогорова А.В.* Языковое значение и речевой смысл: Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 380 с.
5. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, 2002. 464 p.
6. *Fauconnier G., Turner M.* Mental Spaces. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Linguistics: Basic Reading*. 2006. P. 303–371.
7. *Джаграева М.Л.* Коммуникативно-прагматические особенности фразеологической деривации : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 182 с. URL: <http://cheloveknauka.com/>

8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Международные отношения, 1996. 381 с.
9. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии: (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.
10. Чередниченко В.О. Інноваційна фразеологічна вербалізація в англійській мові (лінгвокогнітивний та соціолінгвістичний параметри) : дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2005. 220 с. URL: <http://www.allbest.ru/>
11. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1: Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М., 1987. 192 с.
12. Мізін К.І. Компаративні фразеологічні одиниці сучасної німецької мови: шляхи утворення та ідеографія : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2004. 20 с. URL: <http://allbest.ru/>
13. Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 47–59.
14. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. URL: <http://www.philology.ru>
15. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994. 116 с.
16. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
17. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1989. 287 с.
18. Haßler G., Hümmel Ch. Figement et défigement polylexical: l'effet des modifications dans des locutions figées // Linx: Revue des linguistes de l'université Paris X. 2005. № 53: Le semi-figement. P. 103–119. URL: <http://linx.revues.org/266>
19. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire d'expressions et locutions. Paris, 2007. 1087 p.
20. Dictionnaire de français. Paris : Larousse, 2020. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires>
21. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. 344 с.
22. Блинова Е.В. К проблеме типологии отфразеологических фразеологизмов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского ун-та. Казань, 2004. С. 47–48.
23. Ренская Т.В. Эллипсис фразеологических единиц в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1983. 24 с.
24. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супра-синтаксис). М. : Наука, 1977. 352 с. URL: <https://www.booksite.ru>
25. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Исследования по когнитивным аспектам языка. Труды по искусственному интеллекту : учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–37.
26. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб., 2004. 672 с.

References

1. Fauconnier, G. (1994) *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kozlova, N.N. (2010) Modeling of a mental space as a stage of phraseological meaning detection (mental space green as an example). *Gumanitarnyy vector. Filologiya – Humanitarian vector Humanitarian vector. Philology*. 2. pp. 11–124. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-mentalnogo-prostranstva-kak-etap-vyavleniya-frazeologicheskogo-znacheniya-na-primere-mentalnogo-prostranstva-green/viewer>

3. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Translated from French by A.T. Bibikov, E.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin & N.A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg: Aleteyya.

4. Kolmogorova, A.V. (2006) *Yazykovoe znachenie i rechevoy smysl: Opyt funktsional'no-semiologicheskogo issledovaniya prilagatel'nykh-oboznacheniy svetlogo i temnogo v sovremennykh russkom i frantsuzskom yazykakh* [Linguistic Meaning and Speech Sense: An Experience of the Functional Semiological Study of Adjectives Denoting Light and Dark in Modern Russian and French]. Novokuznetsk.

5. Fauconnier, G. & Turner, M. (2002) *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.

6. Fauconnier, G. & Turner, M. (2006) Mental Spaces. Conceptual Integration Networks. In: Geeraerts, D. (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Reading*. De Gruyter. pp. 303–371.

7. Dzhagraeva, M.L. (2005) *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti frazeologicheskoy derivatsii* [Communicative and pragmatic features of phraseological derivation]. Philology Cand. Diss. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/>

8. Kunin, A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phraseology of modern English]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

9. Larin, B.A. (1977) Ocherki po frazeologii (O sistematzatsii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on Phraseology (On Systematization and Research Methods of Phraseological Materials)]. In: Larin, B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow. pp. 125–149.

10. Cherednichenko, V.O. (2005) *Innovatsiyna frazeologichna verbalizatsiya v anglis'kiy movi (lingvokognitivniy ta sotsiolingvistichniy parametri)* [Innovative phraseological verbalization in the English language (linguocognitive and sociolinguistic parameters)]. Philology Cand. Diss. Zaporizhzhya. [Online] Available from: <http://www.allbest.ru/>

11. Shanskiy, N.M. & Ivanov, V.V. (1987) *Sovremenny russkiy yazyk: v 3 ch* [Modern Russian language: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie.

12. Mizin, K.I. (2004) *Komparativni frazeologichni odinitsi suchasnoï nimets'koï movi: shlyakhii utvorenniya ta ideografiya* [Comparative phraseological units of modern German language: ways of adoption and ideography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv. [Online] Available from: <http://allbest.ru/>

13. Makaev, E.A. (1962) Ponyatie davleniya sistemy i ierarkhiya yazykovykh edinitz [The concept of system pressure and the hierarchy of language units]. *Voprosy yazykoznavaniya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 47–59.

14. Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannye Trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <http://www.philology.ru>

15. Dobrovol'skiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Associative phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow.

16. Dobrovol'skiy, D.O. (1996) Obraznaya sostavlyayushchaya v semantike idiom [Figurative component in the semantics of idioms]. *Voprosy yazykoznavaniya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 71–93.

17. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Pomovskiy i partnery.

18. Haßler, G. & Hummer, Ch. (2005) Figement et défigement polylexical: l'effet des modifications dans des locutions figées. *Linx: Revue des linguistes de l'université Paris X*. 53: Le semi-figement. pp. 103–119. [Online] Available from: <http://linx.revues.org/266>

19. Rey, A. & Chantreau, S. (2007) *Dictionnaire d'expressions et locutions*. Paris: DL.

20. Larousse. (2020) *Dictionnaire de français*. Paris: Larousse. [Online] Available from: <http://www.larousse.fr/dictionnaires>

21. Potebnya, A.A. (1990) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.

22. Blinova, E.V. (2004) [To the problem of typology of phraseological units derived from phraseological units]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and comparative philology: state and prospects]. Proceedings of the International Conference. Kazan: Kazan State University. pp. 47–48. (In Russian).

23. Renskaya, T.V. (1983) *Ellipsis frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke* [Ellipsis of phraseological units in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

24. Vardul', I.F. (1977) *Osnovy opisatel'noy lingvistiki (sintaksis i supra-sintaksis)* [Fundamentals of descriptive linguistics (syntax and supra-syntax)]. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru>

25. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (1990) *Struktury znaniy i ikh yazykovaya ontologizatsiya v znachenii idiomu* [Structures of Knowledge and Their Linguistic Ontologization in the Meaning of an Idiom]. *Issledovaniya po kognitivnym aspektam yazyka. Trudy po iskusstvennomu intellektu*. 903. pp. 20–37.

26. Meshcheryakov, B. & Zinchenko, V. (2004) *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary]. Saint Petersburg: Praym-Evroznak.

Информация об авторе:

Мойсюк В.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры романской филологии и перевода Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Черновцы, Украина). E-mail: hladka_valya@yahoo.fr

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Moisiuk, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine). E-mail: hladka_valya@yahoo.fr

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.02.2021;
одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 27.02.2021;
approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 811.111-26; 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/76/8

Особенности функционирования онтологической метафоры в исторической нон-фикшн литературе на английском языке

Нина Павловна Соболева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
NPSoboleva@kpfu.ru*

Аннотация. Представлен комплексный анализ англоязычных текстов в жанре исторической нон-фикшн, содержащих онтологическую метафору. Выборка практического материала реализована с использованием процедуры идентификации метафоры. В соответствии с классификацией, представленной в рамках теории концептуальной метафоры, исследованы разновидности метафоры в анализируемых текстах. Выявлена специфика функционирования онтологических метафор в текстах жанра исторической нон-фикшн.

Ключевые слова: концептуальная метафора, онтологическая метафора, английский язык, научно-популярная литература, исторический нон-фикшн

Для цитирования: Соболева Н.П. Особенности функционирования онтологической метафоры в исторической нон-фикшн литературе на английском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 185–198. doi: 10.17223/19986645/76/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/8

On the peculiarities of ontological metaphors functioning in historical non-fiction literature in English

Nina P. Soboleva

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
NPSoboleva@kpfu.ru*

Abstract. The present study is based on a comprehensive analysis of ontological metaphors found in the historical non-fiction texts in English. The study focuses on the analysis of English-language texts containing ontological metaphors to qualify a metaphorical portrait of the sources under study. The presented study is aimed at identifying the features of the ontological metaphor implementation in the context of historical non-fiction literature. To achieve this aim, the selected material was arranged in accordance with the already existing classification of conceptual metaphors to identify the most common types, as well as to clarify the specifics of the ontological metaphors functioning in the texts of the historical non-fiction genre.

Despite a significant number of papers on the study of metaphor from various angles, the problem of its complex analysis by taking into account the stylistic features of the analyzed material is not sufficiently disclosed. The relevance of the given study is also stipulated by the increasing interest in popular science and the historical non-fiction literature, in particular. The reference to the texts of the historical non-fiction register as a practical material is prompted by the importance of metaphor study and its functioning within the framework of the historical text, since metaphors are assumed to be treated as a link for the creation of an integral historical image and a narrative, significant for the interpretation of a historical event. Two historical non-fiction texts were selected as sources for the material under study: *Sapiens: A Brief History of Humankind* by Y.N. Harari and *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies* by J.M. Diamond. The number of words in the analyzed excerpts did not exceed 700. The total number of the analyzed words was 3500. The sampling was carried out using the Metaphor Identification Procedure (MIP). This procedure is implemented to identify whether the use of a lexical unit can be described as metaphorical in the context. In addition, the given study is carried out in compliance with the classification of ontological metaphors, developed within the framework of the Conceptual Metaphor Theory (CMT). The results of the study showed that the ontological metaphor is prevalent (64%), followed by the structural metaphor, which accounted for 32% of the total number of the identified conceptual metaphors. The orientational metaphor is presented in 4% of cases. Within the framework of ontological metaphors, the leading one is personification (70%). This ratio can be explained by the peculiarity of the information presentation in historical non-fiction texts, in which rationalization and comprehension of events and experiences of the past through the prism of their autonomy are of great importance.

Keywords: conceptual metaphor, ontological metaphor, English language, popular science literature, historical non-fiction

For citation: Soboleva, N.P. (2022) On the peculiarities of ontological metaphors functioning in historical non-fiction literature in English. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 185–198. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/8

Введение

Роль информации в жизни человечества неуклонно возрастает. Открытость и распространение знаний являются важной частью современного общества, при этом растет и актуальность научной и научно-популярной литературы (нон-фикшн). «Научно-популярный дискурс как производный от научного дискурса является прагматически ориентированным способом вербализации научного знания и характеризуется <...> способностью автора к эффективному использованию стратегий популяризации, поэтому при передаче определенного типа текста от адресанта к адресату происходит его интерпретация и осуществляется переработка научного знания» [1. С. 72]. Исследователи и популяризаторы науки имеют свою целевую аудиторию и используют различные форматы передачи информации, однако их объединяет язык метафоры, который проникает в терминологическую систему и является неотъемлемым для построения научной картины мира. Метафора – явление общеязыковое и пронизывает собой различные виды

текста «начиная с поэтической речи и публицистики и кончая языками разных отраслей научного знания» [2. С. 6]. Согласно определению С.Л. Мишлановой метафора в научно-популярном дискурсе – «когнитивно-коммуникативная структура, производная по отношению к научному дискурсу, представляющая в научно-популярном дискурсе обработанное при помощи стратегий популяризации научное знание» [3. С. 25].

Метафора основана на взаимодействии «когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)» [4. С. 9]. «В системе языка когнитивная метафора представлена различными по структуре образными единицами: языковыми метафорами, устойчивыми образными сравнениями различной структуры, образными словами с метафорической внутренней формой, двухкомпонентными образными номинациями, идиомами, перифразами» [5. С. 5]. Метафора в научно-популярном тексте помогает читателю структурировать полученные знания. Отсюда особое положение в текстах литературы нон-фикшн занимают онтологические метафоры, которые являют своего рода проекцию свойств реальных предметов на абстрактные сущности и «необходимы для попыток рационального осмысления нашего опыта» [4. С. 50], в том числе «различных аспектов ментального опыта» [4. С. 53]. Иными словами, метафору, в особенности метафору онтологическую, можно сравнить с инструментом для эффективной передачи знаний, способствующим развитию научной коммуникации. В связи с этим представляется важным провести комплексное исследование концептуальных метафор в научно-популярном тексте.

Целью исследования является анализ англоязычных текстов, содержащих онтологическую метафору, для квалификации метафорического портрета изучаемых источников: представленное исследование направлено на выявление особенностей реализации данной концептуальной метафоры в контексте исторической нон-фикшн литературы. Для достижения поставленной цели отобранный материал был упорядочен в соответствии с уже существующей классификацией концептуальных метафор для выявления наиболее употребительных, а также уточнения специфики функционирования онтологических метафор в текстах жанра исторический нон-фикшн.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению метафоры с различных сторон, проблема ее комплексного рассмотрения с учетом стилистических особенностей анализируемого материала недостаточно раскрыта. Кроме того, актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом современного общества к научно-популярной литературе, в том числе в жанре исторический нон-фикшн. Обращение к текстам жанра исторический нон-фикшн в качестве практического материала также мотивировано значимостью метафоры и изучения ее функционирования в рамках исторического текста, поскольку метафора представляется в качестве связующего звена для создания некоего целостного исторического образа и далее – нарратива, чтобы задать «интерпретацию того или иного исторического события» [6. С. 27].

Методы

В настоящее время изучение метафоры охватывает различные области научного познания. Современные исследователи обращаются к анализу текстов различной жанровой и целевой направленности: традиционно проводятся исследования на материале художественного и поэтического текста [7–10], массмедиа [11–12], рекламы [13] и др. Проблема изучения метафоры в научном и научно-популярном текстах освещается в работах отечественных авторов [1, 3, 14–16] и зарубежных исследователей [17–19]. Ряд ученых отмечает, что «по своей природе метафора больше присуща художественному тексту. Но и в текстах научно-популярного стиля она находит своё место, помогая заменить сложную узконаучную терминологию более понятными образами и делая сухой научный текст более легким для восприятия» [20. С. 309]. Среди стилистической специфики научно-популярного текста отмечаются «использование общенаучной лексики, отказ от узкоспециальных терминов в пользу описательных конструкций, а также использование средств выразительности: метафор, сравнений – для создания образов» [20. С. 309]. Метафора, в том числе онтологическая, и ее функционирование в научном историческом дискурсе исследуются в работах У.В. Ручиной [16], Н.А. Мишанкиной [6] на материале русского, а также рядом исследователей на материале английского языка [19].

В данном исследовании теоретико-методологической базой является теория концептуальной метафоры (СМТ) Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в рамках которой различаются метафоры структурные («когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [4. С. 35]), ориентационные или пространственные («придают концепту пространственную ориентацию» [4. С. 35]) и онтологические («способы восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [4. С. 49]). Последние являются объектом нашего исследования: с помощью онтологической метафоры мы рассуждаем об абстрактных вещах как об автономных сущностях, что позволяет рационально осмыслить полученный нами опыт. В связи с этим мы можем говорить о персонификации как об одном из самых очевидных случаев реализации онтологической метафоры [4]. Онтологические метафоры, представляющие идеи, события, эмоции и т.д. как автономные сущности, могут служить следующим целям: «отсылке к номинации», «количественной оценке», «определению аспекта рассмотрения», «определению причин», «определению целей и мотивации действий» [4. С. 50–52]. Еще одной важной разновидностью онтологической метафоры является метафора вместилища, которая «<...> выступает основой для понимания единиц языка как единства формы (объект) и содержания (вещество)» [15. С. 45]. Исследователи также концептуализируют поле зрения (“visual field”), различные виды деятельности и состояний в качестве вместилища [4. С. 56–58]. Классификация онтологических метафор согласно теории концептуальной метафоры [4] представлена ниже в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1

В рамках данного исследования мы обратились к анализу текстов работ историка-медиевиста Юваля Ноа Харари и американского эволюционного биолога и физиолога Джареда Мейсона Даймонда, написанных в жанре исторический нон-фикшн: и “Sapiens: A Brief History of Humankind” [21] (рус. «Sapiens: Краткая история человечества» [22]) и “Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies” [23] (рус. «Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ» [24]). Выбор данных книг в качестве текстов для анализа предоставляет богатый материал для исследования. Объем анализируемых отрывков не превышал 700 слов, количество отрывков составило 5 единиц на каждое произведение. Общий объем – 3500 слов.

Представленное нами исследование было реализовано с опорой на следующие словари: Oxford Advanced Learner’s Dictionary [25]; Cambridge English Dictionary [26].

Для отбора практического материала мы использовали процедуру идентификации метафоры (“metaphor identification procedure” – MIP) [27], которая была позже развернута в монографии “A method for linguistic metaphor identification: from MIP to MIPVU” [28]. «Процедура позволяет установить возможность описания каждой языковой единицы в рамках дискурса как метафорической, фигурирующей в конкретном контексте»¹. К достоинствам MIP относятся понятные критерии отбора образных единиц языка, которые представлены в виде пошаговой инструкции распознавания метафор в тексте [27. P. 3]: на первом этапе необходимо прочитать и осмыслить анализируемый текст; на втором – выявить лексические единицы в тексте; на третьем – установить контекстуальное значение языковых единиц с учетом их лексического окружения, а также определить современное базовое значение каждой единицы. В рамках данного этапа следует выяснить,

¹ The procedure aims to establish, for each lexical unit in a stretch of discourse, whether its use in the particular context can be described as metaphorical [27. P. 2]

насколько контекстуальное значение лексической единицы контрастирует с её так называемым «базовым значением» (“basic meaning”); на заключительном этапе языковая единица считается метафорической в случае, если есть перенос и её базовое значение контрастирует со значением контекстуальным. Необходимо пояснить, что под базовым значением понимается словарное использование языковой единицы.

Итак, обратимся к проведенному нами исследованию текстов в жанре исторический нон-фикшн.

Результаты

Приведем анализ четырех отрывков с наиболее яркими примерами из книг Ю.Н. Харари [21] и Дж.М. Даймонда [23].

(а) Детали:

Текст #1.

Название текста: “Up to the Starting Line” («Стартовая линия»); источник: книга “Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies” (рус. «Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ»); формат: письменный (печатный); жанр: исторический нон-фикшн; дата публикации: 1999 г.; объем текста: 700 слов [23. Р. 35–37].

Текст #2.

Название текста: “The Tree of Knowledge” («Древо познания»); источник: книга “Sapiens: A Brief History of Humankind” (рус. «Sapiens: Краткая история человечества»); формат: письменный (печатный); жанр: исторический нон-фикшн; дата публикации: 2014 г.; объем текста: 700 слов [21. Р. 27–28].

Текст #3.

Название текста: “How to Make an Almond” («Как сделать миндальный орех»); источник: книга “Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies” (рус. «Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ»); формат: письменный (печатный); жанр: исторический нон-фикшн; дата публикации: 1999 г.; объем текста: 700 слов [23. Р. 115–117].

Текст #4.

Название текста: “The Arrow of History” («Стрела истории»); источник: книга “Sapiens: A Brief History of Humankind” (рус. «Sapiens: Краткая история человечества»); формат: письменный (печатный); жанр: исторический нон-фикшн; дата публикации: 2014 г.; объем текста: 700 слов [21. Р. 162–163].

(б) Ресурсы:

Нами были использованы словари Oxford Advanced Learner’s Dictionary [25] и Cambridge English Dictionary [26].

(в) Результаты проведенного анализа

Текст #1.

В тексте были зафиксированы случаи реализации структурных, ориентационных и онтологических метафор. Наиболее частотной разновидностью оказалась онтологическая метафора, а именно персонификация: она составила более 50% всех случаев использования метафоры в тексте.

По аналогии с академическим текстом, где распространенность персонификации свидетельствует об особенностях организации подачи информации, данная разновидность метафоры также является характерной для исторического текста научно-популярного жанра. Рассмотрим наиболее яркие примеры функционирования концептуальной метафоры в тексте.

Персонификация: Hence **this chapter will offer** a whirlwind tour of human history on all the continents, for millions of years, from our origins as a species until 13,000 years ago (глава «предложит» отправиться в головокружительное путешествие); One would certainly assume that **the colonization of Asia also permitted** the simultaneous colonization of Europe, since Eurasia is a single landmass not bisected by major barriers (колонизация «позволила»); **that announcement challenges other scientists** to beat the claim by finding something still earlier (это заявление «бросает вызов» другим исследователям); **Fossils indicate** that the evolutionary line leading to us had achieved a substantially upright posture by around 4 million years ago (ископаемые «указывают»).

Онтологическая метафора вместилища: **All of that human history**, for the first 5 or 6 million years after our origins about 7 million years ago, **remained confined** to Africa (история как отношение «объект» – «вместилище»).

Структурная метафора: **a whirlwind tour of human history** (рассмотрение истории как захватывающего путешествия), **the earliest stages of human evolution were also played out** in Africa (эволюция как пьеса или театрализованное представление).

Ориентационная метафора: As of then, **did the people of some continents already have a head start or a clear advantage over peoples of other continents?** (имели ли люди, проживающие на одних континентах, преимущество перед обитателями других?)

Текст #2.

Как и в первом отрывке, в данном тексте наиболее распространенным случаем использования концептуальной метафоры является персонификация. Еще одной частотной разновидностью стала структурная метафора. Обратимся к примерам из проанализированного отрывка:

Персонификация: **The most commonly believed theory argues** that accidental genetic mutations changed the inner wiring of the brains of Sapiens, enabling them to think in unprecedented ways and to communicate using an altogether new type of language (теория «утверждает»); **The period** from about 70,000 years ago to about 30,000 years ago **witnessed** the invention of boats, oil lamps, bows and arrows and needles (essential for sewing warm clothing) (период «засвидетельствовал»); **accidental genetic mutations changed** the inner wiring of the brains of Sapiens, **enabling them to think** in unprecedented ways **and to communicate** using an altogether new type of language (цепь случайных генетических мутаций «изменила связи в головном мозге Homo Sapiens, дав им возможность по-новому мыслить и коммуницировать <...>»).

Онтологическая метафора с целью количественной оценки: They looked like us, but **their cognitive abilities** – learning, remembering, communicating –

were far more limited (способности к познанию как некий ограниченный объект).

Онтологическая метафора с целью определения аспекта рассмотрения: *some Sapiens groups* migrated north to the Levant, which was Neanderthal territory, but *failed to secure a firm footing* (освоение новых территорий как попытка укоренения и обретения стабильности (ощущения «твёрдой почвы под ногами»)).

Структурная метафора: *the Sapiens* eventually *retreated, leaving the Neanderthals as masters* of the Middle East (миграция как военная операция); Most researchers believe that *these unprecedented accomplishments were the product of a revolution in Sapiens' cognitive abilities* (достижения как результат революционных (кардинальных) изменений).

Текст #3.

В рамках исследуемого текста ведущими разновидностями метафоры являются персонификация и структурная метафора. В анализируемом тексте речь идет об «одомашнивании» съедобных растений и процессе их распространения. Отличительная черта данного отрывка – использование автором терминологии из сферы маркетинга для описания диссеминации таких растений: “While some plant species have seeds adapted for <...> many other *trick an animal into carrying their seed, by wrapping the seed in a tasty fruit and advertising the fruit's ripeness* by its color or smell.”; (*animal*) *consumers*; *a conscious intent of attracting* (birds). Рассмотрим концептуальные метафоры, представленные в тексте.

Персонификация: *plant domestication goes back over 10,000 years* (одомашнивание растений «существует»); *oak trees continue to defeat* our brightest agronomists (дубы «побеждают»); *plant species* <...> *trick an animal* into carrying their seed (некоторые виды растений «обманывают»).

Структурная метафора: *oaks* sought for their edible acorns in many parts of the world, *remain untamed* even today (описание растений в категориях обращения с животными); While some *plant species* have seeds adapted for being carried by the wind or for floating on water, many other *trick an animal into carrying their seed, by wrapping the seed in a tasty fruit and advertising the fruit's ripeness* by its color or smell (диссеминация растений как рекламная кампания с целью продажи и распространения товара); (*animal*) *consumers* (животные как «потребители товаров»); *plants* don't have that option, so they *must somehow hitchhike* (распространение видов растений как «путешествие автостопом»).

Текст #4.

Ведущим приемом является персонификация, которая составила больше половины всех случаев реализации концептуальной метафоры в данном отрывке. Обратимся к примерам.

Персонификация: *human societies grew* ever larger and more complex (общества «растут и развиваются»); *Myths and fictions accustomed people* (мифы и нарративы «приучили» людей); *cultures* <...> *just kept going at the same pace and in the same direction* («культуры продолжали «двигаться

теми же темпами в том же направлении»); *The culture may transform itself in response to changes* (культура «меняет себя»); *Cultures are constantly trying to reconcile* these contradictions (культура как «дипломатический посредник»).

Структурная метафора: This *network of artificial instincts* is called *culture* (культура как сеть); Cultures are constantly trying to reconcile these contradictions, and *this process fuels change* (противоречия как «топливо» - причина культурных изменений).

Ниже представлено процентное соотношение случаев использования онтологических метафор, зафиксированных в десяти отрывках. Данные, проиллюстрированные в виде диаграммы, отражают количество реализованных метафор безотносительно количества слов, входящих в состав их метафоризованного контекста (“metaphor-related words”) (рис. 2).

Результаты исследования показали, что превалирует онтологическая метафора (64%), далее следует структурная метафора, которая составила 32% от общего количества зафиксированных концептуальных метафор (рис. 2). Ориентационная метафора представлена в 4% случаев. В рамках онтологических метафор ведущей является персонификация (70%) (рис. 3). Такое соотношение может объясняться особенностью подачи информации в текстах жанра исторический нон-фикшн, где важными представляются рационализация и осмысление событий и опыта прошлого через призму их автономии.

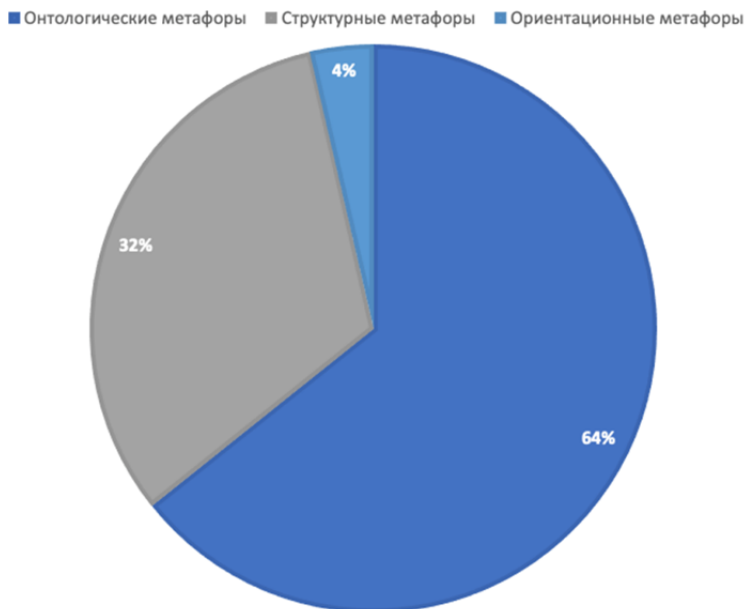

Рис. 2. Процентное соотношение разновидностей концептуальных метафор в текстах жанра исторический нон-фикшн

Рис. 3. Процентное соотношение разновидностей онтологических метафор в текстах жанра исторический нон-фикшн

Итак, в качестве специфики функционирования метафор в проанализированных текстах жанра исторический нон-фикшн важно отметить обилие онтологических метафор в противовес пространственным (ориентационным), при этом последние распространены в других типах дискурса (например, политическом, экономическом) и необходимы для суждений о культурных и материальных ценностях общества, при обсуждении конфликтных ситуаций и пр. [29].

Обсуждение

За последнее время возрос интерес к исследованию концептуальной метафоры в текстах естественно-научной и медицинской направленности, меньший упор делался на изучение метафоры в научном, а в особенности научно-популярном гуманитарном тексте, который также представляется метафоричным по своей сути.

Ученые, исследующие функционирование концептуальной метафоры в научном историческом дискурсе на материале русского языка [6, 16], в свою очередь, отмечают значимость антропоморфной метафоры (персонификации) как опорной модели в рамках «индивидуально-авторского моде-

лирования образа» [16. С. 28], а также роль «целостной метафорической модели объекта описания», которая может «формировать отношение к тому или иному событию, явлению или феномену» [6. С. 32]. Это является принципиально важным для интерпретации текстов исторической направленности. Кроме того, указываются и следующие особенности исторического научного текста, содержащего метафору: во-первых, его «оценочность» [6. С. 32]; во-вторых, апеллирование к «объективации» информации [6. С. 28]. Об этом свидетельствует активное использование онтологических метафор сущности и субстанции с разными целями.

Выводы

Таким образом, онтологическая метафора, реализованная в текстах жанра исторический нон-фикшн, является одним из эффективных инструментов передачи знаний, а также связующим звеном, объединяющим в одно достоинства различных стилей, а именно: академического, художественного и публицистического. Согласно результатам проведенного нами исследования ведущей по частотности употребления стала персонификация, далее следуют структурные метафоры, а также метафоры сущности и субстанции. К особенностям использования метафор в научно-популярных исторических текстах можно отнести превалирование онтологических метафор над другими разновидностями, что обусловлено особенностями подачи материала и важностью осмысления прошлого посредством наделяния автономией различных явлений и событий. В целом мы видим необходимость дальнейших комплексных исследований на материале текстов различной жанровой принадлежности, прежде всего на материале разноструктурных языков, чтобы увидеть более полную картину функционирования концептуальных метафор в сопоставительном аспекте.

Список источников

1. Занина М.А. Метафоризация в научно-популярном дискурсе // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 9. Вып. 3. С. 72–77.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / ред. Н.Д. Арутюнова, М.А. Журиная. М., 1990. С. 5–32.
3. Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь : Изд-во ПГУ, 2008. 428 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета, 2015. № 396. С. 5–13.
6. Мишанкина Н.А. Метафора как инструмент моделирования конфликтного исторического события в научном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4 (16). С. 20–33.
7. Kövecses Z. A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics // Cognitive Linguistics. 2010. Vol. 21, Iss. 4. P. 663–697.

8. Zorina A.V., Shamsutdinova E.K., Sabirova D.R. Original metaphors and their functions in the novel theatre by W.S. Maugham // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019. Vol. 10 (4). P. 271–275.
9. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T. Metaphor in usage // *Cognitive Linguistics*, 2010. Vol. 21 (4). P. 765–796.
10. Soboleva N.P., Vinnikova M.N. On the translation of metaphor and simile in D. Tartt's Novel "the goldfinch" // *Journal of Research in Applied Linguistics*. 2019. Vol. 10 (Special Issue). P. 169–176.
11. Verbytska A. Metaphorical profile of distress in English media discourse // *Topics in Linguistics*. 2017. Vol. 18 (2). P. 48–62.
12. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Прагматический аспект метафор, используемых в СМИ // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2018. № 4 (32). С. 75–81.
13. Sweetser E. Metaphor and metonymy in advertising: Building viewpoint in multimodal multi-space blends // *Journal of Pragmatics*, 2017. Vol. 122. P. 65–76.
14. Карташова А.В. Метафорическая модель и возможности ее реализации в научном тексте // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. Вып. 3 (31). С. 153–156.
15. Мишанкина Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2009. № 324. С. 41–49.
16. Ручина У.В. Онтологические метафоры в научном историческом тексте (на материале «Полного курса лекций по русской истории» С.Ф. Платонова) // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 317. С. 25–28.
17. Alexander M., Dallachy F., Piao S., Baron A., Rayson P. Metaphor, popular science and semantic tagging: Distant reading with the historical thesaurus of English // *Digital Scholarship Humanities*. 2015. Vol. 30. P. 16–27.
18. Knudsen S. Scientific metaphors going public // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35, Iss. 8. P. 1247–1263.
19. Curthoys A., Docker J. The two histories: Metaphor in English historiographical writing // *Rethinking History*. 1997. Vol. 1, Is. 3. P. 259–273.
20. Большакова Н.Ф., Придчина-Гершкович М.А., Сажина М.М. Границы интерпретации при переводе метафор с английского языка на русский // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 5-2 (83). С. 308–311.
21. Harari Y.N. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. McClelland & Stewart, 2014. 427 p.
22. Харари Ю.Н. *Sapiens: Краткая история человечества*. М. : Синдбад, 2016. 570 с.
23. Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London : W.W. Norton & Company, 1999. 496 p.
24. Даймонд Дж. *Ружья, микробы и сталь: История человеческих сообществ*. М. : АСТ, 2010. 604 с.
25. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/>
26. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
27. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2007. № 22 (1). P. 1–39.
28. Steen G.J. [et al.] *Method for Linguistic Metaphor Identification: from MIP to MIPVU*. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. 253 p.
29. Русова И.А. Ориентационная метафора в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 139–147.

References

1. Zanina, M.A. (2012) Metaforizatsiya v nauchno-populyarnom diskurse [Metaphorization in popular science discourse]. *Vestnik SPbGU – Vestnik SPbSU*. Ser. 9. 3. pp. 72–77.
2. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
3. Mishlanova, S.L. & Utkina, T.I. (2008) *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskiy, kognitivno-kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekty)* [Metaphor in popular scientific medical discourse (semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects)]. Perm: PSU.
4. Lakoff, J. & Johnson, M. (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov & A.V. Morozova. Moscow: Editorial URSS.
5. Borovkova, A.V. (2015) Food metaphor as a means of expressing evaluation and values (based on the figurative lexis and phraseology of the Russian language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/396/1
6. Mishankina, N.A. (2011) Metafora kak instrument modelirovaniya konfliktного istoricheskogo sobytiya v nauchnom diskurse [Metaphor as a modelling tool of conflict-historical event in scientific discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (16). pp. 20–33.
7. Kövecses, Z. (2010) A new look at metaphorical creativity in cognitive linguistics. *Cognitive Linguistics*. 21 (4). pp. 663–697.
8. Zorina, A.V., Shamsutdinova, E.K. & Sabirova, D.R. (2019) Original metaphors and their functions in the novel theatre by W.S. Maugham. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 10 (4). pp. 271–275.
9. Steen, G.J., Dorst, A.G., Herrmann, J.B., Kaal, A.A. & Krennmayr, T. (2010) Metaphor in usage. *Cognitive Linguistics*. 21 (4). pp. 765–796.
10. Soboleva, N.P. & Vinnikova, M.N. (2019) On the translation of metaphor and simile in D. Tartt’s Novel “The Goldfinch”. *Journal of Research in Applied Linguistics*. 10 (Special Issue). pp. 169–176.
11. Verbytska, A. (2017) Metaphorical profile of distress in English media discourse. *Topics in Linguistics*. 18 (2). pp. 48–62.
12. Borodulina, N.Yu. & Makeeva, M.N. (2018) Pragmatic aspect of metaphors used in mass media. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 4 (32). pp. 75–81. (In Russian).
13. Sweetser, E. (2017) Metaphor and metonymy in advertising: Building viewpoint in multimodal multi-space blends. *Journal of Pragmatics*. 122. pp. 65–76.
14. Kartashova, A.V. (2013) Metaphorical model and its functioning in the scientific text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (31). pp. 153–156. (In Russian).
15. Mishankina, N.A. (2009) Metaphorical models of a linguistic discourse *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 324. pp. 41–49. (In Russian).
16. Ruchina, U.V. (2008) Ontological metaphors in scientific historical text (on the material of “The Complete Course of Russian History” by S.F. Platonov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 317. pp. 25–28. (In Russian).
17. Alexander, M., Dallachy, F., Piao, S., Baron, A. & Rayson, P. (2015) Metaphor, popular science and semantic tagging: Distant reading with the historical thesaurus of English. *Digital Scholarship Humanities*. 30. pp. 16–27.

18. Knudsen, S. (2003) Scientific metaphors going public. *Journal of Pragmatics*. 35 (8). pp. 1247–1263.
19. Curthoys, A. & Docker, J. (1997) The two histories: Metaphor in English historiographical writing. *Rethinking History*. 1 (3). pp. 259–273.
20. Bol'shakova, N.F., Pridchina-Gershkovich, M.A. & Sazhina, M.M. (2018) Granitsy interpretatsii pri perevode metafor s angliyskogo yazyka na russkiy. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 5–2 (83). pp. 308–311. (In Russian).
21. Harari, Y.N. (2014) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. McClelland & Stewart.
22. Harari, Y.N. (2016) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Translated from English. Moscow: Sindbad.
23. Diamond, J. (1999) *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London: W.W. Norton & Company.
24. Diamond, J. (2010) *Ruzh'ya, mikroby i stal': Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Translated from English by M. Kolopotin. Moscow: AST.
25. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/>
26. *Cambridge Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/>
27. Pragglejaz Group. (2007) MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*. 22 (1). pp. 1–39.
28. Steen, G.J. [et al.] (2010) *Method for Linguistic Metaphor Identification: from MIP to MIPVU*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
29. Rusova, I.A. (2011) Orientational metaphor in political discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (38). pp. 139–147. (In Russian).

Информация об авторе:

Соболева Н.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: NPSoboleva@kpfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.P. Soboleva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: NPSoboleva@kpfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.08.2020;
одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 30.08.2020;
approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 81; 81'37; 81'23
doi: 10.17223/19986645/76/9

Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева

**Елена Андреевна Юрина^{1, 2}, Айгуль Досжановна Жакупова³,
Акбота Омиржановна Мукашева⁴**

¹ *Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

^{3, 4} *Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан*

^{1, 2} *yourina2007@yandex.ru*

³ *aygul.zhakupova@yandex.kz*

⁴ *muk-ak-om@mail.ru*

Аннотация. Анализируются способы текстовой репрезентации, возможности содержательной интерпретации и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева 2012–2019 гг. «Социальная модернизация» и «Общество Всеобщего Труда» в когнитивно-прагматическом, семиотическом и психолингвистическом аспектах. С опорой на труды основоположников политической лингвистики уточняются терминологический аппарат и методика анализа лексической структуры политического текста в когнитивно-прагматическом аспекте. Результаты исследования верифицируются на основании данных серии психолингвистических экспериментов.

Ключевые слова: политический текст, идеологема, концепт, аксиология, президентский дискурс, Н.А. Назарбаев, психолингвистический эксперимент

Для цитирования: Юрина Е.А., Жакупова А.Д., Мукашева А.О. Интерпретационный и воздействующий потенциал ключевых идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 199–229. doi: 10.17223/19986645/76/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/76/9

Interpretive and influential potential of key ideologemes in the presidential discourse of Nursultan Nazarbayev

Elena A. Yurina^{1,2}, Aigul D. Zhakupova³, Akbota O. Mukasheva⁴

¹ *Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

^{3,4} *Sh. Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan*

^{1,2} *yourina2007@yandex.ru*

³ *aygul.zhakupova@yandex.kz*

⁴ *muk-ak-om@mail.ru*

Abstract. The article presents a study of the key ideologemes of the presidential discourse of Nursultan Nazarbayev in cognitive-pragmatic, semiotic and psycholinguistic aspects. It is the first time when an attempt is made to identify the key ideologemes of the political discourse of the first president of Kazakhstan and to substantiate their special status as set reproducible formulas of political discourse with influencing potential and an extremely laconic verbal form expressing the main content of political doctrine in the unity of its conceptual and axiological meanings. The object of the research is the interpretive potential of the ideologemes “Social Modernization” and “Society of Universal Labor”. The objectives of the research are aimed at: (1) describing the linguistic means of the ideologemes’ discursive implementation, (2) modeling their conceptual structure, (3) characterizing the conceptual and axiological meanings they contain, (4) studying meta-linguistic reflection on the content of the presidential discourse’s ideologemes given by ordinary citizens of Kazakhstan. The social and political publications of Nazarbayev are the material of the research. The concept and ideologeme are considered as mental units objectified in the text with the help of linguistic means and implementing the political doctrine of the first president. The cognitive approach made it possible to consider the interpretive potential of these ideologemes, which consists in their functional focus on the semantic compression of the ideological program to the content of a number of ideologemes; the pragmatic approach is associated with the analysis of the influencing potential, which consists in the ability of ideologemes to attract and retain the attention of the addressee, to appeal to values and anti-values, to evoke an emotional response. The cognitive-discursive model of the mentioned ideologemes is presented: the mega-concept “Society”, which has a multi-level hierarchical organization, including ideologically colored concepts “Modernization” and “Labor”, as well as an axiological complex of the opposed values and anti-values. The semiotic approach to the analysis of the ideologemes made it possible to reveal their intercultural and intertextual connections with other set ideologemes and mythologemes (“welfare society”, “to each according to their work”, etc.). In order to verify the results obtained, a preliminary non-directed associative experiment and a widespread psycholinguistic directed associative experiment on the perception of the ideologeme “Society of Universal Labor” were conducted in different age groups of Kazakhstanis – native speakers of the Russian language (Kokshetau, Kazakhstan) (300 informants in total). The total number of reactions (452 verbal units) models the associative field of the ideologeme “Society of Universal Labor” and represents the interpretive

potential of this ideologeme, realized in the collective (public) meta-linguistic awareness.

Keywords: political discourse, ideologeme, concept, axiology, presidential discourse, Nursultan Nazarbayev, psycholinguistic experiment

For citation: Yurina, E.A., Zhakupova, A.D. & Mukasheva, A.O. (2022) Interpretive and influential potential of key ideologemes in the presidential discourse of Nursultan Nazarbayev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 199–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/9

Введение

В условиях усиления роли политики в современном обществе активно изучается дискурс политических лидеров разного уровня, в том числе – президентский дискурс, охватывающий собственно речевую деятельность президента (узкий подход), а также речь иных участников политической коммуникации, направленную на создание образа президента в общественном сознании граждан (широкий подход) [1. С. 44–45]. Повышенное внимание к президентскому дискурсу обусловило необходимость широкого и полного изучения в казахстанской и российской лингвистике трудов Нурсултана Абишевича Назарбаева, занимавшего пост президента Казахстана в период 1990–2019 гг.

Значимость лингвополитического исследования речи первого президента Республики Казахстан определяется не только масштабом личности Н.А. Назарбаева и его особой миссией по созданию суверенного государства на постсоветском пространстве. Она также обусловлена уникальностью языковой ситуации Казахстана как многоязычного и многонационального государства, проявившейся в особой государственной политике трёхязычия (казахский, русский, английский) и билингвальном статусе языковой личности первого президента (русско-казахский), что повлекло создание и функционирование параллельных русских и казахских текстов в медийном пространстве политической коммуникации. Н.А. Назарбаев является автором более 140 трудов общественно-политического характера, созданных на русском и казахском языках.

На текущий момент дискурс Н.А. Назарбаева исследован с точки зрения основной тематики и новой политической терминологии как средства формирования идейно-ценностной картины в общественном сознании [2]; изучены дискурсивный образ главы государства и результаты его дискурсивной политической деятельности [3]; представлен опыт моделирования «гуманитарного» дискурса президента [4]; рассмотрены историко-политологические аспекты президентской речи [5]; реализованы социологический, политологический, лингвосомиотический аспекты анализа.

В статье исследуются ключевые идеологемы президентского дискурса Н.А. Назарбаева в когнитивно-прагматическом, семиотическом и психолингвистическом аспектах. Впервые осуществляется попытка выявить

ключевые идеологемы политического дискурса первого президента Казахстана, обосновать их особый статус в качестве устойчивых воспроизводимых формул политического дискурса, обладающих воздействующим потенциалом и несущих в предельно лаконичной вербальной форме основное содержание политической доктрины в единстве её понятийных и ценностных смыслов. Эта общая цель конкретизируется в ряде задач, связанных с изучением интерпретационного потенциала идеологем «Социальная модернизация» и «Общество Всеобщего Труда» путем: 1) описания языковых средств их дискурсивной реализации; 2) моделирования концептуальной структуры; 3) характеристики заключенных в них понятийных и аксиологических смыслов; 4) исследования метаязыковой рефлексии рядовых граждан Казахстана по поводу содержания идеологем президентского дискурса.

Материал исследования составили общественно-политические публикации (статьи, программы, обращения), раскрывающие суть политической концепции президента и направленные на формирование общественно значимой идеологии [6–8]. В текстах указанных работ регулярно воспроизводятся устойчивые идеологемы «Социальная модернизация» и «Общество Всеобщего Труда», которые концептуализируют ключевые смыслы политической программы президента. Подробно представлен анализ данных идеологем на материале программной статьи «Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» (2012), открывающей серию указанных публикаций.

1. Основные термины и методология

Одним из основных средств выражения идеологической концепции политика являются **идеологемы**, которые, по определению И.Т. Вепревой и Т.А. Шадринной, представляют собой «языковую или речевую единицу, нагруженную идеологическими (политическими) смыслами» [9. С. 124] и являются, по точному замечанию А.А. Карамовой, «языковой репрезентацией **идеологического концепта**» [10. С. 21].

Появление термина «идеологема» связано с именем философа и литературоведа М.М. Бахтина, который ввел его в научный оборот, придав ему терминологический статус применительно к идеям литературного произведения [11. С. 145–146]. Динамику лингвистического осмысления понятия идеологемы можно проследить по работам Н.А. Купиной (1995, 2005), Т.Б. Радбиля (1998), В.И. Карасика (2002), С.А. Журавлева (2004), А.П. Чудинова (2006, 2007), Н.И. Клушиной и Е.Г. Малышевой (2009), Е.А. Нахимовой (2011), Б.М. Пионтек (2012), Ю.А. Безродной (2013), А.А. Карамовой (2013), Т.В. Романовой (2019).

В середине 1990-х гг. вышла в свет монография Н.А. Купиной «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции», в которой детально проанализированы слова-идеологемы различных семантических сфер культуры. Извлеченная из толковых словарей идеологическая лексика послужила

языковым материалом, позволившим автору выявить влияние идеологии на язык, показать процесс трансформации идеологем в мифологемы, тем самым осмыслить механизмы влияния языка на процессы социализации личности, конструирования заданного ментального мира, манипулирования общественным сознанием. Под идеологемами Н.А. Купина понимает «лексические единицы, семантика которых включает идеологический микрокомпонент, то есть цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания)» [12. С. 8]. Связь идеологемы и мифологемы исследует в своей работе Т.Б. Радбиль [13].

А.П. Чудинов дифференцирует виды идеологем в зависимости от того, однозначно или неоднозначно они понимаются и используются сторонниками различных политических взглядов [14. С. 47]. Е.Г. Мальшева рассматривает общеупотребительные «универсальные» идеологемы, одинаково воспринимаемые практически всеми носителями языка независимо от их партийной принадлежности и политических взглядов [15. С. 38]. А.А. Карамова предложила классификацию идеологем по месту идеологического компонента в структуре семантики номинативной единицы (слова или фразеологизма) [10. С. 21–23].

В работах вышеуказанных авторов углубляется методика исследования идеологем, предлагаются типологии идеологем по разным основаниям, детализируются различные подходы к интерпретации данного феномена. Ученые сходятся во мнении, что идеологема представляет собой номинативную единицу (слово, словосочетание, предложение, текст), содержащую в своем значении «идеологический денотат» [16. С. 91], «идеологический компонент» [17. С. 74], «идеологический микрокомпонент» [18. С. 153].

Историко-функциональный аспект исследования идеологем представлен в работах С.А. Журавлева, который выделяет диахронические, синхронические и описательные идеологемы [19]. Семиотический аспект исследования идеологемы как знака культуры разрабатывается М.В. Новак [20]. Функционально-коммуникативный подход к исследованию идеологем прослеживается в работах Н.И. Клушиной [21], Б.М. Пионтек [22], А.Ю. Безродной [23]. По мнению Н.И. Клушиной, основным назначением идеологемы является ее влияние на формирование в обществе определенной устойчивой идеологии: посредством идеологем осуществляется «целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата с помощью заранее заданной идеи», которая, в свою очередь, «ориентирует массовое сознание в заданном направлении» [21. С. 34–35]. Б.М. Пионтек рассматривает идеологему как «средство идеологического и политического влияния на социокультурную деятельность общественности и сплочения социума вокруг категории общественного блага» [22. С. 3]. По ее мнению, «идеологемы представляют собой застывшие в определенном вербальном облике общественно важные идеи и являются их кратким языковым переложением» [22. С. 7]. О социальной роли идеологемы пишет А.Ю. Безрод-

ная, указывая на то, что «через нее автор (говорящий) выражает свою точку зрения, делает попытку донести ее до читателя (слушающего) с целью повлиять на его мировоззрение, привнести в него коррективы, расширить его понятие о данном предмете, явлении» [23. С. 141].

Лингвокогнитивный подход применяет Е.Г. Малышева, рассматривая **идеологему** как мыслительную универсалию, как «единицу идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [15. С. 35]. Идеологема определяется как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [15. С. 35]. К основным признакам идеологемы как ментальной единицы ученый относит национальную специфичность, выраженную аксиологичность, динамичную семантику, а также разнообразие способов репрезентации не только вербально, но и с помощью знаков других семиотических систем и выделяет несколько разновидностей идеологем: с положительным аксиологическим модусом (*родина, флаг, отечество*), с отрицательным (*террор, фашизм*) и со смешанным аксиологическим модусом (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*), идеологемы-архетипы (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай II*) [15. С. 34]. Именно такое понимание идеологемы в рамках когнитивно-прагматического подхода положено в основу теоретико-методологической концепции, представленной в настоящем исследовании политического дискурса Н.А. Назарбаева.

Близкое по методологическим принципам исследование идеологем русского политического дискурса с использованием ресурсов корпусной лингвистики и программ автоматической обработки текста провела Т.В. Романова и его результаты представила в монографии «Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности» (2019). Автор рассматривает идеологемы как «ценностно мотивированные знаковые образования», которые «являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности, служащей основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий), единицей выражения которых являются аксиологемы» [24. С. 6]. В работе по данным различных дискурсивных практик подробно характеризуются такие идеологемы, как «Власть», «Общество», «Народ», «Толерантность» [24].

Некоторые исследователи предпринимают попытки разграничить понятия «концепт» и «идеологема», противопоставляя данные термины по ряду признаков: принадлежность языковой (концепт) и дискурсивной (идеологема) картинам мира, стихийное (концепт) и целенаправленное (идеологема) формирование и ряду других [21. С. 35–36; 23. С. 138–145]. По мнению

Е.Г. Малышевой, нет необходимости дифференцировать понятия «концепт» и «идеологема», так как «даже в рамках конкретного исследования не удастся избежать определения одного феномена через другой... и выработать какие-либо дефиниции, в которых по одним и тем же основаниям дифференцировались бы названные универсалии» [15. С. 35].

Понимая под концептом, «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой...» (см. подробнее в [25. С. 17]), считаем понятие концепта более широким, чем понятие идеологема, которая представляет собой идеологически окрашенный концепт или вариант общезыкового / общекультурного концепта, в силу чего лексические репрезентанты идеологема могут быть однозначно интерпретированы только в рамках определенной идеологии, социально-философской или политической доктрины.

Таким образом, развитие научных взглядов на понятие идеологема проходит путь от структурно-семантической (лексикоцентрической) до когнитивно-прагматической (текстоцентрической / дискурсоцентрической / культуроцентрической) интерпретации данного феномена. Эти подходы не противоречат друг другу, а последовательно углубляют и расширяют понимание природы идеологема как культурного, ментального, социально-политического и лингвистического феномена. Подводя итог историографическому обзору работ, посвященных анализу идеологем в политическом дискурсе, сформулируем собственное понимание используемых в работе терминов.

В соответствии с постулатом антропологической лингвистики о триединстве языка, культуры и мышления, термин идеологема, на наш взгляд, принадлежит одновременно трем этим ипостасям. Как единица языка – это элемент лексической структуры текста (слово, словосочетание, фразеологизм), репрезентирующий идеологически значимый и ценностно ориентированный концепт. Как единица ментальности это определенная структура знания (концепт), которая отражает представление о называемом номинативной единицей ценностном элементе идеологической картины мира, воплощенной в тексте. Как единица культуры идеологема исторически формируется в идеологически окрашенном типе дискурса (политическом, социально-философском, социально-публицистическом и т.п.) с целью влияния на ход общественной мысли и управления социальными процессами, обретая при этом определенные смысловые и оценочные фиксации, становясь мифологемой, аксиологемой, знаком определенной эпохи и политической доктрины.

Рассматривая концептуальную структуру идеологем в содержательном аспекте (когнитивный подход), мы будем говорить об **интерпретационном потенциале идеологем**, который состоит в их функциональной направленности на смысловую компрессию идеологической программы до содержания идеологема / ряда идеологем с последующим смысловым развертыванием политического текста на базе содержания идеологем. Праг-

матический подход связан с анализом **воздействующего потенциала**, который состоит в способности идеологом привлекать и удерживать внимание адресата, апеллировать к ценностям и антиценностям, вызывать эмоциональную реакцию, вовлекать в политическую коммуникацию.

Лексические репрезентанты идеологических концептов находятся в парадигматических отношениях (синонимических, гиперо-гипонимических, антонимических, мотивационных), вступают в синтагматические связи с другими словами в политическом тексте, их содержание пересекается, частично накладываясь друг на друга. В этой связи исследовательская задача состоит: 1) в определении состава и иерархии идеологем; 2) выделении идеологических концептов разного уровня по принципу соподчинения; 3) систематизации лексических репрезентаций идеологических концептов в лексико-семантические поля и текстовые парадигмы. Для этого используются методы частотного распределения лексем и количественных подсчетов, семантического анализа вербальных репрезентантов идеологем, концептуального анализа (пропозиционально-фреймового моделирования) по выделению понятийного ядра, периферии, ассоциативно-образных и аксиологических слоёв содержания. На этапе обобщающего синтеза моделируется иерархическая структура ключевых (наиболее содержательно значимых и количественно представленных) идеологических концептов, включающих по «принципу матрешки» содержание идеологем более частного порядка. В этой части исследования мы опираемся на методологию концептуального анализа, представленную в [25–30] и др.

Анализ текстовых репрезентаций идеологических концептов в функционально-прагматическом аспекте осуществляется путем комплексного лингвостилистического анализа, хорошо разработанного в коммуникативной стилистике текста [31]. Методологическую основу психолингвистического исследования составили труды А.А. Залевской [32], А.С. Герда [33], И.В. Тубаловой [34].

2. Ключевые идеологемы президентского дискурса Н.А. Назарбаева

В программной статье «Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» от 10 июля 2012 г. Н.А. Назарбаев определил направление социального развития страны как поэтапное движение к формированию «Общества Всеобщего Труда» [6]. С этого момента в политический дискурс Казахстана прочно вошли выражения «*социальная модернизация*» и «*общество всеобщего труда*», с которыми устойчиво ассоциируются политическая программа президента и долгосрочная стратегия развития государства «Казахстан 2050», получившие освещение и развитие в последующих документах, обращениях и публикациях [6–8].

Представленные в названии статьи понятия и их языковые обозначения – «*социальная модернизация*» и «*общество всеобщего труда*» – соответствуют статусу ключевых идеологем президентского дискурса в силу семантической ёмкости и особой идеологической нагрузки: первое опреде-

ляет суть политических процессов обновления и позитивной трансформации общества, а второе задает образ идеального будущего как конечную цель намеченных социальных преобразований. Содержательное наполнение указанных идеологем подробно характеризуется в разделе 3 данной статьи.

О ключевом статусе также свидетельствуют регулярная воспроизводимость данных идеологем и частотная представленность в политической коммуникации. Так, в указанной статье термин «*социальная модернизация*» встречается 29 раз, а «*общество всеобщего труда*» хотя используется всего 7 раз, но в наиболее сильных коммуникативных позициях и экспрессивно окрашенных фрагментах текста (в названии, преамбуле, заключении), усиливается использованием прописных букв и шрифтового выделения. Высокой частотностью обладают лексические репрезентанты этих идеологем: *модернизация* – 59¹, *социальный* – 136, *общество* – 30, *труд* – 37. Высокочастотным является использование этих идеологем в современном медиадискурсе [35], научном политологическом и собственно политическом типах дискурса [36–37]. Поисковая система Яндекс выдает 8 миллионов результатов на поисковый запрос «Общество всеобщего труда в Казахстане» (дата обращения: 04.06.2021). Приведем в качестве примеров некоторые заголовки публикаций с указанием года издания: *Общество всеобщего труда – это хорошо... но кто будет трудиться и как?* (2012); *Социальная модернизация Казахстана – вектор стабильности и прогресса* (2013); *Идея «Общества всеобщего труда» как фактор индустриально-инновационного развития страны* (2015); *Строим общество всеобщего труда* (2017); *Трудности на пути к «Обществу всеобщего труда* (2019); *Обществом Всеобщего Труда стать непросто. Но...* (2020).

Остановимся подробнее на содержании ключевых идеологем и их текстовой репрезентации.

3. Когнитивно-прагматический аспект интерпретации идеологем «социальная модернизация» и «общество всеобщего труда»

По своему концептуальному и контекстуальному содержанию обе идеологемы тесно взаимосвязаны. Они базируются на единой понятийной основе, которую формирует мегаконцепт «Общество», так как идеологема «*социальная модернизация*» может быть перефразирована как «*модернизация общества*», а в структуре второй идеологемы лексической компонент *общество* является главным словом словосочетания, в то время как генитивный элемент *всеобщего труда* выступает в роли зависимого атрибутивного комплекса.

В основе анализируемых идеологем лежат три концепта: «Модернизация», «Общество», «Труд». Каждый из них имеет особую смысловую ор-

¹ Указывается абсолютное число употреблений номинаций с соответствующей корневой морфемой. Общее количество слов в статье, включая служебные, – 7 570.

ганизацию, а все вместе они формируют иерархическую структуру знания, моделирующую идеологическую концепцию заявленной политической программы. По своей сути концепты «Модернизация» и «Труд» представляют определенные социальные процессы, осуществляемые членами общества на благо общества, и входят в качестве отдельных фреймов в макроструктуру базового мегаконцепта «Общество».

3.1. Концепт «Общество» является основополагающей идеологемой любого политического дискурса. Анализируя соотношение идеологем *общество, государство, власть* в русском политическом дискурсе, Т.В. Романова приходит к выводу, что «идеологема общество, в отличие от идеологемы власть, имеет более позитивную оценочную составляющую: в русской языковой картине мира присутствует образ идеального общества, общества, к которому нужно стремиться» [24. С. 59]. Лексическими репрезентантами этого мегаконцепта выступает заглавная лексема **общество** (90)¹ – имя концепта, её производные **сообщество** (9), прилагательное **общественный** (30), иноязычные синонимы **социум** (1) и **социальный** (188), однокоренные прилагательные **всеобщий** (12). Данные единицы используются в составе следующих словосочетаний, демонстрирующих определенные типы общественной организации и детализацию общественной структуры: *Общество Всеобщего Труда, мировое сообщество, казахстанское общество, институты гражданского общества, бесконфликтное общество, потребительское общество, общественные блага, социальная модернизация, социальная защита* и др.

Анализ словарных дефиниций лексических репрезентантов позволяет выявить понятийное ядро концепта – базовый смысл, формирующий его логическую структуру. Лексическое значение слова **общество** определяется в словарях, как: 1) ‘совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни’; 2) ‘круг людей, объединенных общностью чего-л. (происхождения, положения, интересов и т.п.)’; 3) ‘группа людей, проводящих вместе время; компания’; 4) ‘объединение людей, ставящих себе какие-л. общие задачи; организация’ [38. 2. С. 577]. Как видим, каждый лексико-семантический вариант транслирует идею единства индивидов, совокупности отдельных личностей, объединенных общими условиями и/или задачами жизнедеятельности. Эта идея может быть обозначена формулой «мы / все вместе». Степень абстрактности значения определяется масштабом объединения людей от человечества в целом (мировое сообщество) до административно-политических, этнических, родовых, семейных, профессиональных, идеологических и прочих социальных групп. Самое широкое значение – социум, человеческое сообщество – определяется в философском словаре как «обособившаяся от природы часть материального мира, представляющая собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей» [39. С. 451].

¹ Здесь и далее указывается количество словоупотреблений.

Понятийное ядро концепта общество 'единство индивидов' конкретизируется и детализируется номинациями определенных общественных групп (сообществ) и их представителей. В анализируемых статьях Н.А. Назарбаева лексическими репрезентантами общественных структур и членов общества выступают такие номинации, как *Казахстан* (159), *государство* (104), *казахстанец* (59), *гражданин* (64), *народ* (56), *семья* (37), *нация* (52), используемые в составе словосочетаний *народ Казахстана*, *жизнь народа*, *здоровье народа*, *международный опыт*, *общенародный резонанс*, *социальное государство*, *государственные служащие*, *государственные органы*, *государственный фонд*, *государственные чиновники*, *каждый казахстанец*, *молодой и взрослый казахстанец* и др.

Наиболее частотными номинациями, конкретизирующими концепт «Общество» в президентском дискурсе Н.А. Назарбаева, являются названия государства *Казахстан* и его граждан – *казахстанцы*, *граждане*, *народ*.

(1) *Идеи о необходимости поднятия авторитета человека труда¹ я читаю в письмах казахстанцев, в откликах со всех уголков Казахстана на мое Послание [6]; Мы создаем такое справедливое общество, в котором каждый может сказать: «Я – казахстанец, и в своей стране для меня открыты все двери!» [8].*

Также частотной является лексема *государство* в значении 'политическая организация общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка'. В контексте официальной политической концепции намеренно снимается негативный аспект противостояния «народа и власти», «народа и государства»; формируется исключительно позитивный образ социального государства, обеспечивающего условия для улучшения качества жизни граждан и прогрессивного развития общества:

(2) *Государство создает условия для того, чтобы казахстанцы могли самостоятельно улучшать свое качество жизни. Государственная социальная поддержка направляется адресатам, чтобы побуждать их к трудовой, творческой и общественной активности [6].*

Идея единства, консолидации творческих усилий каждого гражданина как члена общества усиливается прилагательным *всеобщий* в составе ключевой идеологемы «Общество Всеобщего Труда», определительным местоимением *весь* как в составе морфемной структуры этого прилагательного, так и в синтаксической структуре высказываний:

(3) *Социальная модернизация требует сегодня ясного представления о возможных вызовах и рисках. И это должны понимать не только государственные служащие всех рангов, но и все общество, весь народ, для которого социальная модернизация и осуществляется [6].*

¹ В приведенных фрагментах текстов подчеркиванием выделены ценностно окрашенные дискурсивные элементы (аксиологемы).

Местоимение **каждый** переносит акцент на индивидуальных представителей общества, подчеркивая их значимость в общем деле:

(4) «*Эволюционное развитие как принцип идеологии должно быть одним из ориентиров и на личностном, индивидуальном уровне для каждого казахстанца*» [8].

Оно также актуализирует степень социальной ответственности индивида:

(5) *У нас в стране есть работа, и **каждый** желающий может ее найти. Более того, у нас **каждый** имеет возможность сам создать себе работу, позаботиться о себе* [7].

Смысловую периферию концепта «Общество» в составе рассматриваемой идеологемы формирует содержание менее частотных номинаций отдельных частных государственных структур, социальных групп и их представителей, упоминающихся в текстах статей в контексте их участия в общественной жизни и реализации программы социальной модернизации: *служащие, молодежь, чиновники, депутаты, акимы, законодатели, горожане, жители малых населённых пунктов, безработные, наёмные работники, работодатели, педагоги, бизнесмены, учащиеся, школьники, члены многодетных семей, интернет-пользователи, творческая интеллигенция, врачи и др.*

Аксиологическое наполнение мегаконцепта «Общество» составляет содержание слов, называющих общественно значимые ценности и антиценности. Ядерную зону ценностных доминант составляет концепт «Благо», номинация которого входит в качестве корневой морфемы в аксиологемы *благополучие, благосостояние, благоустроенность*. Встречаются в президентском дискурсе прямые аксиологические номинации *ценности, богатства*. К числу аксиологем с позитивной семантикой относятся понятия *качество жизни, ответственность, профессионализм, партнерство, здоровье, образование, эффективность, конструктивность, реализм, активность, инициативность, справедливость, созидание*, ряд из которых упоминался в примерах (1), (2), (4), (5) и далее представлен в (6), (7), (8), (9), (12). Негативные социальные процессы (*глобальный кризис, нестабильность*) связываются с такими антиценностями, как *потребительство, социальный инфантилизм, иждивенчество, иллюзорность*:

(6) *Преодолеть такие явления, как **иждивенчество** и **социальный инфантилизм**, внедрить новую мотивацию к трудовой деятельности и благополучию, основанную на высокой ответственности личности и бизнеса, партнерском взаимодействии всех субъектов трудовых отношений с государством* [6].

Полярные аксиологемы моделируют позитивный и негативный портреты общества, которые воплощаются в противопоставлении идеологем «Общество потребления» (–) и «Общество Всеобщего Труда» (+), а конструктивный процесс *социальной модернизации* мыслится как преодоление, изживание негативных черт идеологии консюмеризма, присущих обществу потребления (подробнее см. в [40]):

(7) *Сегодня стала очевидной **иллюзорность** концепции **потребительского общества**, которая была широко распространена с 60-х годов про-*

илого столетия. Сегодня весь мир с особой остротой убедился, что **эта идеология потребления оказалась губительной**. Она породила **массовое социальное иждивенчество** в развитых странах мира и является одной из главных причин глобального кризиса. **Этой ложной идее**, которая никак не может быть реализована не только во всем мире, но даже в развитых странах, можно найти конструктивную альтернативу. И такой альтернативой является идея Общества Всеобщего Труда [6].

В этом контексте концепты «Модернизация» и «Труд» тесно взаимосвязаны как два параллельных и обуславливающих друг друга социальных процесса – позитивное обновление социально-экономического уклада невозможно без творческой и конструктивной трудовой деятельности членов общества, а достижение желаемой модели социального государства невозможно без изменения отживших способов взаимодействия государства и граждан:

(8) В конечном счете все ценности мировой цивилизации, все экономические и культурные богатства создаются человеческим трудом, а не виртуальными финансовыми институтами. Поэтому именно реальный производительный труд мы и должны поставить в основу нашей политики социальной модернизации [6].

3.2. Концепт «Модернизация», содержательное ядро которого составляет идея ‘обновления, изменения к лучшему, усовершенствования’, находит лексическое воплощение в номинациях концепта **модернизация** (99), **модернизационный** (13), а также серии близких по семантике и частично пересекающихся по смыслу номинаций: **развитие** (107), **изменения** (23), **реформирование** (2), **стимулирование** (8), **усовершенствование** (7), **оптимизация** (4), **прогресс** (3), **обновление** (6), **ревизия** (4), **корректировка** (3), **современный** (49), **новый** (162), описательных формулировок **повышение эффективности, создание эффективной системы**. Приведенные далее синтагмы демонстрируют социальные сферы и объекты приложения процесса модернизации: **модернизация структур общества, экономическая модернизация, модернизация ЖКХ, модернизация образовательной системы, модернизация здравоохранения, модернизация отечественных СМИ** и др.

Концепт «Модернизация» имеет фреймовую структуру, будучи процессуальным по содержанию. В рассматриваемой политической концепции субъектом модернизации и её инициатором выступает государство (= ‘правлящий класс, представители власти, руководители’), объектом модернизации являются различные социальные институты, требующие обновления и усовершенствования, целью – формирование государства (= ‘страны, общества’) с эффективной экономикой и развитой социальной сферой:

(9) *Сегодня цель и смысл социальной модернизации состоит в том, чтобы подготовить общество к жизни в условиях новой индустриально-инновационной экономики, найти оптимальный баланс между форсированным экономическим развитием Казахстана и широким обеспечением*

общественных благ, утвердить социальные отношения, основанные на принципах права и справедливости [6]; *Казахстан 2050 года – это... государство с сильной экономикой, где все делается для человека* [7].

3.3. Концепт «Труд», связанный с представлением о созидательной целенаправленной умственной и физической деятельности человека, представляет базовую общечеловеческую ценность и является основополагающим культурным концептом [41–43]. Как пишет Г.В. Токарев, слово *труд* «стало названием принципа, указывающего на обязательность трудовой деятельности, её общественную, эстетическую, этическую ценность как для каждого члена, так и для всей лингвокультурной общности в целом [41. С. 13]. Универсальный положительный смысл данной аксиологемы связан с пониманием важнейшей роли труда для самореализации личности, получения и накопления материальных благ, созидания культурных ценностей.

Вместе с тем данный концепт обнаруживает аксиологическую амбивалентность, обусловленную противоречием между затраченными в трудовом процессе усилиями и удовлетворенностью / неудовлетворенностью полученным результатом труда. Общественный характер трудовой деятельности усугубляет это противоречие за счет возможности присвоения результатов чужого труда, а стремление разрешить это противоречие лежит в основе принципа социальной справедливости и установления гармоничного социального миропорядка путем правового регулирования. Именно поэтому концепт «Труд» становится объектом идеологической интерпретации в контексте той или иной социально-политической доктрины, наполняется тенденциозными оценочными смыслами и часто используется как инструмент манипуляции общественным сознанием. Например, в советский период свободный от эксплуатации социалистический труд становится абсолютно положительной идеологической доминантой, а в постсоветский период конца 1980-х – 2000-х гг. происходит деидеологизация этого концепта. По словам О.Е. Черновой, в этот период обнаруживается «разрушение идеологически заданной структурированности концепта «Труд», «содержание анализируемого концепта предельно сужается», «этические смысловые наращивания претерпевают значительные модификации в соответствии с культурно-ценностными предпочтениями демократического общества» [42. С. 5].

В президентском дискурсе Н.А. Назарбаева 2012–2019 гг. происходит «ре-идеологизация» данного, ключевого для социалистически ориентированной идеологии, концепта. Труд здесь выражает идею активной, инициативной созидательной деятельности человека на благо себе и обществу в ситуации партнерства государства и граждан в противовес позиции социального инфантилизма и пассивного потребительского отношения к государству как «донору» социальных благ:

(10) *Серьезным барьером на пути социальной модернизации является такое распространенное явление, как социальный инфантилизм. В его основе – извращенная мотивация к труду, «навязанная» в переходный*

начальный период «дикого капитализма» 90-х годов. Это возвело в абсолют неверные формулы достижения благополучия – «меньше работать – больше получать», «делать деньги из воздуха» и т.п. Доморощенное мещанство, помноженное на социальный инфантилизм, способно стать тормозом модернизации [6].

В контексте президентского дискурса лексема **труд** (56) 'целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения' и ее производные **трудова́й** (46), **трудолюбие** (1), **трудолюбивый** (2) реализуют более абстрактное и стилистически возвышенное (патетическое) значение по сравнению со словом *работа* и его производными, не наполненными идеологически и аксиологически значимым содержанием. Сочетаемость лексических репрезентаций концепта «Труд» продемонстрировала актуализацию следующих аспектов семантики: 1) 'созидательная деятельность граждан на благо общества' (ценностный аспект) – *честный труд, социально полезный труд* и др.; 2) 'профессиональная деятельность субъекта' (акциональный аспект) – *трудова́я квалификация, трудова́я школа* и др.; 3) 'трудовые социально-правовые отношения' (юридический аспект) – *трудова́е законодательство, трудова́е конфликты, трудова́е споры* и др.

Процессуально-деятельностный (акциональный) аспект концепта «Труд» может быть рассмотрен в структуре мегаконцепта «Общество» как социальный процесс, связанный с производством материальных и духовных благ. В то же время «Труд» сам по себе, в отвлечении от акционального аспекта реализации трудового процесса, является общественно значимой ценностью, воплощающей основной принцип сознательной жизни личности. Именно в этом ценностном значении данный концепт представлен в идеологеме «*общество всеобщего труда*», где *труд* выступает ключевой аксиологемой политической программы президента. В рассматриваемой идеологической парадигме позитивной аксиологеме «Труд» противопоставлен негативный ценностный концепт «Потребительство»: *идеология потребления, потребительское общество, социальное иждивенчество, социальный инфантилизм*.

3.4. Структура мегаконцепта «Общество», реализованного в картине мира президентского дискурса Н.А. Назарбаева, в обобщенном виде представлена в таблице.

Распределяя основные репрезентации мегаконцепта «Общество» по частотности, можно выделить 5 групп номинаций:

1) максимально частотные – от более 100 до 70 употреблений: *Новый – 162, Казахстан – 159, Социальный – 136, Развитие – 107, Государство – 104, Модернизация – 99, Национальный – 93, Общество – 90;*

2) высокочастотные – от 69 до 40 употреблений: *Гражданин – 64, Казахстанец – 59, Труд – 56, Народ – 56, Нация – 52, Современный – 49;*

3) достаточно частотные – от 39 до 20: *Семья – 37, Страна – 33, Общественный – 30, Информационный – 20, Изменение – 23;*

4) среднечастотные – от 19 до 10: *Общенациональный – 17, Здоровье – 13, Всеобщий – 12, Качество жизни – 11;*

5) малочастотные – до 10: *Сообщество* – 9, *Благополучие* – 7, *Прогресс* – 3, *Благосостояние* – 5, *Социализация* – 4, *Благоустроенность* – 2, *Социум* – 1.

**Структура мегаконцепта «Общество» в картине мира
президентского дискурса Н.А. Назарбаева**

Общество в целом	Общественные структуры	Члены общества	Социальные процессы	Общественные ценности	Общественные антиценности
Общество, общественный Социум, социальный	Казахстан Государство Страна Сообщество Нация, национальный, общенациональный Семья	Казахстанец Гражданин Народ Все Каждый	Модернизация Труд Развитие Изменение Информатизация Прогресс	Благополучие, благосостояние, благоустроенность Богатства Качество жизни Здоровье Образование Труд Эффективность Прогресс Конструктивность Созидание Реализм Активность Ответственность Профессионализм	Потребительство Кризис Инфантилизм Иждивенчество Иллюзорность Нестабильность Инерция

Представленное распределение демонстрирует интересные закономерности. В группе максимально и высокочастотных лексем оказались лексические компоненты ключевых идеологем «*социальная модернизация*» и «*общество всеобщего труда*». В достаточно частотных единицах встретились часто повторяемые лексемы, номинирующие гипонимические по отношению к именам концептов понятия. В группе среднечастотных номинаций оказались преимущественно обозначения ценностей, имеющих статус аксиологем по значимости содержания, но не по критерию частотности. Малочастотные репрезентанты идеологем детализируют и синонимически повторяют частотные гиперонимы (за исключением аксиологемы *качество жизни* в значении ‘высокий уровень благополучия, соответствующий социальным ожиданиям’). Результаты количественного анализа подтвердили ключевой статус рассматриваемых идеологем и их лексических репрезентантов.

4. Семиотический аспект интерпретации идеологем «социальная модернизация» и «общество всеобщего труда»

Если рассматривать исследуемые идеологемы в аспекте их знаковой природы и процесса семиозиса, непосредственно связанного с проблемой интерпретации языкового знака в процессах коммуникации, следует указать на их различную семиотическую природу.

Идеологема «социальная модернизация» через иноязычную по происхождению лексику *модернизация*, от глагола *модернизировать* ‘изменять, усовершенствовать в соответствии с современными требованиями’ [28. С. 286] (от фр. *moderne* – современный, новейший) отсылает к цивилизационному контексту культуры, связанному с историей технологического прогресса как серии качественных изменений способов производства (технологических революций) с применением всё более сложных в техническом отношении и более эффективных производительных сил общества.

В науках об обществе термин «социальная модернизация» активно употребляется с 50-х гг. XX в. при характеристике преобразований, связанных с превращением отсталых (доиндустриальных, аграрных и т.п.) обществ, стран в индустриальные. По мнению социологов, политологов, футурологов, современный мир вошел в новую постиндустриальную фазу технологической революции, получившую определения «информационная» и «кибернетическая», которой свойственны увеличение объёма и усложнение систем анализа информации, усовершенствование близких к искусственному интеллекту технологий, оптимизация ресурсов труда, непрерывное развитие систем управления и самоуправления, массовое использование искусственных материалов [44. С. 172–197].

В президентском дискурсе Н.А. Назарбаева позитивный смысл идеологемы «социальная модернизация» несет идею технологического обновления средств производства в соответствии с вызовами цифровой эпохи в тесной взаимосвязи с неизбежным изменением всех социально-политических аспектов общества в глобальном контексте информатизации:

(11) *Модернизационный процесс должен, во-первых, вести весь казахстанский социум в состояние информационного общества, что полностью укладывается в тренд развития мира. И, во-вторых, создать такую информационно-культурную среду, которая будет важным фактором неуклонного прогресса экономики, социальной системы и политики в Казахстане.*

Семиотическая природа идеологемы «Общество Всеобщего Труда» имеет гораздо более сложный, ёмкий и аксиологически неоднозначный интерпретационный потенциал, поскольку погружает современный термин, введенный в политический дискурс Казахстана Н.А. Назарбаевым, в широкий ретроспективный контекст социально-утопических моделей справедливого общественного миропорядка.

По структуре и составу компонентов эта идеологема коррелирует с подобными идеологемами прошлых эпох – «Общество всеобщего равенства» и

«Общество всеобщего благоденствия» (Г. Бабеф) периода Великой французской революции XVIII в. [45. С. 166–172]; «Государство всеобщего благосостояния» в немецкой теории социального государства (прусский социализм), которая возникла в Германии в середине XIX в (Л. фон Штейн, Р. Моль) как альтернатива марксизму и послужила источником современных либерально-демократических политических концепций государств современной Европы [46]; а также «Государство всеобщего благоденствия / благосостояния» (Welfare state) в социально ориентированной англо-американской концепции середины XX в. (У. Темпл, У. Беверидж) [47]. В указанных политических моделях государство обеспечивает равенство в правах для всех общественных групп, «играет ключевую роль в защите и развитии экономического и социального благополучия его граждан» [46].

Полемизуя с идеологией консюмеризма, навязываемой обществом потребления, Н.А. Назарбаев называет идеальную модель общественного устройства «Обществом Всеобщего Труда», заменяя компонент «благоденствие / благосостояние» (номинация цели социального государства) на «труд» (номинация способа достижения этой цели). Смысловая доминанта на концепте «Труд» в политическом контексте отсылает к учению о государстве К. Маркса и Ф. Энгельса с их идеей свободного труда и освобождения трудящихся от эксплуатации [48. С. 8]; а также ассоциируется с социалистическим принципом справедливого распределения общественных благ «*От каждого по способностям, каждому по труду*», хорошо известным советским людям, знакомым с официальным контекстом марксистско-ленинской идеологии. Эта фраза, приписываемая французскому социалисту А. Сен-Симону, стала широко известна благодаря работам П.Ж. Прудона. В качестве основополагающего элемента социализма принцип был обоснован В.И. Лениным в книге «Государство и революция», написанной под впечатлением статьи К. Маркса «Критика Готской программы», и впоследствии был закреплен в Конституции СССР [49. С. 431].

Такой культурологический шлейф идеологемы «Общество Всеобщего Труда» наделяет ее признаками мифологемы, транслирующей образ идеального справедливого государства, связанный с вечной мечтой человечества о счастливой и гармоничной жизни. Не случайно фрагменты политических текстов, включающие данную идеологему, отличаются высокой патетической риторикой и возвышенной стилистической окраской языковых элементов (риторическое *мы*, экспрессивный фразеологизм *сквозь тернии мирового кризиса*, эпитеты с позитивной семантикой *конкурентоспособного и сильного*, графическое выделение идеологемы в соответствии с интонационным, ритмизированные короткие фразы, кольцевой повтор):

(12) *Мы отчетливо видим, как сквозь тернии мирового кризиса в XXI век постепенно входит новый тренд – **ОБЩЕСТВО ВСЕОБЩЕГО ТРУДА**¹. Утопические идеи как либеральной, так и социалистической*

¹ В цитате сохраняется шрифтовое выделение источника: ИС Параграф WWW <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 15.06.2021).

направленности остаются в прошлом веке. Практическим вектором становится **социальный реализм**. Поэтому наша социальная политика должна быть направлена на созидание конкурентоспособного и сильного **ОБЩЕСТВА ВСЕОБЩЕГО ТРУДА** [6].

В приведенном отрывке из заключительной части статьи «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» актуализируются аллюзии на культурный и социально-политический контекст прошлого (*утопические идеи как либеральной, так и социалистической направленности*), что придает этому фрагменту признаки интертекстуальности и может свидетельствовать о скрытой полемике автора с предшествующими социальными моделями.

По гипотезе авторов статьи, ассоциативный фон идеологемы «Общество Всеобщего Труда», связанный с социалистической идеологией и политической пропагандой советской эпохи, мог негативно повлиять на восприятие рядовыми гражданами Казахстана политической программы первого президента и стать причиной неоднозначной и/или отрицательной оценочной интерпретации её понятийного и аксиологического содержания.

5. Интерпретационный потенциал идеологем по данным психолингвистических экспериментов

С целью верификации результатов когнитивно-прагматического анализа в мае 2019 г. был проведен пилотный свободный ассоциативный эксперимент по восприятию идеологемы «Общество Всеобщего Труда» в форме письменного анкетирования в группе взрослых русскоговорящих жителей г. Кокшетау, Казахстан (100 человек от 18 до 70 лет обоих полов). Полученные в результате лексические реакции (слова и словосочетания) относятся в подавляющем большинстве к парадигматическому типу. Многочисленные реакции указывают на ключевой концепт – *труд* (22 реакции) / *трудолюбие* (2) и его синоним *работа* (20). Множественные и единичные реакции передают ассоциацию с социалистической идеологией – *Советский Союз* (4), *Первое мая* (4), *коммунизм* (3), *социализм* (2), *субботник* (2) и т.п. Только единичные выражают ассоциативную связь непосредственно с программой Н.А. Назарбаева – *социальная модернизация* (1), *программа* (1), *Назарбаев* (1), *дорожная карта* (1) и др.; демонстрируют отрицательное или положительное отношение к идеологеме как выразителю политической программы. Оценочные реакции распределились в равном соотношении: 5 отрицательных оценок – *чушь* (1), *секта* (1), *ерунда* (1), *в сегодняшних реалиях неуместно* (1), *утопия* (1); и 5 положительных оценок – *первооснова национального общества* (1), *во благо страны* (1), *развитая страна* (1), *жизненный идеал* (1), *актуально на сегодняшний день* (1).

Наблюдения над экспериментальными данными показали, что первичная реакция на стимул-идеологему преимущественно связана с ее концептуальной структурой, реже – с социокультурным фоном и дискурсом, в котором она функционирует, а также с субъективной оценкой содержания.

Замечено, что большинство реакций соответствуют основным лексическим репрезентантам идеологем, рассмотренным в исследовательской части данной статьи.

Для более точной квалификации интерпретационного потенциала идеологем на следующем этапе, в августе 2021 г., был проведен полномасштабный психолингвистический направленный ассоциативный эксперимент в разных социовозрастных группах испытуемых, ориентированный на сбор показаний коллективного метаязыкового сознания казахстанцев – носителей русского языка. В отличие от свободного ассоциативного эксперимента, в котором сознание респондента не было ограничено для любых ассоциативных реакций на слова-стимулы, в направленном ассоциативном эксперименте были предложены вопросы, которые задавали «нужное» для исследователя направление метаязыковой рефлексии и активизировали интеллектуальную деятельность реципиентов [32. С. 36].

При разработке методики проведения эксперимента определялись критерии: 1) для отбора потенциальных респондентов; 2) выбора оптимального количества участников эксперимента; 3) постановки и формулировки вопросов, стимулирующих метаязыковую рефлексии относительно содержания идеологемы; 4) параметров обработки и интерпретации полученных результатов.

На этапе отбора потенциальных респондентов необходимо было определить, реакции каких участников эксперимента можно считать наиболее релевантными. С учетом опыта пилотного эксперимента, а также малой вероятности того, что среднестатистический житель Казахстана вовлечен в политический дискурс и знаком с функционирующими в нем идеологемами, было определено, что требованиям эксперимента соответствуют лица, которые в силу профессиональной деятельности, уровня образования и психологической потребности занимают активную гражданскую позицию, прямо или косвенно причастны к общественно-политической жизни страны. К этой категории, по нашему мнению, относятся государственные служащие, преподаватели вузов, учителя школ, студенты и пенсионеры с высшим образованием. Также была поставлена цель собрать равное количество анкет от респондентов мужского и женского пола. Количество информантов определялось на основе критерия охвата достаточно большого числа испытуемых для обеспечения достоверности полученных результатов: не менее 100 ответных реакций на предъявляемый стимул. Для равного количественного распределения по профессиональному, возрастному и гендерному принципам, а также для удобства подсчетов было определено, что в эксперименте примут участие 200 русскоговорящих респондентов – жителей г. Кокшетау (Казахстан) женского (100 человек) и мужского (100 человек) пола в возрасте от 18 до 80 лет. В итоге каждая социальная группа включала 40 информантов (по 20 лиц мужского и женского пола). Распределение возрастных категорий информантов по группам следующее: госслужащие – от 22 до 60 лет, преподаватели вузов – от 25 до 59 лет, учителя школ – от 22 до 56 лет, студенты – от 18 лет до 21 года, пенсионеры –

от 59 до 80 лет. Этнический состав респондентов представлен следующими группами: казахи – 158 человек, русские – 26, татары – 5, украинцы – 4, немцы – 3, поляки – 2, чувашаи – 1, марийцы – 1. На вопрос «На каком языке преимущественно Вы общаетесь?» были получены следующие ответы: на русском – 131 информант, на казахском – 49, на казахском и русском – 20.

Эксперимент проводился методом анкетирования в цифровой среде с использованием программного инструмента Google-форма. Анкета открывалась вопросами паспортного модуля (всего 10), дающего социовозрастную информацию: возраст, образование, специальность, наличие ученой степени, сфера профессиональной деятельности, должность, национальность, пол, родной язык, язык общения.

Далее следовали 6 вопросов, стимулирующих метаязыковую рефлексию информантов: 1. *Знакомо ли Вам выражение «Общество Всеобщего Труда»?* 2. *Какие ассоциации у Вас вызывает данное выражение?* 3. *Что, по Вашему мнению, означает данное выражение?* 4. *Встречалось ли Вам ранее это выражение?* 5. *Где Вы встречали ранее это выражение?* 6. *Знакомы ли Вы с работами Н.А. Назарбаева, в которых встречается это выражение?*

Ответы на второй и третий вопросы анкеты являются основными и наиболее значимыми как для исследовательской процедуры эксперимента, так и для характеристики интерпретационного потенциала идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева. Поэтому в рамках данной статьи будут рассмотрены ответы информантов именно на эти два вопроса, один из которых близок к постановке свободного ассоциативного эксперимента (*Какие ассоциации вызывает у Вас данное выражение?*), а другой нацеливает на осмысление содержания идеологемы и формулировку понятия, стоящего за формой языкового знака (*Что, по Вашему мнению, означает данное выражение?*). Для краткости описания назовем первый из этих вопросов ассоциативным, а второй – рефлексивным. Сразу отметим, что типы ответов информантов, полученные в виде лексических реакций и развернутых высказываний как на ассоциативный, так и на рефлексивный вопросы, не обнаружили каких-либо формальных и содержательных различий, а в некоторых анкетах информанты буквально или с незначительными вариациями повторяли одни и те же ответы на оба вида вопросов. Например, на оба вопроса были даны ответы: *труд, работа, общество, труд на благо общества, труд на благо других людей, работа на государство, социальная модернизация, воспитание трудолюбия, все работают, Советский Союз, социализм, коммуна, коммунизм, утопия* и др. По этой причине в представленном ниже содержательном анализе ответы информантов на вопросы ассоциативного и рефлексивного типов будут рассматриваться недифференцированно.

Тем не менее рефлексивный вопрос показался информантам более сложным и вызвал большее количество отказов от ответа. Из 200 респондентов на ассоциативный вопрос 18 человек ответили отказом: *никаких, не знаю, не могу ответить, не понятно, затрудняюсь ответить* и т.п.; а на

рефлексивный вопрос отказались отвечать 30 информантов: *не знаю, ничего, не могу сказать, нет вариантов, без понятия* и т.п. Таким образом, в результате эксперимента показания языкового сознания (ПЯС) в ответах на ассоциативный вопрос предоставили 91% испытуемых, а в ответах на рефлексивный вопрос – 85% испытуемых. Всего было получено 352 реакции в форме слова (*трудолюбие, равенство, профсоюз, пропаганда*), словосочетания (*благополучное общество, защита труда, уважение к труду, послание президента*) и предложения (*Все должны трудиться ради благосостояния всего общества; Каждый оценивается по личному вкладу и личным проф. качествам*).

Анализ ПЯС позволил выявить направления типовых и единичных ассоциаций в каждой группе испытуемых и определить содержательные доминанты идеологемы «Общество всеобщего труда», актуализированные в метаязыковой рефлексии граждан. Большая часть ответов в каждой социо-возрастной группе представлена лексическими реакциями и метатекстами, актуализирующими понятийное и аксиологическое содержание указанной идеологемы в виде слова, словосочетания или фразы. Лидируют по частотности слово *труд* и его синоним *работа*, словосочетания с этими компонентами (*человеческий труд, коллективный труд, общественная работа, работа на государство* и т.п.), высказывания, в которых актуализируется смысловой компонент ‘труд на благо общества и государства’ (*работа во благо страны, Труд физический и умственный составляет основу развития и существования общества, Трудиться ради общего блага* и т.п.) и подчеркивается всеобщий характер трудовой деятельности (*единые усилия, все работают, все заняты трудом, обязательный труд для всех* и т.п.). Такие реакции преобладают во всех группах информантов, а в группе студентов составляют подавляющее число реакций.

На втором месте по частотности в группе учителей находятся реакции, актуализирующие правовые аспекты трудовой деятельности и идею защиты прав трудящихся (*трудовой закон, защита трудовой деятельности, право на труд, это право работать и зарабатывать* и т.п.), в группе пенсионеров – высказывания с семантикой ‘мотивация к трудовой деятельности’ (*Надо трудиться, В обществе все должны трудиться, Стимулировать население к повышению квалификации* и т.п.), а в группах госслужащих и преподавателей – ответы, включающие лексический компонент *общество* (*благополучное общество, счастливое общество, здоровое общество* и т.п.) с его характеристиками по отношению к *труду* (*Общество, культивирующее труд на процветание, всеобщее взаимодействие, единые благие цели; Общество, где каждый дееспособный человек занимается делом, а для человека с особыми потребностями создаются условия для труда* и т.п.). Среди повторяющихся типичных реакций в группах госслужащих, преподавателей, пенсионеров и студентов встречается ассоциативная связь идеологемы с идеей справедливого распределения и справедливой оценки результатов труда (*Каждый труд должен оцениваться; Это*

труд, направленный на создание рационального распределения; Труд по способностям. Оплата по потребностям; Честно и справедливо).

В ответах информантов всех групп достаточно частотными являются актуализации положительных аксиологических смыслов идеологемы, связанные с гуманистическими ценностями и прогрессивным развитием (*Сплоченность; Единство; Стабильность, прогресс; Расцвет государства, трудолюбие, богатство; Достижения и успех государства* и т.п.). Вместе с тем в группах учителей, пенсионеров и студентов присутствуют высказывания с негативным подтекстом, переводящим идею труда как позитивной самореализации во благо обществу в более сниженный контекст интерпретации труда как тяжелой и малооплачиваемой работы на государство, эксплуатации человека правящей элитой (*Пахота; Большое число людей работают на государство, а не на рынок, не производя блага для потребителей, оплачивающих их своими частными ресурсами и временем; Использование чужого труда малооплачиваемого* и т.п.).

Помимо высокочастотных реакций, непосредственно связанных с формой и содержанием идеологемы, в анкетах присутствуют множественные реакции, эксплицирующие ассоциации с определенным политическим строем, общественным укладом и характерными для него социальными явлениями (*Коммунизм; Социализм; Утопия; СССР; Советский Союз; Коллективное хозяйство; Похоже на мир; труд май; Всеобщая трудовая повинность* и др.), наиболее представленные в ответах учителей и пенсионеров; а также ассоциации с организациями и производственными коллективами (*Биржа труда; Общество помощи; Трудовой фонд; Работающий контингент людей* и т.п.). В ответах некоторых информантов имеются немногочисленные ассоциации с более общим или более частным понятием (*идея, жизнь, закон, народ, люди*), формами политической агитации (*лозунг, призыв, пропаганда*). В некоторых анкетах госслужащих есть указания на жанры политического дискурса как источник информации об идеологеме (*послание президента РК; госпрограмма; концепция развития*), не прямые цитаты из текстов Н.А. Назарбаева (*поднятие авторитета человека труда*), ассоциации с другой ключевой идеологемой президентского дискурса (*социальная модернизация; Социальная модернизация, направленная на рост производства, благосостояния и уровня жизни; Экономическая модернизация, в основе которой лежит всеобщий труд* и т.п.). Некоторые ответы представляют собой оценочное отношение к идеологеме (*положительные ассоциации; нейтральные; чушь*).

Результаты направленного эксперимента подтвердили и значительно расширили данные пилотного эксперимента. Вся совокупность представленных в ответах реакций (452 вербальные единицы) моделирует ассоциативное поле идеологемы «общество всеобщего труда» и репрезентирует интерпретационный потенциал данной идеологемы, реализованный в коллективном (общественном) метаязыковом сознании.

Ядерную часть поля составляют вербальные ассоциации с основными понятийными и ценностными компонентами идеологемы. Вторая ключевая

идеологема президентского дискурса «Социальная модернизация» входит на правах устойчивой ассоциативной реакции и компонента метаязыковой рефлексии в околоядерную часть рассмотренного ассоциативного поля. Околоядерное пространство также формируют устойчивые ассоциации со смежными явлениями: общественным укладом, политическим дискурсом (его текстами и жанрами), общественными организациями. Периферию составляют ассоциации с более общими (*идея, жизнь*) и более частными (*люди, помощь*) понятиями, а также единичные субъективно-оценочные высказывания (*начинается с семьи; где платят хорошие деньги*).

Экспериментальные данные подтвердили неоднозначность в ценностной интерпретации компонента «труд», варьирующуюся от высокого и положительно оцениваемого представления о творческой созидательной деятельности на благо общества до отрицательно оцениваемого содержания, связанного с трудом в интересах эксплуатирующего класса и правящей государственной элиты. Устойчивая ассоциация идеологема с социалистической идеологией и советским прошлым также порождает амбивалентные оценки: от позитивно воспринимаемых ценностей коллективистской морали (*единство, сплоченность, равноправие*) до негативно оцениваемых манипуляций общественным сознанием в силу утопичности декларируемых ценностей (*пропаганда, чушь, утопия*).

Гендерная, возрастная и этническая специфика в интерпретации идеологема информантами не обнаружилась.

Заключение

Исследование ключевых идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева как важнейших смысловых доминант общественно-политической идеологии в их словесном оформлении и дискурсивной реализации потребовало разработки комплексной методологии, включающей как собственно лингвистические приемы структурно-семантического, контекстуального, стилистического анализа, так и элементы логического пропозиционально-фреймового анализа структуры идеологических концептов, приемы количественных подсчетов лексических репрезентантов, семиотическую интерпретацию идеологем в широком историко-культурном контексте социально-философских и политических учений. Данная методика позволила выявить в качестве ключевых идеологем «*социальная модернизация*» и «*общество всеобщего труда*», главная функция которых – быть лаконичными выразителями и трансляторами официальной политической программы первого президента, обеспечивать идейную консолидацию членов общества для решения поставленных государством задач. Реализацию этих функций обеспечивает интерпретационный потенциал идеологем, который в аспекте семиозиса понимается как свойство знака, наделенного конвенциональным содержанием, быть способным декодироваться при восприятии и смысловой обработке.

В результате исследования выявлен и описан интерпретационный потенциал указанных идеологем посредством моделирования их концептуальной структуры: мегаконцепт «Общество», имеющий многоуровневую иерархическую организацию, которая включает идеологически окрашенные концепты «Модернизация» и «Труд», а также аксиологический комплекс противопоставленных ценностей и антиценностей: «труд – иждивенчество / потребительство», «прогресс / развитие – кризис», с ценностной доминантой «общественное благо», вербализуемой в президентском дискурсе аксиологемой «качество жизни».

Семиотический подход к анализу идеологем в кросскультурном полидискурсивном пространстве позволил раскрыть их межкультурные и междискурсивные связи с другими устойчивыми идеологемами и мифологемами, что, с одной стороны, демонстрирует историческую преемственность социально-философской мысли, а с другой – показывает ассоциативный фон, влияющий на восприятие и интерпретацию рассматриваемых идеологем.

Показания метаязыкового сознания трехсот рядовых социально активных граждан Казахстана, полученные в результате проведения свободного ассоциативного и направленного психолингвистических экспериментов, отразили особенности индивидуального восприятия и содержательной интерпретации идеологем президентского дискурса Н.А. Назарбаева и позволили описать модель ассоциативного поля, демонстрирующего реализацию интерпретационного потенциала этих идеологем в общественном сознании.

Список источников

1. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 44–48.
2. *Шаукенова З.К.* Идеино-ценностные и политические аспекты Послания Президента Республики Казахстан. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2013. 205 с.
3. *Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.* Коммуникативно-прагматический потенциал казахстанского политического дискурса // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. II междунар. науч. конф. / под ред. Д.В. Шапочкина. Тюмень : Вектор Бук, 2015. 202 с.
4. *Томанова Н.М.* Функции концептуальной метафоры в гуманитарном дискурсе лидера нации // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. № 3 (155). С. 76–80.
5. *Лалин Н.С.* Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев и формирование исторического сознания казахстанцев. Астана : БиКА, 2017. 296 с.
6. *Назарбаев Н.А.* Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда. URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobschego-truda_a2478336
7. *Назарбаев Н.А.* «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана. 2012. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs
8. *Назарбаев Н.А.* Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

9. *Вепрева И.Т., Шадрина Т.А.* Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2006. Вып. 3. С. 120–131.
10. *Карамова А.А.* Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2013. 40 с.
11. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 506 с.
12. *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
13. *Радбиль Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
14. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.
15. *Мальшиева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
16. *Кутина Н.А.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2005. С. 90–104.
17. *Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов.* Екатеринбург, 2009. 292 с.
18. *Нахимова Е.А.* Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. Вып. 2 (36). С. 152–156.
19. *Журавлев С.А.* Идеологема и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2004. 220 с.
20. *Новак М.В.* Культурно-семиотический анализ идеологем общества потребления // Современный дискурс-анализ. 2013. № 7. С. 53–60.
21. *Клушина Н.И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 62 с.
22. *Пионтек Б.М.* Общезыковые факторы генезиса идеологема как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.
23. *Безродная А.Ю.* Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 138–145.
24. *Романова Т.В.* Идеологема и аксиологема русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. 120 с.
25. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 226 с.
26. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13–22.
27. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 361 с.
28. *Кубрякова Е.С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90–93.
29. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.
30. *Юрина Е.А., Темирова Ж.Г.* Концепт «честь» и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «честь») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 149–176. doi: 10.17223/19986645/61/9
31. *Болотнова Н.С.* Проблемы коммуникативного изучения слова в тексте: результаты и перспективы // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. Томск, 1995. С. 3–12.

32. Залевская А.А. Различные подходы к трактовке значения как достояния индивида // Психолингвистические исследования слова и текста : сб. науч. тр. Тверь, 1997. С. 30–37.
33. Герд А.С. Морфемика в её отношении к лексикологии // Вопросы языкознания, 1990. № 5. С. 8–15.
34. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. 236 с.
35. Санеев А. Общество всеобщего труда – это хорошо... но кто будет трудиться и как? // Диалог.кз. 11.09.2012. URL: <https://russianskz.info/economy/3657-obschestvo-vseobshchego-truda-eto-horoshho-no-cto-budet-truditsya-i-kak.html>
36. Курманбаев С.К., Дюсембинова Ж.С., Жомартова Г.С. Социальная модернизация Казахстана – вектор стабильности и прогресса // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 7 (105). С. 134–138.
37. Есетов Н.Е. Идея «Общества всеобщего труда» как фактор индустриально-инновационного развития страны // Вестник казахско-русского международного университета. Актюбинск, 2015. URL: <https://articlekz.com/article/20573>
38. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с.
39. *Философский энциклопедический словарь* / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/1b4/filosofsky%20slovar.pdf>
40. Новак М.В. Идеологемы консюмеризма в массовой культуре современной России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 22 с.
41. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград : Перемена, 2003. 213 с.
42. Чернова О.Е. Концепт Труд как объект идеологизации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004, 20 с.
43. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
44. Гринин Л.Е. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8, № 1. С. 172–197.
45. Митина Н.Г. Общество всеобщего равенства Г. Бабефа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 2 А. С. 166–172.
46. Лащенко П.В. Концепция государства всеобщего благоденствия в отечественной и зарубежной науке и его реализация на примере шведской экономической модели // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 93(09). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/72.pdf>
47. Коновалов В.Н. Государство благосостояния // Политология : словарь. М., 2010. 290 с.
48. Охохонин Е.М. Генезис идей социального государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. Вып. 23, № 25. С. 6–10.
49. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений* / авт.-сост. В. Серов. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf>

References

1. Nakhimova, E.A. (2007) Precedent Names in Presidential Discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (22). pp. 44–48. (In Russian).
2. Shaukenova, Z.K. (2013) *Ideyno-tsennostnye i politicheskie aspekty Poslaniya Prezidenta Respubliki Kazakhstan* [Ideological-axiological and political aspects of the Message of the President of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: IPPR CS MES RK.
3. Bekturova, Zh.B. & Kadeeva, M.I. (2015) [Communicative and pragmatic potential of Kazakhstani political discourse]. *Politicheskij diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy*

[Political discourse in the paradigm of scientific research]. Proceedings of the 2nd International Conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).

4. Tomanova, N.M. (2015) Functions of conceptual metaphor in human discourse leader of the nation. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya – Eurasian Journal of Philology. Science and Education*. 3 (155). pp. 76–80. (In Russian).

5. Lapin, N.S. (2017) *Prezident Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbaev i formirovanie istoricheskogo soznaniya kazakhstantsev* [President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev and the formation of the historical consciousness of Kazakhstanis]. Astana: BiKA.

6. Nazarbayev, N.A. (2012) *Sotsial'naya modernizatsiya Kazakhstana: Dvadtsat' shagov k Obshchestvu Vseobshchego Truda* [Social Modernization of Kazakhstan: Twenty Steps to the Society of Universal Labor]. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizatsiya-kazakhstan-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobshego-truda_a2478336

7. Nazarbayev, N.A. (2012) “Strategiya “Kazakhstan-2050””: novyy politicheskii kurs sostoyavshegosya gosudarstva” [“Strategy “Kazakhstan-2050”: a new political course of an established state”]. In: *Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera natsii Nursultana Nazarbaeva narodu Kazakhstana* [Message of the President of the Republic of Kazakhstan – Leader of the Nation Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs

8. Nazarbayev, N.A. (2017) *Vzglyad v budushchee: modernizatsiya obshchestvennogo soznaniya* [A look into the future: modernization of public consciousness]. [Online] Available from: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizatsiya-obschestvennogo-soznaniya

9. Vepreva, I.T. & Shadrina, T.A. (2006) Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov [Ideologeme and mythologeme: interpretation of terms]. In: Bakhrakh, D.N. (ed.) *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Scientific works of professors of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural Institute of Economics, Management and Law. pp. 120–131.

10. Karamova, A.A. (2013) *Sovremennyy politicheskii diskurs (konets 20 – nachalo 21 vv.)* [Modern political discourse (late 20th – early 21st centuries)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ufa.

11. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

12. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reactions]. Yekaterinburg; Perm: Ural Federal University.

13. Radbil', T.B. (2017) *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and the world: paradoxes of mutual reflection]. 2nd Ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

14. Chudinov, A.P. (2006) *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie* [Political linguistics: textbook]. Moscow: Flinta, Nauka.

15. Malysheva, E.G. (2009) Ideologeme as a linguo-cognitive phenomenon: definition and classification. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (30). pp. 32–40. (In Russian).

16. Kupina, N.A. (2005) Zhivye ideologicheskie protsessy i problemy kul'tury rechi [Living ideological processes and problems of the culture of speech]. In: Igoshev, B.M. et al. (eds) *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Yekaterinburg: [s.n.]. pp. 90–104.

17. Chudinov, A.P. (ed.) (2009) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya: ucheb. posobie* [Modern political communication: textbook]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

18. Nakhimova, E.A. (2011) Ideologem “Stalin” in contemporary mass media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (36). pp. 152–156. (In Russian).

19. Zhuravlev, S.A. (2004) *Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse* [Ideologemes and their actualization in Russian lexicographic discourse]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola.

20. Novak, M.V. (2013) Kul'turno-semioticheskiy analiz ideologem obshchestva potrebleniya [Cultural-semiotic analysis of the ideologemes of the consumer society]. *Sovremennyy diskurs-analiz – Modern discourse analysis*. 7. pp. 53–60.

21. Klushina, N.I. (2008) *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)* [Intentional categories of journalistic text (based on the periodical publications of 2000–2008)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

22. Piontek, B.M. (2012) *Obshcheyazykovye faktory genezisa ideologemy kak kategorii politicheskoy lingvistiki (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov)* [General linguistic factors of the genesis of the ideologeme as a category of political linguistics (based on the Polish and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

23. Bezrodnaya, A.Yu. (2013) On differences between the notions “concept” and “ideologeme”. *Vestnik IGLU – The ISLU Philological Review*. 3 (24). pp. 138–145. (In Russian).

24. Romanova, T.V. (2019) *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noy mental'nosti* [Ideologemes and axiologemes of Russian linguistic consciousness as a reflection of the constants and dynamics of the national mentality]. Nizhny Novgorod: DEKOM.

25. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

26. Vorkachev, S.G. (2007) Linguacultural concepts: its formation and perspectives. *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka – Bulletin of The Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 66. No. 2. pp. 13–22. (In Russian).

27. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, disco]. Moscow.

28. Kubryakova, E.S. (1996) Kontsept [Concept]. In: *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Moscow State University. pp. 90–93.

29. Slyshkin, G.G. (2000) *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguacultural concepts of precedent texts]. Moscow: Academia.

30. Yurina, E.A. & Temirova, Zh.G. (2019) “Honor” and Its Figurative Representations in the Bilingual Writer’s Blended Worldview (Based on the Story “Honor” on the by R. Seisenbaev’s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 149–176. (In Russian). DOI: 10.17223-19986645-61-9

31. Bolotnova, N.S. (1995) Problemy kommunikativnogo izucheniya slova v tekste: rezul'taty i perspektivy [Problems of communicative research of words in text: results and perspectives]. In: *Kommunikativnye aspekty slova v tekstakh raznoy zhanrovo-stilevoy orientatsii* [Communicative aspects of the word in texts of different genres and styles]. Tomsk: TSPU. pp. 3–12.

32. Zalevskaya, A.A. (1997) Razlichnye podkhody k traktovke znacheniya kak dostoyaniya individa [Various approaches to the interpretation of meaning as the property of an individual]. In: *Psikholingvisticheskie issledovaniya slova i teksta* [Psycholinguistic studies of the word and text]. Tver: Tver State University. pp. 30–37.

33. Gerd, A.S. (1990) Morfemika v ee otnoshenii k leksikologii [Morphemics in its relation to lexicology]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 8–15.

34. Tubalova, I.V. (1995) *Pokazaniya yazykovogo soznaniya kak istochnik izucheniya yavleniya motivatsii slov* [Indications of linguistic consciousness as a source for studying the phenomenon of word motivation]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

35. Saneev, A. (2012) *Obshchestvo vseobshchego truda – eto khorosho... no kto budet trudit'sya i kak?* [The society of universal labor is good ... but who will work and how?]. [Online] Available from: <https://russianskz.info/economy/3657-obschestvo-vseobshchego-truda-eto-horosho-no-kto-budet-truditsya-i-kak.html> (Accessed: 11.09.2012).
36. Kurmanbaev, S.K., Dyusembinova, Zh.S. & Zhomartova, G.S. (2013) Social modernization of Kazakhstan is a vector of stability and progress. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Bulletin of Altai State Agricultural University*. 7 (105). pp. 134–138. (In Russian).
37. Esetov, N.E. (2015) Ideya “Obshchestva vseobshchego truda” kak faktor industrial'no-innovatsionnogo razvitiya strany [The idea of a “Society of Universal Labor” as a factor in the industrial and innovative development of the country]. *Vestnik kazakhskorusskogo mezhdunarodnogo universiteta – Kazakh-Russian International University Bulletin*. Aktyubinsk. [Online] Available from: <https://articlekz.com/article/20573>
38. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols], 4th Ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk: Poligrafresursy.
39. Il'ichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. & Panov, V.G. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. [Online] Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/1b4/filosofsky%20slovar.pdf>
40. Novak, M.V. (2012) *Ideologemy konsyumerizma v massovoy kul'ture sovremennoy Rossii* [Ideologemes of consumerism in the mass culture of modern Russia]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod.
41. Tokarev, G.V. (2003) *Kontsept kak ob"ekt lingvokul'turologii (na materiale reprezentatsiy kontsepta “Trud” v russkom yazyke)* [The concept as an object of linguoculturology (based on the representation of the concept “Labor” in Russian)]. Volgograd: Peremena.
42. Chernova, O.E. (2004) *Kontsept Trud kak ob"ekt ideologizatsii* [The concept of Labor as an object of ideologization]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
43. Basova, L.V. (2004) *Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok)* [The concept of LABOR in Russian (on the basis of proverbs and sayings)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen: Tyumen State University.
44. Grinin, L.E. (2015) Kiberneticheskaya revolyutsiya i shestoy tekhnologicheskii ukhad [Cybernetic revolution and the sixth technological order]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii – Historical Psychology & Sociology*. 8 (1). pp. 172–197.
45. Mitina, N.G. (2019) Babeuf's Society for Universal Equality. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 8 (2). pp. 166–172. (In Russian).
46. Lashchenko, P.V. (2013) The concept of the welfare state in Russian and foreign science and its implementation in the case of Swedish economic model. *Nauchnyy zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU*. 93 (09). (In Russian). [Online] Available from: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/72.pdf>
47. Kononov, V.N. (2010) Gosudarstvo blagosostoyaniya [Welfare State]. In: Kononov, V.N. (ed.) *Politologiya. Slovar'* [Political Science. Dictionary]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
48. Okhokhonin, E.M. (2010) The Genesis of the social state ideas. *Vestnik YuUrGU. Seriya Pravo – Bulletin of South Ural State University. Series Law*. 23 (25). pp. 6–10. (In Russian).
49. Serov, V. (ed.) (2004) *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow: Lokid-press. [Online] Available from: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf>

Информация об авторах:

Юрина Е.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия), профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Жакупова А.Д. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

Мукашева А.О. – ст. преподаватель кафедры русской филологии, Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова (Кокшетау, Казахстан). E-mail: muk-ak-om@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Yurina, Dr. Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

A.D. Zhakupova, Dr. Sci. (Philology), professor, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

A.O. Mukasheva, senior lecturer, Sh. Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan). E-mail: muk-ak-om@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/76/10

**Е.П. Ковалевский и И.С. Тургенев:
от личных взаимоотношений к творческим связям**

**Елена Владимировна Александрова¹,
Эмма Михайловна Жилякова²**

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *alexandrova.aulena@yandex.ru*

² *emmaluk@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются личные и творческие контакты Е.П. Ковалевского и И.С. Тургенева. Писателей связывали деятельность в Литературном фонде, общность взглядов на национально-освободительное движение, близость эстетических воззрений. Литературные связи анализируются на примере очерков Е.П. Ковалевского «Путевые записки о славянских землях» и романа Тургенева «Накануне».

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Е.П. Ковалевский, «Накануне», Литературный фонд, восточный вопрос, «Путевые записки о славянских землях»

Для цитирования: Александрова Е.В., Жилякова Э.М. Е.П. Ковалевский и И.С. Тургенев: от личных взаимоотношений к творческим связям // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 230–246. doi: 10.17223/19986645/76/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/10

**Yegor Kovalevsky and Ivan Turgenev: From personal relationships
to creative connections**

Elena V. Aleksandrova¹, Emma M. Zhilyakova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *alexandrova.aulena@yandex.ru*

² *emmaluk@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the social and literary relationships between Ivan Turgenev and Yegor Kovalevsky. The personal relationships between the writers are analyzed on the material of the Turgenev's and his contemporaries' epistolary, as well as their joint activities for the establishment and work of the Literary Fund. Turgenev's correspondence is examined from the perspective of Kovalevsky's mentions in it. The nature of the messages demonstrates mutual fondness, common

aesthetic views. In addition, Turgenev was interested in Kovalevsky as an intermediary in solving literary and publishing issues, such as assisting *Sovremennik* in its relations with the censorship (the publication of the story “Mumu”, the release of the second edition of *A Sportsman's Sketches*). The nature of the literary ties between Turgenev and Kovalevsky is studied on the example of the novel *On the Eve* and *Travel Notes about the Slavic Lands*. The similarity of views on the national liberation movement, the typological closeness of narrative details and entire episodes, and sometimes their almost literal coincidence allow us to consider the works of the two authors more objectively from the point of view of artistic and aesthetic parallels. The subject of Kovalevsky's description in his essays on the Eastern question (“Life and death of the last ruler of Montenegro”, “Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855”) is the struggle of the Slavic peoples against the oppression of Turkish rule. Turgenev highlights the same problem through the image of Insarov in *On the Eve*. His interest in the national liberation movement of the Bulgarian people during the creation of the novel was caused by the Italian events of 1859 (the struggle of Garibaldi and the Italian people against Austrian rule) and the Eastern War between Russia and Turkey, which began in 1853. Turgenev could rely on some of Kovalevsky's plot details, on the description of real events which he witnessed during the period of participation in the Danube Campaign and the Crimean War. Of particular interest is the development of the Italian theme in Kovalevsky's works as a continuation of Turgenev's idea of the woman's role in the struggle for the homeland independence (“An episode from the war of the Montenegrins with the Austrians. From the memoirs of an eyewitness about Montenegro's and Italy's wars of independence”). A special point of the study is the comparison of landscape sketches and moments of perception by the characters (Turgenev) and the narrator (Kovalevsky) of painting art and theater art, which allows us to further substantiate the problem of artistic and aesthetic interaction or intersection between the two authors.

Keywords: Ivan Turgenev, Yegor Kovalevsky, *On the Eve*, Literary Fund, Eastern question, *Travel Notes about the Slavic Lands*

For citation: Aleksandrova, E.V. & Zhilyakova, E.M. (2022) Yegor Kovalevsky and Ivan Turgenev: From personal relationships to creative connections. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 230–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/10

Личное знакомство с И.С. Тургеневым, уже прославленным автором «Записок охотника», произошло у Е.П. Ковалевского в середине 1850-х гг. Последний после участия в обороне Севастополя поселился в Петербурге, где сблизился с обществом столичных литераторов и вошел в круг «Современника». В этом журнале ещё до Крымской войны были отрывочно напечатаны несколько путевых очерков Ковалевского, события которых протекали в Египте, Восточном Судане и Западной Эфиопии. Статьи «Из путешествия во Внутреннюю Африку. Большая Нубийская пустыня» (1848 г., т. XII) и «От Большой Нубийской пустыни до соединения Белого с Голубым. Каргум и Сеннар» (1849 г., т. XIII) были заказаны уже известному в то время путешественнику¹ самим редактором. В письме от 14 де-

¹ В предисловии к публикации редакция отмечала: «Всякий, кто читал первые книги “Странствователя по суше и морям”, имевшие такой блестящий и вполне заслужен-

кабря 1848 г. Н.А. Некрасов даёт высокую оценку первой статье и надеется получить продолжение: «Ваша статья прекрасна и чрезвычайно всем нравится. Все жалеют, что только мало. Нужно ещё» [2. С. 114].

Тургенев, как один из «главных членов кружка» [3. С. VII], вошедших в «Современник» в 1846 г., в это время был активным участником издания: в период с 1847 по 1851 г. он публиковал в журнале повести и стихи, очерки, вёл хронику, выступая как писатель и критик. Он не мог не знать имени Ковалевского, к тому же отмеченного похвальным словом В.Г. Белинского. Но если с Некрасовым «странствователь» уже был знаком довольно коротко («Я на днях постараюсь быть у вас», – писал Некрасов Ковалевскому в приводимом выше письме) [2. С. 114], то о личном знакомстве с Тургеневым в этот период ничего не известно.

Первое упоминание имени Ковалевского в тургеневском эпистолярии относится к 9 мая 1856 г.: в письме к Л.Л. Добровольскому он назван «мой знакомый, генерал Ковалевский» [4. Т. 3. С. 87]. Уже «знакомый», следовательно, личная встреча состоялась несколько раньше. А.В. Дружинин 23 ноября 1855 г. записал в своём дневнике: «Вчера обедал у Некрасова с новыми весьма интересными лицами: туристом Ковалевским и Л.Н. Толстым. Оба из Севастополя. I like both» [5. С. 355]. Больше года спустя, 18 февраля 1857 г., он там же отмечал: «...в среду на моём вечере было много хорошего народа, Ковалевский между прочим» [5. С. 403]. Присутствие Ковалевского на обедах литераторов подтверждает и А.А. Фет: «Литературный кружок, к которому принадлежал и Д.В. Григорович, и мой университетский товарищ Я.П. Полонский, и генерал-майор Е.П. Ковалевский, путешественник по Малой Азии, Египту, Нубии и Абиссинии, – собирался не у одного Некрасова» [6. С. 36].

В письмах Тургеневу Некрасов называет Ковалевского «милейший генерал», говорит, что собирается жить с ним вместе на даче в Ориенбауме и разбирает повесть Толстого «Два гусара» («Мы с Ковалевским слышали много хороших о ней отзывов») [7. С. 438–439]. В обоюдной переписке они обсуждают и характер «милейшего генерала»: «...не поддавайся в этом отношении влиянию Ковалевского – он способен заразить хандрою статую», – пишет Тургенев Некрасову 16 июня 1856 г. [7. С. 442], что говорит о достаточно коротком знакомстве двух литераторов.

Эта же мысль о хандрящем Ковалевском звучит и в уже приводимых воспоминаниях Фета: «В нашем шумном и весёлом кружке особенно выделялся своей молчаливостью и бледностью, в то время уже седой, генерал-майор Егор Петрович Ковалевский... Он, очевидно, мучительно хандрил, сквозь эту хандру каждому слышалась бесконечная доброта этого человека» [6. С. 128]. В том же направлении мысли 29 сентября 1856 г. писал Тургеневу Е.Я. Колбасин: «Ковалевский мрачен, как буря; воображаю, как весело его подчиненным!» [3. С. 277].

ный успех в русской публике, – согласится, что г. Ковалевский мастер рассказывать свои путевые наблюдения и впечатления живо и необыкновенно увлекательно» [1].

Б.А. Вальская в статье «Путешественник Е.П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848–1860 гг.)» объясняет такое душевное состояние путешественника пережитыми событиями на Балканах и в Севастополе, что воспринималось им «как личная трагедия» [8. С. 10]. Этим обстоятельствам военной кампании Ковалевский посвятил два опубликованных в «Современнике» очерка: «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события» (1854) и «Бомбардирование Севастополя. Из второй части “Истории войн 1853, 1854 и 1855 годов”» (1856).

Из переписки Тургенева 1857–1868 гг. очевидно, что дружеские отношения с Ковалевским продолжались до самой смерти последнего. На протяжении указанного десятилетия его имя нередко встречается на страницах тургеневских писем к самым разным адресатам: Н.А. Некрасову, А.В. Дружинину, П.В. Анненкову, Н.А. Основскому, М.В. Авдееву, М.Н. Каткову, В.П. Боткину, П. Виардо.

Переписка же Тургенева с самим Ковалевским берет свое начало в сентябре 1858 г. Известны 12 писем Тургенева к Ковалевскому, ответные же не сохранились или не найдены (кроме официальных, из архива Литфонда). Характер посланий демонстрирует взаимное расположение, общность литературных вкусов, заинтересованность Тургенева в Ковалевском в качестве посредника в решении вопросов разного характера.

О постоянстве их взаимоотношений свидетельствуют нередкие приглашения на совместные обеды литераторов («...извещаю о предстоящем обеде, и мы будем Вас ждать безотговорочно») [4. Т. 4. С. 17] и периодически возникающее желание личной встречи («Надеюсь увидеть Вас в начале ноября – зиму я проживаю в Петербурге»), а также сожаления по поводу того, что увидеться не удалось («Мне очень было досадно, что я не видел Вас перед отъездом из Содена») [4. Т. 4. С. 216]. В письмах к Ковалевскому находят отражение и моменты личного характера, например тургеневское сочувствие относительно слабости путешественника к азартным играм («...желаю Вам отличного лечения и самой слабой игры»), что, конечно, говорит о тесноте взаимного общения, и даже там, где речь идет о делах более или менее официальных, писатель не избегает шуточных пассажей в начале: «...нагло пользуюсь Вашей любезностью и посылаю Вам золотое перо на обмен Вашего, хорошего» [4. Т. 4. С. 186].

В большинстве случаев Тургенев пишет к нему как к влиятельному лицу – директору Азиатского департамента и одновременно брату министра народного просвещения Евграфа Ковалевского, излагая просьбы, касающиеся до частных лиц (в том числе чиновников) и литературно-общественных предприятий (о разрешении «Московского вестника»). К числу таких примеров принадлежит и содействие в публикации повести «Муму», а также помощь во втором издании «Записок охотника».

Совершенно очевидно, что литература имела определяющее значение в атмосфере дружеских контактов Ковалевского и Тургенева. Не случайно путешественник был допущен в круг тех лиц, что являлись первыми слушателями тургеневских произведений (например, романа «Дым»). Большую роль в лич-

ном сближении играли и совместные усилия по устройению¹ Литературного фонда² (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым), председателем которого Ковалевский бессменно состоял до самой своей кончины [9].

Однако взаимоотношения Тургенева и Ковалевского достойны пристального внимания не только с точки зрения их общего участия в общественно-литературной жизни России. Вызывают интерес совершенно конкретные творческие связи двух писателей, к которым впервые обратилась Б.А. Вальская, избрав центром сопоставления роман Тургенева «Накануне» (1860) и тему национально-освободительного движения болгарского народа. В качестве одного из источников, «которым Тургенев вдохновлялся» во время создания романа, ученый называет «Путевые заметки о славянских землях» и «другие статьи Е.П. Ковалевского» [10. С. 238]. «Другие статьи» – это посвященные событиям на Балканах «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события» («Современник», 1854), «Три главы из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» («Отечественные записки», 1856) и «Путевые заметки о славянских землях» («Русская беседа», 1858–1859). С последней статьей Тургенев был знаком очень хорошо, о чем свидетельствует его письмо начала 1859 г., в котором он пишет: «Любезнейший Егор Петрович, посылаю Вам Вашу статью, которая очень и очень хороша – поверьте мне – но если Вы желаете знать, что именно я нашел в ней менее удачного, – то приходите завтра ко мне обедать» [4. Т. 4. С. 25]. Речь идёт о второй части произведения, к тому времени ещё не опубликованной. К тому же в личной библиотеке Тургенева были номера журнала «Русская беседа» этих лет.

Из переписки Тургенева понятно, что и ещё одна статья Ковалевского была предметом его чтения и последующего обсуждения. Е.Я. Колбасин в письме от 2 декабря 1856 г. сообщает писателю по поводу содержания очередного выпуска «Отечественных записок»: «Другая лучшая вещь этой книжки “Три главы из военной истории 1853, 54 и 55 гг.” Ковалевского. Толстой в отчаянии, что эта вещь попала к Андриасу, говорит, что Ковалевский сказал ему: “Да что же делать, Некрасова нет, Панаева я не люблю, ну я и отдал Краевскому”» [3. С. 303].

Таким образом, о борьбе славянских народов за свободу и независимость Тургенев узнавал из доступных и вполне официальных печатных источников, кроме того, читательское восприятие дополнялось у него впечатлениями от бесед с непосредственным участником военных действий

¹ Собрание учредителей Литературного фонда состоялось 14 февраля 1859 г., на нем присутствовали Е.П. Ковалевский, И.С. Тургенев, П.В. Анненков, С.С. Дудышкин, Н.Г. Чернышевский, А.В. Дружинин, А.П. Заблоцкий, А.Д. Галахов, А.В. Никитенко, К.Д. Кавелин и А.А. Краевский. Тогда же был подписан проект устава Общества. Однако окончательные выборы членов комитета произошли лишь в конце года – 20 ноября, при этом Тургенев был избран членом комитета заочно, так как находился в это время в Спасском [3. Т. 4. С. 375].

² О деятельности И.С. Тургенева см.: [8].

на Балканах, свидетелем освободительного движения славян и их прямым защитником. В разговорах с Тургеневым Ковалевский, конечно, передавал свои переживания по поводу всего увиденного и служил писателю чуть ли не основным достоверным источником происходящего на Балканском полуострове. Косвенным подтверждением тому служат последние строки «Путевых заметок...», где автор говорит: «...случалось мне рассказывать двум-трем приятелям некоторые события этой войны. Один из них так увлекся, что обещал включить их в какой-нибудь из своих рассказов, – тогда, я уверен, под его творческим пером восстанут эти живые образы, полные простоты и всеокрушающей силы духа, и потребуют отчета у людей, принеших их в жертву каких-то мнимых политических расчетов» [11. С. 148]. Вероятно, «некоторые события» нашли отражение именно в «рассказе» Тургенева – на тех страницах романа «Накануне», что посвящены образу Инсарова и его национально-освободительной идее.

В статьях-очерках Ковалевского, посвящённых восточному вопросу, главным предметом описания становятся славянские народы и их борьба против гнёта турецкого владычества. Эта же борьба составляет основу жизни болгарина Инсарова, заложенную в самом его детстве, – Тургенев лаконично излагает историю гибели родителей героя, объясняющую причину его ненависти к туркам. Тургеневский лаконизм произрастал из многочисленных, детализированных и эмоционально окрашенных примеров жестокости по отношению к славянам, запечатлённых в очерках Ковалевского.

И.С. Тургенев

...Ужасное злодеяние: мать Инсарова вдруг пропала без вести; через неделю ее нашли зарезанною... Ходили слухи, что ее похитил и убил турецкий ага; ее муж, отец Инсарова, дознался правды, хотел отомстить, но он только ранил кинжалом агу... Его расстреляли. – Расстреляли? Без суда? – Да. Инсарову в то время пошел восьмой год. Он остался на руках у соседей¹ [12. Т. 6. С. 199].
Он говорил, не спеша, о турках, об их притеснениях, о горе и бедствиях своих сограждан, об их надеждах [12. Т. 6. С. 203].
...У нас всё отняли, всё: наши церкви, наши права, наши земли; как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут... [12. Т. 6. С. 213–214].

Е.П. Ковалевский

...Кто думает, что в Турции закон имеет какую-либо обязательную силу, что это не совсем мертвые буквы, тот, значит, вовсе не знает Турции («Путевые записки о славянских землях») [11. С. 141].
...В 1855 году, когда фанатизм в здешнем крае производил ужасы, достойные других времен, сам губернатор Подгорицы <...>, Али-Спаги, с толпою мусульман напал на церковь, взял ее с бою, разрушил до основания, перебил всех людей запершихся в ней, – не удовольствовался этим – разрыл кладбища, отрубил головы у мертвых тел и разослал их по всем окрестностям, приказав выставить у въездов в деревни [11. С. 146].

¹ Здесь и далее во всех цитатах курсив и полужирные начертания принадлежат нам. – Е.А., Э.Ж. Полужирные начертания применяются с целью выделения тексто-смысловых переключек между двумя авторами.

Героями очерков Ковалевского в основном были черногорцы. Эту страну он знал очень хорошо, трижды был в ней с разными миссиями. Но примеры жестокого обращения со славянами, в частности болгарами, были описаны в статье «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах»: «Болгары, узнавшие об отступлении нашем из-под Силистрии <...> стекались в лагерь, умоляя командующих отдельными частями позволить им удалиться со всем своим имуществом за русскими войсками, на левый берег Дуная. Оставить их на месте, значило не только предать совершенному разграблению, но и зверской мести турок за преданность их России» [13. С. 115].

Скупые слова Инсарова, за которыми скрываются боль и ненависть болгарина, словно прямо вытекают из очерков Ковалевского: «...какая совершалась перемена в Инсарове при одном упоминении его родины: не то чтобы лицо его разгоралось или голос возвышался – нет! Но всё существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неумолимее, а в глубине глаз загорался какой-то глухой, неугасимый огонь» [12. Т. 6. С. 203].

Объединяет Тургенева и Ковалевского и авторское отношение к национальному колориту – славянским языкам, песням, фольклору. У Тургенева, по его собственному признанию, даже был период, когда он «с ума сходил от народных песен» и имел у себя «переводы сербских, мадьярских, финских и других песен» [4. Т. 2. С. 301]. Своего героя писатель наделил страстным и деятельным интересом по отношению к языковой составляющей его национальной культуры: Инсаров «переводил болгарские песни и летописи, собирал материалы о восточном вопросе, составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских» [12. Т. 6. С. 202]. «Русский должен знать все славянские наречия», – говорит он Елене [12. Т. 6. С. 214]. Ковалевский, действуя в том же направлении, выражает беспокойство по поводу засилья иностранных языков («Владычество Венеции и потом Австрии») и полное забвение славянских наречий: «...сам язык славянский вы редко услышите; господствующий – итальянский, который теперь силятся заменить немецким. Славянские письмена, везде, где только можно, заменяются латинскими» [11. С. 111].

Обращение к народным песням как к способу лирического воссоздания национальной самобытности Ковалевский использует во многих своих произведениях, начиная с книги о путешествии в Черногорию (1841):

История здешнего края начертана в песнях, сохранена в земле и на земле [11. С. 42].

Никогда не забуду я, какое впечатление произвела на меня однажды простая сербская песня [11. С. 104].

Особенно примечателен отрывок, в котором автор представляет исполнение молодым черногорцем песни («длинной, исторической баллады») о «герое Славянства Милоше Обиличе»:

Певец начал. Его лицо, полное благородства, но холодное, вспыхнуло жизнью; смущение придало ему более красоты; он пел, сопровождая

напев гуслями, и все внимало, никто не шелохнулся, чубуки оставались еще в сомкнутых устах, но они не дымились и давно остыли; на лицах слушателей можно было разгадывать смысл песни, так сильно, так видимо отражались на них порывы волнуемой страстью души [11. С. 42].

Эта сцена, рисующая отклик и единый порыв человеческой души на звуки национальных мотивов, находится в почти прямом соотношении с явленным в рассказе «Певцы» пением Яшки-Турока, в котором сказалась «русская, правдивая, горячая душа» [12. Т. 3. С. 222]. Черты сходства с черногорским исполнителем обнаруживают себя и в Инсарове, когда тот восторженно говорит о Болгарии: *... всё существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначалось резче и неумолиме, а в глубине глаз зажегся какой-то глухой, неугасимый огонь* [12. Т. 6. С. 42].

Исторический контекст романа «Накануне» связан с началом в 1853 г. Восточной войны между Россией и Турцией, что и вызвало подъём национально-освободительного движения славянских народов. Главному герою так и не удалось принять непосредственное участие в борьбе за независимость Болгарии, но восприятие им (как и повествователем) событий на Балканах очень близко, а иногда и практически совпадает с восприятием Ковалевского:

И.С. Тургенев

Война уже кипела на Дунае; Англия и Франция объявили России войну, все славянские земли волновались и готовились к восстанию [12. Т. 6. С. 284].
События быстро развивались на Востоке; занятие княжеств русскими войсками волновало все умы; гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кружом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдет, где остановится; старые обиды, давние надежды – всё зашевелилось [12. Т. 6. С. 250].

Е.П. Ковалевский

Война гремела на Дунае. Европа шла против нас: Австрия вооружалась. <...> Западная часть Турции от княжества Сербского до королевства Греческого подымалась из-под тяжкого гнет («Путевые записки о славянских землях») [11. С. 147].

Вся Фессалия, часть Македонии, Боснии, Герцеговины, Албания взволновались. Народ глухо зашумел, как море перед бурей, и буря разразилась внезапно, когда менее всего ее ожидали, когда сам народ не был приготовлен к ней. Только тогда, когда надо было драться, увидели, что не было ни пороху, ни свинцу, и на первых порах дрались чем ни попало, повсюду одерживая верх над неприятелем, – так силен был порыв народа, такой панический страх объял турок [11. С. 147].

В этих отрывках кроме явного текстового сходства очевидно и стилистическое, к которому можно отнести развернутое сравнение (народное восстание как грозная неуправляемая стихия: *гроза росла – буря разразилась; занимался пожар – зашумел как море*), где обильно используются средства экспрессии и олицетворения (*Война кипела, земли волновались – Война гремела, взволновались*).

И у Тургенева и у Ковалевского в тексте герои выражают одну и ту же готовность единения ради общего дела, стремление к свободе и независимости, способное под одним знаменем собрать разные сословия в готовности принести личную жертву:

И.С. Тургенев
...Последний мужик, последний нищий в Болгарии и я – мы желаем одного и того же. У всех у нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость! [12. Т. 6. С. 214].

Е.П. Ковалевский
...Они готовы пожертвовать своим достоянием, которое с таким трудом нажили, чтобы доставить средства для дела общего. Надо было видеть их энтузиазм в столь памятный для всех, преданных своей вере и своей истории, 1853 год! [11. С. 99].

В этом контексте особенно впечатляет описанный Ковалевским эпизод, связанный с тем, как обыкновенные рыбаки с готовностью внесли свою лепту в общее дело, отдав единственное средство собственного существования. Тургенев прочитывает эту деталь повествования очень внимательно и включает ее явным пунктиром в свой роман:

И.С. Тургенев
Слышала ты, Елена <...> говорят, бедные далматские рыбаки пожертвовали своими свинчатками, – ты знаешь, этими тяжестями, от которых невода на дно опускаются, – на пули! Денег у них не было, они только и живут что рыбною ловлей; но они с радостью отдали своё последнее достояние и голодают теперь. Что за народ! [12. Т. 6. С. 284].

Е.П. Ковалевский
Узнавши, что в Жабляке расстреляли весь свинец и что черногорцы распилили одно орудие, чтобы металлом его заряжать другие, пастровичане, по занятию рыболовы как все жители побережья, сняли весь свинец, которым обыкновенно оторачивают сети, и отнесли его на подмогу в Жабляк [11. С. 95].

С историей самоотверженных жителей побережья связан и другой факт, также восходящий к очеркам Ковалевского, а именно его «Путевым заметкам». Приписывая подвиг именно далматским рыбакам, Тургенев вводит и конкретный образ, представляющий эту народность. Рендич, которого так ждал Инсаров, был далмат <...> человек суровый, грубый, смелый и преданный славянскому делу. Он презирал турок и ненавидел австрийцев [12. Т. 6. С. 296]. У Ковалевского две главы посвящены «добрым далматийцам-единоверцам». Дружба между русскими матросами и далматинцами «возникла скоро, со свойственным всем славянам увлечением, а общая церковь заключила их единокровный союз» [11. С. 104]. «При виде судьбы» этого народа, пишет Ковалевский, «отчужденного, подавленного, покинутого», «невольно сжимается сердце и недостает духу распространяться о внешней стороне их» [11. С. 111]. Тургенев, со свойственным ему лаконизмом, обрисовал характер героя лишь несколькими точными эпитетами, а упоминание турок и австрийцев, выражение презрения и ненависти к ним Рендича послужили сближению последнего с Инсаровым. Не слу-

чайно в одном эпизоде романа появляется австрийский офицер, который в гордом болгарине кровь «расшевелил своим криком, своими усами, своим картузом, всей своей наружностью», своим «надменным голосом» [12. Т. 6. С. 285].

Вкладывая в уста Инсарова и Рендича негативную оценку турок и австрийцев в связи с их политикой по отношению к славянам Европы, Тургенев таким образом высказывает и собственную точку зрения, действуя в объективной манере изображения. Голос же Ковалевского проявляет себя открыто, путешественник прямо высказывает свое осуждение в адрес угнетателей и выражает поддержку представителям славянских народов, полностью выдерживая очерковый стиль повествования.

До и после публикации «Накануне» образ Инсарова получил резкую критику в качестве национального типа. Зная роман еще в рукописи В.П. Боткин писал Фету (20 марта 1860 г.), что «несчастный Болгар решительно не удался; всепоглощающая любовь его к родине так слабо очерчена, что не возбуждает ни малейшего участия» [14. С. 844–845]. Н.А. Добролюбов позже посетовал на «бледность очертаний» Инсарова и неубедительность его идей, которые не способны «вызвать толпу подражателей» [15. С. 123]. Однако такая оценка по своему характеру неоднозначна и субъективна, поскольку она сложилась не столько от тургеневской «непривычки к политическим мотивам в художественном деле» (по словам Анненкова) [12. Т. 6. С. 436], сколько от того, что большей части русского общества были свойственны довольно смутные представления о национально-освободительном движении славян. Симптоматично, что в романе Тургенева отец Елены дважды называет Инсарова черногорцем: «Пора ей покинуть свои туманы, выйти из общества разных артистов, школяров и *каких-то черногорцев* и сделаться как все» [12. Т. 6. С. 246]. «За этим оборвышем, *черногорцем!* Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца!» [12. Т. 6. С. 275]. Из всех славянских народов именно черногорцы были в какой-то мере на слуху, в том числе благодаря Ковалевскому, который открыл эти земли русским читателям. Для многих жителей России и сам славянский вопрос не был актуальным, на что писатель также ярко указывает через другой образ – матери Елены, Анны Васильевны, которой «Болгария представлялась чем-то вроде сибирских тундр» [12. Т. 6. С. 279].

Однако вместе с критикой «политической» стороны романа Боткин в письме к Фету пишет о том наслаждении, которое он получил от чтения «Накануне». Его особые симпатии вызвали тургеневское умение лиризации эпического материала, а также способность качественного развития даже второстепенных элементов повествования: «Я не знаю, есть ли в какой повести Тургенева столько поэтических подробностей, сколько их рассыпано в этой. Словно он сам чувствовал небрежность основных линий здания, и чтобы скрыть эту небрежность, а может быть и неопределенность фундаментальных линий, он обогатил их превосходнейшими деталями, как иногда делали строители готических церквей. Для меня эти поэ-

тические, истинно художественные подробности заставляют забывать о неясности целого. Какие озаряющие предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдруг раскрывающие внутренние перспективы предметов» [14. С. 844–845].

«Творческое перо» Тургенева Ковалевский ценит очень высоко, в его собственной очерковой прозе есть места, исполненные такой безыскусственной поэзии, что их можно поставить вслед за тургеневскими зарисовками. Эстетические взгляды двух писателей-современников во многом совпадали, что хорошо видно на вполне конкретных примерах, связанных с темой живописи и театра:

И.С. Тургенев

*К великому скандалу трех посетителей англичан, Елена хохотала до слез над святым Марком **Тинторета**, прыгающим с неба, как лягушка в воду, для спасения истязаемого раба; с своей стороны, Инсаров пришел в восторг от спины и икр того энергического мужа в зеленой хламиде, который стоит на первом плане **тициановского** «Вознесения» и воздымает руки вслед Мадонны; зато сама Мадонна – прекрасная, сильная женищина, спокойно и величественно стремящаяся в лоно бога-отца, – поразила и Инсарова и Елену; понравилась им также строгая и святая картина старика Чима да Конельяно [12. Т. 6. С. 286, 287].*

Е.П. Ковалевский

*Замечательнее всего в Заре – это картина, находящаяся в монастырской церкви Св. Марии, налево от входа: по словам одних, она работы **Тициана**, по словам других – **Тинторета**. Чьей бы, впрочем, кисти ни была картина, но она произвела на меня такое глубокое впечатление, какого я давно не испытывал. **Лицо Богоматери, проникнутое тихою грустью, самоотвержением и преданностью своей судьбе, – это соединение неба и земли, человеческого и божества, плоти и духа, – до того прекрасно, многозначительно и истинно, что вы не можете отвести от него глаз, оторвать мысли, пока наконец усталая голова невольно опускается** [11. С. 101–102].*

Упоминание одних и тех же художников, впечатления, производимого их картинами, конечно, описаны по-разному: Инсаров и Елена провоцируют скандал своим смехом, а повествователь у Ковалевского находится под глубоким эстетическим воздействием. Но каждый из авторов отдает должное образу Мадонны, так глубоко поразившему романских героев и путешественника.

Такой же интерес проявлен и к театру: у Тургенева в Венеции слушают оперу Дж. Верди «Травиата», а Ковалевский передает восприятие итальянской оперы в Заре. Описание манеры исполнения в романе («каждый кричал, во сколько хватало сил») [12. Т. 6. С. 287] и очерках («когда играет в трагедии, то, кажется, так и лезет с кулаками в партер») [11. С. 102], а также реакция публики – сперва холодная, а затем восторженная (у Тургенева) и изначально восхищенная (у Ковалевского) – все это дает авторам возможность высказать свою оценку. Ковалевский таким образом представляет небольшую зарисовку нравов Зары с явным ироническим звучанием, а под пером Тургенева партия Виолетты демонстрирует преображающую силу искусства.

Но совершенно особой поэзией, конечно, проникнуты у Тургенева пейзажи, в том числе романтные, и тут Ковалевский с собственными развернутыми и одушевленными картинами природы может выступить его достойным «учеником»:

И.С. Тургенев

*Карета быстро неслась то вдоль созревающих нив, где **воздух был душен и душист и отзывался хлебом**, то вдоль широких лугов, и внезапная их свежесть **била легкой волной по лицу. Небо словно дымилось по краям. Наконец выплыл месяц, тусклый и красный.***

*Заря уже занималась в небе, когда оба приятеля возвратились на свою квартиру. Солнце еще не вставало, но уже заиграл холодок, **седая роса** покрыла травы, и первые жаворонки звенели высоко-высоко в полусумрачной воздушной бездне, откуда, как **одинокий глаз**, смотрела крупная последняя звезда [12. Т. 6. С. 223].*

Е.П. Ковалевский

*Вечер был – каких бывает мало даже и здесь, в стране прекрасных вечеров. **Природа и душа** заодно вливали **радость благодатного воздуха**: полная луна всходила из-за снежного хребта и облекала вершину его в **таинственный** полусвет, между тем как отклон горы был задернут мраком. Давно не дышал я **воздухом долин**, и вот теперь передо мною развевалась одна из роскошнейших; орошаемая Зетой в самой середине, она **обнималась по краям**, у подошвы и скатов гор, деревеньками и отдельными избами, словно на диво им. Поля **ржи и кукурузы**, или, правильнее, гряды, так малы они были, **колыхались волной матового золота**; виноградник **зеленой тафтой** застилал небольшие возвышенности; смородины, черешни, мурвы и другие плодовые деревья сбегались в кусты, как бы желая **пощеголять** обилием своих плодов; только **роскошные** орешники стояли порознь, одиноко <...>. Едва скошенная **трава разливала запах**, нескошенная **пестрела** цветами [11. С. 41].*

Подвижное и раскрывающееся описание летнего вечера всё пронизано запахами и окрашено разными цветами. Душный и душистый воздух нив у Тургенева, который *отзывался хлебом*, и *благодатный воздух долин* у Ковалевского передают непосредственность человеческих ощущений во время пребывания в открытом и кажущемся бесконечным (*Небо словно дымилось по сторонам* – у Тургенева; *долина обнималась по краям* – у Ковалевского) природном пространстве. Эту устремленность в бескрайность утверждают «морские» сравнения (*била легкой волной* – Тургенев; *колыхались волной матового золота, застилал зелёной тафтой* – Ковалевский). При этом оба автора, не будучи маринистами, дают в своих текстах живое описание морской стихии:

И.С. Тургенев

*Адриатика катала перед ними свои мутно-синие волны; **они пенились, шипели, набегали и, скатываясь назад**, оставляли на песке мелкие раковины и обрывки морских трав [12. Т. 6. С. 284].*

Е.П. Ковалевский

*...безграничного моря, **то тихого и гладкого, как стекло, то бурного и пенящегося у своих берегов**, одинаково величавого и прекрасного... [11. С. 99].*

Близость эстетических воззрений Тургенева и Ковалевского очевидна. Но если мастерство признанного художника слова не подвергается сомнению, то творчество Ковалевского в этом плане обделено вниманием исследователей. Слова Боткина о тургеневском романе вполне могут быть применены и к «Славянским землям» Ковалевского: автора тоже по праву можно назвать «человеком с поэтическим чувством», которому можно простить все «математические недостатки за те сладкие ощущения, которые пробудят в душе <...> нежные, тонкие и грациозные детали» [14. С. 845]. Хотя в отношении «математики» Ковалевский был очень точен, стремясь к достоверности изложения всех приводимых им фактов.

Публикация «Накануне», безусловно, не могла пройти мимо внимания Ковалевского. И хотя нет никаких данных о том, как он отнесся к новому роману Тургенева, можно обнаружить несколько моментов опосредованного влияния последнего на прозу путешественника.

В 1864 г. в журнале братьев Достоевских «Эпоха» был опубликован «Эпизод из войны Черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии». События разворачиваются в 1839 г. в период первого пребывания Ковалевского в Черногории, и подробно описан черногорско-австрийский конфликт, участие в котором сделало русского капитана национальным героем. Возвращение к событиям 25-летней давности не случайно. В подзаголовке подчёркивается: «Писано в 1864 г.» (а роман «Накануне» публиковался в 1860–1861 гг.) и указываются две страны, сражающиеся за независимость, – Черногория и Италия. Как известно, под впечатлением национально-освободительного движения в Италии находился и Тургенев в период создания романа. Итальянская тема прослеживается и в очерке Ковалевского, который приобретает новеллистический характер благодаря образу итальянского юноши, сражающегося на черногорской земле на стороне австрийцев: *...дикая воля немца <...> заставила его жертвовать своею жизнью за тех, кого он в душе своей ненавидел*. Последняя просьба умирающего приводит Ковалевского в Италию – передать письма невесте и медальон матери. Оказавшись в Венеции спустя восемь месяцев после описываемых событий, Ковалевский говорит не о красоте города, а о политической атмосфере, царящей в нём: *...это было памятное для венецианцев время, когда знаменитая инструктория 1826 года тайной австрийской полиции <...> получила полное применение и развитие, когда главные деятели тайной полиции <...> наводили ужас на итальянцев* [11. С. 156–157].

Встреча с невестой итальянского юноши, портрет которой был в медальоне, не оправдала ожиданий повествователя. Но этот образ вызывает у читателя ряд неслучайных ассоциаций с образом Елены из романа Тургенева – не только в плане внешнего сходства, но и по той роли, которую будут играть героини в борьбе за независимость страны:

И.С. Тургенев

Ей недавно минул двадцатый год. Росту она была высокого, лицо имела бледное и смуглое, большие серые глаза под круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лоб и нос совершенно прямые, сжатый рот и довольно острый подбородок. Ее темно-русская коса спускалась низко на тонкую шею. Во всем ее существе, в выражении лица, внимательном и немного пугливом, в ясном, но изменчивом взоре, в улыбке, как будто напряженной, в голосе, тихом и неровном, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словом что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных [12. Т. 6. С. 182].

Е.П. Ковалевский

На одной стороне его был портрет молодой, прелестной девушки, с русыми волосами и темно-голубыми глазами. Трудно было признать ее итальянское происхождение, если бы тонкие черты лица, черные брови и гордый, повелительный вид, который странно согласовался с ее ребяческой молодостью, не изблещивали его [11. С. 156].

...Девушка, которая живо напоминала мне знакомые черты портрета; она была очень хороша; руки, волосы и темные брови над темно-голубыми глазами свидетельствовали ее итальянско-немецкое происхождение; разгоревшееся лицо дышало жизнью [11. С. 157].

Судьба Елены в романе «Накануне» после смерти Инсарова неизвестна, но читатель не может сомневаться в том, что она продолжила дело своего мужа. Луиза Монти в первую встречу вызвала гнев повествователя предательством по отношению к памяти графа А-ни. *Переступая порог этого дома, я думал утешить скорбь живущих в нем, воспоминанием о том, кто погиб, и как погиб он, любящий страстно, с ее именем на устах; я думал вызвать на глаза те слезы, которые камнем лежат на сердце, и облегчить страдания осиротевшей невесты, и что нашел я?.. «Не прошло еще 8 месяцев!» – слова Гамлета к матери невольно пришли мне на память [11. С. 157].* Отсылка к Шекспиру и романтическое осмысление этих событий спустя некоторое время объясняют позицию повествователя: *Я оставил этот дом, пропитанный предательством и изменой, как полагал я в то время, хотя теперь я вижу во всем, что так сильно поразило меня тогда, обычный ход жизни, нормальное движение человеческого сердца. «Живи живой, тлей мертвый!» [11. С. 158–159].* Последние строки напоминают не только о «Гамлете», но и являются реминисценцией стихотворения Е.А. Баратынского «Череп».

В первое посещение Венеции не состоялась встреча с матерью графа, но её роль в воплощении идеи Ковалевского значительна: *...я никак не мог себе вообразить, что судьба сведет меня опять с одним из главных лиц этой небольшой драмы, – и, Боже мой! Как различны были встреча наша и это расставание. Прошло десять с небольшим лет. Возвращение путешественника в город каналов произошло в 1848 г., и первые его впечатления были связаны с ощущением произошедших важных изменений: ...стены, здания остались те же; но что совершалось в тесных улицах, на широких каналах и площадях, совсем не походило на то, что я видел в прежний свой приезд в Венецию. Народ как будто преобразился, возмужал, вырос; уважая сам себя, он стал уважать других [11. С. 159].*

В разгар революционных событий 1848–1849 гг. в Ломбардии и Венеции Ковалевский показывает пример самоотверженности в борьбе за неза-

висимость Италии на примере женских образов. Один из них – графиня А-ни, мать погибшего юноши, посвятила свою жизнь борьбе за независимость. Даже встречу с очевидцем гибели её сына она объясняет, оправдываясь: *...не вся еще отдалась нашему великому делу и подаю вам дурной пример собой; но будьте покойны, я немного минут посвящу для них и, верьте, это последние минуты, что я отняла от своего служения родине* [11. С. 161].

Второй образ, удививший писателя, названная дочь графини, её соратница, отстаивающая те же принципы свободы, теперь неразделимо связанные с гибелью ее жениха: *Вот что! Как же это понять? Она, Монти, невеста, так равнодушно услышала весть о смерти своего жениха, и потом жена, баронесса Дитерейхс, по прошествии нескольких лет, страстно влюбилась в память покойного и счастлива тем, что носит его имя...*

Объяснение такой метаморфозе – в словах случайного итальянца, того «приветливого господина», что указал путешественнику на графиню А-ни: *Есть, почтеннейший, в горных лесах Италии один вид дикого жасмина *Asperula odorata*: вы пройдете мимо и не заметите его, – так неказист и недушист он на ветке, но когда вы его сорвете и принесете в комнату, когда он совсем завянет, то наполняет ароматом всю комнату, – так бывает с памятью милого человека* [11. С. 162].

Последнее упоминание об итальянских событиях относится к 1862 г. В письме графини А-ни 1862 г., завершающем «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами», словно выражена квинтэссенция всей её жизни: *Сегодня пробил первый год жизни Италии¹ и 71-й – моей. Я дряхла, руки дрожат, едва в силах держать перо; ноги отказываются служить; но Провидение сохранило мне память, чтобы я не забывала, чем была некогда дорогая Италия, что выстрадала, милая, она! Бог сохранил мне разум и сердце, чтобы я благодарил Милосердного, за то, что он воскресил ее из мертвых, что дал мне видеть единство народа и перейти туда, в жизнь другую, счастливую, успокоенной, туда где ждет меня давно мое бедное, мое сиротящее дитя, которое не раз забывала я в молитве, отдавшись безусловно и безгранично одной святой мысли, одной великой заботе. С верой в Провидение ожидаю последнего часа!* [11. С. 162].

Женские образы, связанные с идеей борьбы за право жить в свободной стране, полные самоотверженности и нашедшие своё призвание не в личном счастье, а в общем деле, – вызывают искреннее восхищение повествователя. Вероятно, именно такой могла быть судьба Елены Стаховой.

В период создания романа «Накануне» в Италии начинался подъём освободительного движения после разгрома революции 1848–1849 гг. Когда же Ковалевский работал над «Эпизодом из войны Черногорцев с австрийцами», он уже был свидетелем объединения Италии. Для него, верно-го защитника славянских народов, боровшихся за освобождение от турец-

¹ В 1861 г. возникло Королевство Италии, объединившее все независимые итальянские государства.

кого и австрийского владычества, это был пример настоящей победы единого в стремлении к свободе народа.

Таким образом, история взаимоотношений Ковалевского и Тургенева, с одной стороны, открывает важные страницы общественно-литературного развития России середины XIX в., с другой – дает материал для построения неизвестных художественно-эстетических параллелей, основанных на сопоставлении очерка-путешествия и романа в аспекте социально-политической проблематики и своеобразия авторского метода.

Список источников

1. *Примечание* редакции // Современник. 1848. № 12, отд. 2. С. 49.
2. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. М. : Наука, 1998. Т. 14. Кн. 1. 371 с.
3. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М. ; Л. : Academia, 1930. 491 с.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М. : Наука, 1987.
5. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М. : Наука. 1986. 512 с.
6. Фет А.А. Мои воспоминания : в 2 т. М., 1890. Т. 1. 452 с.
7. Переписка Н.А. Некрасова : в 2 т. М. : Худож. лит., 1987. Т. 1. 543 с.
8. Вальская Б.А. Путешественник Е.П. Ковалевский и петербургские литераторы (1848–1860 гг.) // Доклады Восточной Комиссии. Географическое общество СССР. Л., 1966. Вып. 3. С. 5–23.
9. Ипатова С.А. И.С. Тургенев и литфонд: у истоков благотворительности в России (1859–1862) (по архивным материалам) // Русская литература. 2018. № 3. С. 54–65.
10. Вальская Б.А. «Накануне» и «Путевые записки о славянских землях» Е.П. Ковалевского // Тургеневский сборник. Л. : Наука, 1969. Вып. 5. С. 235–238.
11. Ковалевский Е.П. Путевые заметки о славянских землях // Собр. соч. : в 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 5. 164 с.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
13. Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах // Собр. соч. : в 6 т. [Б. м.], 2017. Т. 4. 170 с.
14. Фет А.А. Воспоминания. М. : Директ-Медиа, 2016. 1697 с.
15. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1960. Т. 6. С. 69–140.

References

1. Nekrasov, N.A. (ed.) (1848) Primechanie redaktsii [Editorial Note]. *Sovremennik*. 12 (2). p. 49.
2. Nekrasov, N.A. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 t.* [Complete works and letters: in 15 vols]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
3. Izmaylov, N.V. et al. (1930) *Turgenev i krug "Sovremennika". Neizdannye materialy. 1847–1861* [Turgenev and the circle of *Sovremennik*. Unpublished materials. 1847–1861]. Moscow; Leningrad: Academia.
4. Turgenev, I.S. (1987) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
5. Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. Diary]. Moscow: Nauka.

6. Fet, A.A. (1890) *Moi vospominaniya: v 2 t.* [My memories: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow.
7. Nekrasov, N.A. (1987) *Perepiska N.A. Nekrasova: v 2 t.* [Correspondence of N.A. Nekrasov: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Val'skaya, B.A. (1966) Puteshestvennik E.P. Kovalevskiy i peterburgskie literatory (1848–1860 gg.) [Traveler E.P. Kovalevsky and St. Petersburg writers (1848–1860)]. In: *Doklady Vostochnoy Komissii. Geograficheskoe Obshchestvo SSSR* [Reports of the Eastern Commission. Geographic Society of the USSR]. Vol. 3. Leningrad: [s.n.]. pp. 5–23.
9. Ipatova S.A. (2018) I.S. Turgenev and the Literary Foundation: The Emergence of Charities in Russia (1859–1862) (Based on Archival Data). *Russkaya literatura*. 3. pp. 54–65. (In Russian).
10. Val'skaya, B.A. (1969) “Nakanune” i “Putevye zapiski o slavyanskikh zemlyakh” E.P. Kovalevskogo [“On the eve” and “Travel notes about the Slavic lands” by E.P. Kovalevsky]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Turgenevskiy sbornik* [Turgenev collection]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 235–238.
11. Kovalevskiy, E.P. (2017) Putevye zametki o slavyanskikh zemlyakh [Travel notes about the Slavic lands]. In: Kovalevskiy, E.P. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Vol. 5. Priyatnaya kompaniya.
12. Turgenev, I.S. (1978-1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
13. Kovalevskiy, E.P. (2017) Voyna s Turtsiyei i razryv s zapadnymi derzhavami v 1853 i 1854 godakh [War with Turkey and the break with the Western powers in 1853 and 1854]. In: Kovalevskiy, E.P. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Vol. 4. Sel'mashproekt.
14. Fet, A.A. (2016) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Direkt-Media.
15. Dobrolyubov, N.A. (1960) Kogda zhe pridet nastoyashchiy den'? [When will the real day come?]. In: Dobrolyubov, N.A. *Sobr. soch.: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: SPHF. pp. 69–140.

Информация об авторах:

Александрова Е.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Жилякова Э.М. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Aleksandrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

E.M. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2021;
одобрена после рецензирования 08.04.2021; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 13.03.2021;
approved after reviewing 08.04.2021; accepted for publication 22.04.2022.

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/76/11

Дискурс о Горном Алтае в газете «Алтай» в течение 1917 г.

Павел Викторович Алексеев¹, Асель Адилбековна Алексеева²

^{1,2} Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена имагологическому изучению дискурса о Горном Алтае и его аборигенном населении в бийской газете «Алтай» в течение 1917 г., когда происходило разрушение имперского нарратива, а советский еще не был создан. Рассматриваются ранее не публиковавшиеся тексты о Горном Алтае, которые позволяют представить эволюцию образов «детей гор» как «внутренних Других» в период между Февральской и Октябрьской революциями. Статья ставит вопрос о роли газеты «Алтай» в формировании ориенталистского дискурса об инородцах в алтайской периодике периода крушения Российской империи.

Ключевые слова: Алтай, фронтир, инородцы, постколониальность, сибирская периодика, 1917 г.

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Алтай в рамках научного проекта № 20-412-040002 р_а «Алтай и его жители в рецепции сибирских газет конца XIX – начала XX в. (до 1917 г.)».

Для цитирования: Алексеев П.В., Алексеева А.А. Дискурс о Горном Алтае в газете «Алтай» в течение 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 247–263. doi: 10.17223/19986645/76/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/76/11

Discourse about Gorny Altai in the newspaper *Altai* during 1917

Pavel V. Alekseev¹, Asel A. Alekseeva²

^{1,2} Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation

¹ pavel.alekseev.gasu@gmail.com

² asel.grant@mail.ru

Abstract. In this article, the Altai Mountains as a Siberian territory that voluntarily became part of the Russian Empire in the 18th century and already in the 19th century became the subject of active mythologization in the discourse of Russian Orientalism is considered. The authors of the article take into account that a stable circle of

concepts has developed in Russian and European culture that determine the key characteristics of this territory: terra incognita, border, periphery, Eldorado, Switzerland, bear's corner, wild land (inhabited by a wild people), Belovodye, earthly paradise. In the late 19th – early 20th centuries, an “explosion” of publishing activity took place in various cities of Siberia. Thousands of large and small newspapers and magazines appear, on the pages of which mentions of the Altai Mountains and Altai tribes are scattered, forming a rich discourse about the mountain frontier of Siberia, which is also perceived as the Russian gateway to Asia (China, the Kazakh steppe and Mongolia). At the moment, this large-scale area has been little studied from the perspectives of imagology. This article makes an attempt to supplement this area with new artistic and journalistic material from the point of view of the authors included in the discursive practices of Biysk, a city located in close proximity to the compact residence of the aboriginal population, during the collapse of the Russian Empire. As a result of a frontal viewing of 285 issues of the daily newspaper *Altai*, published during 1917, rare texts were discovered that had not been taken into account until now in the study of the imagology of Altai. Arranging the material chronologically, the authors suggested looking at the publicistic image of Altai from the point of view of its evolution in the context of the February and October revolutions. The study revealed that, in the Biysk newspaper *Altai*, in the period from January to October 1917, the image of Gorny Altai and its non-Russian population changed greatly depending on the political and ideological understanding of the revolutionary events. The extremely gloomy, Gothic images of the pre-revolutionary Altai gradually changed to lighter ones. The aboriginal population acquired the features of a people consciously awakening from imperial and church oppression. Therefore, by the end of 1917, the problems of education among the Altai tribes became the main ones. At the same time, the evolution of the Altai image took place within the limited framework of the image formed in the imperial period: of an exalted poetic place inhabited by a wild people, which Russians cannot (or do not want) to lead to civilization.

Keywords: Altai, frontier, inorodtsy, postcoloniality, Siberian periodicals, 1917

Financial support: the study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Republic of Altai, Project No. 20-412-040002 r_a.

For citation: Alekseev, P.V. & Alekseeva, A.A. (2022) Discourse about Gorny Altai in the newspaper *Altai* during 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 247–263. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/11

С момента официального присоединения к Российской империи в 1756 г. территорий, называемых Горный Алтай, существовал устойчивый круг концептов, определяющих ключевые имагологические характеристики этого пространства и его аборигенного населения: страна неизвестная, граница, периферия, Эльдorado, медвежий угол, дикая земля (населенная диким народом), Беловодье, земной рай [1. С. 109]. Как можно заметить, эти концепты легко формируют две основные группы, условно разделяемые на позитивные и негативные характеристики: в каждом конкретном случае в зависимости от точки зрения и идеологических предпочтений автора актуализировался тот или иной блок смыслов, предлагающий повествовательные стратегии формирования «алтайского дискурса». Еще один важный фактор, влиявший на особенность текстовой репрезентации горно-

го фронта Сибири в художественных и публицистических дискурсах Российской империи, связан с проблемой «обзорного пункта» – из какого домашнего пространства обзревается Алтай: из-за границы, из российских столиц, из культурных и административных центров Сибири или автор живет в непосредственной близости от алтайских инородцев (или даже среди них).

Изучение дискурсивной стороны исторических процессов, происходящих внутри империй, реконструируемых на разных материалах от художественных текстов и публицистики до эгодокументов – одно из самых перспективных направлений междисциплинарных исследований современной гуманитарной науки: в этой связи необходимо вспомнить книгу «Черная кожа, белые маски» Ф. Фанона в части рассмотрения связи между языком и культурой колониализма [2], книгу Т. Мартина о роли языка и культуры в конструировании национальной политики 1923–1939 гг. [3], монографию Ю. Слезкина о взаимодействии Российской империи с народами Севера [4], книгу А. Эткинды о внутренней колонизации и изобретении языка внутренних колониальных практик [5], работы Д. Уффельмана и др. по проблемам ориентализма и внутренней колонизации [6], а также большое количество работ по «конструированию Другого» (в англоязычной литературе – *othering*). В контексте подобных работ, реконструирующих большие исторические процессы, крайне важно обратиться к локальным примерам формирования и эволюции дискурсов инаковости, ускользнувшим от их внимания. Обращение к таким темам, как формирование дискурса об Алтае, призвано не только уточнить и наполнить более подробным фактическим содержанием уже существующие представления о дискурсах инаковости в разных уголках Российской империи, но также способствовать де-табуированию колониальных и постколониальных проблематик региональных исследований, формируя перспективные области междисциплинарности. Горный Алтай в этих контекстах интересен также тем, что это одна из тех территорий Российской империи, которые испытали на себе мощное воздействие как стихийных, так и целенаправленных процессов мифологизации со стороны представителей культуры и администрации российской метрополии: идея о русской копии Швейцарии с индигенным тюркским населением, описываемым как «дети гор», и в начале XXI в. все еще является важным фактором культурных и политических дискурсов.

Дискурсивные стратегии репрезентации Горного Алтая в литературе и публицистике за последние годы не раз становились объектом изучения – перечень статей таких исследователей, как Т.П. Шастина, Т.А. Богумил, А.И. Куляпин, А.Ю. Горбенко и др., может составить весьма внушительный список [7–15], однако фундаментальные труды все еще отсутствуют. К тому же авторы, как правило, сконцентрированы на двух основных исторических периодах: со второй половины XIX в. до 1917 г., и с 1920-х гг. до наших дней: было удобно различать имперский, постимперский советский и постсоветский дискурсы, а также противопоставлять «централистскую» и «областническую» стратегии описания [8. С. 53]. В периоды позд-

ней империи изучался, главным образом, внешний взгляд путешественника или областника, поскольку о существовании сколько-нибудь ценной словесности Алтая было говорить еще рано. В нашем распоряжении также имеются фундаментальные исследования по периодике Сибири [16–18] и по вопросам рецепции русско-инородческих отношений на страницах сибирских дореволюционных изданий [19]. В настоящей статье делается попытка дополнить эту область новым художественно-публицистическим материалом с точки зрения авторов, включенных в дискурсивные практики города Бийска, расположенного в непосредственной близости от места компактного проживания алтайских инородцев, в период крушения Российской империи в 1917 г.

1917 год – переломный в жизни разнородного населения Российской империи. В течение этого года, кроме боевых действий на фронтах Первой мировой войны, произошли Февральская революция, последовавшее затем отречение императора Николая II от власти, глубокий политический кризис двоевластия, Корниловский мятеж и, наконец, Октябрьская революция, в результате которой к власти пришли большевики. Эти и другие события отразились и на жизни Томской губернии: с марта в городах, а затем и в сельской местности существовало двоевластие (параллельно с органами, представлявшими Временное правительство, получавшими самую широкую поддержку местного населения, действовали структуры Советов, которые, впрочем, не пользовались авторитетом ни у русского, ни у инородческого населения в течение 1917 г.), шли активные процессы суверенизации [20]. Постановлением Временного правительства 17 июня 1917 г. была создана Алтайская губерния с центром в Барнауле, в состав которой вошла вся южная часть бывшей Томской губернии. Кара-Корумский уезд с центром в Улале (нынешний Горно-Алтайск) будет выделен только в марте 1918 г. из состава Бийского уезда.

В это бурное время экономическая, культурная и политическая жизнь на юге Западной Сибири продолжалась. Выходили многочисленные газеты, книги, на театральной сцене ставились спектакли, сибирские промышленники продолжали торговые отношения с инородцами и строили планы по разработке многочисленных месторождений полезных ископаемых, развивалось просветительское движение. Для более глубокого понимания процессов формирования образа Горного Алтая в отечественной словесности поздней имперской и раннесоветской периодов необходим анализ не только художественного, но и публицистического материала, особенно в контексте стремительно меняющихся обстоятельств революционного 1917 г.

Инородческий вопрос как социальная проблема поднимался во многих периодических изданиях Сибири: «Сибирская жизнь» (1897–1919), «Восточное обозрение» (1882–1906), «Сибирь» (1875–1887), «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирские вопросы» (1905–1913) и др. – Е.А. Сенина в общей сложности насчитала 2569 публикаций, из которых самое большое число приходится на «Восточное обозрение» (1045 публикаций) [21. С. 14]. Один из источников, ускользнувших от внимания Е.А. Сениной, –

это небольшая по объему провинциальная газета «Алтай», которая издавалась в Бийске в период с 1911 по 1919 г. Газета определяла себя как издание «внепартийное, прогрессивное», которое «выходит ежедневно, за исключением дней после праздничных». Печаталось издание в типографии «Товарищество» г. Бийска, принадлежавшей Владимиру Александровичу Шпунтовичу (о неоднозначности этой личности можно прочитать в статье «Его обеляют», опубликованной в № 88 газеты «Жизнь Алтая» за 1918 г. [22]). Издателем и редактором «Алтая» являлся надворный советник и мировой судья Петр Васильевич Орнатский. Он не пользовался репутацией «благонадежного» в полицейских кругах [23. С. 19], как и большинство прогрессивных издателей Томской губернии, хотя и явных поводов к закрытию до 1917 г. он не давал.

П.В. Орнатский имел либеральные взгляды, поэтому совершенно понятна антибольшевистская направленность политических и информационных материалов его газеты – именно такие взгляды пользовались широкой поддержкой в течение весны – лета 1917 г. Подобный уклон газеты вполне объясняет и то, почему вскоре (в 1919 г.) газета прекратила свое существование.

По содержанию газета «Алтай», несмотря на сравнительно небольшие размеры, была весьма информативной. На первой странице, кроме рекламных объявлений, содержалась разнообразная культурная информация (анонсы выставок, театральные постановки и т.д.), а также оперативные новости. В годы Первой мировой войны центральным содержанием первых двух (временами даже трех) страниц газеты была разнообразная политико-экономическая информация о ходе боевых действий на разных фронтах (например, информация из штаба Верховного главнокомандующего), о политической жизни России, Европы и Азии: известия из Петрограда, Рима, Лондона, Парижа, Стокгольма, Вены, Стамбула, Тифлиса и других городов, так или иначе значимых в контексте происходящих событий. Традиционные новостные рубрики – «Внутренние», «Иностранные», «Последние известия», «Хроника», «Театральная хроника», а также «Корреспонденция» – письма из разных населенных пунктов уезда, а также из дальних уголков империи (например, можно найти письма с Дальнего Востока [24. С. 3]).

Упоминания Горного Алтая встречаются редко, специальная рубрика, которая повторялась бы от номера к номеру, отсутствует – можно с уверенностью сказать, что редактор газеты не имел постоянного интереса к инородческому вопросу. В большинстве своем инородцы Алтая фигурируют в криминальной хронике, являясь, как правило, пострадавшими, реже – преступниками. Например, в одном выпуске сообщается о том, что русские крестьяне совершили кражу на сумму 1 150 рублей с пасеки инородца Поликарпа Козлова [25. С. 3], в другом говорится, что в селе Улалинском «среди улицы поднят со слабыми признаками жизни инородец Егор Макдяков, позднее скончавшийся от полученных травм». Далее сообщается, что в убийстве «подозревается его жена и два односельчанина, крестьяне Черепанов и Соколов» [26. С. 3]. Русские фамилии обвиняемых, разумеется, не являются гарантией того, что они не были инородцами, но

структура сообщения скорее склоняет читателя к представлению о том, что двое русских крестьян осуществили очередной акт насилия в отношении несчастного народа. В роли преступников из числа нерусского населения также выступают киргизы (казахи), которые, согласно «Хронике», совершают набеги в Кош-Агаче, разбойные нападения, похищения скота и людей [27. С. 4].

В то же время фронтальный просмотр 285 номеров, вышедших в течение 1917 г., позволил обнаружить более крупные тексты, содержащие самый разнообразный имагологический материал: аналитику русско-инородческих отношений, а также особенности культуры, быта и психологии алтайских инородцев, живших в горах к югу от Бийска, с точки зрения прогрессивных, но скрытых за псевдонимами или инициалами авторов – к настоящему моменту нам не удалось атрибутировать ни одного текста. Рассмотрим самые значимые из этих публикаций, расположив материал по хронологическому принципу и выделив основные концепты, в динамике составляющие основу образа Горного Алтая и его инородческого населения в передовой газете Бийска.

В январском номере автор, подписавшийся псевдонимом «Житель», опубликовал письмо в разделе «Корреспонденция», основная мысль которого заключается в том, что отец-настоятель приходской школы с. Паспаул (около 47 км к востоку от с. Улала – нынешний Горно-Алтайск), является препятствием к просвещению жителей: они жаждут народных чтений, которые так распространены в других населенных пунктах, но настоятель далек от этих проблем, проводя свободное время в «Кредите» (вероятно, это название увеселительного заведения), а учительницы боятся проявлять энтузиазм в страхе перед ним. Важно отметить, что с. Паспаул с 1858 г. было одним из пяти опорных миссионерских селений (Кабыжак, Ташта, Макарьевск, Кылташ, Паспаул), через которые Алтайская духовная миссия начала во второй половине 1850-х гг. осуществлять системную целенаправленную политику христианизации инородческого населения (в Таште и Макарьевске миссии начали работать с 1854 г., в Паспауле – с 1858 г.) [28. С. 329]. Церковно-приходская школа для детей крещеных инородцев в Паспауле и Таште была открыта в 1883 г. Главная мысль статьи легко реконструируется – за обстановкой интеллектуальной темноты небольшого села, почти половину века служившего одним из опорных пунктов христианизации аборигенного населения, скрывается безнадежное положение всего Алтая: «Все притаилось, затихло. Занесло его [Алтай] снегом глубоким. Вокруг – куда ни взглянешь, поднялись высокие горы, снова надевшие царственные белоснежные шапки, да вдали стоит темный лес, мрачный угрюмый» [29. С. 3]. Эти мрачные картины отчасти подкрепляли готический дискурс об Алтае, сложившийся благодаря английскому путешественнику Томасу Аткинсону [30. С. 193].

В конце февраля, через полтора месяца после первого письма, была опубликована новая корреспонденция из Паспаула, на этот раз подписанная псевдонимом «Алтаец». Стилистически и интонационно этот текст

очень близок январской публикации, поэтому можно предположить, что оба текста написаны одним автором (либо подверглись существенной переработке и приобрели стилистические характеристики Орнатского). Однако тема этого письма – позитивная: за месяц в селе произошли изменения и наконец в школе для детей был проведен вечер, в результате которого автор наблюдал, «какою радостью, счастьем горели глазенки ребятам-алтайчатам <...> ведь для них это ново. Ведь они дети гор Алтая и ничего никогда не видели, кроме этих высоких, гордо возвышающихся исполинов гор, темного, темного леса» [31. С. 3]. Тем не менее культурную отсталость всего региона автор фиксирует при помощи того же готического кода «мрачного Алтая»: «И наше небольшое, окруженное со всех сторон громадами гор, темным, угрюмым лесом, бурными, беспокойными речушками, село начинает просыпаться от сна <...> Спасибо вам, труженицы, на ниве народной, делайте хорошее, доброе дело, сейте семена в глуши красивого могучего, но все еще первобытного Алтая!» [31. С. 3]. Первобытность «детей гор» автор связывает с отсутствием систематической просветительской работы среди инородческого населения: крещенные дети инородческих семей, проживавших в Паспауле, видимо, мало интересовали миссионеров, от которых ждали работу по обращению новых язычников.

Очень важен для формирования образа Алтая текст из июньского номера в разделе «Корреспонденция», написанный неким «С.Ш.» и названный «В горах Алтая»¹. Проблематика этого текста также связана с вопросом просвещения «темного» населения Алтая, прозябающего в глуши, и направлена на защиту рядовой учительницы от грозного церковного чиновника «отца наблюдателя», который вместо помощи полуразвалившейся школе (населенный пункт не указан) кричит на учительницу и требует чистоты и «отличных знаний от учеников» [33. С. 3]. Как и в материале из Паспаула, здесь формируется контраст между величественной природой гор и первобытным уровнем просветительского движения: «Красив Алтай! Величественны горы его! Сколько красоты, поэзии вокруг. Вот высоко, высоко поднялась к небесам гора «Чаптыган». Стоит она красивая, спокойная, величественная... А у подножия ее, словно гнездышко маленькой птички, приютилось небольшое селенье <...> Кругом же горы, лес и снова горы, тянутся они далеко вокруг тесным кольцом и пропадают где-то там, вдали в голубоватой дымке. Тихо, спокойно кругом... Разве только слышится заунывная, грустная, щемящая душу тоской, песня алтайца (у

¹ Согласно гипотезе Т.П. Шастиной, обнаружившей это словосочетание в многочисленных названиях публицистических и художественных текстов XIX–XX вв. у П. Авилова, П. Бенедиктова, М. Васильева-Потанина, Г. Вяткина, А. Коптелова, П. Кучияка, П. Нихова и др., это не просто популярное словосочетание, а семиотически значимая «литературная формула пространства иного / другого, моделируемое как экзотическое замкнутое мифогенное пространство временного пребывания <...> Синонимичная формула – “в глуши Алтая”» [32. С. 66]. Статья С.Ш. вполне подтверждает эту мысль.

алтайцев нет веселых песен – грустны они как осенние дни) и... и опять все тихо, спокойно <...> Бедная учительница дрожит, трепещет перед грозным начальником. И много, много по ущельям, труппам Алтая, разброшено таких жалких, – лачужек школ, где томятся, мучаются, терзаются душой бедные миссионерские учителя. Хочется думать, что это был тяжелый сон, который больше не повторится» [33. С. 3].

В соседнем столбце со статьей «В горах Алтая» абсолютным контрастом была расположена новость «Макарий и инородцы», представляющая просветительское движение в комическом свете как бывших угнетателей, а алтайцев в виде новой силы, уже способной за себя постоять: «На общем собрании представителей селений Чемальской волости 1 июня была заслушана просьба Макария (бывш. Митрополита Московского) о разрешении ему прожить остаток жизни в Чемальском монастыре. Макарий “не верит” в то, что Алтайцы, для которых он когда-то сделал “много доброго” (?) откажут ему в нужном покое. Чемальское волостное народное собрание просьбу бывш. своего миссионера “просветителя” – отклонило» [33. С. 3]. Для понимания исторического контекста этой новости необходимо вспомнить, что 21 марта 1917 г. на епархиальном съезде в Москве Макарий (Михаил Андреевич) Невский был смещен с должности московского митрополита. Активно противодействуя этому «неканоническому», как он полагал, решению Святейшего синода, в апреле 1917 г. он предпринял безуспешные попытки закрепиться в Троице-Сергиевой Лавре, в Смоленской Пустыни, попытался столь же безуспешно сохранить за собой статус председателя Православного миссионерского общества, участвовать в Поместном соборе [34. С. 200–202], на котором патриархом вскоре был избран его «неканонический» преемник по московской кафедре. Заочная просьба Макария о проживании в Чемальском монастыре, отвергнутая алтайскими крещеными инородцами, должна быть рассмотрена в таком широком контексте: с одной стороны, на Алтае не хотели связываться с опальным архиереем, с другой стороны, это был шанс обозначить пробуждающуюся национальную идентичность и подвести в контексте февральских событий итоги многолетнему союзу алтаря и трона на Алтае¹.

Тема «несчастных» алтайцев была углублена в июльском номере в статье «Инородческая революция Горного Алтая в 1904 году» и новостном сюжете об инородческом съезде. Статья об инородческой революции расположена вне традиционных рубрик как самостоятельный материал, претендующий на историко-культурный обзор, и подписана фамилией «Тангаков». Общий тон статьи Тангакова – антиклерикальный. В основе – противопоставление национального пробуждения инородцев союзу имперских и церковных властей: «В 1757 году инородцы Горного Алтая, перейдя в подданство русского государства со своими землями, жили под давлением русского царизма, ровно сто шестьдесят лет, находясь постоянно в страхе

¹ «Возвращение» миссионера на Алтай все-таки состоялось. В 2016 г. останки Макария Невского были перевезены в Горно-Алтайск патриархом Кириллом.

пред преступной властью прошлого дома Романовых, как и весь русский народ нашего государства. Все инородческое население было загнано в неприступные горы и леса, болота и топи Горного Алтая, причем едва не было прогнано в пределы Монголии и Китая и только лишь благодаря тому, что с них можно было кое-что взять, инородцы задержались в пределах России, улаживая дарами чиновников в виде лошадей, дорогих мехов, денег, так как эти чиновники были падки на взяточничество. Инородцы народ боязливый, а потому чиновники всегда старались находить причины к запугиванию беззащитных инородцев. Не отставали от чиновников и духовные просветители-миссионеры, которые разнообразными принудительными мерами приводили инородцев-язычников в православие, употребляя самые строгие полицейские ухищрения» [35. С. 3].

Далее Тангаков приводит любопытный случай из миссионерской практики: «Один из инородцев – Черной был крещен за кражу галош у так называвшегося в то время Алтайского отдельного заседателя Ландышева, причем при крещении Черной, когда миссионер стал погружать его в купель, то Черной при первом погружении сказал “это за один галош”, при втором “это за другой”, при третьем – “это за то, что воровал калоши”» [35. С. 3]. Возможно, пострадавшим от рук незадачливого инородца был И. Ландышев, который в 1885 г. в качестве помощника алтайского отдельного заседателя проводил по поручению бийской полиции подробное изучение русско-китайской границы [36. С. 181], так что за кражу калош у такого полезного для империи человека Черной еще легко отделался. Действительно, в архивах фиксируются случаи насильственной христианизации в контексте уголовных преступлений, особенно когда инородцы «сами соглашались на крещение, опасаясь наказания» [28. С. 332].

Далее Тангаков замечает, что были и такие просветители, «которые считали возможным делать всяческие придирки к инородцам, чтобы затем взять их на духовно-полицейский крючок и спустить их в купель возрождения духовного, дабы затем заслужить себе скуфью, камилаву, орден и др. награды за успешность в проповеди слова Божия» [35. С. 3]. Подобный образ угнетенных инородцев необходим автору, чтобы затем провозгласить мысль о том, что еще в 1904 г., за год до Первой русской революции, инородческое население (причем в лице туземной аристократии), потеряв «всякое терпение», оформило социальный протест в форму религиозного движения, названного в отчетах православных миссионеров «бурханизм»: инородцы изгнали шарлатанов-шаманов, объявили, что «им царя Романова не надо, не надо и русских чиновников» [35. С. 3]. Таким образом, зарождение бурханизма представляется автору прогрессивным началом, направленным на пробуждение национального духа, угнетаемого царизмом, миссионерами и шаманистами, вместе взятыми.

Судя по всему, этот эмоциональный экскурс в историю выступал необходимым контекстом для новости, опубликованной на той же странице, об инородческом съезде 1917 г., где председателем был избран художник

Г.И. Гуркин. Автору важно продемонстрировать, что революционные события Центральной России не просто эхом отозвались в глухих уголках империи – они были исторически ожидаемы там. Действительно, формировался очень положительный образ пробудившихся инородцев, которые взялись за дело фундаментально: поскольку политика Кабинета «внесла в хозяйственную жизнь алтайцев полную разруху, толкнула их на путь вымирания и культурного застоя» [36. С. 3], отныне часть налоговых поступлений с алтайских земель, с дохода граждан, с промысловой деятельности, должна идти на «культурно-просветительские цели» [36. С. 3]. Автор статьи, очевидно, сочувственно относился к идеям областников (в частности, Г.Н. Потанина) о создании инородческой автономии, которая бы объединила земли Русского Алтая и примыкающих к нему областей Монголии.

Два дня спустя, в 144-м номере от 7 июля 1917 г. вышла статья за подписью «А.Н.Л.» под названием «Шаманисты и революция», где вновь ставятся вопросы национальной идентичности алтайцев, их архаического мировоззрения и роли русского населения в их просвещении. Автор прославляет революционные события, освободившие народ Алтая, «этих детей природы», от «ненавистного ига, тяжкими тучами висевшего над царственными вершинами Хан Алтая» [37. С. 3]. В тексте формируется противопоставление старого и нового статуса шамана и шаманского культа в жизни алтайцев. В прежние времена, считает автор, камлание было показным представлением «на посмешище толпы» [37. С. 3], и приводит пример С.И. Гуркина¹, православного по вероисповеданию, который возил с собой

¹ Имеется в виду Степан Иванович Гуркин, брат алтайского художника Г.И. Гуркина. Подробное описание шаманского камлания в Политехническом музее Москвы описано в статье «Сибиряки в Москве», опубликованной в 66-м номере газеты «Сибирская жизнь» за 1914 г.: *Пульс сибирской жизни порой в Москве бьется сильно. 8-го марта, кажется, впервые в Москве произведен был обряд камлания настоящим шаманом. В Москву приехал с Алтая С.И. Гуркин. Г. Гуркин привез с Алтая шамана, калмыка Болчок.*

Первое демонстрационное камлание шамана перед москвичами состоялось в политехническом музее, в соединенном заседании общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В переполненной аудитории г. Гуркин прочел доклад «Алтай и алтайцы» с демонстрацией многочисленных прекрасно выполненных, часто художественно раскрашенных видов и типов Алтая. Лекция продолжалась около 2 часов, и москвичи с напряженным вниманием следили за красотами Алтая, восхищаясь им и удивляясь им.

По окончании доклада на эстраду вышел шаман Болчок в полном шаманском костюме, символизирующем броню для борьбы со злыми духами и украшенном колокольцами, куклами, лентами-змеями и т.п., с традиционным бубном и колотушкой в руках... По мере того, как движения шамана, вначале вялые и нерешительные, становились быстрыми и все более нервными, и сама публика заражалась его нервозностью, вздрагивала при свисте, криках и, затаив дыхание, слушала песню светлому Ульгенюхану. Сеанс продолжался минут 8 и, по просьбе Д.Н. Анучина, видевшего волнение публики, г. Гуркин вышел на эстраду и пытался прекратить сеанс. Но шаман не обращал на г. Гуркина внимания, и ему пришлось силой отнять бубен.<...> Таким образом, в Москве начались своего рода «шаманские» дни, вызывающие большой интерес в москвичах [38. С. 3].

по всей России от Томска до Москвы шамана Болчока, чтобы тот выступал перед публикой и получал за это «разовые» выплаты. И уже казалось, пишет автор, первобытная религия из древних горных алтайских долин и ущелий переходит навсегда в историю, «тем более, что на смену ему уже давно принесли и силой, зачастую, прививали христианство» [37. С. 3], а в 1904 г. появляется и бурханизм, «нечто похожее на ламаизм Монголии, но ошаманившееся» [37. С. 3], но после революции все существенно изменилось. Шаманисты внезапно осознали, что в послереволюционном свободном Алтае эта религия «ведь тоже религия и, как всякое убеждение человека, должна быть свободной» [37. С. 3]. Далее автор рисует яркую картину демократического собрания инородцев:

Меня обступили алтайцы и засыпали целым рядом вопросов:

– Правда ли, что теперь каждый может верить, как и кому хочется?

– И молиться ли может, как ему хочется?

– И в училищах, какую захочет веру будет учить?

Но главное и, кажется важнейшее для этих людей:

– В школе наших детей [шаман] может учить? [37. С. 3].

Завершается текст довольно эмоционально:

Странный, неожиданный вопрос, но как понятен он! Ведь, какой насмешкой звучит: шаманизм – и автономия, широкое самоуправление на основах государственности высшего порядка! Какая злая ирония в сочетаниях этих двух понятий! Сколько света, яркого, ослепительного света знания надо пролить в эти мрачные ущелья Хан Алтая! Какую широкую густую сеть школ надо раскинуть по его горам и долам. Не забывайте и этого вы, творцы новой России! Не забывайте тех, перед которыми так много виноваты, которых держали в черном теле, которых не считали даже за людей! Помните и о них!.. [37. С. 3].

Столь резкое заявление, появившееся в сибирской печати в потоке революционных событий 1917 г., ставит перед бийскими читателями важный вопрос об ответственности не только властей, но также просветительских кругов перед аборигенным населением: если коренные жители «царственного Алтая» из всех достижений свободы после крушения царской власти выбирают возвращение самых диких пережитков прошлого, значит что-то в русско-инородческих отношениях идет не так. Во второй половине XX в. подобные аспекты общественных дискурсов будут именовать «постколониальными», однако в отношении материалов бийской газеты 1917 г. лучше говорить о развитии дискурса деконструкции имперских практик в провинциальной печати.

В течение года, в августе, сентябре и начале октября 1917 г., А.Н.Л. опубликовал еще несколько материалов подобной тематики: публицистические статьи «Миссионеры и Алтайская школа», «Русский язык в алтайской школе» и две части художественного очерка «Сын Алтая» (к сожалению, незаконченного). Из этих материалов можно заключить, что автор имел определенное отношение к государственным вопросам взаимодействия с алтайскими инородцами, скорее всего, в сфере образования

(например, он ссылается на протоколы Алтайской секции Учительского съезда), был хорошо образован и имел скорее либеральные взгляды на проблемы развития образовательной и просветительской деятельности на Алтае.

К алтайской культуре он относился уважительно, но при этом позволял себе высказывать резкие характеристики в отношении тех крайностей, которые, по его мнению, влекут народы к конфликтам и деградации. Например, в статье «Миссионеры и Алтайская школа» А.Н.Л. с антиклерикальных позиций оценил миссионерскую активность в деле распространения религиозного образования вопреки протестам алтайской общественности: «Если бы воцеления отцов-миссионеров ограничились школами какого-нибудь одного типа, ну хотя бы миссионерского, не распространяясь на общегосударственную школу – это было бы понятно. Беда же в том, что п р и т я з а н и я эти довольно широки, вплоть до обязательного преподавания закона Божьего в общей школе. Но помимо того, что обязательность является лишней, едва ли морально полезной для кого бы то ни было из православных, в отношении алтайцев – она не допустима» [39. С. 3]. Далее он призывает читателей «снять маску», отбросить насильственную христианизацию, из-за которой алтайцы сознательно не пускают своих детей в школу: «Пора осознать, что <...> почти все алтайцы, именующиеся по паспорту православными, не принадлежат к церкви, а продолжают молиться Эрлику и Ульгеню, или Учъ-Курбустану» [39. С. 3].

Очевидно, что неудержимая миссионерская деятельность церкви вызвала тревогу автора исключительно по причине того, что приобщение алтайцев к цивилизации в таком случае ставилось под угрозу. Еще одной угрозой просвещения алтайцев А.Н.Л. называет стремление националистически настроенной Алтайской горной думы ввести практику обязательного преподавания в национальных школах на алтайском языке, переведя русский в разряд необязательных. Это невиданное ранее нововведение представляется автору неверным и крайне вредным: «Я далёк от мысли возражать против обучения алтайцев на их родном языке», но «несомненно, благодаря некультурности алтайцев и антагонизму к русским, слишком немногие родители пожелают обучать своих детей русскому языку» [39. С. 3]. В его представлении алтайцы крайне нуждаются в целостном просвещении на русском языке: «...народность, еще не переставшая “камлать”, имеющая самые примитивные понятия о земледелии и вообще стоящая на очень низкой ступени развития – не должна замыкаться в узкий круг своего местообитания и своего языка, а особенно тогда, когда она живет бок о бок с народом, составляющим государство, частью которого является данная антропогеографическая область <...> для школ Алтая русский язык как общегосударственный – должен быть *обязательным*, хотя бы уже потому, что <...> Алтайская школа открывается и содержится за счет государства» [39. С. 3].

Таким образом, можно заключить, что в период с января по октябрь 1917 г. в бийской газете «Алтай» образ Горного Алтая и его инородческого населения становился все более политизированным, при этом сохраняя все

традиционные черты одновременно мрачного и возвышенного пространства Южной Сибири. Наряду с первоначальными редкими сообщениями криминального характера после Февральской революции появляются критические материалы о крайне низком уровне просветительской работы, которую более полувека осуществляли функционеры Алтайской духовной миссии (на примере с. Паспаул). Весной и в начале лета 1917 г. тема просвещения среди алтайских инородцев стала основной в материалах о Горном Алтае. По контрасту с величественным экзотическим пространством Хан-Алтая инородцы изображаются в крайне угнетенном состоянии. При этом в роли угнетателей определены царская власть, православная миссия и шаманы. К концу августа публикации по теме просвещения среди инородцев приобрели более решительный характер, определяющий, что православная миссия должна умерить свои притязания на общее образование, а алтайские националисты, в свою очередь, должны забыть об исключении русского языка из образовательной практики национальных школ, которых вообще требуется довольно много для того, чтобы «дети гор» наконец перешли в цивилизованное состояние. Подобный просветительский (и отчасти уже постколониальный) взгляд в дискурсе бийской газеты в течение 1917 г. отнюдь не разрушал, а, наоборот, подтверждал основные концепты сложившегося в течение предыдущего XIX в. в общественном сознании России (и Европы – благодаря, например, травелогу Е.П. Демидова [40]) дискурса об Алтае как прекраснейшем поэтическом месте, населенном диким, угнетенным народом, который русские никак не могут (или не хотят) привести к цивилизации.

Список источников

1. *Шастина Т.П.* Горный Алтай: бренд национальной окраины в раннесоветском и постсоветском иллюстрированном журнале // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 109–114.
2. *Fanon F.* Peau noire, Masques blancs. Paris : Éditions du Seuil, 1952. 239 p.
3. *Martin T.* An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell University Press, 2001. 496 p.
4. *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca : Cornell University Press, 1994. 456 p.
5. *Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge : Polity Press, 2011. IX, 289 p.
6. *Уффельман Д.* Подводные камни внутренней (де)колониализации России // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 57–84.
7. *Шастина Т.П.* Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 158–172.
8. *Шастина Т.П.* Об идеологической и художественной стратегиях репрезентации Горного Алтая в русской литературе 1920-х годов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 53–65.
9. *Шастина Т.П.* Английская леги в “wild space” Сибири (по книге Mrs. L. Atkinson “Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants”) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 64–81.

10. Горбенко А.Ю. Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.
11. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет : антология. Советский период. Самара, 2001. С. 329–374.
12. Куляпин А.И. Образ Алтая в рассказе В. Бианки «Она» // Филология и человек. 2019. № 2. С. 45–56.
13. Куляпин А.И. Образ Алтая в литературе 1920-1940-х годов // Филология и человек. 2013. № 1. С. 168–178.
14. Богумил Т.А. Алтай в биографии и творчестве В.Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140.
15. Богумил Т.А. Семантика Чуйского тракта в русской литературе // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 3. С. 200–221.
16. Жиякова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 288 с.
17. Жиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916 гг.): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.
18. Крутовский В.С. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 279–309.
19. Жиякова Н.В. Диалог русской и инородческой культур на страницах периодической печати Томской губернии (конец XIX начало XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 19–25.
20. Сушко А.В. Процессы суверенизации в Сибири (февраль 1917–1923 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2011. 40 с.
21. Сенина Е.А. «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 29 с.
22. [Б/а]. Его обеляют // Жизнь Алтая. 1918. № 88. 12 окт.
23. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. В.А. Есиповой, Т.Л. Воробьевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.
24. С.Ж. Письма с Дальнего Востока // Алтай. 1917. № 15. 19 янв.
25. [Б/а]. Хроника // Алтай. 1917. № 14. 18 янв.
26. [Б/а]. Хроника // Алтай. 1917. № 23. 28 янв.
27. [Б/а]. Хроника // Алтай. 1917. № 144. 7 июля.
28. Николаев В.В. Алтайская духовная миссия и «инородцы» предгорий Северного Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 329–335.
29. [Б/а]. Житель. Село Паспаул, Бийск. у. // Алтай. 1917. № 8. 11 янв.
30. Мароши В.В. Глазами художника: Горный Алтай в травелогe Т.У. Аткинсона // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 181–198.
31. [Б/а]. Хроника // Алтай. 1917. № 42. 23 февр.
32. Шастина Т.П. «В горах Алтая» – формула представления пространства в текстах XIX – начала XX веков // Материалы Первого Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». Барнаул – Горно-Алтайск, 12–14 сент. 2019 г. Барнаул, 2019. С. 65–66.
33. С.Ш. В горах Алтая // Алтай. 1917. № 121. 9 июня.
34. Расова Н.В. Судьба иерарха Русской Православной Церкви Макария Невского через призму революционных событий 1917 года // Макарьевские чтения : сб. науч. ст. Горно-Алтайск, 2002. С. 14–17.
35. Тангаков. Инородческая революция Горного Алтая в 1904 году // Алтай. 1917. № 142. 5 июля.

36. Дацциен В.Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. 232 с.
37. А.Н.Л. Шаманисты и революция // Алтай. 1917. № 144. 7 июля.
38. [Б/а]. Сибиряки в Москве // Сибирская жизнь. 1914. № 66. 28 марта.
39. А.Н.Л. Миссионеры и Алтайская школа // Алтай. 1917. № 170. 6 авг.
40. Алексеев П.В., Алексеева А.А., Брекман Ф. ‘Tartars’ and ‘Kalmuks’ in Prince San Donato’s Siberian Travelogue // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 555–557.

References

1. Shastina, T.P. (2015) Gornyy Altay: brend natsional’noy okrainy v rannesovetskom i postsovetskom illyustrirovannom zhurnale [Gorny Altai: the brand of the national outskirts in the early Soviet and post-Soviet illustrated magazine]. *Zhurnalistskiy ezhegodnik – Journalistic Yearbook*. 4. pp. 109–114.
2. Fanon, F. (1952) *Peau noire, Masques blancs*. Paris: Éditions du Seuil.
3. Martin, T. (2001) *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
4. Slezkine, Yu. (1994) *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Etkind, A. (2011) *Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press.
6. Uffel’man, D. (2013) Podvodnye kamni vnutrenney (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of internal (de)colonization of Russia]. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 2. pp. 57–84.
7. Shastina, T.P. (2014) Oirotia in the journal Sibirskie Ogni: The initial stage of forming the image of the Soviet national margin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 158–172. (In Russian).
8. Shastina, T.P. (2014) “Ideological” and “artistic” strategies of representation of the Altai Mountains in Russian literature of the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta–Tomsk State University Journal*. 378. pp. 53–65. (In Russian).
9. Shastina, T.P. (2018) An English lady in the “wild space” of Siberia (based on Mrs. L. Atkinson’s “Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants”). *Studia Litterarum*. 3 (3). pp. 64–81. (In Russian).
10. Gorbenco, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel’stvo G.D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-building of G.D. Grebenstchikov: genesis, mechanisms, semantics, context]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
11. Slezkin Yu. (2001) SSSR kak kommunal’naya kvartira, ili kakim obrazom Sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblenost’ [The USSR as a Communal Apartment, or How the Socialist State Encouraged Ethnic Isolation]. In: *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Antologiya. Sovetskiy period* [American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Anthology. Soviet period]. Samara: Samara National Research University. pp. 329–374.
12. Kulyapin, A.I. (2019) The image of Altai in the story of V. Bianchi “She”. *Filologiya i chelovek – Philology & Human*. 2. pp. 45–56. (In Russian).
13. Kulyapin, A.I. (2013) Obraz Altaya v literature 1920–1940-kh godov [The Image of Altai in the Literature of the 1920s–1940s]. *Filologiya i chelovek – Philology & Human*. 1. pp. 168–178.
14. Bogumil, T.A. (2020) Altai in the biography and literary works of Vyacheslav Shishkov (“Scarlet Snowdrifts”). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 13. pp. 128–140. (In Russian). DOI:10.17223/24099554/13/8

15. Bogumil, T.A. (2018) The Semantology of the Chuya Highway in Russian literature. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 16 (3). pp. 200–221. (In Russian).
16. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk Province: the idea of regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916 gg.): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya: ucheb. posobie* [Periodical press of Tomsk Province (1857–1916): the formation of journalism and the formation of regional self-consciousness: textbook]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
18. Krutovskiy, Vs. (1912) *Periodicheskaya pechat' v Tomske* [Periodical press in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [City of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela v Tomske. pp. 279–309.
19. Zhilyakova, N.V. (2016) Dialogue of Russian and other folk cultures in the Tomsk province periodical press (late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15 (6). pp. 19–25. (In Russian).
20. Sushko, A.V. (2011) *Protsessy suverenizatsii v Sibiri (fevral' 1917–1923 gg.)* [Sovereignization Processes in Siberia (February 1917–1923)]. Abstract of History Dr. Diss. Tyumen.
21. Senina, E.A. (2005) “*Inorodcheskiy*” *vopros na stranitsakh sibirskoy periodicheskoy pechati vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 veka* [“Foreign” question on the pages of the Siberian periodical press in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
22. *Zhizn' Altaya*. (1918) Ego obelyayut [He is being whitewashed]. 88. 12 October.
23. Esipova, V.A. & Vorob'eva, T.L. (eds) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (19–nachalo 20 v.)* [Book culture of Tomsk (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Trubachev, A.S. (ed.) (1917) *Pis'ma s Dal'nego Vostoka* [Letters from the Far East]. *Altay*. 15. 19 January.
25. *Altay*. (1917) *Khronika* [Chronicle]. 14. 18 January.
26. *Altay*. (1917) *Khronika* [Chronicle]. 23. 28 January.
27. *Altay*. (1917) *Khronika* [Chronicle]. 144. 7 July.
28. Nikolaev, V.V. (2010) Altai cleric mission and “other” ethnics of North Altai foothill. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 4. pp. 329–335. (In Russian).
29. *Altay*. (1917) *Zhitel'. Selo Paspaul, Biysk* [Inhabitant. Paspaul village, Biysk]. 8. 11 January.
30. Maroshi, V.V. (2018) Glazami khudozhnika: Gornyy Altay v traveloge T.U. Atkinsona [Through the eyes of an artist: Gornyy Altay in T.W. Atkinson's travelogue]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 4 (35). pp. 181–198.
31. *Altay*. (1917) *Khronika* [Chronicle]. 42. 23 February.
32. Shastina, T.P. (2019) [“In the mountains of Altai” – a formula for representing space in the texts of the 19th – early 20th centuries]. *Tyurko-mongol'skiy mir bol'shogo Altaya: istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [The Turkic-Mongolian World of Greater Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity]. Proceedings of the First International Altaic Forum. Barnaul, Gorno-Altaysk. 12–14 September 2019. Barnaul: Altai State University. pp. 65–66.
33. *Altay*. (1917) *V gorakh Altaya* [In the mountains of Altai]. 121. 9 June.
34. Rasova, N.V. (2002) *Sud'ba ierarkha Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Makariya Nevskogo cherez prizmu revolyutsionnykh sobyitiy 1917 goda* [The fate of the hierarch of the

Russian Orthodox Church Macarius Nevsky through the prism of the revolutionary events of 1917]. In: Babin, V.G. (ed.) *Makar'evskie chteniya* [Macarius readings]. Gorno-Altaysk: EPD GASU. pp. 14–17.

35. Tangakov (1917) Inorodcheskaya revolyutsiya Gornogo Altaya v 1904 godu [Alien Revolution of Gorny Altai in 1904]. *Altay*. 142. 5 July.

36. Datsyshen, V.G. (2014) *Ocherki istorii Mongolii v 19–pervoy chetverti 20 vv* [Essays on the history of Mongolia in the 19th – the first quarter of the 20th centuries]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

37. *Altay*. (1917) Shamanisty i revolyutsiya [Shamanists and Revolution]. 144. 7 July.

38. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) Sibiriyaki v Moskve [Siberians in Moscow]. 66. 28 March.

39. *Altay*. (1917) Missionery i Altayskaya shkola [Missionaries and the Altai School]. 170. 6 August.

40. Alekseev, P.V., Alekseeva, A.A. & Brekman, F. (2020) “Tartars” and “Kalmuks” in Prince San Donato’s Siberian Travelogue. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 3 (82). pp. 555–557.

Информация об авторах:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Алексеева А.А. – специалист Центра развития науки и инноваций Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: asel.grant@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

A.A. Alekseeva, specialist of the Center for the Development of Science and Innovations, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: asel.grant@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2020;
одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 20.09.2020;
approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/76/12

«Зараженное семейство» Л.Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос»

Ирина Федоровна Гнусова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. В статье доказывается, что интеллектуальный и нравственно-философский пафос романа Дж. Элиот «Ромола», написанного на историческом материале, мог стать для Л.Н. Толстого стимулом для создания комедии «Зараженное семейство». Утверждается, что Толстой ведет скрытую полемику с английской писательницей по вопросу о предназначении женщины, используя тот же сюжет несчастливой замужества. Анализируется влияние образов Элиот на художественную реализацию «женского вопроса» в дальнейшем творчестве Толстого.

Ключевые слова: Дж. Элиот, Л.Н. Толстой, «женский вопрос», нигилисты, комедия

Для цитирования: Гнусова И.Ф. «Зараженное семейство» Л.Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 264–281. doi: 10.17223/19986645/76/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/12

Leo Tolstoy's *The Infected Family* and George Eliot's *Romola*: Two answers to the “woman’s question”

Irina F. Gnyusova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to prove that the intellectual and moral-philosophical pathos of George Eliot's novel *Romola* (1862–63), written on historical material, could have become a stimulus for Leo Tolstoy to create the comedy *The Infected Family* (1863–64). Eliot's novel was published in September–December 1863 in the *Zapiski Otechestva* [Notes of the Fatherland] journal. The edition of *Romola* of 1863 in English, stored in the Yasnaya Polyana Library, confirms the fact of reading. There are marginalia in the edition, the belonging of which has not been

unambiguously established. It is noteworthy, however, that most of them are associated with the description of the personality and beliefs of Girolamo Savonarola, the historical person who is one of the main characters in Eliot's novel. Tolstoy was well acquainted with the religious and political ideas of Savonarola. An additional argument in favour of the writer's acquaintance with *Romola* is that the novel was based on historical material, and the writer began preparations for work on *War and Peace* in the autumn of 1863. The author of the article tries to prove that both *Romola* and *The Infected Family* became a space to express the writers' views on the role and vocation of women. Following Eliot, Tolstoy makes the center of his comedy the plot of the heroine's unhappy marriage and shows the struggle of ideas that unfolds around her. The fate of Romola, who is looking for her mission, is embodied here in two heroines – Lyubochka, the puerile daughter of the landowner, and Katerina Matveevna, the satirically depicted nihilist. The character of Lyubochka is the “focus” of the plot action: it is her marriage that opens the eyes of the characters to the true appearance of the “new people” and leads to a partial recovery of the Pribyshev family from the “infection”. It is assumed that Lyubochka could approach the characteristic Tolstoy type of perfecting heroine, but this potential of the image was not realized in the comedy. An essential basis for comparing the two works is the plot of the escape of a young woman from home, caused by the heroine's disappointment in her chosen one. Tolstoy embodies it in the character of Katerina Matveevna. In the finale, the writer shows that the heroines, carried away by new ideas, are equally unhappy, they have no life purpose and prospects. However, Eliot in her novel suggests a different ending: caring for people, outside of the family or any religious and social theories, becomes Romola's life purpose. The study shows that Tolstoy could not accept the self-realization of the heroines in the social sphere: any woman's aspiration for work outside the family circle was an object of ridicule for him at that moment. At the same time, the writer does not express a clear position on what the purpose of a woman should be. This incompleteness could be the reason why Tolstoy did not complete the comedy, but returned to the concept of the epic novel *War and Peace*. At the end of the study the author concludes that Tolstoy's reading of *Romola* could further the implementation of his key ideas. The writer's latent polemic with George Eliot on the question of the mission of women will continue in *War and Peace* and in *Anna Karenina*.

Keywords: George Eliot, Leo Tolstoy, “woman's question”, nihilists, comedy

For citation: Gnyusova, I.F. (2022) Leo Tolstoy's *The Infected Family* and George Eliot's *Romola*: Two answers to the “woman's question”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 264–281. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/12

Проблема предназначения женщины является одной из самых важных в творчестве Джордж Элиот. Почти во всех ее произведениях реализуется то, что Б.М. Проскурнин называет «темой драматических духовных поисков женщины в маскулинизированном мире» [1. С. 30]. Не составляет исключения и роман «Ромола» (1862–1863), названный по имени главной героини, которая ищет свое место в жизни в непростое историческое время (конец XV в.). Будучи опубликованным в России осенью 1863 г., роман Элиот оказался созвучен общественным и литературным дискуссиям времени, в центре которых была тема нигилизма и тесно связанный с ней «женский вопрос». Именно весной 1863 г. вышел громкий роман Н.Г. Чер-

нышевского «Что делать?», за год до него – «Отцы и дети» И.С. Тургенева. Той же злободневной проблематике посвящена и неопубликованная комедия Л.Н. Толстого «Зараженное семейство» (1863–1864). Исследователи видят в ней следы прямого отклика писателя на роман Чернышевского¹. Однако, на наш взгляд, в «Зараженном семействе» можно обнаружить еще и отголоски «Ромолы» и даже скрытую полемику Толстого с английской писательницей.

Пристальный интерес к творчеству Джордж Элиот Толстой проявлял на протяжении всей своей жизни. Впервые он упоминает о чтении ее произведений в 1859 г., последний раз – в 1905-м. Дневники, письма, воспоминания современников и, главное, личная библиотека Толстого свидетельствуют о том, что он был знаком практически со всем наследием английской писательницы и высоко ценил его. Факт чтения «Ромолы» подтверждается наличием издания романа 1863 г. на английском языке в яснополянской библиотеке [3]. В издании имеются пометы, принадлежность которых однозначно не установлена. Примечательно, однако, что большинство из них связано с описанием личности и убеждений исторического лица, являющегося одним из главных действующих лиц романа Элиот, – Джироламо Савонаролы, монаха, крупного религиозного и политического деятеля, которого считают одним из предшественников церковной Реформации и даже «первым протестантом»² [4. Р. 69]. Толстой был хорошо зна-

¹ Наиболее явно об этом свидетельствует один из вариантов названия комедии – «Новые люди», который переключается с подзаголовком романа Чернышевского – «Из рассказов о новых людях». Кроме того, бывший семинарист Твердынский изначально носил фамилию Чертковский, а речи главного героя-нигилиста Венеровского Толстой придал «характерный для Чернышевского тон легкой насмешки, хихиканья» [2. С. 391]: большинство его реплик сопровождается повторяющимся «хе, хе».

² Так, например, во второй части романа на полях с двух сторон отчеркнут карандашом отрывок, посвященный анализу противоречивой личности Савонаролы: «But under this particular white tunic there was a heart beating with a consciousness inconceivable to the average monk, and perhaps hard to be conceived by any man who has not arrived at self-knowledge through a tumultuous inner life: a consciousness in which irrevocable errors and lapses from veracity were so entwined with noble purposes and sincere beliefs, in which self-justifying expediency was so inwoven with the tissue of a great work which the whole being seemed as unable to abandon as the body was unable to abandon glowing and trembling before the objects of hope and fear, that it was perhaps impossible, whatever course might be adopted, for the conscience to find perfect repose» [3. С. 244] – «Но под этим аккуратным белым одеянием билось сердце, обладающее самосознанием, недоступным среднему монаху и, возможно, трудным для понимания человека, который не достиг познания себя благодаря бурной внутренней жизни. В этом самосознании роковые ошибки и прегрешения против истины были так слиты с благородными целями и искренними убеждениями, оправдание себя целесообразностью было так сильно вплетено в ткань великой работы, от которой все его существо, казалось, не могло отказаться, как тело не могло перестать пылать и дрожать перед лицом надежды и страха. Так что, пожалуй, было невозможно, какой бы курс ни был принят, полностью успокоить свою совесть» (перевод наш. – И.Г.).

ком с религиозно-политическими идеями Савонаролы¹: он приводит в пример его деятельность в своем труде «Царство Божие внутри вас» (28, 54)², а в 1885 г. советует В.Г. Черткову перевести и издать для народа произведения ряда авторов, среди которых упоминает и флорентийского проповедника. Это письмо также может служить косвенным доказательством знакомства Толстого с романом Элиот, поскольку имя писательницы оказывается в нем сразу после имени Савонаролы – по-видимому, Толстой в этот момент ассоциативно вспоминает о «Ромоле»³.

Еще одним аргументом в пользу знакомства писателя с романом Элиот является то, что он создан на историческом материале, актуальном для Толстого в период формирования концепции «Войны и мира». Жизненный путь героини в романе Элиот неразрывно связан с судьбой Флоренции на рубеже XV–XVI веков, в эпоху Возрождения. Идея создания «Ромолы» родилась у писательницы после знакомства с биографией Савонаролы, и, прямо следуя традициям Вальтера Скотта, она соединяет в системе образов своего романа исторические фигуры и вымышленных персонажей: Савонарола не просто упоминается в тексте – он знаком с Ромолой и влияет на героиню в кризисные моменты ее жизни.

В центр сюжета Элиот ставит ситуацию личного выбора героиней своего пути. В начале повествования Ромола совершенно пассивна: она кропотливо помогает слепому отцу в работе с античной библиотекой, не раздумывая соглашается стать женой красивого молодого грека Тито Мелемы. Смерть отца и вероломство мужа ставят героиню перед необходимостью изменить свою жизнь. Ромола решает бежать из Флоренции, но Савонарола убеждает ее следовать своему долгу перед мужем, Богом и родным городом. Однако вскоре и это пассивное подчинение оказывается неприемлемым для героини: после разочарования в Савонароле она больше не чувствует, что связана какими-либо обязательствами.

В финале жизненной целью Ромолы становится забота о людях, но вне каких-либо религиозных и социальных догматов: по сути, это соответствует собственным религиозным воззрениям Элиот. Таким образом, как указывает Б.М. Проскурнин, героиня «совершает духовно-нравственное “путешествие” в романе, проходя через три принципиальные стадии жизни человека – личностную, семейную, социальную... И это путешествие – основа сюжета» [1. С. 30].

¹ Более того, на рубеже XIX–XX вв. нравственно-философские идеи Льва Толстого часто сравнивали с убеждениями Савонаролы: например, в 1912 г. в обзоре новой книги о флорентийском проповеднике цитируется предисловие, написанное автором, итальянским историком П. Виллари: «Это глубокое нравственное чувство (одушевлявшее Савонаролу) является преобладающим и в русской литературе, главным образом в романах Толстого...» (цит. по: [5. С. 383]).

² Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [6] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

³ «Еще Augustin Thierry – его Иоанн Златоуст <...>. Еще François d’Assise и Саванарола. – Есть G. Elliot роман. Кажется, тоже хорошо» (85, 188–189).

Роман Элиот был невысоко оценен первыми читателями как в Англии, так и в России. В предисловии от анонимного переводчика, предваряющем первую часть «Ромолы» в «Отечественных записках» за сентябрь 1863 г., высказывается мнение, что это произведение даже «не есть роман, так как в нем нет сюжета, нет завязки и развязки; это психологический этюд, вставленный в историческую раму», и притом «он местами скучен и утомителен» [7. С. 290]. В связи с этим автор перевода попытался «усовершенствовать» «Ромолу», радикально сократив роман и выбросив «все ненужные сцены и подробности, не относящиеся к уяснению характеров главных лиц» [7. С. 291], в том числе почти весь исторический материал.

Более взвешенную оценку «Ромоле» дал в том же 1863 г. А.В. Дружинин. Рецензия, ставшая одной из последних работ критика, была опубликована в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Сожалея о том, что Элиот вслед за Вальтером Скоттом не создала исторический роман на близком и знакомом ей английском материале, Дружинин тем не менее восхищается ее знанием «тайников и пучин в сердце человеческого» [8. С. 452], т.е. психологизмом романа. Он указывает также на «великую правду» в изображении характеров «как с исторической, так и с художественной точки зрения» [8. С. 452], особо выделяя образ Тито Мелемы.

После публикации в «Отечественных записках» роман «Ромола» выходил в русском переводе еще два раза, в 1891 и 1892 гг., и более не переиздавался¹. «Реабилитация» его произошла позже: в России наиболее фундаментальное исследование «Ромолы» как «исторического романа культуры» [1. С. 32] было предпринято Б.М. Проскурниным в книге «Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот» (2005). Опираясь на работы зарубежных авторов, исследователь показывает, сколь существенный вклад вносит писательница в осмысление научно-исторических и религиозных концепций своего времени. Помещение героини в реалии флорентийской жизни XV в. является фактом не случайным, а, напротив, чрезвычайно значимым для концепции романа, поскольку ее характер «создается на интроспективном скрещении трех духовных сил, столкнувшихся во Флоренции того времени, – языческой, христианской, вне(над)религиозной» [1. С. 32]. Язычество и античная культура здесь воплощены в образах Бардо и Тито, отца и мужа Ромолы, христианство – в фигуре Савонаролы и брата Ромолы Дино, а сама Ромола в финале приходит к «религии гуманности», как и Флоренция и вся европейская цивилизация.

Изображение духовного развития героини в исторический момент борьбы идей, столкновения самых разных религиозных, политических и

¹ Исключением является издание романа на английском языке, выпущенное российским издательством «Т8» в 2017 г. При этом описание сюжета «Ромолы» в русскоязычной аннотации к книге абсолютно не соответствует действительности: не упоминая о главной героине, ее авторы указывают, что «Элиот поставила перед собой задачу показать читателю острый момент в истории буржуазии, конфликт между Медичи, покровителями искусств, и Савонаролой, отрицателем гуманистической культуры Возрождения» [9. С. 3].

нравственно-философских парадигм – это то, что, безусловно, должно было привлечь внимание Толстого. Именно в 1863 г. писатель начинает активно изучать материалы для создания «романа из времени 1810 и 20-х годов» (61, 23). В августе 1963 г. он заказывает в книжном магазине целый ряд исторических трудов, а письма за сентябрь – октябрь свидетельствуют о начале работы над «Войной и миром», где тот же путь мучительного выбора и метаний между разными жизненными «программами» пройдут и его герои – Андрей Болконский и Пьер Безухов. Борьба между пассивным приятием жизни, крайним эгоизмом и полной, вдохновенной самоотверженностью будет играть важную роль и в эволюции образа Наташи Ростовской. Однако прежде чем были сформированы эти характеры, Толстой попытался воспроизвести ситуацию идеологического хаоса на современном материале, причем в неожиданно карикатурном виде. Так появляется комедия «Зараженное семейство», которая стала своеобразной подготовкой писателя к «Войне и миру». М.М. Бахтин даже писал об этой пьесе как о «комментарии к эпосе»¹ [10], а Б.М. Эйхенбаум называл ее «шутливой интермедией»² [12. С. 466].

Сам писатель впервые фиксирует факт работы над комедией в письме к сестре Марии Николаевне от 20 января 1864 г.: «Я пишу роман из 12-х годов и теперь комедию» (61, 34–35). 24 февраля он уточняет замысел нового произведения: «...Между прочим написал комедию, кот[орую] хотел поставить в Москве, да не успел перед масляницей, да и комедия, кажется, плоха, она вся написана в насмешку эмансипации женщин и так назыв[аемых] нигилистов» (61, 37).

Что же побудило Толстого прервать фундаментальную работу над романом об Отечественной войне и взяться за произведение «легкого жанра» [12. С. 463]? Дневники писателя свидетельствуют о том, что желание написать пьесу, и именно комедию, «томит» (47, 67) его еще с 1856 г. Повидимому, «женский вопрос» должен был стать одним из центральных в пьесе, по крайней мере в 1857 г. Толстой так конкретизирует свой замысел: «Комедия. Практический человек, Жорж Зандовская женщина и гамлет нашего века...» (47, 111). После этого Толстой на несколько лет откладывает мысль о драматургии, зато в 1859 г. он пишет повесть «Семейное счастье», где решает те же злободневные вопросы о назначении женщины, о выборе между материнством и светской жизнью, супружеской верностью и свободной любовью. По словам М.М. Бахтина, это произведение «полемически

¹ В своей комедии, по словам М.М. Бахтина, Толстой «отталкивается... от современности, от ее взбудораженного социального строя... на пороге создания своей исторической эпопеи». И в этом, полагает ученый, и заключается «историко-литературная ценность “Зараженного семейства”» [11].

² «На злободневность Толстой отвечал фарсом. Это возможно было только потому, что план большого романа из эпохи 1812 г. уже определился. <...> ...Отсеяв современность в «Зараженном семействе» и освободившись от элемента шутки, он очистил для себя область иронии более возвышенной и с этим настроением взялся за роман» [12. С. 466–467].

заострено против “Жорж-зандизма” и тех более крайних воззрений на этот вопрос, с защитой которых выступили представители русской радикальной интеллигенции» [11].

В 1863 г. возвращение к идее написать комедию¹ стало, очевидно, реакцией писателя на очередной всплеск общественного интереса к «женскому вопросу», вызванный публикацией романа Чернышевского. Анализируя «Зараженное семейство», Б.М. Эйхенбаум, как и большинство исследователей, приходит к однозначному выводу: комедия Толстого – это «пародия на “Что делать?”» [12. С. 465]. При всей справедливости этого утверждения отметим, что роман Чернышевского вышел в начале 1863 г. и, учитывая его скандальную известность, был явно прочитан Толстым вскоре после этого. К концу года все внимание писателя было поглощено трудами историков. Знакомство с романом Элиот представляется нам более вероятной предпосылкой, поводом для начала работы над комедией: близкий Толстому исторический материал в «Ромоле» активно переплетается с проблемой поиска женщиной своего призвания.

Вероятнее всего, Толстой читал роман Элиот в оригинале, однако первоначальное его внимание могла привлечь журнальная публикация. Во всяком случае, трудно считать совпадением следующий факт: последняя часть «Ромолы» выходит в 151-м номере «Отечественных записок» за ноябрь и декабрь 1863 г., и именно к первым месяцам зимы 1863 г. относят начало работы Толстого над «Зараженным семейством» [2. С. 389]. Обращает на себя внимание и последовательность, которую писатель избирает в изложении тематики своей комедии: он в первую очередь говорит об «эмансипации женщин», а уже потом – «так называемых нигилистов». И хотя было бы натяжкой заявить, что роман «Ромола» посвящен эмансипации, сарказм Толстого вполне мог быть направлен не только на Веру Павловну и ее окружение, но и на пафос Элиот, вкладывающий в уста своей героини слова: «Я должна идти теперь к своему народу; может быть, он нуждается во мне» [14]².

Здесь необходимо уточнить, что окончательная редакция комедии была утеряна, и при этом неизвестно, не требовала ли она дальнейшей доработки

¹ Вопрос о том, почему Толстой выбирает комедию как наиболее адекватную форму для осмеяния нигилистов и последователей «жорж-зандизма», до конца не решен исследователями. Е.И. Полякова предполагает, что это могло произойти под влиянием Мольера, комедиями которого писатель увлекался в 1856–1857 гг. (в 1857 г. он еще и активно посещал спектакли по произведениям Мольера в Париже) [13]. Возможно и то, что драматургия привлекала Толстого возможностью не просто описать, но показать «новых людей», заставить их самих, без авторского вмешательства, продемонстрировать нелепость своего поведения и взглядов. Не случайно комический эффект в «Зараженном семействе», как указывает Б.М. Эйхенбаум, достигается почти исключительно за счет языка героев-нигилистов: они говорят «специфическим, сгущенным жаргоном, часто утрированным до крайности и тем самым превращающим комедию в фарс» [12. С. 463].

² Роман Элиот цитируется по публикации в журнале «Отечественные записки» 1863 г. [14], однако все цитаты сверены с оригинальным текстом [15].

(так, например, считал А.Н. Островский¹). Толстой очень хотел поставить комедию на сцене, но не помышлял серьезно о публикации. Когда с постановкой возникли сложности, писатель потерял интерес к «Зараженному семейству», и при его жизни рукопись так и не была напечатана. Черновой же вариант, хотя и достаточно ясно представляет все ключевые характеры комедии, оставляет множество вопросов. Как пишет Ю.И. Красносельская, «финальные сцены “Зараженного семейства” не создают ни комедийного, ни трагедийного эффекта, а скорее производят впечатление сюжетного узла, который автор не сумел искусно развязать» [16. С. 240].

В центре комедии Толстого семья помещика Прибышева, которая и подвергается «заражению» новыми, т.е. нигилистическими, идеями. Сам хозяин поместья пытается вести хозяйство согласно требованиям прогресса и прислушивается к молодому поколению: «...считают меня и консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему» [6. Т. 7. С. 194]. Дочь Прибышева Любочка («совсем не развитая девочка» [6. Т. 7. С. 187], по мнению нигилистов) принимает ухаживания чиновника Венеровского, который также причисляет себя к «новым людям», но при этом состоит на службе и не прочь получить состояние героини. Другой тип нигилиста, который признается исследователями откровенной карикатурой на Чернышевского, представляет учитель младшего сына Прибышева Петруши, бывший семинарист Твердынский. Примечательно, что два представителя «новых людей» – Венеровский и Твердынский – крайне неприязненно относятся друг к другу. Наконец, племянница Прибышева Катерина Матвеевна Дудкина являет собой гротескный тип эмансипированной женщины («стриженная, в очках, в коротком платье» [6. Т. 7. С. 185], с папироской). В финале к нигилистам пытается примкнуть и Петруша, решающий оставить семью и жить в коммуне, однако на ближайшей почтовой станции его, находящегося в сильном опьянении, нагоняет и забирает домой отец.

Можно констатировать, что одна из двух задач Толстого – показать нигилистов как людей недалеких, малообразованных, корыстных, двуличных, а подчас просто аморальных – была реализована в комедии достаточно успешно. Сложнее обстоит дело с женскими образами. В начале произведения обе героини – и легкомысленно-капризная Любочка, и Катерина Матвеевна с ее грубыми манерами и бесконечными разговорами про прогресс и свободу человека – являются, безусловно, комедийными персонажами. Однако их наивность и самоуверенность очень скоро терпят крах: обе понимают истинную сущность «новых людей», и ужас от этого прозрения наполняет характеры героинь совершенно некомедийным драматизмом. Страстные монологи Катерины Матвеевны во время разговора с

¹ В начале февраля 1864 г. Толстой, будучи в Москве, пригласил к себе Островского и прочел ему свою комедию. Отзыв драматурга был сдержанным: он заметил, что в пьесе «мало действия и что ее надо обработать»; в письме же к Н.А. Некрасову Островский высказывается резко критично: «Это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения» (цит. по: [6. Т. 7. С. 393]).

Твердынским выдают ее глубокое и искреннее страдание от одиночества и неопределенности собственного пути: «А нам, женщинам, как устроить свою жизнь?» [6. Т. 7. С. 251].

Еще более интересной представляется эволюция образа Любочки – впрочем, не столько реализованная, сколько намеченная Толстым. Именно эта героиня может быть сопоставлена с образом Ромолы в силу того, что также является «фокусом» сюжетного действия. В мире всеобщего «заражения» новыми идеями Любочка представляет собой «*tabula rasa*», и это беспокоит практически всех персонажей. В начале одной из черновых рукописей няня заявляет: «...и она испортится, помяните мое слово» [6. Т. 7. С. 296]. Все героини-нигилисты последовательно повторяют мысль о «неразвитости» Любочки; при этом Венеровский решает жениться на ней, а Твердынский пытается за Любочкой ухаживать. Отец героини, увлеченный прогрессивными идеями, мечтает, что она «замуж выйдет... за нового, современного человека» [6. Т. 7. С. 194]. И именно долгожданное замужество Любочки открывает глаза практически всем героям на истинный облик «новых людей» и приводит к прозрению и частичному излечению семьи Прибышевых от «заражения».

Любочка более всех в комедии испытывает на себе влияние разных идей и открыта им. Каждый из мужчин-нигилистов пытается просветить, «развить» героиню. В одном из вариантов комедии есть эпизод, когда Любочка подходит к Твердынскому и Петруше во время их занятий историей и спрашивает: «Давайте, я буду развиваться у вас. Можно?» [6. Т. 7. С. 308]. Впрочем, героиня почти сразу заявляет, что история – это «скучно». Данный эпизод любопытен еще и в силу того, что в разговоре Твердынского с Петрушей упоминаются имена историков, причем акцент делается на англичанах – Маколее и Бокле. В более позднем варианте комедии тот же герой-нигилист советует Катерине Матвеевне почитать Льюиса («Льюса»¹ [6. Т. 7. С. 196]), что становится еще одним звеном, связывающим произведение Толстого с Элиот: философ, писатель и критик Джордж Генри Льюис был, как известно, ее гражданским мужем².

С гораздо большим энтузиазмом Любочка относится к программе воспитания, которую начинает осуществлять Венеровский, став ее женихом: героиня читает его статьи (в более ранних рукописях – еще и книги Жорж Санд), посещает открытую им школу, просит рассказывать о его воззрени-

¹ Твердынский имеет в виду «Физиологию обыденной жизни» Дж. Льюиса – один из первых в мире научно-популярных трудов по медицине (1859). Книга была переведена на русский язык в 1861 г. (и затем переиздавалась в 1863 и 1876 гг.) и приобрела огромную популярность. В одном из вариантов «Анны Карениной» ее будет читать и главная героиня романа.

² У нас нет прямых подтверждений тому, что Толстому был известен этот факт, однако он мог знать о семье Льюиса и Элиот от Тургенева, имевшего обширные знакомства в литературных кругах Лондона начиная со второй половины 1850-х гг. С Льюисом Тургенев учился в 1838 г. в Берлине (см.: [17. Т. 7. С. 68]), а в 1870-е гг. писатель неоднократно бывал в их доме и состоял в переписке с Джорджем Элиот.

ях. Любочка искренне желает устроить свою семейную жизнь на принципах свободы, о которых ей твердит Венеровский: «У нас с вами все будет особенное, с новыми идеями» [6. Т. 7. С. 237].

Однако сразу после свадьбы, когда Венеровский решает не заезжать в дом к родителям Любочки, чтобы избежать глупой «проседуры» [6. Т. 7. С. 275] и не видеть «людей нечестных, апатичных и врагов всего нового» [6. Т. 7. С. 275–276], героиня начинает осознавать свою ошибку. За новыми идеями ее мужа она ясно различает самовлюбленность и презрение к окружающим («Ах, только о себе!..» [6. Т. 7. С. 278]). Столь же стремительно, как осуществилось ее разочарование в своем избраннике, приходит и решение: в тот же вечер, во время кульминационной сцены на станции, Любочка просит отца забрать ее с собой и покидает Венеровского. На этом комедия Толстого заканчивается.

Недоумение, которое вызывает этот финал, совершенно оправданно: уход от мужа – не характерная для Толстого развязка, она никак не может быть оценена писателем позитивно и стать выходом из драматической ситуации. Вспомним «Анну Каренину»: здесь симпатия автора явно находится на стороне Долли, несчастливой в семейной жизни, но верной своему долгу жены и матери. Поступок же Анны, при всем сочувствии к ней писателя, оборачивается катастрофическими последствиями. Однако сопоставление «Зараженного семейства» с романом Элиот позволяет объяснить нехарактерный финал тем, что Толстой переносит в свою комедию видоизмененный сюжет несчастливого замужества Ромолы.

Обратившись к тексту романа, можно увидеть, что в начале повествования Ромола – молодая девушка «лет семнадцати или восемнадцати» [14] (Любочке восемнадцать лет). Она так же наивна, как и героиня Толстого: «...была совершенным ребенком и ничего не знала, кроме книг отца» [14]. Стоит отметить здесь и одинаковое простодушие отцов героинь: как и Прибышев, слепой ученый Бардо ди Барди не задумываясь соглашается на брак дочери, восхищенный ученостью Тито Мелемы. Между тем крестный отец Ромолы, политик Бернардо дель Неро, сразу распознает характер Тито и предупреждает Бардо: «Этот красивый грек именно такой человек, который легко протрется всюду и обойдет всякого» [14].

Мотив предупреждения играет одинаково важную роль в произведениях. Именно с него начинается комедия Толстого: няня Марья Исаевна, традиционное воплощение народной мудрости, первая угадывает в Венеровском «Любочкиного жениха» и прозорливо прибавляет: «Любочкино-то приданое все сосчитал, небось, так и ездит» [6. Т. 7. С. 183]. Начало отношений Ромолы и Тито омрачено страшным пророчеством: брат Ромолы, постригшийся в монахи вопреки воле отца, перед смертью рассказывает героине свое видение, в котором Ромола выходит замуж за человека, оказавшегося «искусителем», и претерпевает страдания и муки. Ключевые образы этого пророчества действительно будут иметь место в дальнейшей жизни героини.

В романе Элиот разочарование в муже приходит к юной Ромоле спустя полтора года после свадьбы: она чувствует, что муж отдаляется от нее, пренебрегая женой ради «светских удовольствий» [14], необходимых для его политической карьеры. Реальная же причина заключается в другом: строгость нравственных убеждений Ромолы все больше вступает в противоречие с характером Тито. Жизнь, по мнению героя, предназначена для того, чтобы «выжать из нее как можно больше удовольствия» [14], избегая каких-либо серьезных обязательств. Кризис постигает их семейный союз, когда Тито вскоре после смерти Бардо продает его библиотеку. Желание героини сохранить ее он называет «сентиментальными фантазиями», не видя никакого смысла в «бесплодном самопожертвовании памяти мертвых» [14]. По сути, той же риторикой наполнены и реплики Венеровского в разговоре с Любочкой на станции: он, как и Тито, призывает ее отказаться от своего долга к родным, поскольку это неразумно и противно более высоким и истинным ценностям: «Любите все честное, свободное и разумное! Любите те личности, которые соединяют в себе эти качества, и вы будете гуманны; а любить женщину за то, что она произвела вас на свет, не имеет никакого смысла» [6. Т. 7. С. 276].

Образы Тито и Венеровского схожи в главном: к герою Толстого можно в полной мере отнести определение, данное Тито его приемным отцом: «сердце, которое не знало, что такое привязанность» [14]. Обоих отличают высокое мнение о себе, эгоизм, некоторое легкомыслие; оба стремятся вознаградить себя за труды заслуженными удовольствиями. «Ведь я должен же подумать и о себе», – размышляет Тито, принимая решение не выкупать приемного отца из рабства [14].

Подобный монолог, только гораздо более пространный, произносит и Венеровский после помолвки с Любочкой. Комический эффект усиливается тем, что говорит герой с собственным портретом в руках, периодически поглядывая в зеркало. Большая часть размышлений Венеровского сводится к восхищению собой, однако в числе прочего он упоминает и то, что смотрит на женитьбу как на «нелепые обязательства»: «Положим, я понимаю дело так, что и не беру на себя никакого обязательства, но она не понимает этого» [6. Т. 7. С. 211]. В финале же своей речи Венеровский погружается в мечты о будущем, напрочь забывая о «новых идеях» и своем презрении к «пошлости» дворянской жизни: «Довольно я поработал для блага общественного. Можно отдохнуть, и отдохнуть не одному, а с этим свеженьким цветком...» [6. Т. 7. С. 212].

Последнюю часть размышлений героя выделим отдельно, поскольку она представляется бесспорным косвенным доказательством того, что Толстой был знаком с романом «Ромола» до начала работы над комедией. В своих мечтах герой отправляется с молодой женой в путешествие по Италии, и не куда-нибудь, а во Флоренцию, причем себя Венеровский видит непременно «в черном английском фраке» [6. Т. 7. С. 213] (позже на свадьбу он, вспомнив об убеждениях, надевает простой повседневный сюртук):

Отчего же мне не поехать за границу, не поселиться *в Италии*¹, с молодой женой, в лучшем отеле остановиться? Прогулки... Она в шелку и бархате, свеженькая, хорошенькая, на рысаках, в коляске; рядом замечательный и красивый мужчина. Или вечером, она в открытом платье, открытые плечи. Пускай смотрят из партера. В бенеуаре, *во Флоренции*, она и я, мужчина в черном *английском фраке*, просто, достойно... [6. Т. 7. С. 213].

Однако мечтам молодых героев о счастливой семейной жизни не суждено сбыться. В момент прозрения героини бросают им одинаковое обвинение. «Вы подлец!»², – говорит Ромола, узнав о продаже библиотеки [14]. «Венеровский, вы подлец», – кричит Катерина Матвеевна в ответ на жалобы Любы, решаясь раскрыть правду о своих отношениях с героем [6. Т. 7. С. 292]. Кстати, наличие второй женщины – обманутой и отвергнутой Венеровским Катерины Матвеевны и глупенькой Тессы, которая становится тайной женой Тито, – также сближает героев Толстого и Элиот.

Характерно, что в момент кризиса оба героя не понимают глубины потрясения их спутниц. Тито «полагал, что он в силах загладить все своими ласками и нежностью» [14]. Венеровский спокойно отвечает расстроенной Любочке: «...я никогда не буду сердиться на вас. Что бы вы ни совершили, я только буду искать, – найду причину и постараюсь устранить ее» [6. Т. 7. С. 278]. Однако отношение героинь кардинально меняется: Ромола решается бежать от «ненавистного, презренного человека» [14]; последние слова Любочки в комедии: «...я не хочу быть вашей женой, я ненавижу вас...» [6. Т. 7. С. 293].

На этом история Любочки заканчивается, и трудно судить об уроках, которые вынесла героиня из своего неудачного брака. Очевидно, что Любочка могла бы приблизиться к характерному для Толстого типу совершенствующейся героини³, однако этот потенциал образа не был реализован в комедии в полной мере, как и «тема взросления молодой женщины» [19. Р. 82], которую американский исследователь Генри Олли считает постоянной в творчестве Элиот. Возможно, психологизации образа Любочки помешала как раз драматургическая форма произведения: как замечает А.М. Зверев, «“диалектика души” не развивалась и не раскрывалась в скупых диалогах персонажей» [20. С. 727–728].

Тем не менее сюжет побега молодой женщины из дома, схожий с попыткой бегства Ромолы от мужа, в комедии также присутствует, только связан он уже с другим женским образом – Катерины Матвеевны. Причиной этого побега становится тот же Венеровский, с которым ее когда-то связывали близкие отношения и на замужество с которым героиня втайне надеялась. Женитьба Венеровского на Любочке глубоко потрясает ее и побуждает оставить дом Прибышевых. И здесь устремления Катерины Матвеевны поразительно схожи с теми, которые возникают у Ромолы в

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш.

² В оригинале «treacherous man» – предатель, вероломный человек.

³ См. об этом подробнее: [18].

момент ее первого, неудавшегося бегства из дома. Обе ищут свободы от «гнета презренного ума» [14] мужчин, в которых разочаровались. Катерина Матвеевна просит Твердынского: «Научите меня, куда бежать, где мне будет легче дышать. Здесь душит меня все окружающее»¹ [6. Т. 7. С. 251]. Ромола уходит из дома, чувствуя, что «вступает в новую жизнь – жизнь, полную одиночества, труда и терпения, но зато жизнь вольную, свободную» [14].

Желание трудиться, и притом заниматься интеллектуальным трудом, – еще одна черта, объединяющая героинь. Катерина Матвеевна собирается присоединиться к коммуне и работать там «над своим сочинением о значении женского умственного труда» [6. Т. 7. С. 253]. Ромола решает «отправиться к ученой женщине на свете – к Кассандре Феделе в Венецию и спросить ее, как одинокой ученой женщине прокормить себя»; она надеется, что «будет работать, и может быть ее ученые труды спасут имя отца ее от забвения» [14]. Обе героини пишут прощальные письма: Ромола – мужу и крестному, Катерина Матвеевна – своему дяде Прибышеву.

Однако этим побегам не суждено свершиться: Ромолу останавливает Савонарола, призывая ее вернуться «к своему долгу» [14]; героиня Толстого терпит очередное потрясение от низости намерений Твердынского, который еще полдня назад казался ей спасителем. В силу особенностей драматургического текста Толстой вновь «сжимает» сюжетное пространство, поскольку этот второй кризис, постигший наивную и восторженную нигилистку, может быть сопоставим с последующим разочарованием Ромолы в своем новом учителе. Два года спустя она понимает эгоизм и двуличие Савонаролы, готового пожертвовать жизнью невинных людей ради власти и торжества своего дела. Ромола снова бежит из Флоренции, и вновь ее смятенное состояние в русском переводе романа буквально перекликается с репликами Катерины Матвеевны в финале пьесы:

«Ромола»	«Зараженное семейство»
Снова <i>горе и отчаяние</i> наполняли ее сердце. <...> Для женщины, сознающей, что ее любовь была лишь <i>ошибка</i> , нет и не может быть утешения. <...> ...Жизнь, полная трудов и печалей, только <i>тяготила</i> ее. Она искала отдыха, она искала <i>забвения</i> ² [14].	Да, голубчик, я сознаю свое <i>заблуждение</i> . Я прошу <i>забвения</i> . Я <i>несчастливая</i> женщина, голубчик. <...> Полчаса назад я считала себя выше всех в мире, а теперь я <i>несчастное, жалкое</i> и презренное существо [6. Т. 7. С. 290, 292].

¹ В оригинальном тексте Элиот фраза «гнет презренного ума» звучит как «the breath of an odious mind stifling her own» [15] – буквально «дух (дыхание) отвратительного ума (взглядов), душащий ее собственный». Таким образом, Толстой почти буквально повторяет эту метафору в реплике Катерины Матвеевны.

² «A new rebellion had risen within her, a new despair. <...> There is no compensation for the woman who feels that the chief relation of her life has been no more than a mistake. <...> She had done enough; she had striven after the impossible, and was weary of this stifling crowded life. She longed for that repose...» [15].

И здесь Толстой вновь останавливается: история Катерины Матвеевны завершается ее раскаянием, однако непонятно, что героиня будет делать дальше. Хотя ей и стыдно за свою глупость и презрение к родным (на это указывает само изменение характера речи), очевидно, что радикального возврата к традиционным ценностям не предвидится. Об этом говорит последняя реплика Катерины Матвеевны в сторону Венеровского: «И это адепт нового ученья! Нашего!» [б. Т. 7. С. 293].

Действие «Ромолы», напротив, продолжается: в последней части романа героиня находит наконец свой путь. Она тоже раскаивается в бегстве, но этот опыт помогает Ромоле понять свою нужность людям. После спасения жителей чумной деревни героиня перестает искать какой-либо высшей поддержки или оправдания своей жизни: «...она просто жила этим сочувствием к горю и несчастью, она просто делала то, что следовало, и не искала причины, зачем ей жить, зачем терпеть, зачем работать» [14]. Очевидно, что выражение такой философии очень напоминает любимый афоризм Толстого: «Делай, что должно, и будь, что будет». Второй, не менее значимой частью жизни Ромолы становится забота о близких. Вернувшись в родной город, героиня Элиот узнает о смерти мужа и немедленно разыскивает его вторую жену Тессу, ее двоих детей и старую няню. Ромола перевозит их в свой дом и заботится о них как о собственной семье. Беседой с мальшом Лилло, в котором героиня суммирует открытые ею нравственные истины, и завершается роман.

Почему же в комедии Толстого, имеющей достаточно явные переключки с сюжетом «Ромолы», не отражена эта последняя, самая важная часть? Очевидно, что писателю вовсе не нужен был своеобразный «выход» его героинь за пределы семейного круга, самореализация в социальной сфере. Напротив, любое стремление женщины к труду в социуме, за рамками семейного круга, было для него в тот момент объектом осмеяния, относилось к той области, в которой существовали карикатурно изображенные в пьесе нигилисты. Недавнее создание собственной семьи, рождение детей, работа над замыслом «Войны и мира» с его ярко выраженной «мыслью семейной» – все это приводит Толстого к единственно возможному в этот период ответу на «женский вопрос»: для женщины не может быть иного пути самореализации, кроме как в семье.

Эти идеи писатель будет неоднократно высказывать и в последующие годы. В 1868 г. в неоконченной и неопубликованной заметке «О браке и призвании женщин» Толстой заявляет: «Призвание матери (высшее, по моему убеждению) имеет свойство всех серьезных человеческих призваний» [б. Т. 7. С. 135]. В 1870 г. в неотправленном письме к Н.Н. Страхову он безапелляционно развивает мысль о том, что «отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина... на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. – Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины. ... Всякая несемейная женщина, не хотящая распутничать телом и душою, не будет искать кафедры, а пойдет насколько умеет помогать ро-

дильницам. <...> Не знаю, почему для достоинства женщины – человека вообще выше передавать чужие депеши или писать рапорты, чем соблюдать состояние семьи и здоровье ее членов» (61, 232).

Эти же мысли Толстой будет развивать и в романе «Анна Каренина» (1873–1877): вспомним дискуссию о женском вопросе во время ужина у Облонских, где Левин делает предложение Кити. Примечательна и сама эволюция этой героини, которая после измены Вронского переживает сильнейший душевный кризис и находит исцеление в общении с добродетельной Варенькой, помощницей всех больных на немецком курорте. Самопожертвование и помощь страждущим на время становятся смыслом жизни и для Кити, однако очень скоро она разочаровывается в этой деятельности, не чувствуя искреннего к ней призвания. Кити возвращается в Россию и реализует себя в семье, в деятельной помощи мужу в полном соответствии с идеалами Толстого. Таким образом, в «Анне Карениной» можно также уловить отзвуки скрытой полемики со взглядами Элиот на предназначение женщины, которое, по мысли писательницы, всегда шире и сложнее традиционного внутрисемейного круга жизни.

Нельзя, однако, сказать, чтобы взгляды Толстого на назначение женщины не претерпевали изменений. Очевидно, что уже в тексте «Войны и мира» этот вопрос решается иначе, чем в декларативном эпилоге. И княжна Марья, и особенно Наташа проявляют самоотверженность во имя близких, но одновременно участвуют и в судьбе страны – можно вспомнить и знаменитый эпизод освобождения подвод для раненых, и отказ княжны Марьи сдать на милость французам, и живое сочувствие Наташи деятельности Пьера Безухова в финале романа. Не говоря об этом прямо, Толстой фактически предлагает свой собственный вариант решения «женского вопроса», когда создает своих лучших героинь с их мощным нравственным влиянием на окружающих, способностью к саморазвитию и острому сопереживанию, соучастию в жизни других людей и народа в целом.

Эволюция взглядов Толстого очевидна и в позднем романе «Воскресение», где речь уже идет вовсе не о реализации женщины в семье, а о сохранении ее человеческого достоинства, о праве на достойную жизнь и отношение в обществе. Во многом этот роман становится возвращением к тому, о чем думал Толстой в 1860-е гг., – не случайно американская исследовательница Ани Кокобобо определяет его как «антироман» [21]. Решение Катюши Масловой отказаться от брака с Нехлюдовым ради политического ссыльного Симонсона, который любит ее «как прекрасного, редкого, много страдавшего человека» (32, 404), становится совсем иным ответом Толстого на «женский вопрос», чем за полвека до того.

Проведенный анализ дает все основания утверждать, что мощный интеллектуальный и нравственно-философский пафос романа «Ромола», написанного на историческом материале, мог стать для Толстого стимулом для создания произведения о «новых людях» и одновременно площадкой для выражения своих взглядов на роль и призвание женщины. Видоизменяя сюжет романа Элиот, писатель фактически изымает из него только од-

ну линию, касающуюся несчастливого замужества героини, и при этом уделяет внимание борьбе идей, которая разворачивается вокруг нее. Фактически комедия Толстого – это повествование о столкновении семейных и внесемейных ценностей: на это указывает уже само заглавие – «Зараженное семейство». Увлеченные новыми идеями героини одинаково несчастливы, у них нет жизненной цели и, соответственно, никакой перспективы – такова, по сути, мораль произведения Толстого. Но осмеивая дурное, писатель не высказывает здесь четкой позиции: каким должно быть предназначение женщины. Именно эта недосказанность вкупе с явной незавершенностью образов и могла быть причиной того, что Толстой не стал дорабатывать комедию, а вернулся к замыслу романа-эпопеи «Война и мир».

Тем не менее образы романа Элиот, а особенно его сюжет, построенный на череде драматических кризисов в жизни и мировоззрении героини, могли вызвать у Толстого живой отклик. «Зараженное семейство» стало важным этапом, предваряющим создание «Войны и мира», и многие идеи, не реализованные в комедии, вырастают в романе в целостные сюжетные линии, связанные с любимыми героями писателя. Определенный отклик на проблематику как пьесы, так и романа Элиот можно увидеть и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной». Роман «Ромола», таким образом, оказывается созвучен всему последующему творчеству Толстого и мог способствовать реализации многих ключевых идей русского писателя.

Список источников

1. *Проскурнин Б.М.* Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот. Пермь, 2005. 144 с.
2. *Саводник В.Ф.* История писания комедии «Зараженное семейство» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 7. С. 389–406.
3. *Romola* / By George Eliot. Leipzig, Bernhard Tauchnitz, 1863. 2 vol. (Collection of British Authors; vol. 682–683). (МЗЯП КП – 1802/283).
4. *Carpenter M.W.* George Eliot and the Landscape of Narrative Form and Protestant Apocalyptic History. The University of North Carolina Press, 1986. 246 p.
5. *Новые книги* // Русское богатство. 1912. № 12. С. 376–403.
6. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
7. *Ромола.* Новый роман Элиота: От переводчика // Отечественные записки. 1863. № 150. С. 287–291.
8. *Дружинин А.В.* «Ромола», роман из флорентийской жизни конца XV столетия, Джордж Эллиота // Собр. соч. СПб., 1865. Т. 5. С. 449–458.
9. *Eliot G.* Romola. М. : Т8RUGRAM, 2017. 614 с.
10. *Бахтин М.М.* Толстой-драматург: Черновые записи. URL: <https://fil.wiki-reading.ru/59662> (дата обращения: 31.01.2021).
11. *Бахтин М.М.* Толстой-драматург: Предисловие. URL: <https://fil.wiki-reading.ru/59660> (дата обращения: 31.01.2021).
12. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Шестидесятые годы // Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 353–559.
13. *Полякова Е.И.* Театр Льва Толстого: драматургия и опыты ее прочтения. М., 1978. 343 с.
14. *Ромола.* Новый роман Элиота // Отечественные записки. 1863. № 9–12. URL: http://az.lib.ru/e/eliot_d/text_1863_romola-oldorfo.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

15. Eliot G. Romola. URL: <http://gutenberg.org/files/24020/24020-h/24020-h.htm> (дата обращения: 28.01.2021).
16. Красносельская Ю.И. «Дух 1856 года» и комедия Л.Н. Толстого «Зараженное семейство» // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.И. Журавлевой. М., 2013. С. 239–251.
17. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982–.
18. Гиусова И.Ф. Совершенствующая героиня в творчестве Джордж Элиот и Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 17–24.
19. Alley H. The Quest for Anonymity: The Novels of George Eliot. London, 1997. 182 p.
20. Зверев А.М. Драматургия Толстого // Зверев А.В., Туниманов В.А. Лев Толстой. М., 2006. С. 722–753.
21. Кокобобо А. Роман Толстого «Воскресение» как антироман // Лев Толстой и мировая литература : материалы VII Междунар. науч. конф. Тула, 2012. С. 133–142.

References

1. Proskurnin, B.M. (2005) *Idei vremeni i zrelye romany Dzhordzh Eliot* [Ideas of Time and Mature Novels of George Eliot]. Perm: Perm State University.
2. Savodnik, V.F. (1936) Istoriya pisaniya komedii “Zarazhennoe semeystvo” [The history of writing the comedy “The Infected Family”]. In: Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 389–406.
3. Eliot, G. (1863) *Romola: in 2 volumes*. Vol. 2. Leipzig: Bernhard Tauchnitz.
4. Carpenter, M.W. (1986) *George Eliot and the Landscape of Narrative Form and Protestant Apocalyptic History*. The University of North Carolina Press.
5. Anon (1912) Novye knigi [New books]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 376–403.
6. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Anon (1863) Romola. Novyy roman Eliota. Ot perevodchika [Romola. Eliot’s new novel. From the translator]. *Otechestvennye zapiski*. 150. pp. 287–291.
8. Druzhinin, A.V. (1865) “Romola”, roman iz florentiyskoy zhizni kontsa XV stoletiya, Dzhordzh Elliota [“Romola”, a novel from Florentine life at the end of the 15th century, by George Eliot]. In: Druzhinin, A.V. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 5. / Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 449–458.
9. Eliot, G. (2017) *Romola*. Moscow: T8RUGRAM.
10. Bakhtin, M.M. (2021) *Tolstoy-dramaturg. Chernovye zapisi* [Tolstoy as a playwright. Draft entries]. [Online] Available from: <https://fil.wiki-reading.ru/59662> (Accessed: 31.01.2021).
11. Bakhtin, M.M. (2021) *Tolstoy-dramaturg. Predislovie* [Tolstoy as a playwright. Preface]. [Online] Available from: <https://fil.wiki-reading.ru/59660> (Accessed: 31.01.2021).
12. Eykhenbaum, B.M. (2009) Lev Tolstoy. Shestidesyatye gody [Leo Tolstoy. The sixties]. In: Eykhenbaum, B.M. *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat’i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. pp. 353–559.
13. Polyakova, E.I. (1978) *Teatr L’va Tolstogo: dramaturgiya i opyty ee prochteniya* [Theater of Leo Tolstoy: drama and experiences of reading it]. Moscow: Iskusstvo.
14. Anon (1863) Romola. Novyy roman Eliota [Romola. Eliot’s new novel]. *Otechestvennye zapiski*. 9–12. [Online] Available from: http://az.lib.ru/e/eliot_d/text_1863_romola-oldorfo.shtml (Accessed: 7.02.2021).

15. Eliot, G. (1863) *Romola*. [Online] Available from: <http://gutenberg.org/files/24020/24020-h/24020-h.htm> (Accessed: 28.01.2021).

16. Krasnosel'skaya, Yu.I. (2013) "Dukh 1856 goda" i komediya L.N. Tolstogo "Zarazhennoe semeystvo" ["The Spirit of 1856" and comedy L.N. Tolstoy "Infected family"]. In: Zykova, G.V. & Penskaya, E.N. (eds) *Russkaya drama i literaturnyy protsess. K 75-letiyu A.I. Zhuravlevoy* [Russian drama and literary process. To the 75th anniversary of A.I. Zhuravleva]. Moscow: Sovpadenie. pp. 239–251.

17. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Letters: in 18 volumes]. Moscow: Nauka.

18. Gnyusova, I.F. (2013) Perfecting female character in George Eliot's and Leo Tolstoy's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 17–24. (In Russian).

19. Alley, H. (1997) *The Quest for Anonymity: The Novels of George Eliot*. University of Delaware Press.

20. Zverev, A.M. (2006) Dramaturgiya Tolstogo [Dramas of Tolstoy]. In: Zverev, A.V. & Tunimanov, V.A. *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy]. Moscow. pp. 722–753.

21. Kokobobo, A. (2012) [Tolstoy's novel "Resurrection" as an anti-novel]. *Lev Tolstoy i mirovaya literatura* [Leo Tolstoy and world literature]. Proceedings of the 7th International Conference. Tula: Yasnaya Polyana. pp. 133–142.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 09.02.2021;
approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1 + 82-6
doi: 10.17223/19986645/76/13

«Наследник по прямой»: механизмы и функции литературной автоканонизации Г.Д. Гребенщикова

Александр Юрьевич Горбенко

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия, al_gorbenko@mail.ru*

Аннотация. На материале нефикциональной прозы (статьи, очерки, мемуары и т.д.) и эпистолярия Г.Д. Гребенщикова исследуются стратегии его литературной самоканонизации. Обосновывается, что она строилась на ряде инвариантных приемов, главным из которых стали разноплановые самопроекции на фигуры классиков – прежде всего А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Такая практика стала для Гребенщикова одновременно способом формирования его персональной писательской мифологии, важным жизнетворческим ресурсом и инструментом институционального строительства.

Ключевые слова: Г.Д. Гребенщиков, литературный канон, литературная автоканонизация, литературоцентризм, автомифотворчество, жизнетворчество

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.

Для цитирования: Горбенко А.Ю. «Наследник по прямой»: механизмы и функции литературной автоканонизации Г.Д. Гребенщикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 282–305. doi: 10.17223/19986645/76/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/13

“The Heir in a Straight Line”: Mechanisms and functions of George Grebenstchikov’s literary self-canonization

Alexander Yu. Gorbenko

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russian Federation, al_gorbenko@mail.ru*

Abstract. The article discusses the mechanisms and pragmatics of George Grebenstchikov’s multi-genre texts and behavioral gestures aimed at solving the

problem of literary self-canonization. The object of the research was determined by the corpus of materials – fictional (the novel “Churaevs”) and nonfictional (memoir essays, articles, notes, letters and other documents) prose of Grebenstchikov and memoir testimonies about him. Archival documents are involved, some of them are introduced into scholarly discourse for the first time. The article considers the mechanisms and pragmatics of the writer’s verbal texts and behavioral gestures, which were aimed at solving the problem of his literary self-canonization. The Grebenstchikov version of the Russian national literary canon is reconstructed. The mechanisms of Grebenstchikov’s self-projection on the figures of the writers who, in his opinion, were at the canon’s origin – Alexander Pushkin and Leo Tolstoy – are traced. The tasks that Grebenstchikov set for himself when developing these self-projections are revealed. The analysis has led to a number of conclusions. Regularly and persistently declaring his inheritance of the traditions of Pushkin and Tolstoy, Grebenstchikov sought to raise his status in the field of literature, trying to canonize his name “against the background” of the recognized classics. His strategy included not only the “positive” part, but also the “negative” one. Comparing himself with Tolstoy, the Siberian writer periodically used his figure as a “constitutive Other” (Iver Neumann), and, describing his conversation with the monument to Pushkin in the essay “Visiting Pushkin”, he extremely reduced the distance between himself and the poet, using the strategy of “intimatization” of relations with the classic. Grebenstchikov’s literary self-canonization had a number of interrelated tasks, the main of which was to strengthen the personal myth of the writer “from the people”, who has the right to a special place in the literary field. In addition, literary self-canonization became an important life-creation resource and an instrument of institution-building for Grebenstchikov.

Keywords: George Grebenstchikov, literary canon, literary self-canonization, literary centrism, self-mythmaking, life-creation

Financial Support: The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-412-243001.

For citation: Gorbenko, A.Yu. (2022) “The Heir in a Straight Line”: Mechanisms and functions of George Grebenstchikov’s literary self-canonization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 282–305. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/13

В этой статье мы ставим целью рассмотреть механизмы и прагматику разножанровых вербальных текстов и поведенческих жестов Г.Д. Гребенщикова, направленных на решение задачи его литературной автоканонизации. При этом мы будем различать риторическую активность (автомифотворчество) и пересечение границы между реальностью и искусством в области повседневного (или «бытового», по Ю.И. Лотману) поведения (жизнетворчество).

Для достижения этой цели сначала необходимо описать концептуальную рамку, в которую мы поместим исследуемый материал. Проблема апелляции к идее классики или к отдельным представителям литературного канона в целях легитимации собственных позиций подробно разработана в гуманитарной науке последних десятилетий на разном материале. Позиции исследователей, как правило, различаются в зависимости от понимания канона либо как «инструмента социальной доминации» («социоло-

гическое направление»), либо как корпуса произведений, которым имманентно присущ набор эталонных этических и эстетических качеств, которых лишены другие произведения («аксиологическое направление») [1. С. 11–15] (ср.: [2. С. 8–9]).

Мы, вслед за представителями «социологического направления», будем понимать литературный канон как инструмент идеологической борьбы, обладающий существенным потенциалом не только внутри литературного поля, но и за его пределами – в поле власти, поскольку такой подход более всего соответствует специфике жестов Гребенщикова, направленных на решение задачи литературной самоканонизации.

По словам С.Н. Зенкина, «[п]ретендуя на тотальный контроль культурного пространства, классика служит институтом власти, и априори ясно, что борьба за канонизацию того или иного литературного факта или за интерпретацию уже освященных традицией “классических” текстов всегда представляет собой более или менее скрытую идеологическую борьбу» [3. С. 32–33]. Такая ситуация предполагает, что литературным «авторитетом назначают <...> его конструируют» [4. С. 324]. Иначе говоря, для создания классики «необходима санкция публичной власти» [5. С. 134].

Наконец, мы согласны с тем, что одна из главных социальных функций идеи классики состоит в «апелляци[и] к образцам и авторитетам “прошлого”, с которыми устанавливались отношения “наследования” <...>» [6. С. 10]. В такой перспективе становится ясно, что конструирование связей преемственности по отношению к классике может приобретать характер насущной потребности для начинающего автора, тем более для представителя социальных низов, не обладающего достаточным для достижения поставленных целей символическим капиталом.

Подобное понимание литературного канона не исключает попыток его «присвоения» какими-либо социальными или литературными группами¹ или даже отдельными людьми. Именно таков случай Гребенщикова, обсуждая который следует говорить об автоканонизации, понимаемой нами как совокупность усилий автора, направленных на самостоятельное вхождение в литературный пантеон, т.е. своего рода «узурпацию» статуса классики.

Исходя из «социологического» подхода, следует признать, что автоканонизация едва ли возможна как таковая (это отличает его, например, от влиятельного подхода Х. Блума²). Однако констатация теоретической не-

¹ Среди работ, выполненных на отечественном материале и посвященных конструированию канона или его отдельных фрагментов литературными группами с целью самоопределения, самоописания, автолегитимации внутри литературного и – шире – культурного поля, укажем те, в которых исследуются различные как в хронологическом, так и в социокультурном отношении фигуры и практики: [7. С. 531–599; 8. С. 64–73; 9. С. 180–273].

² Правда, Блум, утверждавший, что «всякая сильная литературная самобытность становится канонической» [10. С. 38], постулировал не возможность «узурпации» классического статуса в результате автомифотворческой и/или жизнотворческой работы, а

возможности самоканонизации изнутри определенной теоретической рамки никак не исключает попыток достижения этой задачи на практике.

Если добавить к сказанному идею о каноничности как «мер[е] повторяемости, воспроизводимости в культуре» [12. С. 68], то процесс автоканонизации можно рассматривать как сочетание двух компонентов: 1) всесторонняя популяризация собственной фигуры, в широком смысле самореклама; 2) конструирование (или, при их реальном наличии, систематическое акцентирование и мифологизация) родственных связей с классиками и/или символического наследования им, продолжения их «традиций».

Мы сосредоточимся на втором аспекте (хотя полностью отделить их друг от друга едва ли возможно), поскольку анализ гребенщиковской саморекламы требует отдельного исследования. Обсуждение этого аспекта необходимо начать с реконструкции литературной позиции Гребенщикова и его версии канона национальной словесности.

Сразу оговоримся, что ключевые автомифотворческие и жизнетворческие стратегии Гребенщикова, как и его эстетические взгляды, можно без всякого насилия над материалом описать как систему, состоящую из констант и в общем виде сложившуюся и оформившуюся уже в 1910-е гг. Постараемся проследить этот набор инвариантов, всякий раз акцентируя внимание на динамике отдельных аспектов, которая становится тем важнее, чем стабильнее система в целом.

Гребенщиков неизменно позиционировал себя как литературного «консерватора»¹. Так, в программном письме к М. Горькому от 17 апреля 1928 г. он утверждал: «Я люблю действие упорное и люблю свою скромную роль в литературе. У меня тоже есть своя правда, несколько консервативная, но прочная» [14. Т. 4. С. 478]. Заявляя о решительном неприятии современных ему экспериментов в области поэтики и эстетики, Гребенщиков связывал с этим свою «роль в литературе» – «скромную», но особую. «Меня ни с какой стороны не соблазнила “новизна” выдвинутых революцией форм письма. Я становлюсь еще более упрямым в смысле простоты изложения моих мыслей и поэтому думаю, что <...> меня “новая” литера-

неизбежность классикализации литературы высокого эстетического уровня. Концептуальную и эвристически ценную критику построений Блума, в частности его размышлений о самоканонизации «сильного» автора, см.: [11]. Ямпольский подчеркивает, что «сколь бы “оригинальным” в блумовском понимании ни был тот или иной исторический роман, как бы ни владел его автор фигуративным языком и прочими атрибутами “сильного автора”, социальный консенсус, связанный с системой жанров, будет препятствовать его канонизации» [11. С. 216]. Разумеется, сказанное касается не только жанра исторического романа.

¹ Такое самоопределение соответствует разграничению «консерватизма» и «традиционализма», предпринятому К. Мангеймом. См.: [13. С. 593–597]. Согласно Мангейму, «традиционалистское поведение представляет собой практически чистую серию реакций на раздражители». Консервативное же поведение, напротив, «осмысленно, вдобавок осмыслено по отношению к изменяющимся от эпохи к эпохе обстоятельствам» [13. С. 596].

тура исключит из списка нужных литераторов», – писал он Горькому в марте 1922 г. [14. Т. 3. С. 482], демонстрируя заключением в кавычки слов «новизна» и «новая» иронически-снисходительное отношение к модернистским и авангардным способам письма.

Определяя свое место в литературном процессе эпохи, Гребенщиков активно использовал биолого-органицистскую метафорику (к которой прибегал с самых ранних эпистолярных самоописаний сибирского периода). Зачастую он эксплуатировал этот метафорический арсенал, характеризуя литературные течения как «здоровые» или «больные». Так, в статье «Певун-размыка-чародей» (1915), посвященной поэзии Н.А. Клюева, он утверждал, что «песни» последнего «благоухают ароматом неувядших полевых цветов, ладаном, искуряемым соснами и елями, они озарены пурпуром предрассветных зорь, обвеяны освежающей прохладой глубокой мудрости и согреты незакатным солнцем пантеизма» [15. Ед. хр. 467/1. Л. 1]. По мнению Гребенщикова, «[п]оэзия Клюева – нечаянная радость для издерганного, переутомленного русского читателя», уставшего от «изящны[х], но холодны[х] и бездушны[х]» стихов «ярко[го] созвездия[я] русской поэзии под буквой “Б”» [15. Ед. хр. 467/1. Л. 1]¹. Имелись в виду Брюсов, Бунин, Блок и Бальмонт, которые «часто создают изумительно изящные, но холодные и бездушные изваяния своей музыки» [15. Ед. хр. 467/1. Л. 1]².

Принципиально значимо здесь то, что Гребенщиков принимал стилизованность модернистской поэзии Клюева³ за «народную» простоту, а его самого характеризовал как «пришелец[а] из просторов полей и лесов Олонечкой губернии, просто[го] пахар[я] и мужик[а] с “огнекрылою душой” и “просветленным взором”» [15. Ед. хр. 467/1. Л. 1]. Схожее непонимание встречается и в описании Есенина, данном Гребенщиковым в очерке «Сергея Есенин» (1926), где автор называет поэта «братом моим крестьянином» и утверждает, что «богатыри-москвичи, разодевши обоих поэтов (Есенина и Клюева. – А.Г.) в шелковые рубахи и сафьяновые сапоги, носились с ними» [14. Т. 4. С. 448, 446]⁴. Лишая, таким образом, Клюева и Есе-

¹ В финале статьи Гребенщиков называет «песни Клюева» «чисты[м] воздух[ом] для читателя, отравленного и оскорбленного “футуристическими” кривляньями нашего времени...» [15. Ед. хр. 467/1. Л. 1].

² Вскоре Гребенщиков изменил отношение к этим поэтам. Так, подружившись с Бальмонтом во Франции, в очерке «Бальмонт» (1921) Гребенщиков ставил его в один ряд с Пушкиным и Л.Н. Толстым: «Благодаря Бальмонту, как и благодаря Пушкину, и Льву Толстому, и еще целому ряду божественных гостей земли, я делаю тот необходимый для моего земного существования вывод, который делает все мои скорби, все унижения и человеческие несправедливости ничтожными и легко переносимыми, а именно: раз существовали Пушкин и Толстой, и существует Бальмонт, и непрерывная, хотя и нежно-тонкая цепь воплощенных в грешную землю плоть ангелов, – значит есть Бог» [16. С. 179].

³ См. об этом, например: [17. С. 5–88].

⁴ Факты свидетельствуют о прямо противоположном – Клюев и Есенин целенаправленно «разодевали» себя сами, заказав, например, для московских выступлений начала 1916 г. «концертные костюмы и сапоги» [18. С. 102].

нина субъектности, Гребенщиков игнорирует сознательную театрализацию поведения «новокрестьянских» поэтов, «стро[ивших] на приверженности» к одному из «извод[ов] “национального творчества” свой литературный успех» и взявшихся «ввести в литературный мейнстрим модернизма голос современной деревни» [19. С. 185].

Очевидно, что и в случае Клюева и Есенина, и в случае самого Гребенщикова аудитории предлагались жизнетворческие перформансы, с той разницей, что Гребенщиков, одевавшийся подчеркнуто «по-городскому», не использовал семиотические возможности костюма как инструмента презентации собственного «крестьянского» мифа. Эти перформансы программировали рецепцию «искусственного», стилизованного поведения литераторов в качестве «естественного» и «природного»¹. В этой же перспективе важна приводимая Гребенщиковым характеристика, которая, по его словам, была дана ему Есениным. Если верить Гребенщикову, Есенин, встретив выходца из Сибири в Берлине, «тоном мудрого старца» укорял его: «Почему вы не в России? Что, у вас голубая кровь? Ведь вы же наш брат, Ерема!..» и «даже братски хлопнул меня по плечу» [14. Т. 4. С. 447, 448]. Семиотически эта ситуация прочитывается как легитимация искомого Гребенщиковым статуса писателя «из народа». При этом легитимирующей инстанцией является Есенин – поэт, чья «народность», как уже говорилось, была остро проблематической, «сконструированной», т.е. явилась результатом жизнетворческой активности, как и в случае Гребенщикова, что было очевидно уже многим современникам².

Вернемся к эстетическим декларациям Гребенщикова. В программной (пусть и оставшейся неопубликованной) статье середины 1920-х гг. «О судьбе русской литературы» Гребенщиков продолжал размышлять о «здоровой» и «больной» литературе, подчеркивая, что «ни одного футуриста, ни имажиниста, ни другого иста нѣтъ там (в России. – А.Г.) изъ народа» [15. Ед. хр. 699/7. Л. 4]. В этой статье (как и во многих других своих эмигрантских сочинениях – как фикциональных, так и нефикциональных) Гребенщиков демонстративно использовал и для машинописи, и для рукописной правки дореволюционный алфавит, что создавало гомологию консервативного содержания его трудов и их формы в самом буквальном, графическом, смысле (именно поэтому мы считаем необходимым сохранить графику, орфографию и пунктуацию Гребенщикова во всех случаях).

Показательно, что и спустя десятилетия, 19 апреля 1956 г., в письме, адресованном жившей в США старообрядке Вассе Колесниковой и иллюстрирующем неизменность декларируемого Гребенщиковым предпочтения «реалистического» «модерному», писатель вновь прибегает к сходному метафорическому арсеналу. Поблагодарив свою корреспондентку за приложенное ею письмо «матушки Аполлинарии», Гребенщиков заключает:

¹ Об основанных на автомифологизации литературных стратегиях Есенина см.: [20, 21].

² Специально о жизнетворческих «переодеваниях» Есенина и Клюева и реакции на них современников см., например: [18. С. 102–134].

«Теперь не только так писать не умеют, но и мыслить так не способны», после чего формулирует парадигмальный для своего мировоззрения тезис: «Все это модерное при самом восходе сгнивает и пошлостью своей не нахвалится» [22. С. 89].

В этой перспективе вполне логичны и закономерны разноплановые самопроекции Гребенщикова на тех классиков русской литературы, которых он считал реалистами. Пожалуй, наиболее упорядоченная и развернутая гребенщиковская версия национального литературного канона содержится в его письме к Горькому от 17 апреля 1928 г., приуроченном к 60-летию последнего. Здесь А.С. Пушкин, открывающий классический канон, назван «мо[им] Богом, как бы ни сложилось будущее безбожие», а И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и сам Горький охарактеризованы как «три великие ступени Русской Литературы» [14. Т. 4. С. 478–479]¹.

Включение в канон Горького в адресованном ему письме может быть интерпретировано и как часть «юбилейной» риторики всего текста (особенно если учесть, что Гребенщиков придавал большое значение разного рода юбилеям и юбилейным ритуалам), и как попытка восстановить эпистолярный диалог между литераторами, прерывание которого, судя по самым разным свидетельствам, тяжело переживалось Гребенщиковым. Так или иначе, Горький имел для автора «Чураевых» меньший символический вес, нежели Толстой и тем более Пушкин, и его фигура не была окружена таким сакральным ореолом. Тургенев же, насколько можно судить по обширному наследию Гребенщикова, не стал объектом его автомифотворческих и жизнестроительных самопроекции. Гребенщиков всячески акцентировал момент «учебы» у классиков и их благотворное влияние на собственное творчество. В этом же письме Горькому «три великие ступени Русской Литературы» названы «тр[емя] мои[ми] литературны[ми] учителя[ми]» и «моими как бы спутниками в жизни» [14. Т. 4. С. 478–479].

Едва ли случайно, что контуры канона были наиболее четко обрисованы Гребенщиковым уже в эмиграции – нужно учесть принципиальную важность житнетворческого самоопределения литераторов-эмигрантов «первой волны», в среде которых зародилась мифологема Серебряного века, с помощью сопоставления собственного творчества и биографий со случаями классиков – представителей века золотого².

Самыми многочисленными оказались примеры ориентации сибирского литератора на фигуру Л.Н. Толстого. Нам уже приходилось писать о «тол-

¹ Ср. принципиально иной перечень, включавший исключительно современников, с характерным уверением в отсутствии амбиций встать с ними в один ряд, в наброске «О писателе, редакторе и читателе» (1952): «<...> я никогда не ставил себя в иконостас больших писателей, начиная по алфавиту: Алданов, Бунин, Зайцев, Ремизов и ещё кто?..» [15. Ед. хр. 56739/149. Л. 4].

² Анализ механизмов и прагматических задач рецепции творческого наследия и биографических образов классиков (на примерах рецепции наследия «первого русского романтика» В.А. Жуковского) отечественными писателями, прежде всего представителями русской эмиграции, см.: [8].

стовском» компоненте жизнетворчества Гребенщикова (см.: [23, 24]). Поэтому здесь мы вкратце напомним об этой составляющей стратегий автора «Чураевых», но в несколько иной теоретико-методологической перспективе, рассматривая «толстовский» субстрат как факт не только жизнестроительной, но и автомифотворческой активности писателя¹. Кроме того, мы привлекаем ряд новых материалов, в том числе архивных (некоторые из них вводятся в научный оборот). Все это в совокупности с новыми аналитическими наблюдениями позволит, как нам представляется, существенно расширить и уточнить уже имеющуюся картину².

Принципиально важна оговорка, с которой Гребенщиков начал свой очерк «У Льва Толстого» (1925), фактически декларируя недопустимость практики, которую мы называем автоканонизацией:

Лучшие традиции русской литературы не позволяют кому бы то ни было говорить или писать о себе. В особенности это недопустимо тогда, когда речь идет о каком-либо великом человеке. Но бывают исключения, в особенности для людей с открытой совестью, когда им хочется публично каяться и в покаянии своем найти особую радость не только для себя, но и для других. Я почти никогда не рассказывал и не писал о моей встрече с Львом Толстым, потому что мне трудно отделить огромную фигуру Льва Толстого от собственной персоны. Ибо рассказ о Толстом – это рассказ о нем в *моих переживаниях* [14. Т. 4. С. 418].

Однако к 1925 г. Гребенщикоу уже несколько раз довелось рассказывать о встрече с Толстым, прежде всего в двух очерках («В Ясной Поляне» 1910 г., «Памяти Великого» 1915 г.) и «Автобиографической заметке 1922 года». В поздние годы Гребенщиков с разной степенью подробности возвращался к этой истории – в заметке «Волнуемся, как море-океан...» (1956), очерках, письмах, используя для этого самые разные поводы³.

¹ Помимо всего прочего, во время написания указанных работ мы стремились теоретически разграничить понятия «жизнетворчество» и «жизнестроительство», применяя к случаю Гребенщикова последнее. Сейчас же мы используем эти понятия как синонимические.

² Далее, рассматривая самопроекции Гребенщикова на наследие и биографию Толстого, мы частично опираемся на работу [23].

³ Например, уже подзаголовок упомянутой заметки «Волнуемся, как море-океан...» – «По поводу все того же фильма “Война и мир” Толстого» – свидетельствует о том, что фильм стал лишь поводом в очередной раз рассказать о своей поездке в Ясную Поляну, в ходе этого рассказа с неизбежностью переходя к «письму о себе». Судя по датировке машинописного текста (26 октября 1956 г.), речь идет о фильме К. Видора «Война и мир», вышедшем на экраны в том же году. Любопытно, что для названия «толстовской» заметки Гребенщиков использует искаженную цитату из «Бориса Годунова». Несколько иначе эта же цитата искажена в очерке «В гостях у Пушкина», который будет рассматриваться в качестве другого значимого примера автоканонизации Гребенщикова. Там она вложена в уста говорящего с рассказчиком поэта: «Представь себе, чего только я не насмотрелся в одной только Москве, на Тверском бульваре, с тех пор как там меня поставили!.. Шестьдесят семь лет я там стою и день и ночь и смотрю, как мимо меня проходит время, “событий полно, волнуется, как море-океан”...» [14. Т. 6. С. 377].

И всякий раз, рассказывая о встрече с Толстым, он «говорил или писал о себе».

Единственная встреча Гребенщикова с Толстым произошла на раннем этапе писательской карьеры сибиряка. В марте 1909 г., после болезненно воспринятой им критики омской премьеры его дебютной пьесы «Сын народа», Гребенщиков предпринял решительный шаг – поездку в Ясную Поляну к Толстому, который, по замечанию Джеффри Брукса, к началу XX в. «олицетворял классическое наследие», что пытались использовать в своих интересах различные группы русского общества [25. Р. 323].

Целью поездки, которую Гребенщиков описывал как литературное «паломничество»¹, было получение «благословения» на писательство². Эта цель была достигнута, что дало Гребенщикову возможность отвести Толстому в своем мифо-биографическом нарративе о писателе «из народа» целый набор ролей, так или иначе варьирующих образ символического предка.

Что касается собственно литературы, то работа над *opus magnum* Гребенщикова – многотомным романом «Чураевы» – шла в перспективе сопоставления его с «Войной и миром». Эти сравнения образовали довольно широкий спектр – от полного риторического отождествления двух книг в письме к Горькому, датированном февралем 1918 г. [14. Т. 3. С. 468]³, до характеристики своего романа как более «народного», нежели «Война и мир»⁴.

Параллельно с этим Гребенщиков не раз писал о «Войне и мире» как о сакральной книге, «„Святая Святых“»⁵ нашей отечественной классической литературы» [15. Ед. хр. 56739/144. Л. 1]. Как в таком случае можно объяснить гребенщиковское соперничество с Толстым, доходившее до полного отождествления «Чураевых» с «Войной и миром»? Как нам представляется, эта на первый взгляд парадоксальная ситуация объясняется тем, что задача написать «„Войну и мир“ лучше Толстого» стала важнейшей частью процесса самоканонизации Гребенщикова в статусе писателя «из народа», который одновременно наследует классике и негативно само-

¹ О сакрализации Гребенщиковым Толстого и Ясной Поляны см.: [26. С. 68–89]. Ср.: [23. С. 102].

² См. об этом прежде всего: [26]. Об этой поездке в связи с репрезентациями биографической «травмы» в ранних произведениях Гребенщикова см.: [27. С. 347–348, 354].

³ В нем Гребенщиков писал, что «испытыва[ет] такую любовь к земле и солнцу, к животным и растениям, что, кажется, суме[ет] написать “Войну и мир” – лучше Толстого – вот до чего доходит дерзость после или в момент отчаяния!..» [14. Т. 3. С. 468].

⁴ В марте 1957 г. Гребенщиков писал своему старинному сибирскому другу И.Г. Савченко, в то время жившему во Франции: «<...> перечитываю “Войну и мир” и как я горд, что и сам написал восемь томов нечто вроде “Войны и мира”, – только не о высшем свете Москвы и Петербурга, а о простом народе, и не об одном Каратаеве, а о сотнях их, и эта параллель когда-то будущим судьям нашей литературы БУДЕТ исторической летописью, хотя не такого размаха, как Льва Толстого» [22. С. 151–152].

⁵ Изначально в машинописи оба образующих эту конструкцию слова начинались со строчной буквы и не были закавычены.

определяется по отношению к ней, стараясь расширить рамки литературного канона, чтобы внести туда собственное имя.

11 апреля 1957 г. Гребенщиков сообщал об обдумываемом желании назвать всю свою «эпопею» «ВОЙНА И БУНТ», чтобы это никак не было похоже на «Войну и мир»» [22. С. 163]¹. Очевидно, однако, что стремление прозаика подобрать название, которое бы «никак не было похоже на «Войну и мир»», едва ли могло быть реализовано в полной мере, поскольку он по-прежнему мыслил в рамках «толстовской» парадигмы. Вместе с тем вторую часть этого потенциального заглавия, призванную снять толстовскую дихотомию, можно интерпретировать как сигнал «бунта» против Толстого, а не только того, что «русский бунт» является объектом репрезентации в «Чураевых».

Более того, Гребенщиков неоднократно прибегал к риторической дискредитации Толстого. В письме к В.Ф. Булгакову от 21 сентября 1938 г. он объяснял, что перестал писать литературные обозрения потому, что они не приносят заработка, и довольно резко подчеркивал, что «стал плотником и каменщиком буквально ради хлеба насущного, а литература – что останется». В этом, по мнению Гребенщикова, состояло его отличие от Толстого, который «после работы на земле, выбирает повкуснее грибки и проч... Наше дело – закон борьбы “взаболь”, а не от избытка философского величия» [22. С. 75–76]. Схожий, хотя и смягченный, акцент на «аристократизме» Толстого, который, по Гребенщикову, почти автоматически исключает возможность принадлежать к истинно «народной» среде, позднее появится в заметке «Волнуемся, как море-океан...». В ней Гребенщиков вновь описывает, как сидел рядом с Толстым и «чувствовал не только теплоту его тела, но и повышенную температуру»: «<...> эти руки с голубыми прожилками, не тонкие, аристократические руки, хотя и державшие <в свое время>² соху и шившие³ сапоги <...>» [15. Ед. хр. 56739/144. Л. 2]⁴. Наконец, в написанной в 1950-е гг. и неопубликованной статье «Нормально ли современное человечество?» Гребенщиков пренебрежительно отзывался об «упрощенчестве Льва Толстого» [15. Ед. хр. 56739/223. Л. 8] и критиковал автора «Севастопольских рассказов» за то, что тот, по его мнению, не был в состоянии понять «совершенно пророчески[х] вещь[ей]» Л. Андреева «Царь Голод» и «Красный

¹ Любопытно, что в этом же письме Гребенщиков сравнил И.Г. Савченко, в предыдущем письме которого к нему содержался короткий мемуарный военный очерк, с автором «Войны и мира»: «Картина самого наступления и боя написана тобой немножко лучше Толстого, это – ФАКТ <...>» [22. С. 164].

² Вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «себе». В контексте предпринятой Гребенщиковым дискредитации толстовского физического труда как своеобразной эгоистической аристократической «причуды» это зачеркивание можно интерпретировать как снижение градуса критики.

⁴ О «подчеркивании» Гребенщиковым «противоречий[ий] в образе жизни Толстого» см.: [26. С. 62–64].

смех» и лишь «огрызнулся» знаменитой репликой «Он пугает, а мне не страшно!» [15. Ед. хр. 56739/223. Л. 7].

Разные варианты дискурсивного «бунта» Гребенщикова против Толстого можно объяснить тем, что его не удовлетворяла роль эпигона классической традиции, создающего обреченную на вторичность «вариацию» толстовской книги. Как справедливо отмечает С.Н. Зенкин, «[к]лассический канон образует устойчивое и в принципе неизменное ядро культурной памяти, по отношению к которому все вновь создаваемые тексты культуры являются пояснениями и вариациями» [28. С. 281–282].

Сопоставляя очерки «В Ясной Поляне», «Памяти Великого» и «У Льва Толстого», Т.Г. Черняева писала, что гребенщиковское «отношение к Толстому было одновременно притяжением и отталкиванием, подражанием и попыткой соперничества» [26. С. 60]. Примеры, оставшиеся за пределами внимания исследовательницы, показывают, что автомифотворческая и жизнестроительная стратегии Гребенщикова, включавшие самопроекции на фигуру Толстого, оставались амбивалентными до конца его литературной карьеры. Подход Гребенщикова предполагал то следование толстовской модели, то полемику с ней или даже использование фигуры Толстого в качестве «конституирующего Другого» (И. Нойманн). «Попытка соперничества» с Толстым и критика его «аристократизма» давали Гребенщикоу возможность дополнительной легитимации в статусе писателя «из народа», создателя «народной» эпопеи, написанной одновременно «по следам» «Войны и мира» и в процессе полемического отталкивания от книги Толстого.

Менее разработанными, но на разных этапах не менее значимыми стали «пушкинские» автопроекции Гребенщикова. Уже в раннем стихотворении «Моя отчизна» (1906) сибирский литератор использовал аллюзии на пушкинскую поэзию, принципиально важные для манифестации его биографического мифа. Вторая строфа стихотворения («И рос угрюмым я, и все берег / Для жизни рабское терпенье: / Я жил бесцветно, как и все мы – / Без ропота, без сожаленья...») [29. С. 2] содержала одновременно прозрачную ритмико-семантическую аллюзию на пушкинское «без божества, без вдохновенья» из стихотворения «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») и полемику с призывом лирического субъекта знакового для Гребенщикова стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд» – «Храните гордое терпенье».

Этим апелляции Гребенщикова к наследию, а затем и к мифологизированной биографии Пушкина не ограничились. В самом начале 1920-х гг., оказавшись в эмиграции, он концептуализировал свой опыт с помощью самопроекции на фигуру Овидия, адаптируя миф о римском поэте-изгнаннике «под себя» не только напрямую. Посредующим звеном для Гребенщикова стал случай Пушкина, который, как хорошо известно, в «кожной» ссылке использовал Овидия в качестве житнетворческой модели¹.

¹ Подробнее об этой многоступенчатой жизнестроительной операции Гребенщикова см.: [30].

20 января 1937 г. Гребенщиков прочел лекцию о Пушкине в чикагском Northwestern University, «по-пушкински» облачившись во фрак и цилиндр¹. В этой лекции Гребенщиков характеризовал поэта и свою мать как «самых любимых путеводных товарищей»². Вспоминая о виденных в парижской студии эскизах «кистей соломоновых рук», выполненных художником, который «посвяти[л] свою жизнь воссозданию облика» библейского царя, Гребенщиков говорил:

Если бы я мог сделать набросок хотя бы даже одной руки Пушкина, которая однажды была обращена к Сибири с его бессмертным и про-буждающим посланием к сибирским узникам!

Моя мать, жена простого рудокопа, уловила это послание много лет спустя после смерти Пушкина, поскольку его поэзия бесконечно про-никновенна.

И если я сегодня стою перед вами, то это благодаря Пушкину и моей матери. Пушкин и моя мать³ всегда были для меня самыми любимыми путеводными товарищами.

Пушкин и моя родина Россия, Пушкин и свет мировой культуры – все это единый, непоколебимый идеал моей жизни. Когда я покинул Россию, то не взял ничего, кроме Библии, портрета матери и книг Пушкина [31. С. 164–165]⁴.

Такая сакрализация фигуры Пушкина коррелирует с функцией «небесного покровителя» литературного alter ego Гребенщикова Егорки, которой автор наделяет Пушкина в книге «Егоркина жизнь», итоговой манифестации гребенщиковского персонального мифа о писателе «из народа». В одной из сцен Пушкин (не названный прямо) контаминируется в воображении героя с его матерью, которая в «буранливую ночь» читает в избе «Буря

¹ Фотографию, зафиксировавшую этот житнетворческий жест, см.: [31. С. 162]. На следующий день Гребенщиков сообщал В.Ф. Булгакову о том, что «был главным докладчиком на Пушкинских торжествах», подчеркивая, что считает свою лекцию значимым событием, «не менее важным для русской культуры, нежели выпуск 6-го тома эпопеи» (речь идет о романе “Лобзание змия”, одном из томов “Чураевых”. – А.Г.) [22. С. 70]. 11 марта Гребенщиков написал Булгакову еще одно письмо, к которому приложил «ряд университетских программ о моих лекциях о Пушкине, по Америке просто для коллекции» [22. С. 72]. По всей вероятности, речь шла о коллекции Русского культурно-исторического музея, созданного по инициативе жившего в то время в Праге Булгакова и открытого в Збраславе в сентябре 1935 г.

² Ср. характеристику Тургенева, Толстого и Горького как «мои[х] как бы спутник[ов] в жизни» в цитированном письме к М. Горькому от 17 апреля 1928 г.

³ Обратим внимание на символически значимый в данном случае порядок слов: Гребенщиков два раза подряд сначала называет Пушкина, а уже затем мать.

⁴ В другом месте этой лекции Гребенщиков снова помещал Пушкина в христианский контекст, характеризуя строенный «пушкинский» том «Литературного наследства» (16/18) (ошибочно названный им «Литературным наследием Пушкина»), вышедший в свет в 1934 г., «Евангелие[м], новы[м] советски[м] молитвенник[ом], посвященны[м] Пушкину» [31. С. 166].

мглою небо кроет...»: «<...> постучался кто-то столь родной и близкий и столь великий, столь все понимающий и знающий все подробности их жизни, что он никогда-никогда их не оставит, а Егорку поведет через тернистые пути его будущей жизни и поможет, поможет все перенести, все вытерпеть» [14. Т. 6. С. 141]¹.

Вообще говоря, мотив пушкинского благословения впервые возник в сочинениях Гребенщикова еще до эмиграции. Об этом, например, идет речь в дневнике 1918–1920 гг., названном автором «Мемуарами Георгия Гребенщикова». В записи, сделанной в Крыму 30 декабря 1918 г. (12 января 1919 г.), читаем: «Как передала Людм. Серг. Елпатьевская-Врангель, мой рассказ “Родник в Пустыне” она послала в Лондон для перевода на английский язык – Диане (Шкловскому) через поехавшую в Лондон англичанку внучки А.С. Пушкина. Эта внучка и взяла пакет с рукописью для передачи на пароходь англичанке. Какое милое и трогательное совпадение, как будто через руки своей внучки Пушкин дает мне свое благословение» [14. Ед. хр. 64792. Л. 13–13 об.]².

В чикагской лекции Гребенщиков говорил об аристократизме Пушкина, однако подчеркивание аристократического происхождения поэта не становилось, в отличие от того, как это было в случае с Толстым, инструментом стигматизации классика: «И хотя Пушкин был аристократом с головы до пят, он никогда: ни в озарении славы, ни во мраке суровых дней – не забывал о народе, который терпеливо и безропотно нес свою рабскую ношу», поскольку Пушкин, по словам Гребенщиков, был «сын[ом] своего народа, возвращенн[м] народом и преданн[м] народу» [31. С. 167], а «[р]усский народ, русская почва и особенно русская история служили ему тем садом, где росли цветы его поэзии» [31. С. 168]³.

В 1948 г. Гребенщиков создал очерк «В гостях у Пушкина», который, с одной стороны, образует своеобразную дилогию с очерком «На ферме толстовского фонда» (1947)⁴, с другой же – коррелирует с корпусом текстов, рассказывающих о поездке автора в Ясную Поляну. В этом очерке описано

¹ Текст «Егоркиной жизни» апеллирует к пушкинскому наследию и на уровне поэтики: Гребенщиков помещает в стихотворное «Посвящение» аллюзию на «Евгения Онегина» – вполне «пушкинскую» характеристику своей книги как «плода». Стоит оговориться, что в «Егоркиной жизни» эта метафора погружена в совсем иной, нежели в первоисточнике, патриотически-серьезный, контекст: «Сей плод любви к родной стране я посвящаю <...>» [14. Т. 6. С. 9]. Кроме того, в поэтической форме посвящения, предпосланного прозаической книге, тоже можно усмотреть прямое пушкинское влияние.

² В чикагской лекции Гребенщиков вспоминал о крымской встрече с внуками Пушкина. См.: [31. С. 165].

³ Здесь Гребенщиков в очередной раз активизирует свой биолого-органицистский метафорический арсенал. В этой же лекции он назвал сочинения Пушкина «плодоносными» [31. С. 166].

⁴ В нем содержится короткое напоминание о посещении Ясной Поляны, которое понадобилось автору, чтобы побудить дочь Толстого «Александр[у] Львовн[у] рассказа[ть] что-либо о себе и об отце <...>» [14. Т. 6. С. 370].

другое «литературное паломничество», предпринятое Гребенщиковым через сорок лет после посещения Ясной Поляны, в 1947 г., – поездка на ферму Русского объединенного общества взаимопомощи Америки (РООВА)¹.

Эта поездка Гребенщикова носила, разумеется, менее принципиальный характер по сравнению с «паломничеством» к Толстому. Перед литератором в 1948 г. не стояло задачи легитимации собственного литературного статуса, сопоставимой с той, что имела место в 1909 г., когда он отправился в Ясную Поляну. Кроме того, ферма РООВА, в отличие от Ясной Поляны, центральной «святыни» толстовского мифа, никоим образом не относилась к числу «пушкинских» мест.

Поездка была предпринята Гребенщиковым по деловой необходимости, но практическая мотивировка уже в начале очерка заменяется символической – необходимостью «поклониться» Пушкину, осознанной при виде памятника поэту. Подчеркнем, что речь идет о поклоне не памятнику Пушкину, а самому Пушкину, который «прозревается» за монументом. В очерке «У Льва Толстого» Гребенщиков писал о своем намерении поехать на открытие памятника Гоголю, которое изменил в пользу поездки в Ясную Поляну, «прочитав о болезни Толстого» [14. Т. 4. С. 419]. В случае с Пушкиным выбор между поездкой к живому классику и посещением памятника уже почившему был по очевидным причинам невозможен. Вполне вероятно, что прием «оживления» памятника Пушкину в этом очерке стал своего рода компенсацией отсутствия возможности побеседовать с живым классиком, которая была у начинающего литературный путь сибиряка в 1909 г. Описывая свой приезд и посещение памятника, Гребенщиков использует топику пушкинского «Памятника». Он расширяет географию претекста, включая в нее родной для себя Алтай и американское пространство, в котором происходит инициированная его воображением символическая «встреча» поэта-классика и современного литератора, претендующего на статус его «наследника» и «потомка»: «Вот и я, с алтайских гор, древней родины калмыков <...> пришел на эту незарастающую тропу, чтобы поклониться Александру Сергеевичу вдали от Родины, в просторах Америки, куда тоже донеслись звуки его заветной лиры» [14. Т. 6. С. 375].

В описанном далее «разговоре с Пушкиным» Гребенщиков актуализирует мотив «ожившей статуи», который стал, как показал еще Р.О. Якобсон [33], одним из инвариантов поэтики Пушкина². Памятник

¹ О.В. Воробьева указывает, что Гребенщиков играл «[a]ктивную роль в деятельности РООВА, в том числе в работе просветительной комиссии» и был избран в 1929 г. «почетным председателем 1-го отдела общества» [32].

² В этой связи важно, что Гребенщиков, как это следует, например, из его «пушкинской» лекции 1937 г., внимательно следил за происходившей в советской культуре сталинского времени литературной канонизацией Пушкина и апроприацией официальной властью его фигуры, наиболее отчетливо выразившейся в юбилейных мероприятиях 1936–1937 гг. Так, в этой лекции Гребенщиков цитировал статью в «Известиях» от 6 июня 1936 г. [31. С. 166]. По наблюдению Джонатана Брукса Платта, в юбилейном советском дискурсе

поэту, изображенный как типичный пушкинский герой, балансирующий на грани статуйности и динамики, «оживает»: «Александр Сергеевич, казалось, улыбнулся моим думам <...>»; «Александр Сергеевич замолк. По лицу его как будто скользнула тень, и глаза стали вдруг грустными»; «Глаза его как бы прищурились на что-то в отдалении» [14. Т. 6. С. 375]; «Александр Сергеевич молча всматривался в тишину ночи, и казалось, взгляд его отдыхал на каких-то давних и далеких видениях» [14. Т. 6. С. 377]. Затем «оживший» памятник произносит монолог, в котором излагает набор «сокровенных» идей, обнародованных рассказчиком вопреки воле собеседника. «Александр Сергеевич запретил мне выдавать на общий суд нашу с ним беседу, я решил нарушить его завет» [14. Т. 6. С. 380]. Нарушение запрета мотивируется ролью носителя пушкинского «глагола», которую Гребенщиков отводит себе: «<...> пророческий глагол его должен прожечь сердца людей, которым еще дорого его имя <...>» [14. Т. 6. С. 380].

Эта мотивировка, как кажется, напрямую коррелирует с объяснением причины, при помощи которой Гребенщиков в очерке «У Льва Толстого» обосновывал необходимость нарушения «лучших традиций русской литературы», «не позволя[вших] кому бы то ни было говорить или писать о себе». Кроме того, что Гребенщиков, систематически делавший главным объектом своего письма собственную фигуру и оставивший большой корпус автодокументальных текстов, вообще регулярно нарушал эти «лучшие традиции русской литературы», здесь важно одно обстоятельство. Указанные фрагменты очерков «У Льва Толстого» и «В гостях у Пушкина» (объединенных, помимо всего прочего, общей моделью построения заглавий) стягивают в один узел сразу несколько функций автоканонизации Гребенщикова и позволяют понять, почему, повествуя о классиках, он переходил к «разговору о себе».

Дело в том, что в этих «выданных» Гребенщиковым «на общий суд» «пушкинских» идеях без труда опознаются важнейшие положения эмигрантской публицистики и эпистолярия Гребенщикова: идея о подлинности русской церковности, создавшей «настоящую русскость» («<...> особенно религиозен я не был, а теперь думаю, что прочное сидение мое здесь мне мог бы обеспечить, пожалуй, только Св. Владимир. Уж если они меня продолжают почитать, то нельзя не почитать и настоящей русскости, которую создала историческая русская церковность»); тезис о доминировании «духовности» над «новой философией» («Под самыми заманчивыми идеями, на научном основании, со ссылками на авторитеты не только в виде кабака, но и во всеоружии новейшей философии врата адавы забирают страшную силу...») и т.п. [14. Т. 6. С. 378–379]. Справедливости ради отметим, что наделение Пушкина собственными идеями имело и чисто практическую мотивировку – в этом очерке Гребенщиков критиковал рус-

важное место занимал именно «образ ожившей статуи» [34. С. 248]. Поэтому можно предположить, что использованный в очерке Гребенщикова образ восходит не только к художественному миру Пушкина, но и к его советской рецепции.

скую диаспору в Америке, призывая ее «немедленно собрать путем добровольных жертв необходимую сумму <...> для достройки Дома имени Пушкина <...>» [14. Т. 6. С. 380].

Вскоре Гребенщиков вкладывает в уста Пушкина переименованный фрагмент уже цитированного монолога Пимена – слова «Да ведают потомки православных // Земли родной минувшую судьбу» он переименовывает следующим образом: *Да ведают потомки православных // Страны родной жестокую судьбу...* [14. Т. 6. С. 377]. В результате нейтральные слова Пимена заменяются трагической оценкой отечественного исторического опыта.

Наделение Пушкина суммой собственных идей и «поправка», которую Гребенщиков вносит в текст «Бориса Годунова» – яркие примеры автоканонизации, реализуемой уже не на тематическом уровне (с помощью деклараций «наследования» классикам и благотворной учебы у них), а на более глубоком уровне структуры текста.

Кроме того, помещая Пушкина в Америку, Гребенщиков наделяет поэта, который не имел опыта пребывания за пределами Российской империи, собственным эмигрантским, изгнанническим опытом. Сопоставление этого приема и сравнения своей «борьбы “взаболъ”» с «выбира[нием] повкуснее грибок[ов] и проч.», которым Гребенщиков стигматизировал псевдокрестьянские, на его взгляд, устремления Толстого, лишней раз свидетельствует об исключительном месте, которое Гребенщиков отводил Пушкину в своей версии русского литературного канона. Будучи экстраполированной на эпизод разговора ожившего памятника с рассказчиком в очерке «В гостях у Пушкина», характеристика Пушкина как «моего Бога», данная Гребенщиковым в цитированном письме Горькому от 17 апреля 1928 г. подспудно вводит в очерк тему теофании.

На этом фоне выглядит парадоксально предпринятое здесь Гребенщиковым преодоление символической дистанции между рассказчиком и Пушкиным: Пушкин одновременно является великим русским поэтом и вступает с Гребенщиковым в доверительный историософский диалог, делая его своим конфидентом и устраняя тем самым символическую дистанцию между ними. Однако амбивалентная ситуация сочетания сакрализации классика и некоторой профанизации или интимизации его фигуры была вполне типичной для Гребенщикова. Сходным образом дело обстояло и в случае с Толстым (о чем уже говорилось), и, например, в случае со «старшим» областником Г.Н. Потаниным. В своих сочинениях Гребенщиков одновременно интимизировал отношения с Потаниным («дедушка», «отец») и сакрализовал его фигуру («полубог»¹), активно сочетая родственные и квазирелигиозные метафоры.

¹ Н.В. Серебренников справедливо отмечает, что «обращения Гребенщикова к “полубогу” Потанину несут в себе элементы молитвы» [35. С. 257]. Ср. описание священного трепета перед Толстым, в доме которого Гребенщиков «снял шапку и стоял как приготовленный к молитве», а на обратном пути «ехал без шапки, которую держал в руках, как в церкви» [14. Т. 4. С. 420, 424] или слова о том, что чувство, охватившее

Итак, Гребенщиков использовал вполне привычный для русской литературы XX столетия прием, устойчивый в широком эстетическом и идеологическом диапазоне от символистов с их «попытк[ами] <...> превратить Пушкина в конечную цель развития русской культуры и желание[м] стать его преемниками» [36. С. 34] до писателей-«деревенщиков», стремившихся к легитимации собственного положения в литературе «на фоне Пушкина» [9. С. 180–273], а именно: конструирование топика наследования Пушкину с отчетливой целью усиления собственной литературной репутации, а значит, и своих позиций в поле литературы.

Амбиции Гребенщикова поддерживались сравнениями «Чураевых» и других его произведений с сочинениями Толстого (прежде всего с «Войной и миром») и Пушкина. Такая рецепция возникала среди самых разных читателей и, безусловно, интенсифицировала гребенщиковские самопроекции на Толстого. В качестве характерного примера приведем оценку одного из корреспондентов Гребенщикова – бывшего генерала П.Н. Краснова, который в письме к нему от 9 августа писал: «В “Дреми” Вы достигаете толстовских высот, таких, каких он достиг в “Казаках” <...>» [22. С. 48]. Уже через месяц, 14 сентября 1934 г., Краснов поднял градус оценок гребенщиковской прозы еще выше, сообщив автору, что в первом «сказании» «Былины о Микуде Буяновиче» он «выше гр[афа] Л.Н. Толстого в его народных повестях, как “Хозяин и работник”, “Коготок увяз и всей птичке пропасть”, и пр., и уж, конечно, неизмеримо выше другого народника Максима Горького» [22. С. 51]¹. Спустя два десятилетия, 27 ноября 1953 г., один из наиболее важных для автора «Чураевых» корреспондентов, авиаконструктор И.И. Сикорский, писал ему об этой книге так: «Пожалуйста, разреши мне еще раз повторить, что, по моему мнению, твоя работа имеет огромное значение. Сложно переоценить, какова будет ее ценность через 50, 100 или более лет. Убежден, что она намного превзойдет «Войну и мир» и, в сущности, останется уникальной» [38. С. 182].

В письме от 26 марта 1934 г. Краснов, вообще бывший внимательным читателем Гребенщикова, писал ему о своих впечатлениях от оставшейся неопубликованной поэмы «Царевич»: «Понравился и “Пролог” <...> певу-

Гребенщикова, когда он покидал Ясную Поляну, «до сих пор необъяснимо, но оно живет во мне какой-то освежающею благодатью <...>» [15. Ед. хр. 56739/144. Л. 3].

¹ Учитывая предложенную Красновым перспективу сравнения Гребенщикова с автором «Войны и мира», важно отметить, что и самого бывшего генерала сопоставляли с Л.Н. Толстым. По словам В.С. Варшавского, в эмиграции «встречались люди, искренне верившие, что П.Н. Краснов как писатель выше Льва Толстого. Краснов, – говорили они, – восславил непонятые Толстым величие и правду царской России и был не случайный военный, а генерал, и поэтому лучше описал войну» [37. С. 148]. В примечании Варшавский приводит показательный пример такой рецепции: «Пика это достигло под пером капитана К.С. Попова, который, вступив в полемику с Г.В. Адамовичем, сравнившим две эпопеи не в пользу П.Н. Краснова, посвятил целую книгу доказательству того, что эпопея генерала Краснова во всех отношениях превосходит “Войну и мир”» [37. С. 460–461].

чий, я бы сказал – пушкинский...» [22. С. 39]. Вскоре, в письме от 2 мая того же года, Краснов сообщал Гребенщикову, что послал поэму генералу Лукомскому, которому, «судя по письму мне, очень понравились введение и заключение с их звучными, совсем пушкинскими стихами <...>» [22. С. 42].

Учитывая, что Гребенщиков старательно собирал и систематизировал отзывы о себе¹ и регулярно оперировал ими в ходе литературной полемики (в письмах и не только)², можно предположить, что высокие оценки его творчества не могли не стимулировать или, по крайней мере, не поддерживать его автоканонирующих жестов.

Помимо приведенных оценок, свидетельством частичной (в первую очередь – прижизненной) успешности гребенщиковской стратегии самоканонизации, результативности его усилий, направленных на то, чтобы создать репутацию наследника писателей-классиков, является то, что эта репутация была поддержана уже после его смерти исследователями его биографии и литературного наследия, зачастую воспроизводившими гребенщиковские автохарактеристики и смешивавшими тем самым элементы языка-объекта и метаязыка³. Такая ситуация сохраняется вплоть до сегодняшнего дня.

Гребенщиков, как это явствует из приведенных примеров, число которых можно умножить, не просто сопоставлял себя с Пушкиным или Толстым, а решал проблему литературной автоканонизации. Однако эта цель не была для него самоценной. Работая над ее достижением, писатель вместе с тем корректировал персональный миф о писателе «из народа», который сквозь все преграды движется из «тьмы» невежества и нищеты к «свету» культуры, все дальше идя по пути агиографизации этого мифа. Поэтому при обсуждении автомифотворческих и жизнестроительных стратегий Гребенщикова было бы неверно ограничиться пониманием работы с литературным каноном исключительно как борьбы за ресурс символической власти. Дело в том, что наращивание символического капитала, которое призваны были обеспечить апелляции Гребенщикова к идее классики и классическому наследию, использовалось литератором не только в автомифотворческих и жизнестроительных целях.

Судя по всему, укрепление своей литературной репутации с помощью ее «классикализации» было призвано упростить задачи Гребенщикова как организатора литературного процесса и – шире – интеллектуала и практи-

¹ Доказательством этому служит хранящийся в ГМИИКА альбом, в котором Гребенщиков помещал вырезки из газет и журналов, содержащих посвященные ему публикации.

² Так, в письме к тому же Краснову от 11 октября 1934 г. Гребенщиков говорит о том, что его «Былина о Микуле Буяновиче» «имела в свое время блестящую критику с обеих сторон до того, что когда она попала в руки одному совконсулу в Канаду, он предложил мне безопасное возвращение в Россию <...>», а затем вспоминает, что «[п]исатель Муйжель, псковитянин, как-то мне писал, что в русской литературе никто до меня не описывал мужика с таким достоинством <...>» [22. С. 54].

³ Подробнее о попытках литературной канонизации Гребенщикова см.: [39].

ческого деятеля, занятого консолидацией культурных сил. Литература для Гребенщикова, мыслившего в рамках литературоцентристской парадигмы, была ключевым фактором развития культурно-социальной среды, которую он стремился активно формировать и в сибирский период своей писательской карьеры, и в европейский период эмиграции, и, в особенности, в Америке. Напомним, что Гребенщиков перебрался из Европы в Америку в 1924 г. и прожил там до своей смерти, последовавшей в 1964 г. В 1925 г. он купил землю у Ильи Львовича Толстого. Этот факт автоматически обеспечивал символическую связь основанной Гребенщиковым в штате Коннектикут «русской деревни» с толстовским родовым имением¹, которая, возможно, была поддержана еще и портретным сходством И.Л. Толстого с отцом. Вскоре эта возникшая в силу стечения обстоятельств связь была укреплена И.Л. Толстым и Гребенщиковым: в Чураевке был Холм Толстого – лесные чащи, окружавшие усадьбу И.Л. Толстого, названную им Ясной Поляной, а одна из улиц деревни получила название Tolstoy lane². Все эти примеры устройства повседневности деревни, которую Гребенщиков, в эмиграции «не переста[вший] идентифицировать самого себя с Сибирью» [41. С. 16], организовывал и регулярно описывал как «сибирский» локус, подтверждают наблюдение К.В. Анисимова, согласно которому «[п]остройка <...> Чураевк[и] может быть интерпретирована не иначе как попытка ощутить себя внутри исконного историко-культурного пространства <...>» [41. С. 17].

Наконец, воображение себя наследником Толстого или Пушкина, а подчас и своего рода исполнение роли того или иного классика было, как мы увидели, продуктивным в литературном смысле, а также приобретало характер самоценного творчества, а точнее – житнетворчества, житнетворческого спектакля. С той оговоркой, что «единицей» творчества в данном случае становился не литературный текст, а житнетворческий жест.

Иными словами, литературная автоканонизация Гребенщикова имела целый комплекс функций: она была одновременно и средством формирования его персональной писательской мифологии, и житнетворческим ресурсом, и инструментом институционального строительства.

¹ Любопытно, что сочувственно относившиеся к Гребенщикову и его идеям посетители Чураевки зачастую стремились сделать акцент именно на отсутствии «аристократизма» в этой «русской деревне». Так, С.М. Ермаков в статье «Чураевка и ее строитель» подчеркивал, что «Чураевка – это не графское поместье, не помещичье имение <...>»; «это не помещичья и не графская усадьба <...>» [15. Ед. хр. 16015/2. Л. 4, 7]. Такие оценки, на наш взгляд, нужно рассматривать в перспективе гребенщиковской критики «аристократизма» Толстого.

² Специально о роли И.Л. Толстого в основании Чураевки и символизации ее быта см.: [40. С. 305–319]. Подробнее о житнетворческой ориентации Чураевки на Ясную Поляну см.: [24].

Список источников

1. Гронас М. Диссенсус: Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 11–15.
2. Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты : русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под. ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту, 2013. С. 7–34.
3. Зенкин С. «Классика» и «современность» // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М., 1999. С. 32–44.
4. Дубин Б.В. Классик – звезда – модное имя – культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса : Автор, текст, читатель. М., 2011. С. 324–330.
5. Зенкин С.Н. От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса: Автор, текст, читатель. М., 2011. С. 133–140.
6. Дубин Б., Зоркая Н.И. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. Классика, после и рядом : Социологические очерки о литературе и культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.
7. Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
8. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск : СФУ, 2016. 468 с.
9. Разувалова А. Писатели-«деревенщики» : литература и консервативная идеология 1970-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
10. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
11. Ямольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. С. 214–221.
12. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–88.
13. Манхейм К. Консервативная мысль / пер. с англ. А.И. Миллера, Т.И. Студеникиной // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572–668.
14. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подг. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2013.
15. ГМИЛИКА. ОФ.
16. Гребенщиков Г. Бальмонт: Очерк / публ. В. Росова // Алтай. 2017. № 3. С. 172–181.
17. Азадовский К.М. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб. : Инапресс, 2004. 199 с.
18. Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин : биография. М. : Астрель : CORPUS, 2011. 624 с.
19. Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
20. Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...» : литературные маски Сергея Есенина: (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2005. № 1. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya> (дата обращения: 20.07.2021).
21. Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина: (Статья вторая) // Новый филологический вестник. 2006. № 2. URL: http://slovorggu.ru/nfv2006_1_2_pdf/07Magomedova.pdf (дата обращения: 20.07.2021).
22. Георгий Гребенщиков. Из эпистолярного наследия (1924–1957) / сост. В.К. Корниенко. Барнаул : ГМИЛИКА : Алтайский Дом Печати, 2008. 172 с.

23. Горбенко А.Ю. Георгий Гребенщиков как Лев Толстой: «толстовский текст» жизнестроительства Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре : сб. ст. / под ред. М.П. Гребневой. Барнаул, 2015. Вып. 6. С. 99–113.

24. Горбенко А.Ю. Чураевка и Ясная Поляна : рецепция толстовской модели в жизнестроительстве Г.Д. Гребенщикова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 1 (39). С. 150–155.

25. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature : The Canonization of the Classics // Nation and Ideology. Essays in honor of Wayne S. Vucinich / ed. by I. Banac, J. Ackerman, and R. Szporluk. N.Y. : Columbia University Press, 1981. P. 315–330.

26. Черняева Т.Г. Гребенщиков о Льве Толстом // Алтайский текст в русской культуре: материалы второго научного семинара «Алтайский текст в русской культуре» / под ред. Т.Г. Черняевой. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 60–73.

27. Толстоноженко О.А. Провинциальный интеллигент в столице : рефлексия травмы в раннем творчестве Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под ред. М.П. Гребневой. Барнаул, 2015. Вып. 6. С. 342–357.

28. Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 281–293.

29. Гребенщиков Г.Д. Моя отчизна // Семипалатинский листок. 1906. № 16. 13 июня. С. 2.

30. Горбенко А.Ю. Овидии с провинциальных берегов: автомифотворчество сибирских литераторов конца XIX – первой трети XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 180–192.

31. Гребенщиков Г. Пушкин: Лекция / пер. с англ. О. Кудзоевой // Алтай. 2017. № 3. С. 162–171.

32. Воробьева О.В. Культурно-просветительская деятельность общественных объединений Русской Америки XX века // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 2. URL: <http://jurnal.org/articles/2010/hist7.html> (дата обращения: 20.07.2021).

33. Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145–181.

34. Платт Дж.Б. Здравствуй, Пушкин! : сталинская культурная политика и русский национальный поэт / пер. с англ. Я. Подольного. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

35. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.

36. Левитт М. Пушкин в 1899 году / пер. с англ. М.Б. Кутеевой // Современное американское пушкиноведение : сб. ст. / ред. У.М. Тодд III. СПб., 1999. С. 21–41.

37. Варшавский В.С. Незамеченное поколение / предисл. О.А. Коростелева ; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой ; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой ; подгот. текста приложения, послесл. М.А. Васильевой. М. : Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына : Русский путь, 2010. 544 с.

38. Росов В. «Исповедь царя» длиной в целый век: Из переписки Г.Д. Гребенщикова и И.И. Сикорского // Алтай. 2018. № 4. С. 157–185.

39. Горбенко А. «Самый неизвестный классик» : механизмы несостоявшейся литературной канонизации Георгия Гребенщикова в 1990-е–2010-е годы // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 109–122.

40. Росов В.А. Георгий Гребенщиков: Сын Белухи. Барнаул ; Новосибирск : Экселент, 2021. 544 с.

41. Анисимов К.В. Сибирская литература и проблема авторского самоопределения // Материалы научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета. Красноярск, 1997. С. 11–19.

References

1. Gronas, M. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoj akademii 80-kh – 90-kh godov [The War for the Canon in the American Academy in the 80s-90s]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 11–15.
2. Vdovin, A. & Leybov, R. (2013) Khrestomatiynny teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika 19 stoletiya [Reading texts: Russian poetry and school practice of the 19th century]. In: Vdovin, A. & Leybov, R. (eds) *Acta Slavica Estonica 4*. Tartu: University of Tartu Press. pp. 7–34.
3. Zenkin, S. (1999) ["Classics" and "modernity"]. *Literaturnyy panteon: natsional'nyy i zarubezhnyy* [Literary pantheon: national and foreign]. Materials of the Russian-French Colloquium. Moscow: Nasledie. pp. 32–44.
4. Dubin, B.V. (2011) Klassik–zvezda–modnoe imya–kul'tovaya figura: O strategiyakh legitimatsii kul'turnogo avtoriteta [Classic–star–fashionable name–cult figure: On strategies for legitimizing cultural authority]. In: Nad'yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsesssa: Avtor, tekst, chitalel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: Author, text, reader]. Moscow: Institute of World Literature RAS. pp. 324–330.
5. Zenkin, S.N. (2011) Ot teksta k kul'tu [From text to cult]. In: Nad'yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsesssa: Avtor, tekst, chitalel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: Author, text, reader]. Moscow: Institute of World Literature RAS. pp. 133–140.
6. Dubin, B. & Zorkaya, N. (2010) Ideya "klassiki" i ee sotsial'nye funktsii [The idea of the "classic" and its social functions]. In: Dubin, B. *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, after and next: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–42.
7. Mayofis, M. (2008) *Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: Literary Society "Arzamas" and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Anisimova, E.E. (2016) *Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoy literatury pervoy poloviny 20 veka* [Creativity of V.A. Zhukovsky in the receptive consciousness of Russian literature in the first half of the 20th century]. Krasnoyarsk: SFU.
9. Razuvalova, A. (2015) *Pisateli-"derevenshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* ["Village" writers: literature and conservative ideology of the 1970s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen* [The Western canon. The books and schools of the ages]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Yampol'skiy, M. (1998) *Literaturnyy kanon i teoriya "sil'nogo" avtora* [Literary canon and the theory of the "strong" author]. *Inostrannaya literatura–Foreign Literature*. 12. pp. 214–221.
12. Gronas, M. (2001) *Bezimyannoe uznavaemoe, ili Kanon pod mikroskopom* [The nameless recognizable, or the Canon under the microscope]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie – New Literary Observer*. 51. pp. 68–88.
13. Mannheim, K. (1994) *Konservativnaya mysl'* [Conservative thought]. Translated from English by A.I. Miller & T.I. Studenikina. In: Mannheim, K. *Diagnoz nashogo vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Yurist. pp. 572–668.
14. Grebenstchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected works: In 6 volumes]. Barnaul: "Barnaul".
15. *State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai*. OF.
16. Grebenstchikov, G. (2017) *Bal'mont. Ocherk* [Balmont. Essay]. *Altay – Altai*. 3. pp. 172–181.

17. Azadovskiy, K.M. (2004) “*Gagar’ya sud’bina*” Nikolaya Klyueva [“Loon Fate” by Nikolai Klyuev]. Saint Petersburg: Inapress.

18. Lekmanov, O. & Sverdlov, M. (2011) *Sergey Esenin: biografiya* [Sergei Yesenin: biography]. Moscow: Astrel: CORPUS.

19. Shevelenko, I.D. (2017) *Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii* [Modernism as archaism: nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

20. Magomedova, D.M. (2005) “Ya odin... i razbitoe zerkalo...”: literaturnye maski Sergeya Esenina [“I am alone ... and a broken mirror ...”: literary masks of Sergei Yesenin]. Article 1. *Novyy filologicheskii vestnik – New Philological Bulletin*. 1. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/ya-odin-i-razbitoe-zerkalo-literaturnye-maski-sergeya-esenina-statya-pervaya> (Accessed: 20.07.2021).

21. Magomedova, D.M. (2006) “Ya odin... i razbitoe zerkalo...”: literaturnye maski Sergeya Esenina [“I am alone ... and a broken mirror ...”: literary masks of Sergei Yesenin]. Article 2. *Novyy filologicheskii vestnik – New Philological Bulletin*. 2. [Online] Available from: http://slovorggu.ru/nfv2006_1_2_pdf/07Magomedova.pdf (Accessed: 20.07.2021).

22. Grebenstchikov, G. (2008) *Iz epistol'nogo naslediya (1924–1957)* [From the epistolary heritage (1924–1957)]. Barnaul: SMHLACA; Altayskiy Dom Pechati.

23. Gorbenko, A.Yu. (2015) Georgiy Grebenshchikov kak Lev Tolstoy: “tolstovskiy tekst” zhiznestroitel'stva G.D. Grebenshchikova [George Grebenstchikov as Leo Tolstoy: The Tolstoy text of George Grebenstchikov's life-building]. In: Grebneva, M.P. (ed.) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Vol. 6. Barnaul: Altai State University. pp. 99–113.

24. Gorbenko, A.Yu. (2017) Churaevka and Yasnaya Polyana: reception of Tolstoy's model in G.D. Grebenshchikov's life arrangement. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva–Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. 1 (39). pp. 150–155. (In Russian).

25. Brooks, J. (1981) Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics. In: Banac, I., Ackerman, J. & Szporluk, R. (eds) *Nation and Ideology. Essays in honor of Wayne S. Vucinich*. New York: Columbia University Press. pp. 315–330.

26. Chernyaeva, T.G. (2004) [Grebenshchikov about Leo Tolstoy]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Vol. 2. Materials of the 2nd Scientific Seminar. Barnaul: Altai State University. pp. 60–73.

27. Tolstonozhenko, O.A. (2015) Proviantsial'nyy intelligent v stolitse: refleksiya travmy v rannem tvorchestve G.D. Grebenshchikova [Provincial intellectual in the capital: reflection of trauma in the early work of G.D. Grebenstchikov]. In: Grebneva, M.P. (ed.) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Vol. 6. Barnaul: Altai State University. pp. 342–357.

28. Zenkin, S. (2009) Gumanitarnaya klassika: mezhdru naukoj i literaturoj [Humanitarian classics: between science and literature]. In: Savel'eva, I.M. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and classics in social and humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 281–293.

29. Grebenstchikov, G.D. (1906) Moya otchizna [My homeland]. *Semipalatinskiy listok*. 16. 13 June. p. 2.

30. Gorbenko, A.Yu. (2020) Ovids from the Province: Self-Myth-Making of Siberian writers of the End of the 19th to the First Third of the 20th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp 180–192. (In Russian). DOI: 10.17223-19986645-65-11

31. Grebenstchikov, G. (2017) Pushkin. Lektsiya [Pushkin. Lecture]. Translated from English by O. Kudzoeva. *Altay – Altai*. 3. pp. 162–171.

32. Vorob'eva, O.V. (2010) Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' obshchestvennykh ob"edineniy Russkoy Ameriki 20 veka [Cultural and educational activities of public

associations of Russian America of the 20th century]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. 2. [Online] Available from: <http://jurnal.org/articles/2010/hist7.html> (Accessed: 20.07.2021).

33. Jakobson, R.O. (1987) Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina [Statue in Pushkin's poetic mythology]. In: Jakobson, R.O. *Raboty po poetike* [Poetic works]. Moscow: Progress. pp. 145–181.

34. Platt, J.B. (2017) *Zdravstvuy, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard]. Translated from English by Ya. Podol'nyy. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.

35. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.

36. Levitt, M. (1999) Pushkin v 1899 godu [Pushkin in 1899]. Translated from English by M.B. Kuteeva. In: Todd 3, U.M. (ed.) *Sovremennoe amerikanskoe pushkinovedenie* [Modern American Pushkin Studies]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 21–41.

37. Varshavskiy, V.S. (2010) *Nezamechennoe pokolenie* [The unnoticed generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna: Russkiy put'.

38. Rosov, V. (2018) "Isповед' tsarya" dlinoy v tselyy vek. Iz perepiski G.D. Grebenshchikova i I.I. Sikorskogo ["Confession of the Tsar" a century long. From the correspondence of G.D. Grebenstchikov and I.I. Sikorsky]. *Altay – Altai*. 4. pp. 157–185.

39. Gorbenko, A. (2020) "The most unknown classic": the mechanisms of the would-be literary canonization of Georgy Grebenshchikoff from 1990s–2010s. *Novoe Literaturnoe Obozrenie – New Literary Observer*. 164. pp. 109–122. (In Russian).

40. Rosov, V.A. (2021) *Georgiy Grebenshchikov: Syn Belukhi* [George Grebenstchikov: A son of Belukha]. Barnaul; Novosibirsk: Ekselent.

41. Anisimov, K.V. (1997) [Siberian literature and the problem of author's self-determination]. Proceedings of the Conference of Teachers, Graduate Students and Students of the Philology Faculty. Krasnoyarsk: KSPU. pp. 11–19.

Информация об авторе:

Горбенко А.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Gorbenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 02.08.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 22.04.2022.*

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/19986645/76/14

Переосмысление просветительской концепции «ужасного» в романах А. Радклиф

Борис Александрович Максимов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
esprit25@rambler.ru*

Аннотация. Исследуются индикаторы и сюжетные детерминанты панического ужаса (*horror*) в романах Радклиф. Акцентированы предромантические тенденции, особенно заметные при сопоставлении с просветительскими концепциями «ужасного»: Радклиф мотивирует ужас не физической уязвимостью индивида перед лицом могущественных или необозримых стихий, а психосоматической зависимостью молодого наследника от забытых предков, которую влечет за собой нарушение исторической преемственности.

Ключевые слова: Радклиф, ужас, готический роман, возвышенное, преемственность, родство, консервация, заражение

Для цитирования: Максимов Б.А. Переосмысление просветительской концепции «ужасного» в романах А. Радклиф // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 306–328. doi: 10.17223/19986645/76/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/14

Rethinking Enlightenment ideas of the “horrible” in the novels of Ann Radcliffe

Boris A. Maximov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
esprit25@rambler.ru*

Abstract. The article explores the premises of “horror” in the three most famous novels of Ann Radcliffe. Despite her reputation as the “Great Enchantress” and an advocate of sublime awe (*terror*), Radcliffe often lets her protagonists experience real *horror*, which, by her own definition, “contracts, freezes and nearly annihilates” mental faculties. Her vision of the “horrible” appears, in my opinion, innovative, that is to say pre-romantic, when compared with the aesthetic concepts of the Enlightenment. In the 18th century the “horrible” (that mostly mingled with the “terrible”) was considered (by Addison, Burke, Lessing, Kant, Schiller) as a derivative of the “sublime”, i.e. as a physical phenomenon whose power and size surpasses that of human beings. Besides, the “horrible” should contradict the self-preservation instinct, being perceived as a

physical threat. Apparently, Radcliffe departs from the classical explanation of horror. Her heroines are not horrified by gigantic and enormously powerful forces – both in natural (panoramic and stormy landscapes) and social (mighty “villains”) environments. They show a lot of poise in the face of physical danger, whether actual (temporary imprisonment) or potential (death, injury, rape). Instead, pure “horror”, marked by stupor, muteness and paroxysms, can be observed in “mystical” episodes, which thematize “encounters” with the [un]dead – a ghost or a cadaver. Here, protagonists face such relics of the past, that have been excluded from the renewal cycle and that have not yet turned into a passive “thing”; their “residual” energy (“soul”), manifests itself in the swaying veils, in the disembodied voices, in the cadaveric spasms. Radcliffe’s characters are not drawn to the paternal grave by idle curiosity, rather, they need to enter into inheritance rights and to restore the interrupted generational relay race. As known, her main characters are dispossessed heirs who have lost contact with their parents: their genealogical lines were broken through a crime committed by usurpers, who murdered the testator and deprived him of funeral and grave. Thus, isolation, conservation and the following reanimation of the past (personified by older relatives, “testators”) becomes an essential premise for horror in Radcliffe’s novels; her characters are vulnerable not as much to physical dangers, but primarily to the psychophysical dependence on the [un]dead, which resembles a hypnotic rapport. What frightens them most of all is an involuntary assimilation to the elderly, the prospect of a passive, isolated, non-historical existence, which is foreshadowed by the very symptoms of horror. Different to the romantic Gothic fiction, Radcliffe’s “horrors” remain discrete experiences, they are mostly of no consequence, as common in sentimental novels. Nevertheless, her treatment of “horror” proved to be pathbreaking for the romantic “dark” tale and confirmed the writer’s fame as the “bride of romanticism”.

Keywords: Radcliffe, horror, Gothic novel, sublime, continuity, kinship, conservation, contagion

For citation: Maximov, B.A. (2022) Rethinking Enlightenment ideas of the “horrible” in the novels of Ann Radcliffe. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 306–328. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/14

У историков литературы Анна Радклиф снискала репутацию «великой утешительницы», заложившей, наравне с Софией Ли, Шарлоттой Смит и Кларой Рив, основы *сентиментальной* готики. Господствующий в ее романах томительный, не лишенный приятности испуг («pleasing terror»), по выражению Монтегю Джеймса) традиционно противопоставляют нутряному, безотчетному «ужасу» (horror)¹, характеризующему *френтическую*

¹ Согласно господствующей в зарубежном литературоведении точке зрения Радклиф «ослабляет, сглаживает, смягчает и окрашивает в сентиментальные тона открытия Уолпола» [1. P. 48], ее привлекает главным образом «прирученное возвышенное» (a tamed sublime) [2. P. 45]; «нежная» (delicate) готика Радклиф, по мнению Яэль Шапиры, разительно отличается от брутальных творений Льюиса [3. P. 144] и в целом от «мужской» готики, трагической и физиологической, которую Энн Уильямс в своей известной монографии ассоциирует с «хоррором» [4. P. 99, 103, 104]. Образ Радклиф-утешительницы, которой чужда поэтика «хоррора», утвердился и в российской критике. В.Э. Вацуро, развивая идеи Монтегю Саммерса и Вильгельма Дибелиуса, противосто-

готику, образцами которой служат романы и драмы Уолпола и Льюиса, а также германские Schauerromane и баллады штюрмеров. Одним из первых это разграничение провел современник и почитатель творчества Радклиф, влиятельный литературный критик Натан Дрейк, утверждавший, что, рисуя «подлинно ужасающие (truly terrific) по своему содержанию» сцены, она «никогда не опускается до грубого устрашения читателя» (never degenerates into horror) [9. P. 18]. Сама Радклиф в прологе к позднему, незавершенному роману «Гастон де Блондевилль» развила эту оппозицию: если возвышенный трепет (terror) благоприятствует духовному росту, анимирует, мобилизует способности человека, то «ужас» (horror), напротив, «ограничивает, сковывает и едва ли не полностью уничтожает» (contracts, freezes and nearly annihilates) душевные силы. Если terror позволяет достичь душевной гармонии, то horror, напротив, вносит в душу смутнение и разлад (confusion) [10. P. 148].

Вслед за Дрейком Радклиф не признавала возбуждение ужаса целью, достойной литературы. В западном и отечественном литературоведении вплоть до недавнего времени литературную практику Радклиф принято было отождествлять с ее декларативными заявлениями¹, оставляя без внимания тот факт, что ее романы изобилуют описаниями отрицательных аффектов, которым сопутствуют упадок сил, оцепенение, немота и беспамятство (с подачи Радклиф the Fainting Heroine стала жанровым клише). Очевидно, что речь в этих случаях идет о симптоматике ужаса, а не возвышен-

поставлял «неразлучный с чувством наслаждения» terror Анны Радклиф и «уничтожающий» всякое удовольствие horror Льюиса [5. С. 160]. С.А. Антонов также разграничивает «сентиментальную» готику Радклиф (и ее современниц), продолжающих «традицию чувствительного романа позднего Просвещения», и «френическую» прозу предромантизма [6. С. 12], этой же классификации в целом придерживаются В.Я. Малкина и А.А. Полякова [7. С. 13, 14, 15] и Б.Р. Напцок, по утверждению которой «сюжеты «готических» романов Э. Рэдклифф основаны на идее страха, вызываемого неизвестностью, апеллирующего к воображению и оказывающего, в противоположность ужасу, благотворное воздействие на человеческие чувства» [8. С. 211, 408].

¹ В частности, такой авторитетный исследователь литературной «готики», как Дэвид Пантер, обнаруживает у Радклиф и Льюиса «наряду со стилистическими различиями существенное и воистину поразительное тождество в тематике» [11. P. 55] (не эта ли общность мотивов позволила в свое время Кёртису сочинить «Монаха из Удольфо»?). На сходство поэтики Радклиф и Льюиса (т.е. «сентиментальной» и «френической» традиции), часто недооцениваемое критикой, обращают внимание Эндрю Смит [12. P. 324] и Роберт Майлс [13. P. 55]. К слову, С.А. Антонов, противореча собственному тезису о мировоззренческой границе между двумя руслами готической прозы, признает, что в «Итальянце» Радклиф синтезировала «сентиментальную» и «френическую» традицию [5. С. 19]; В.Э. Вацуру усматривал не только в «Итальянце», но и в «Удольфских тайнах» «тяготение к френической ветви готического романа» [6. С. 134], с другой стороны, В.Я. Малкина и А.А. Полякова наряду с романами Радклиф «с некоторыми оговорками» относят к сентиментальной готике «Замок Отранто» [7. С. 13]. Стоит ли при таких разночтениях противопоставлять «сентиментальную» Радклиф основоположникам «хоррора»?

ного трепета¹. Помимо этого, сама Радклиф охотно использовала в кульминационных эпизодах категории «horror» и «horrible», а младшие ее современники (В. Скотт, С.Т. Колридж, Т. Грин, Д.К. Данлоп, У. Хэзлитт²) в своих рецензиях прославляли радклифианский *horror*. Тем не менее индикаторы, предпосылки и непосредственные катализаторы панического ужаса в романах Радклиф редко удостоивались внимания исследователей как в имманентном, сюжетно-образном плане, который рассматривается в настоящей статье, так и с позиций рецептивной критики. Полагаю, функциональное описание радклифианского «ужаса» – его симптомов, детерминант и последствий – позволило бы скорректировать прочно утвердившийся в литературоведении образ Радклиф-утешительницы, осмыслить ее новаторство в трактовке «ужасного» и показать на ее примере, как на рубеже XVIII и XIX вв. начиналось движение от классического, «возвышенного» ужаса к постклассическому, субъективированному, болезнетворному «хоррору». Преимущественное внимание будет уделено «Лесному роману», «Удольфским тайнам» и «Итальянцу» – знаменитой триаде готических романов, составивших литературную славу Анны Радклиф.

В эстетике Просвещения «жуткое» еще не выделилось в самостоятельную категорию: его характеристики были растворены в родовом понятии «возвышенного» (*sublime*), чьей эстетической параллелью часто служил термин «живописное» (*picturesque*). Эдмунд Бёрк видел в «страхе» (*terror*) крайнюю степень изумления (*astonishment*), типической реакции на возвышенное. По наблюдению Бёрка, этот аффект «лишает дух всех его способностей к действию и размышлению», «приостанавливает» все движения души, что наглядно иллюстрируется его этимологией (латинское «*attonitus*»), указывающей на оцепенение, ступор («*stupeo*») [17. С. 88–89]: подобные эффекты Радклиф, как уже упоминалось, ассоциировала с безотчетным ужасом, «хоррором». Вместе с тем Бёрк допускал, что страх «в некоторых случаях» может оказывать, наряду с угнетающим, противоположный, стимулирующий эффект [17. С. 154]. В трактовке позднего Канта и Шиллера (к слову, «Критика способности суждения» и статья «О возвышенном» увидели свет почти одновременно с «Лесным романом» и «Удольфскими тайнами») «ужасное» также **неотделимо от возвышенного и производит амбивалентный эффект**: приступ страха сопровождается «чувством моментального стеснения жизненных сил и незамедлительно

¹ По верному наблюдению Клауса Пёнике, “terror” у Радклиф нередко грозит обернуться подлинным, льюисовским, «хоррором» [14. С. 88]. На трудноразличимость этих аффектов в ее творчестве указывают также Эндрю Смит и Терри Кастл [12. Р. 317].

² Так, Колридж в рецензии на «Удольфские тайны», высоко оценивал умение Радклиф отображать аффекты, которые лучше всего описываются известной строкой Томаса Грея («Of Horror, that and thrilling fears») [15. Р. 542]. В. Скотт сетовал на неспособность Радклиф и ее учеников «находить закономерные причины для тех ужасов и тайн (for those horrors and mysteries), в которые они охотно вовлекают» читателя [16. Р. 17].

следующим за этим еще более энергичным их изливанием» [18. С. 114]¹. По Канту, устроясь, мы открываем в себе «новую способность к сопротивлению» [18. С. 131] и осознаем ментальное, неподвластное внешним силам «превосходство над природой в нас, а тем самым и природой вне нас» [18. С. 134]. Мысль о двуединстве страха, претворяющего «физическое бессилие» в «моральное превосходство», была развита Шиллером в статьях «О возвышенном» [19. С. 187]. Заметим, что термины, в которых Кант и Шиллер описывали *негативную* стадию страха (Hemmung и Ohnmacht), буквально соответствуют характеристикам панического ужаса (horror) у Радклиф.

Будучи модификацией «возвышенного», «ужасное» перенимало его сущностные характеристики, в первую очередь **сверхчеловеческий, циклопический масштаб** (по выражению Канта, «возвышенно то, в сравнении с чем все остальное мало» [18. С. 119])². Гигантизм мог характеризовать и протяженность, и силу, поэтому в концепции Канта и Шиллера возвышенное разветвляется на два русла: динамическое (патетическое, практическое) и математическое (контемплативное, теоретическое). **В первом случае субъект осознает свою беспомощность перед лицомкратно превосходящей его внешней силы, во втором ощущает свою ничтожность, сталкиваясь с грандиозным, необозримым (с субъективной точки зрения, бесконечным), труднодоступным для восприятия феноменом** (одним из первых среди просветителей это тревожное чувство философски осмыслил Джозеф Аддисон). На практике динамически возвышенное (образцом которого Шиллеру служит «бушующий океан») способно напугать нас сильнее, чем математически возвышенное («покоящийся океан»), ибо «инстинкт самосохранения заявляет о себе гораздо более громко, нежели потребность в представлении (Vorstellungstrieb)» [19. С. 175]³. В рассуждениях Канта об источниках ужаса (Schrecken) также акцентировался динамический, энергичный аспект возвышенного: «грозовые тучи, надвигающиеся с молнией и громами, вулканы с их разрушительной силой, ураганы, оставляющие за собой опустошения» [18. С. 131]).

В конечном счете **первопричиной ужаса в XVIII в. признаются внешние обстоятельства, представляющие непосредственную либо воображаемую** (в терминах Бёрка – «ассоциируемую») **угрозу жизни и здоровью индивида и тем самым противоречающие инстинкту самосохранения**. Соответственно, «идеи боли, болезни и смерти» играли ключевую роль в концепции Бёрка, а Лессинг и Гельвеций иллюстрировали

¹ Привожу свой вариант перевода из-за неточности в цитируемом издании. – Б.М.

² Ср. у Аддисона: говоря о возвышенном героизме, «мы воображаем могущественного завоевателя, который, преодолевая самые грозные опасности, приобретает власть над *множеством* народов, подчиняет своему господству обладающие огромной *протяженностью* страны и добивается славы, которая доходит до самых отдаленных уголков мира» [20. С. 240].

³ Привожу свой вариант перевода. – Б.М.

связь возвышенного и ужасного примерами телесных истязаний. По мысли Шиллера, даже теоретически возвышенное – грандиозные пространства («уходящая за горизонт пустыня», «безбрежное море»), непроницаемость и мрак – порождают чувство *физической* беспомощности и уязвимости: когда познание и представление затруднены, фантазию подчиняет себе «инстинкт самосохранения», поэтому мы склоняемся к страху (Furcht, Grauen, Schrecken), а не к надежде [19. С. 191]. Сходным образом Бёрк полагал, что «общие отрицательные состояния» (privations), такие как «пустота, темнота, одиночество и молчание» (приблизительно соответствующие *теоретически возвышенному* у Канта), могут «стать страш[ыми] благодаря ассоциации» с потенциальной *физической* угрозой: например, в темноте «мы можем упасть в пропасть, едва сделав один шаг; а если приближается враг, мы не знаем, где нам защищаться» [17. С. 166, 167]. Сопутствующий ужасу кризис восприятия Бёрк также трактовал в духе механической физики. К примеру, яркие манифестации возвышенно-ужасного: ослепительное сияние солнца и резкие световые контрасты, рев водопадов или звук пушечной пальбы [17. С. 109, 112] – оказываются непереносимыми для человеческих «сенсоров»: они повреждают зрение и слух. Поэтому **в просветительских теориях возвышенного степень тревоги зависит от дистанции между субъектом и непосредственно угрожающей ему стихией**. «Мы испытываем удовольствие при мысли об опасностях, которые уже ушли в прошлое, или при взгляде издали на крутой обрыв, который внушил бы нам страх совершенно иного рода, если бы навис у нас над головами», – пишет в этой связи Аддисон [20. С. 212]. Важность нейтрализующей ужас дистанции отмечали впоследствии Бёрк, Кант и Шиллер. Повидимому, именно перед лицом близкой, осязаемой угрозы тревога, в их представлении, могла перерасти в гнетущий, цепенящий ужас. Впрочем, водораздел между этими состояниями, а также алгоритм трансформации не получил в то время дальнейшей научной разработки.

Относительно того, что terror в романах Радклиф соответствует классической трактовке возвышенного, в литературоведении давно сложился консенсус. Гораздо хуже исследован вопрос о том, как соотносится с просветительскими концепциями возвышенного «ужаса» радклифовский horror. Точкой отсчета может послужить динамически-возвышенное, заключающее в себе потенциальную угрозу жизни и здоровью героев. Как ни удивительно, «идеи смерти, боли, болезни» крайне редко обуславливают в художественной действительности Радклиф вспышку ужаса. Все значимые персонажи ее романов – и протагонисты, и мудрые наставники, и «вилланы» – стойчески переносят болезнь (соответствующие примеры мы находим в судьбе Ла Люка, Аделины («Лесной роман»), Сент Обера («Удольфские тайны»), маркизы Вивальди, Скедони («Итальянец»), не ропщут при ранении (вспомним Винченцо, Морано, Монтони, Клару и Эмилино, которая в пылу спора с Монтони не замечает, что разбила себе голову). Их не удастся запугать телесными муками – как непосредственно испытываемыми, так и ожидаемыми или ассоциируемыми. Напрасно наде-

ялся Монтони, что его племянница откажется от имущественных прав под угрозой насилия, столь же тщетно инквизиция пугала Винченцо орудиями пыток и мучительными карами – их ожидание лишь укрепляет волю и упорство юноши: «Вивальди неустрашимо взирал в лицо опасности, напрягая все силы души, дабы вытерпеть все и не дрогнуть» [21. С. 242]. Помимо того, что **чувствительные герои Радклиф обоих полов демонстрируют завидное самообладание, столкнувшись с физической угрозой, степень тревоги в ее романах, по-видимому, существенно не зависит от дистанции между субъектом и источником опасности**, которая играла существенную роль в просветительской концепции «ужасного». Характерно, что Эмилия, почитательница динамически-возвышенного («меня раскаты грома не страшат»), которой нравится «гулять по краю обрыва, нависшего над морем» [22. С. 692], даже в эпицентре грозы не поддается страху¹. Ее подруга Бланш, «собравшись с духом», после минутного колебания проходит по «альпийскому мостику без перил, по бокам которого зияли пропасти» и «с шумом низвергались горные потоки» [26. С. 686]; столь же поразительную выдержку проявляет Клара, которая лишь чудом не разбилась насмерть во время бешеной скачки по горному склону.

В феминистской и психоаналитической критике ключевая роль в фабуле готического романа (особенно в его «женской» вариации) отводится угрозе изнасилования, отражающей уязвимое положение женщины в патриархальном обществе². Действительно, мотив эротически окрашенного преследования девушки, унаследованный от воспитательных романов, отчетливо выражен в «Лесном» и «Сицилийском» романах, «Замках Этлин и Данбейн», его разрабатывали Уолпол и Дидро (в «Монахине»), София Ли, Льюис, Гроссе, он звучит в «готических» штурмерских балладах. Вместе с тем едва ли следует абсолютизировать страх перед сексуальным посягательством в преромантической готике и связывать «ужас» с телесной (сексуальной) уязвимостью³. По меньшей мере, связь эта не прослеживается во многих значительных образцах готической прозы («Старом английском бароне», «Ватеке», «Сен-Леоне», «Духовидце») и нивелируется в тех слу-

¹ Сама Радклиф, попав однажды в сильную грозу во время путешествия, запечатлела в своем дневнике не ужас, но, скорее, восхищение величественным зрелищем (the grandest scene I ever beheld), в котором неодолимая мощь (irresistible power) Бога проявляет себя размеренно и непринужденно (Nothing sudden; nothing laboured; all a continuance of sure power, without effort) [16. P. 602].

² Покушение «патриархальных» угнетателей на неприкосновенность женского тела признается конститутивным мотивом радклифовских романов в монографиях Кэрол Энн Хауэллс [25], Геро Бауэра [24] и Энн Уильямс [4].

³ Поскольку протагонистки романов Радклиф всегда остаются физически неприкосновенными (на что обратил внимание, применительно к «Удольфским тайнам», Роберт Гири [2. P. 46]), в гендерных/ феминистских исследованиях речь идет, как правило, о *потенциальном* насилии, а именно – о перманентной угрозе убийства и изнасилования, которой подвергается женщина в патриархальном мире: об этом пишут, в частности, Геро Бауэр [24. P. 61, 67], Элисон Милбанк [15. P. 408], Дженни Дипласиди [25. P. 173].

чаях, когда повествователь перенимает «мужскую» оптику, временно солидаризируясь с Манфредом («Замок Отранто»), Раймондом и Амбросио («Монах»), Карвином («Виланд»), Ла Моттом и Теодором («Лесной роман»), Винченцо и Скедони («Итальянец»). Помимо этого, телесные, физиологические аспекты домогательства (надругательства) в раннем готическом романе, как правило, не отображаются эксплицитно – в этом отношении и «деликатные» София Ли, Клара Рив, Радклиф, и «откровенный», «безнравственный» Льюис, и немецкие штурмеры не могут соперничать с современной им фривольной прозой Дидро, де Лакло или де Сада. Сомневаюсь, что Радклиф вынуждена была, как часто полагают, «вуалировать» в своих романах сексуальный подтекст, прибегая к эвфемизмам. В ряде эпизодов «Лесного романа» и «Удольфских тайн» она обходится без иносказаний, однако и в этих случаях **непосредственная, осязаемая угроза целомудрию не повергает радклифовскую героиню в ужас**. Так, Эмилия, до полусмерти напуганная странными шумами и колебанием занавеса, берет себя в руки, обнаружив в своей спальне в полночный час пылкого графа Морано. **Самые грубые домогательства со стороны мужчин заставляют ее действовать решительно и целесообразно**: выиграть время, пререкаясь с безымянным офицером, подстергшим девушку в коридоре, а затем, улучив момент, вырваться из его объятий и забаррикадироваться в своей комнате, «проворно шмыгнуть в боковой коридор» и запереть комнату, спасаясь от разгоряченных вином Верецци и Бертолини. Очевидно, что в ее действиях, трезвых и прагматичных, отсутствуют приметы панического ужаса.

Обратимся теперь к **теоретически возвышенному** – к тому, что подавляет зрителя своей **бесконечностью и непознаваемостью**. Его признаками Берк считал неясность (obscurity), темноту, пластическую грубость форм, монотонность частей и резкость переходов. В романах Радклиф этот род возвышенного представлен величественными и мрачными пейзажами в духе Маньяско или Сальватора Розы¹, а также тесными, плохо освещенными кельями и коридорами монастырей или феодальных замков. Подобные локусы сопротивляются исследованию и одновременно затрудняют социальную коммуникацию, что, впрочем, еще не делает их цитаделью ужаса², поскольку в готическом романе, тесно связанном с руссоистской

¹ Еще Вальтер Скотт обратил внимание на сходство описаний у Радклиф с величественными пейзажами Лоррена или Сальватора Розы [26. Р. 95], это сравнение сделалось расхожим после того, как «Блэквуд» в 1890 г. провозгласил Радклиф «Сальватором Розой в ряду британских романистов» [27. Р. 7].

² Не могу в этой части согласиться с мнением В.Э.Вацура, признававшего, со ссылкой на диссертацию Захариас-Лангханса о немецком «готическом» романе, «непостижимость» источником ужаса в романах Радклиф. По мысли Вацура, подлинно ужасной является тайна, обнаруживающая, в отличие от реальной опасности, «присутствие надличной силы, с которой невозможно бороться человеческими средствами, ибо нельзя проникнуть в ее законы» [5. С. 182]. Собственно, такое же, прагматическое, объяснение ужаса невозможностью защититься от скрытой или непознаваемой угрозы допус-

традицией, уединенность и «дикость» сценической площадки оцениваются неоднозначно. **На лоне теоретически-возвышенной (т.е. грандиозной, мрачной, грубой, контрастной, пустынной) природы героиня Радклиф восстанавливает связь с божественным праотцом** (Эмилия «любила дикие лесные тропинки в горах, мрачные ущелья, где безмолвие и величие уединенности навевали священный трепет на ее душу и возвышали ее помыслы, направляя их к Творцу неба и земли» [22. С. 22]), одинокие прогулки, как правило, венчает молитва, укрепляющая дух и тело. Вопреки расхожему мнению, Радклиф не склонна была демонизировать и рукотворную «темницу»: **ее протагонистов печалит, гнетет, но не повергает в ужас временное заточение** в мрачной и голой камере¹. Вероятно, **эффект от пространственной изоляции смягчают механизмы памяти и воображения**, которые выдвинула на первый план сентименталистская проза. *Физически* разлученная с родными и друзьями, героиня Радклиф и в плену, и в «лесном уединении» поддерживает с ними ментальную связь, вспоминая назидательные беседы, совместные прогулки и мысленно предугадывая их настоящее или будущее². В конечном итоге память о социальных связях, перспективах, обязательствах неизменно возвращает героиню к деятельной жизни. Так, в «Удольфских тайнах» стойкость Эмилии укрепляли воспоминания о Валанкуре и надежда на скорый брак, поэтому угроза Монтони держать ее «пленницей, покуда не добьется своего», «вме-

кали и Бёрк, и Шиллер. Между тем в романах Радклиф неодолимые и труднопознаваемые силы – как стихийного, так и человеческого происхождения – как правило, вызывают у протагонистов восторг или тревожное любопытство (тегтог).

¹ Мы не можем, вслед за Дайаной Уоллес [15. Р. 232] или Геро Бауэром [24. Р. 59], утверждать, что сюжетным ядром и главным источником ужаса в романах Радклиф является заточение героини в замке по приказу мужчины-тирана. Даже в «Удольфских тайнах» лишь треть романа повествует о заточении Эмилии и ее тетки в Удольфском замке (не говоря о том, что мотив этот отсутствует, например, в «Духовидце» и слабо разработан в «Ватеке» и «Старом английском бароне»). Мишель Фуко, как известно, полагал, что враждебность зрелого Просвещения к замкнутым и плохо освещенным пространствам объясняется стремлением ликвидировать неконтролируемые анклавов средневекового «варварства», «снести те затененные палаты, где плодятся и растут как на дрожжах политический произвол, королевские прихоти, религиозные предрассудки, заговоры священников и тиранов, невежественные заблуждения и эпидемии». Соответственно, в романах Анны Радклиф «горы, леса, пещеры, разрушенные замки, монастыри, темнота и молчание которых внушают ужас», служат антитезой той прозрачности и публичности, которая составляла идеал Просвещения [28. С. 230, 231] Не оспаривая общего вывода Фуко, замечу, что в романах Радклиф «темнота и молчание» не повергают протагонистов в ужас (hoггог), более того, Радклиф склонна была поэтизировать как панорамные пейзажи, так и замкнутые, слабо освещенные локусы.

² О том, как героям сентименталистского (и, в частности, готического) романа удается даже в разлуке путем ассоциаций поддерживать ментальную связь с физически отсутствующими друзьями и родственниками, подробно пишут Терри Каствл [29. Р. 126] и Джордж Деккер [26. Р. 116]. Ключевую роль в этом процессе играла активация воспоминаний посредством предметов, метонимически связанных с отсутствующими людьми.

сто того чтобы окончательно привести ее в уныние, пробудила все силы ее духа и стремление к действию» [22. С. 428]. Одним словом, **классические мотивировки «ужаса» неприменимы к чувствительной героине радклифовских романов: ее отличает удивительная резистентность ко внешним угрозам и лишениям физического характера, ее не устрашают ни временная социальная депривация, ни эпистемологические затруднения.** По большому счету, типические протагонистки Радклиф (а также Уолпола, Софии Ли, Льюиса, Чарльза Брокдена Брауна) – чувствительные, рассудительные, инициативные девицы, лишённые защиты и в физическом, и в социальном измерении – предвосхищают “last girl”, несокрушимую героиню современных «слэшеров» и триллеров. Они разделяют с ранним готическим романом веру в то, что самая грозная стихия бессильна против человека, способного исследовать и объективировать внешние угрозы.

Качественно иную реакцию мы наблюдаем в «мистических» эпизодах, среди которых наиболее выразительны сцена с восковой фигурой из «Удольфских тайн» и ночные кошмары Аделины в «Лесном романе». Стереотипность «мистических» эпизодов позволяет говорить о повторяющейся, *парадигматической*, мизансцене, вариациями которой служат ночной визит инквизитора Николо к заточенному в тюрьме Винченцо, посещение Эмилией и Доротеей спальни покойной маркизы Вильруа, встреча Эллены со Скедони на безлюдном морском берегу, ночное приключение рыбака Марко, провансальская легенда и т.д. Описывая реакцию героев, Радклиф в этих случаях использует категории *horror* и *horrible* – с полным на то основанием, поскольку участникам событий доводится пережить не томительный испуг, а безотчетный ужас – тот самый *horror*, который, как мы помним, «отнимает, парализует и едва ли не полностью изничтожает» душевные силы: «Эмилия, склонившись над трупом, с минуту глядела на него пристальным, обезумевшим взором; потом вдруг выронила из рук лампу и упала без чувств <...> ее рассудок почти пошатнулся под этим непосильным бременем. По временам она устремляла на Аннету дикий, бессмысленный взор <...> За этим следовали продолжительные припадки столбняка <...> она сидела, застывшая и безмолвная, и только по временам тяжело вздыхала, но без слез» [22. С. 395, 396]. Как можно заметить, **событийную основу «жутких» эпизодов образует столкновение (встреча, соприкосновение) с неуспокоенным мертвецом – призраком или кадавром. При отсутствии эксплицитной угрозы (действительной или воображаемой) подобные сцены дезориентируют, парализуют и едва не лишают рассудка героев Радклиф, проявлявших твердость духа в самых критических обстоятельствах.** Обратим внимание, что Радклиф, старательно рационализировавшая в своих романах «сверхъестественные» феномены, оставляет без объяснения их воистину сверхъестественный, невероятный эффект, ограничиваясь беглыми и, по большому счету, тавтологическими ссылками на «суеверность» героев.

Столкновению с *monstrum horrendum* в романах Радклиф предшествуют целенаправленные поиски, обозначаемые ныне термином *the Gothic Quest*.

Когда ее герои блуждают по темным коридорам, пересекают анфилады комнат, спускаются по лестницам в подземелье, пристально вглядываются в темноту, распознают в стенах ниши, открывают потайные двери, отдергивают занавеси и гардины – они неуклонно приближаются к истине; иначе говоря, эпистемологический процесс разворачивается в пространстве¹. В этом случае субъект является не только сторонним наблюдателем, сентиментальным туристом: его связывает с целевым объектом исследовательская, точнее говоря, расследовательская интенция, продиктованная необходимостью, общей бедой: типические герои и героини Радклиф волею судьбы оказались оторваны от своих фамильных «корней». Аделина («Лесной роман») и Эллена («Итальянец») не ведают, кто их подлинные родители, осиротевшая Эмилия обнаруживает в семейной истории подозрительный пробел, Джулия и Фердинанд («Сицилийский роман») разлучены со своей матерью, которую ошибочно считают умершей, «горец» Аллейн («Замки Этлин и Данбейн») растет в чужой семье и под чужим именем, не подозревая о своем знатном происхождении. Такова общая участь протагонистов раннего готического романа: почти все они, начиная от «Монахини» Дидро, Теодора («Замок Отранто»), Эдмунда в «Старом английском бароне», Амбросио в «Монахе» – **несостоявшиеся наследники, полностью или частично утратившие связь с родителями, отеческим домом, семейным достоянием и традициями**. В генеалогической линии каждого из них зияет «слепое пятно», лакуна, которую изобличают запретные письма отца Эмилии или молчание донны Бьянки. Неудивительно, что их влечет к «отеческим гробам», к фамильным преступлениям, травматическим точкам разрыва преемственности. **Сознательно или нет, они ищут и вскрывают могилы, дабы восстановить континуальность генеалогической линии и занять в ней подобающее им место**². Поэтому, вступая в обитель смерти, они испытывают смешанные чувства – любопытство, радостное возбуждение, тревогу; другими словами, поначалу их охватывает благодетельный terroг, однотипные описания которого кочуют у Радклиф из романа в роман: про Аделину, осматривающую аббатство, сказано: «...ее грудь трепетала от сладкого ужаса, переполнявшего душу. В ее глазах стояли слезы – ей хотелось, но было и страшно идти дальше» [29. С. 22]; сходные чувства («жгучее любопытство», «испуг», «трепет») обуревают Эмилию в покоях, где скончалась маркиза Вильруа, и в роковой комнате Удольфского замка: «Казалось, за этим занавесом скры-

¹ Аналогию блуждания в лабиринте и эпистемологического процесса М.Б. Ямпольский иллюстрирует следующим сравнением: «...человек, погружаясь в темный лабиринт, как бы погружается в “чужую” память. И то, что открывается его “взору”, если темнота оказывается хоть в какой-то мере проницаемой, может пониматься как анамнезис, как проступание забытых воспоминаний» [30. С. 89].

² По справедливому замечанию Аудроне Рачкаускиене, «замок [у Радклиф] скрывает семейную тайну, разоблачение которой обыкновенно помогает героине раскрыть свою собственную идентичность» [27. Р. 54].

вается какой-то тайник; она и желала и боялась поднять его и заглянуть, что за ним скрывается» [22. С. 395] и т.д.

Когда же и при каких условиях волнующий трепет (*terror*) перерастает в цепенящий ужас (*horror*)? Для ответа необходимо будет вернуться к тому травматическому событию, которое нарушило механизм преемственности и послужило отправной точкой сюжетного развития в романах Радклиф. В общем правиле генеалогический «разлом» возникает по вине узурпаторов – Монталя, Монтони, Лаурентини, Скедони – погубивших законного наследника¹. Заметим: речь не идет о конвенциональном, ритуализованном убийстве, с которым сознание сентиментального европейца еще способно было примириться. Смертную казнь по решению суда, гибель на войне, тяжелое ранение на дуэли (вспомним поединок Монтони и Морано, Дюпона и Монтони, Винченцо и инквизиторов) героини Радклиф воспринимают стоически, Эмилии даже хватает мужества переступить через трупы кондотьеров, погибших при обороне Удольфского замка. **Совершенно иной эффект производит «чудовищное», «тайное» убийство, в ходе которого беспомощную жертву на смертном одре изолируют от родственников и друзей, лишают погребального обряда и мемориала.** Именно такая судьба постигла добропорядочных отцов Аделины и Эллены, умерщвленных братьями-узурпаторами, ее отзвуки слышатся и в истории маркизы Вильруа, чью смерть втайне от дочери оплакивал Ла Люк. В отличие от сочинителей воспитательных романов, Радклиф трактовала преступление не столько в моральном, сколько в натурфилософском, а именно виталистском, ключе. Важно, что жизнь убитого оборвалась до срока, когда еще не исчерпала себя энергия души. Важно, что жертва не успела передать опыт наследникам. Важно, что **умирающий, которому отказано было в причащении, погребении, мемориале, оказался изъят из временного потока, из вечного круговорота, в котором дети сменяют родителей и родители возрождаются в детях.** В результате протагонисту, лишенному наследства, приходится ворошить прошлое, раскапывать могилы, восстанавливая историческую преемственность. По всей видимости, субстанциальные угрозы, подстерегающие героя в ранних готических романах, определяются его миссией: ему необходимо вызволить не-отжившего предка из метафизической изоляции, ассимилировать рудименты прошлого.

Готический роман формировался в эпоху стремительного прогресса, когда европейцы начали осознавать «инаковость» исторического прошлого². К концу XVIII в. в Англии старину более не воспринимают как

¹ Об узурпации, т.е. незаконном, неправомочном наследовании (имущественных прав, владений и женщин), как первопричине конфликтов в раннем готическом романе См.: [25. Р. 143, 175; 32. Р. 76].

² Приведенная выше формула (*the otherness of the past*) принадлежит Теду Андервуду, констатировавшему, что на исходе эпохи Просвещения англичане уже не воспринимают историю как непрерывный временной поток: теперь между современностью и минувшими эпохами пролегла межа, и требуются усилия, чтобы восстановить контакт

вневременной образец, с ней не соперничают, подобно флорентийцам или французским академикам, ее уже не презирают за грубость и «наивность»; скорее, отцовское наследство стремятся ассимилировать, использовать как материал и фундамент для новых поколений. Именитый правовед эпохи Просвещения сэр Уильям Блэкстоун сравнил, как известно, британское законодательство с «древним готическим замком, возведенным в рыцарскую эпоху, но приспособленным для проживания наших современников» [25. С. 142]. С идеей эволюции и преемственности связана характерная для позднего Просвещения поэтизация средневековых руин – осыпающихся от древности, поросших травой и деревьями. Оседая, диссоциируясь, они образуют плоть и кровь современной культуры. Цивилизованному европейцу приятно созерцать готические руины оттого, что они «демонстрируют торжество времени над силой», как метко выразился лорд Кеймс в «Основаниях критики», изданных двумя годами ранее «Замка Отранто» [3. С. 207]. **Напротив, не-разложившиеся, не потревоженные временем рудименты прошлого вселяют в наблюдателя тревогу и беспокойство**¹. Ла Мотта более всего страшат не руины, а запустение в той части аббатства, «которая устояла перед губительным воздействием времени» [23. С. 26]; Эмилия с любопытством осматривает пострадавшие от войн башни Удольфского замка, зубцы, поросшие травой, пробитую крышу и обрушенную стену ограды – однако же ей становится дурно в «мемориальных», сохраненных в неприкосновенности, покоях маркизы Вильруа («Уйдем отсюда, – слабо промолвила Эмилия, – воздух здесь такой тяжелый <...> она почувствовала такую слабость, что принуждена была опуститься на край постели») [22. С. 607].

Итак, **необходимой (хотя и недостаточной) предпосылкой ужаса в романах Радклиф служит консервация старины – обособленной, непричастной к циклическому обновлению мира**. Приметы мумификации – это всевозможные мембраны, футляры, коконы, отделяющие мертвецов от современности². Зарубежные литературоведы не раз обращали

между живыми и мертвыми [33. Р. 238–239]. Неудивительно, что вторая половина XVIII в. в Англии была ознаменована возросшим интересом к вопросу национальной идентичности, попыткой навести мосты с феодальным, героическим прошлым, в котором видели противовес современной эпохе, изнеженной и расточительной. Эти тенденции подробно рассматриваются в работе Сью Чаплин [3. Р. 204].

¹ Симптоматично, что аббатства в Англии становятся объектом исторического и эстетического интереса лишь после окончательного устранения якобитской угрозы: ностальгические чувства вызывает лишь безвозвратно ушедшее, обессиленное и обезвреженное прошлое [32. Р. 77].

² Литературные ужасы, несомненно, коррелировали с культурно-историческими сдвигами рубежа XVIII–XIX вв., в частности с изменением представлений о смерти и погребальных практик, подробно описанном в известной работе Филиппа Арьеса: смерть на исходе Нового времени лишается публичности, соответствующие ритуалы становятся частным, внутрисемейным делом, мертвых «отселяют» от живых (кладбища вытесняются из центра города на окраины), телесное разложение признается нетерпимым и неприличным – что порождает моду на бальзамирование и мумификацию покойников [29. Р. 129, 130].

внимание на то, что непосредственный источник ужаса у Радклиф скрыт от наблюдателя непроницаемой завесой. По преимуществу речь идет о плотной ткани – покрывале или занавесе, за которым обнаруживается ниша, портрет, потайная дверь, а также о крышке гроба, мешковине, монашеской сутане или маске инквизитора, скрывающих фигуру и лицо. Бесспорно, плотный покров затрудняет эмпирическое познание и создает атмосферу неопределенности, неясности (*obscurity*), питающую, по мысли Берка, Шиллера и самой Радклиф, возвышенный страх (*terror, Furcht*). И все же героини готических романов приходят в ужас не оттого, что древность оказалась сокрытой и недоступной чувственному постижению (т.е. трансцендентной или «теоретически возвышенной»). Напротив, **катализатором панической реакции становится акт разоблачения, срывания завесы**; именно в этой кульминационной точке тревога перерастает в безотчетный ужас, хоррор, который можно опознать по мертвенной бледности, оцепенению, немоте, беспамятству, судорогам. Связь между «разоблачением» и приступом ужаса ярко иллюстрируют сцена с мнимым портретом из «Удольфских тайн» и родственный ей эпизод с восковой фигурой: девушка «в припадке отчаяния <...> отдернула [занавес]», «с минуту глядела на открывшееся ей зрелище «пристальным, обезумевшим взором; потом вдруг выронила из рук лампу и упала без чувств» [22. С. 394]. В «Итальянце» подобное потрясение довелось пережить неаполитанскому рыбаку Марко, который «побелел» и «едва не лишился памяти от страха», развязав мешок с трупом.

Показательно, что в парадигматических сценах «ужаса» Эмилии, Марко, а также страдающей от ночных кошмаров Аделине предстает не скелет, а кадавр – мертвец, который еще не утратил окончательно телесное обличье. Едва ли найдется более выразительный образ консервации прошлого, чем полуразложившийся (или не полностью истлевший) труп. Здесь страшен не только остановленный процесс разложения, т.е. *физической* метаморфозы: **своего апогея ужас достигает тогда, когда в полуистлевшей плоти угадывается аномальная – посмертная – активность души**¹. Не оттого ли колеблемый ветром гобелен приводит Аделину в «неописуемый ужас», а Эмилия «мертвеет от ужаса», заметив, что полог постели покойной маркизы Вильруа «слабо приподымается и опускается»? Не оттого ли застывают от страха Винченцо и его храбрый слуга, вообразив, что найденная в развалинах окровавленная сутана шевелится ("It moves!"

¹ По мысли Г.В. Заломкиной, создатели готических романов рассматривают смерть «не как конечный предел жизни, но как границу, откуда возможно возвращение в жизнь» [34. С. 14, 18]. Исторической параллелью этого мифологического мотива является «вселяющее тревогу возрождение прошлого в настоящем» [35. Р. 1], которое Фред Боттинг называет магистральной темой литературной готики. К сходным выводам приходит Б.Р. Напцок, говоря о соединении прошлого и сверхъестественного в готическом романе, где, начиная с Уолпола, «сверхъестественное становится символом Прошлого, восстающим против Настоящего» [8. С. 158].

exclaimed Paulo; "I see it move!")? Посмертная психофизическая активность принимает у Радклиф разнообразные формы: о ней возвещают колыхание покровов (излюбленный мотив писательницы), не-локализованный безличный голос, конвульсии омертвевшего тела, которые приводят на память эксперименты Гальвани и Вольты (пока Аделина смотрела на мертвеца, «его черты изменились, искаженные предсмертной агонией. Потрясенная, она отпрянула, но он внезапно протянул руку и, схватив ее кисть, крепко сжал» [23. С. 100]), внезапное кровотечение или проступающие пятна крови. В любом случае жуткое зрелище (*horrible spectacle*) доказывает, что покойный – не упокоился, что под ороговелой тканью тлеет органическая жизнь.

Какие беды сулит герою радклифовского романа встреча с призраком или кадавром? По-видимому, Радклиф не склонна была переоценивать физическую силу «мертвецов» (по крайней мере, «восставшему из мертвых» ложному отцу – Скедони – никак не удастся убить Эллену, Монталь, еще один «воскресший» после мнимой смерти двойник отца, не может применить силу к Аделине). Однако неупокоенный предок способен оказывать на живых воздействие иного, психофизического, свойства. **При сближении его с наследником – визуальном (гипнотический взгляд), акустическом («зов») или тактильном – между родственниками устанавливается нечто вроде магнетической связи, раппорта, проникающего телесную границу. Теперь импульсы, реакции, состояния передаются, как в электрической цепи, от старшего – младшему, от завещателя – наследнику.** О механизме заражения позволяет судить происшествие с рыбаком Марко: сначала бледность и онемелость трупа сообщаются очевидцу, непосредственно соприкоснувшемуся с кадавром, затем – рассказчику, который, «войдя в раж», в свою очередь, «заражает» слушателя, Скедони (и снова – через соприкосновение: крестьянин крепко вцепился в его сутану). Вспомним также «мистическую» сцену у постели покойной маркизы Вильруа: испуганная колебанием покрывала, в котором ей почудился лик усопшей, Эмилия с «помертвевшим от ужаса лицом <...> ухватила за руку Доротеи», и служанка застывает, «как пригвожденная, не отрывая взора от постели» [22. С. 608]. Неудивительно, что ужас в романах Радклиф подчас трактуется *метонимически*, как нежелание близости, боязнь соприкосновения с зараженной материей¹. По всей видимости, подобными мотивами руководствовались вилланы: маркиз Монталь, пожелавший «незамедлительно покинуть оскверненное место» (комнату, где убит был его брат) и никогда более не оставаться в аббатстве на ночь, и Монтони, который «избегал не только той комнаты, где лежал прах его жены, но и всей части замка, к которой она примыкала, словно боялся заразы смерти» [22. С. 425]. Не меньшее потрясение вызывает тактильный контакт с умершей у Эмилии, которая с содроганием отбрасывает вуаль покойной маркизы, накинутую на нее Доротеей.

¹ Глубокий анализ мотивов заражения, завесы и кровотечения у Радклиф содержится в статье Евы Косовски Седжвик [36. P. 256 ff.].

Во многом боязнь заразиться продиктована паническая реакция героев Радклиф на кровоизлияния и на кровавые пятна, выступающие на поверхности тела или на одежде (полагаю, не последнюю роль здесь сыграл страх перед чумой, масштабные эпидемии которой в Европе прекратились лишь к середине XVIII в., а также перед быстро распространявшимся туберкулезом). Помимо этого, следует учитывать многослойную семантику кровавых пятен: они напоминают о травматическом событии, превратившем эстафету наследования, а также о кровном родстве, они являют собой нестершийся, «законсервированный» осадок или след прошлого и, наконец, плазму с библейских времен принято ассоциировать с жизненной энергией, душой. Иными словами, кровавый след одновременно указывает и на точки разрыва, и на континуальность органической жизни.

Интерес Радклиф привлекает главным образом **психофизическое «заражение», подрывающее автономию субъекта, ибо по мере аппроксимации искатель незаметно для себя уподобляется объекту (живому мертвецу)**. Подчас они в буквальном смысле слова меняются местами¹: так, Аделину в ее ночных кошмарах гипнотически манил зов незнакомца («ей пришлось сделать усилие, чтобы не последовать за ним»), затем зов перерастает в требование, провожатый оборачивается преследователем: человек в сутане «...приказал ей следовать за ним и повел по длинному коридору к подножию лестницы. Ей стало страшно, она побежала назад, и тогда человек повернулся и погнался за ней» [23. С. 100]. Подобного рода инверсия совершается и в кульминационной сцене «Итальянца»: заметив на скалистом берегу фигуру монаха, «укутанного в темный плащ», Эллена намерена была подойти к нему и обратиться за помощью, но вскоре обнаружила, что «монах следует за ней». Самое малое, что грозит любознательному потомку, – это вернуться к травматическому событию, разделить муку своего родителя, увядающего до срока, в одиночестве и безвестности. Но подлинно трагический удел ожидает тех, кто покорился гипнотической власти стариков, незаметно для себя утратил субъектность и оказался вне исторического времени, в метафизической пустоте. Не грозящая смерть, не физические муки повергают в ужас героев Радклиф, а **перспектива пассивного, изолированного, внеисторического существования, омертвевшей жизни, которую, собственно, предвещали симптомы ужаса: летаргическое оцепенение, беспамятство, немота.**

О последствиях «ужаса» в романах Радклиф мы можем судить лишь гипотетически, поскольку угроза обезволивания, отвержения и омертвения, намеченная в «мистических» эпизодах, не получает дальнейшего раз-

¹ Терри Каствл пишет в этой связи о прорыве (breakdown) границы между жизнью и смертью в романах Радклиф. Так, в «Удольфских тайнах» легко можно ошибиться, причислив живого к мертвым, и наоборот [29. Р. 129]. Перемена ролей часто совершается через тактильный контакт, который, по выражению М.Б. Ямпольского, «заставляет тело пережить глубокую метаморфозу (переход от субъектности к объектности)», прикосновение «разрушает, казалось бы, незыблемый статус наблюдающего субъекта» [30. С. 63].

вития, по крайней мере в магистральных сюжетных линиях. С этой точки зрения (а не только в связи с финальной «рационализацией» сверхъестественного) у рецензентов были причины упрекать писательницу в том, что она мистифицирует – манит, а затем разочаровывает – своих читателей. Действительно, кульминационные, наиболее суггестивные сцены ее романов (ночные кошмары Аделины, многочисленные столкновения Эмилии, Эллены, Винченцо с призраками прошлого) отличает фрагментарность, они не имеют долгосрочных последствий¹. Когда в видениях Аделины непогребенный отец зовет ее за собой, в лимб, – она пробуждается: «Ей пришлось сделать усилие, чтобы не последовать за ним, и от этого она проснулась» [23. С. 100]. Когда у ног ее растекается отцовская кровь, хлынувшая из раны мертвеца, Аделина, вздрогнув, приходит в сознание. По большому счету, **дискретность и обратимость «ужаса» соответствовали воспитательным интенциям Радклиф** – представить образцовую чувствительную героиню (или героя), способных балансировать между чувственным и интеллигибельным, не впадая в крайности экзальтации или бесчувствия, от которых Эмилию предостерегал Сент Обер.

Менее уравновешенными и, следовательно, более уязвимыми для магнетического воздействия мертвецов оказываются вилланы, а также их подручные. В «Итальянце» инквизитор Никола Зампари превращается в тень своего патрона Скедони, невольно копирует его бледность и предсмертные судороги и вместе с харизматичным монахом погружается в небытие². Сходная участь едва не постигла слабовольного Ла Мотта, «всегда неистового в своих страстях»: попав в зависимость от «восставшего из мертвых» маркиза Монталя (обратим внимание на анаграмматическое родство их имен), он постепенно утрачивает свободу воли («я не хозяин ни себе самому, ни моим поступкам») и страшится гипнотической власти маркиза «больше, чем неотвратимого, хотя и отдаленного наказания, кое ожидает нас за грехи наши» [23. С. 178]. Стоит заметить, что современники и литературные соперники Радклиф – Уолпол, Бэкфорд, Годвин, Льюис, Шиллер – отводили образцовому чувствительному герою периферийную роль, поместив в центр повествования натуру слабовольную и пристрастную,

¹ Дискретность эмоциональных реакций в «Удольфских тайнах» отмечают Роберт Гири, констатирующий, что страшные открытия доставляют Эмилии лишь «мимолетное беспокойство» [2. Р. 46, 48], и Кэрл Энн Хауэллс, по мнению которой, Эмилия являет собой «не характер из плоти и крови, но лишь линейную серию откликов на диковинные стечения обстоятельств» [27. Р. 48]. Гэри Келли также описывает радклифовский сюжет как череду эпизодов, которые вызывают у героини «широкую палитру эмоциональных реакций, более или менее быстро сменяющих друг друга» [1. Р. 50, 55]. Вероятно, характерные для Радклиф «перерывы повествования в момент кульминации», на которые обратил внимание В.Э. Вацуро [5. С. 195], объясняются не только стремлением заинтриговать читателя, но и спецификой позднепросветительского психологизма.

² Комментируя эту сцену, Косовски Седжвик заметила, что в готическом романе «бледность и неподвижность» распространяются подобно инфекции, причем заражение часто происходит через визуальный контакт [36. Р. 265].

падкую на соблазны и более предрасположенную к «ужасу»: именно такой тип протагониста будет доминировать в «готической» прозе романтизма.

Романы Радклиф, созданные на закате классической эпохи, отмечены печатью переходного, рубежного времени, что явственно проявилось в разграничении возвышенного «трепета» (terror) и панического ужаса (horror). Если terror полностью согласуется с классическими теориями возвышенного, то радклифовский horror, редко привлекающий внимание исследователей, преодолевает границы просветительской эстетики. Прежде всего, **Радклиф отказывается от внешних и в конечном счете физиологических мотивировок ужаса: она не ассоциирует «хоррор» с телесной уязвимостью индивида перед лицом могущественных, грандиозных, непознаваемых стихий или «вилланов». Новаторство Радклиф заключается в том, что ужас в ее романах детерминирует психосоматическая зависимость, которая имеет историческое (а не метафизическое) основание. У Радклиф ужас рождается при соприкосновении по преимуществу молодого героя с изолированными из временного потока и неистлелыми рудиментами прошлого, которые еще не превратились окончательно в пассивную «вещь» или знак, с материей, в которой сохраняются остатки энергии («души») и, следовательно, субъектности. Парадигматическая «жуткая» сцена повествует о том, как герой вместо овеществленного наследия сталкивается с предком (завещателем) во плоти, с поврежденным (mangled) и неуспокоившимся телом.** Если пострадавшие от времени, ассимилированные «останки» (например, живописные руины) благоприятствуют медитации и рефлексии, располагают к воспоминаниям, то обособленная в результате травматического «разрыва» в истории, неуспокоенная древность внушает сентиментальному наблюдателю панический страх, отразившийся, помимо романов Радклиф, в готической прозе Уолпола, Шиллера, Льюиса, Потоцкого, Годвина, в штюрмерских балладах, в полотнах Фюзли и Райта, гравюрах Гойи и Пиранези.

В определенном смысле герои Радклиф напоминают археологов, вскрывающих древний саркофаг с мумией, почти не потревоженной временем и отделенной от мира живых глухим, непроницаемым покровом. Их влечет к отеческому гробу не праздное любопытство, а необходимость вступить в права наследства, восстановить эстафету поколений. На этом пути более всего наследник страшится не гибели или физического увечья: его пугает психофизическое воздействие, подобное гипнотическому рапорту. Этим объясняется выбор характерных для будущей романтической «готики» каналов коммуникации между поколениями: пристальный взгляд, акустический импульс («зов») и краткий тактильный контакт. Худшее, что грозит молодым, – это уподобиться полумертвым старикам, утратить волю и субъектность и, погрузившись в летаргию, оказаться вне исторического времени, в метафизической пустоте¹. На этом роковом по-

¹ Едва ли можно согласиться с утверждением Хауэллс о том, что героине готического романа в ходе испытаний грозит «распад личности» [23. Р. 30]: протагонисты

роге героев Радклиф охватывает безотчетный «ужас» (horror) – превентивная отрицательная реакция. Они отшатываются, отводят взор, падают без чувств – не оттого, что осознали свою ничтожность перед лицом исполинской внешней силы, а оттого, что не могут противиться голосу крови¹. Собственно, сам ужас с его немотой, протрацией, оцепенелостью можно считать прообразом надвигающейся катастрофы².

Как уже говорилось, творчество Радклиф отличается компромиссностью, характерная для сентиментальной эпохи. В магистральных сюжетных линиях ее романов угроза обезволивания и омертвения хотя и предугадывается, но не осуществляется; для ее протагонистов – рассудительных и деятельных, чувствительных и уравновешенных – кратковременные панические атаки проходят бесследно. Преодолеть свойственную романам Радклиф дискретность эмоциональных состояний удалось лишь следующей, романтической генерации, которая вывела на авансцену героя нового образца – более созерцательного, более восприимчивого, более креативного, психически более лабильного. И все же именно **«радклифовский» мотивный комплекс, включающий в себя разрыв в генеалогической линии, расщепление отцовской или материнской фигуры на «доброе» родителя и «узурпатора», изоляцию, консервацию и реанимацию прошлого, магнетическую связь наследника с неупокоившимся предком, бесспорно, предопределил тематику «страшной» новеллы романтизма**³. Преднамеренно или, быть может, неожиданно для себя самой, «матушка Радклиф» одной из первых отделила от классического «возвышенного» страха и художественно осмыслила тот нутряной, панический ужас (horror), который станет определяющим в романтической и неороман-

Радклиф не являются полноценными характерами, они не эволюционируют, соответственно, им не угрожает опасность «потерять себя». Более точно, на мой взгляд, описывает характер угрозы Тед Андервуд, трактующий, вслед за Арьесом, страх смерти как страх изоляции, страх отпадения от общины и от коллективной судьбы, который зарождается в эпоху Просвещения, осознавшую «инаковость» исторического прошлого [33. P. 242].

¹ Эта не-отделенность и психофизическая зависимость отпрыска от родительского тела будет играть ключевую роль в концепции «отвратительного» у Юлии Кристевой: «Я испытываю отвращение только в том случае, если Другой находится вместо и на месте того, кто будет «я». Это <...> Другой, который предшествует мне и владеет мною и тем самым осуществляет меня. Владение, предшествующее моему появлению» [37. С. 46].

² Охваченный ужасом герой, по наблюдению Эндрю Смита, не только цепенеет, но и «выпадает» из временного континуума: для него не существует более прошлого и будущего [12. P. 318].

³ Наиболее отчетливо мотивный комплекс, кристаллизовавшийся в романах Радклиф, прослеживается в таких ярких образцах романтической «страшной» новеллы, как «Зловещий гость», «Пустой дом» и «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана, «Страшная месть», «Вий» и «Портрет» Н.В. Гоголя, «Венера Ильская» П. Мериме и «Пиковая дама» А.С. Пушкина, «Погребение Роджера Мелвилла», «Портрет Эдуарда Рэндолфа» и «Дочь Рапаччини» Н. Готорна, «Лигейя» и «Повесть крутых гор» Э. По, «Упырь» А.К. Толстого и «Кармила» Ле Фаню – ряд этот, разумеется, можно продолжить.

тической «готике» и займет центральное место в теоретических концепциях «жуткого» (unheimlich) и «отвратительного» (abject) в XX в.

Список источников

1. Kelly G. «A Constant Vicissitude of Interesting Passions»: Ann Radcliffe's Perplexed Narratives // *Ariel*. 1979. Vol. 10, № 2. P. 45–64.
2. Geary R.F. *The Supernatural in Gothic Fiction: Horror, Belief, and Literary Change*. Lewiston, NY : E. Mellen Press, 1992. 151 p.
3. *The Gothic World* / ed. by Byron G. Townshend D. London : Routledge, 2013. 580 p.
4. Williams A. *Art of Darkness: A Poetics of Gothic*. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1995. 319 p.
5. Антонов С.А. Роман Анны Радклиф «Итальянец» в контексте английской «готической» прозы последней трети XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. : АкадемПринт, 2000. 21 с.
6. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 548 с.
7. *Готическая традиция в русской литературе* / отв. ред. Н.Д. Тмарченко М. : Издательский центр РГГУ, 2008. 349 с.
8. Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2016. 476 с.
9. Ann Radcliffe, *Romanticism and the Gothic* / ed. by Townshend D. Wright A. New York : Cambridge University Press, 2014. 257 p.
10. Radcliffe A. On the Supernatural in Poetry // *New Monthly Magazine*. 1826. Vol. 16.
11. Punter D. *The Literature of Terror*. Vol. 1: *The Gothic Tradition*. New York : Longman, 1996. 248 p.
12. Smith A. Radcliffe's Aesthetics: Or, The Problem With Burke And Lewis // *Women's Writing*. 2015. № 22 (3). P. 317–330.
13. Miles R. *Ann Radcliffe: The Great Enchantress*. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1995. 208 p.
14. *Das Erhabene: Zwischen Grenzerfahrung und Groessenwahn* / hrsg. Ch. Pries. Weinheim : VHC, Acta Humaniora, 1989. 390 S.
15. *The Encyclopedia of the Gothic* / ed. by Hughes W. Punter, D. Smith A. Chichester, West Sussex : Wiley Blackwell, 2015. 880 p.
16. Mayhew R.J. Gothic Trajectories: Latitudinarian Theology and the Novels of Ann Radcliffe // *Eighteenth Century Fiction*. 2003. № 15. P. 583–613.
17. Берк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенно-го и прекрасного / пер. с англ. Е.С. Лагутина. М. : Искусство, 1979. 240 с.
18. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М. : Искусство, 1994. 367 с.
19. Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6: Статьи по эстетике / пер. с нем. М. : Худож. лит., 1957. 793 с.
20. *Из истории английской эстетики XVIII века*: Поп. Аддисон. Джерард. Рид. / пер. с англ. М. : Искусство, 1982. 367 с.
21. Радклиф А. Итальянец, или Исповедальня кающихся, облаченных в черное / пер. с англ. Л.Ю. Бриловой, С.Л. Сухарева. СПб. : Азбука, 2011. 512 с.
22. Радклиф А. Удольфские тайны / пер. с англ. А. Гей. СПб. : Азбука, 2010. 786 с.
23. Howells C.A. *Love, Mystery and Misery: Feeling in Gothic Fiction*. London ; New York etc. : Bloomsbury Academic, 2014 (1978). 210 p.
24. Bauer G. Houses, Secrets, and the Closet: Locating Masculinities from the Gothic Novel to Henry James. Bielefeld : Transcript Verlag, 2016. 234 p.
25. DiPlacidi J. *Gothic incest: Gender, sexuality and transgression*. Manchester : Manchester University Press, 2018. 312 p.

26. Decker G.G. *The Fictions of Romantic Tourism: Radcliffe, Scott, and Mary Shelley*. Stanford, California : Stanford University Press, 2005. 328 p.
27. Raškauskienė A. *Gothic Fiction: The Beginnings*. Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas, 2009. 88 p.
28. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1 / пер. с фр. С.Ч. Офертаса. М. : Праксис, 2002. 384 с.
29. Castle T. *The female thermometer : eighteenth-century culture and the invention of the uncanny*. Oxford ; New York etc. : Oxford University Press, 1995. 288 p.
30. Ямольский М.Б. Ткач и визионер: очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.
31. Радклиф А. Роман в лесу / пер. с англ. Е. Малыхиной. М. : Ладомир, 1999. 315 с.
32. Copley S., Garside P. *The Politics of the Picturesque: Literature, Landscape and Aesthetics Since 1770*. Cambridge ; New York etc. : Cambridge University Press, 1994. 304 p.
33. Underwood T. *Romantic Historicism and the Afterlife* // PMLA. 2002. № 117. P. 237–251.
34. Заломкина Г.В. Готический миф как литературный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара : УОП СамГУ, 2011. 44 с.
35. Botting F. *Gothic*. London ; New York : Routledge, 1996. 240 p.
36. Kosofsky Sedgwick E. *The Character in the Veil: Imagery of the Surface in the Gothic Novel* // PMLA. 1981. Vol. 96, № 2. P. 255–270.
37. Крестева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / пер. с фр. А. Костиковой. СПб. : Алетей, 2003. 256 с.

References

1. Kelly, G. (1979) "A Constant Vicissitude of Interesting Passions": Ann Radcliffe's Perplexed Narratives. *Ariel*. 10 (2). pp. 45–64.
2. Geary, R.F. (1992) *The Supernatural in Gothic Fiction: Horror, Belief, and Literary Change*. Lewiston; New York: E. Mellen Press.
3. Byron, G. & Townshend, D. (eds) (2013) *The Gothic World*. London: Routledge.
4. Williams, A. (1995) *Art of Darkness: A Poetics of Gothic*. Chicago; London: University of Chicago Press.
5. Antonov, S.A. (2000) *Roman Anny Radklif "Ital'yanets" v kontekste angliyskoy "goticheskoy" prozy posledney treti 18 veka* [Anna Radcliffe's novel "Italian" in the context of English "Gothic" prose of the last third of the 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
6. Vatsuro, V.E. (2002) *Goticheskiy roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Tamarchenko, N.D. (2008) *Goticheskaya traditsiya v russkoy literature* [Gothic tradition in Russian literature]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Naptsov, B.R. (2016) *Traditsiya literaturnoy "gotiki": genesis, estetika, zhanrovaya tipologiya i poetika* [The tradition of literary "Gothic": genesis, aesthetics, genre typology and poetics]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.
9. Townshend, D. & Wright, A. (eds) (2014) *Ann Radcliffe, Romanticism and the Gothic*. New York: Cambridge University Press.
10. Radcliffe, A. (1826) On the Supernatural in Poetry. *New Monthly Magazine*. 16.
11. Punter, D. (1996) *The Literature of Terror*. Vol. 1. New York: Longman.
12. Smith, A. (2015) Radcliffe's Aesthetics: Or, The Problem with Burke and Lewis. *Women's Writing*. 22 (3). pp. 317–330.
13. Miles, R. (1995) *Ann Radcliffe: The Great Enchantress*. Manchester; New York: Manchester University Press.

14. Pries, Ch. (ed.) (1989) *Das Erhabene: Zwischen Grenzerfahrung und Groessenwahn*. Weinheim: VHC, Acta Humaniora.
15. Hughes, W., Punter, D., Smith, A. & Chichester, W. (eds) (2015) *The Encyclopedia of the Gothic*. Sussex: Wiley Blackwell.
16. Mayhew, R.J. (2003) Gothic Trajectories: Latitudinarian Theology and the Novels of Ann Radcliffe. *Eighteenth Century Fiction*. 15. pp. 583–613.
17. Burke, E. (1979) *Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idey vozvyshehnogo i prekrasnogo* [A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful]. Translated from English by E.S. Lagutin. Moscow: Iskusstvo.
18. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
19. Schiller, F. (1957) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 volumes]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Narskiy, I.S. (ed.) (1982) *Iz istorii angliyskoy estetiki 18 veka: Pop. Addison. Dzherard. Rid* [From the history of English aesthetics of the 18th century: Pop. Addison. Gerard. Reid]. Translated from English by A.L. Subbotin, E.S. Lagutin, N. Vitt & E.Yu. Dement'eva. Moscow: Iskusstvo.
21. Radcliffe, A. (2011) *Ital'yanets, ili Ispovedal'nya kayushchikhsya, oblachennykh v cherno*e [The Italian, or the Confessional of the Black Penitents]. Translated from English by L.Yu. Brilova & S.L. Sukharev. Saint Petersburg: Azbuka.
22. Radcliffe, A. (2010) *Udol'fskie tayny* [The Mysteries of Udolpho]. Translated from English by A. Gay. Saint Petersburg: Azbuka.
23. Howells, C.A. (2014 (1978)) *Love, Mystery and Misery: Feeling in Gothic Fiction*. London; New York, etc.: Bloomsbury Academic.
24. Bauer, G. (2016) *Houses, Secrets, and the Closet: Locating Masculinities from the Gothic Novel to Henry James*. Bielefeld: Transcript Verlag.
25. DiPlacidi, J. (2018) *Gothic incest: Gender, sexuality and transgression*. Manchester: Manchester University Press.
26. Decker, G.G. (2005) *The Fictions of Romantic Tourism: Radcliffe, Scott, and Mary Shelley*. Stanford, California: Stanford University Press.
27. Raškauskienė, A. (2009) *Gothic Fiction: The Beginnings*. Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas.
28. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [dits et écrits: articles politiques, conférences, interviews]. Part 1. Translated from French by S.Ch. Ofertas. Moscow: Praksis.
29. Castle, T. (1995) *The female thermometer: eighteenth-century culture and the invention of the uncanny*. Oxford; New York, etc.: Oxford University Press.
30. Yampol'skiy, M.B. (2007) *Tkach i vizioner: ocherki istorii reprezentatsii, ili O material'nom i ideal'nom v kul'ture* [The Weaver and the Visionary: Essays on the History of Representation, or About the Material and the Ideal in Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
31. Radcliffe, A. (1999) *Roman v lesu* [The romance of the forest]. Translated from English by E. Malykhina. Moscow: Ladomir.
32. Copley, S. & Garside, P. (1994) *The Politics of the Picturesque: Literature, Landscape and Aesthetics Since 1770*. Cambridge; New York etc: Cambridge University Press.
33. Underwood, T. (2002) Romantic Historicism and the Afterlife. *PMLA*. 117. pp. 237–251.
34. Zalomkina, G.V. (2011) *Goticheskiy mif kak literaturnyy fenomen* [Gothic myth as a literary phenomenon]. Abstract of Philology Dr. Diss. Samara.
35. Botting, F. (1996) *Gothic*. London; New York: Routledge.
36. Kosofsky Sedgwick, E. (1981) The Character in the Veil: Imagery of the Surface in the Gothic Novel. *PMLA*. 96 (2). pp. 255–270.

37. Kristeva, J. (2003) *Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii* [Powers of horror] Translated from French by A. Kostikova. Saint Petersburg: Aleteyya.

Информация об авторе:

Максимов Б.А. – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории по изучению зарубежной печати факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: esprit25@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

B.A. Maximov, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: esprit25@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2021;
одобрена после рецензирования 17.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 18.06.2021;
approved after reviewing 17.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/19986645/76/15

Министр и журналист: взаимоотношения Д.А. Толстого и М.Н. Каткова

Елена Владимировна Перевалова

*Московский политехнический университет, Москва, Россия,
helenpv@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения высокопоставленного чиновника Д.А. Толстого и авторитетного журналиста М.Н. Каткова, редактора-издателя газеты «Московские ведомости». На основе анализа архивных материалов, мемуаров и дневников уточнена роль каждого из них в реформах российской системы образования в 1870–1880-е гг. Выявлено, что лидером в этом союзе был Катков, ставший, по существу, истинным автором и вдохновителем проводимой Министерством народного просвещения политики.

Ключевые слова: Д.А. Толстой, М.Н. Катков, «Московские ведомости», реформы, образование

Для цитирования: Перевалова Е.В. Министр и журналист: взаимоотношения Д.А. Толстого и М.Н. Каткова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 329–347. doi: 10.17223/19986645/76/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/15

A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov

Elena V. Perevalova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru

Abstract. The article examines the relationship between Dmitry Tolstoy, who served as Minister of Public Education (1866–1880) in the government of Alexander II and as Minister of Internal Affairs and Chief of Gendarmes (1882–1889) during the reign of Emperor Alexander III, and Mikhail Katkov, an authoritative journalist, editor-publisher of the influential conservative newspaper *Moskovskiyе Vedomosti*. The main thing that united the interests of the high-ranking official and the influential journalist was the reforms in the field of education in the 1870s and 1880s. Both contemporaries and historical researchers evaluated the activities of Tolstoy and

Katkov in this area very ambiguously and quite contradictorily. The problem of the study consists in the uncertainty of ideas about the contribution of each of them to the reform of Russian education in this period. On the basis of archival materials, diaries, letters and memoirs of contemporaries, the article considers the nature of the relationship between Tolstoy and Katkov, the degree of their mutual influence, the role of each in transformation of secondary and higher education during this period. The relevance of the stated problem is due to the ongoing reforms of the modern system of Russian education and the growing interest in the history of this issue, as well as the increasing role of the media in covering these processes. The novelty of the research consists in the introduction into scholarly discourse of new, previously unexplored material, in particular, the letters of Dmitry Tolstoy, Mikhail Katkov, Boleslav Markevich, Evgeny Feoktistov, Aleksandr Georgievsky, and others, stored in the archives of the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The analysis of correspondence, the study of memoirs and diary entries of contemporaries allow concluding that the leader in this union was Katkov, whose publications not only provided “information support” for the reforms undertaken by the Minister of Public Education, but in many ways initiated and directed Tolstoy’s activities. Having a strong and resolute character, perseverance in achieving the set goals, unshakable confidence in his own rightness, the journalist for many years successfully defended before Tolstoy those measures that he considered right and correct. For his part, Tolstoy, being able, by virtue of his positions, to report almost daily to the emperor, was a kind of a representative of the journalist, first to Alexander II, and then to Alexander III. At the same time, the minister often acted as Katkov’s “hidden opponent”, repeatedly tried to get rid of his dependence on the journalist, to demonstrate independence in decision-making, but, as a rule, the last word was always left to Katkov. The history of the relationship between Tolstoy and Katkov is a very illustrative example of the increasing influence of the press on the power structures of the Russian Empire in the 1860s–1880s.

Keywords: Dmitry Tolstoy, Mikhail Katkov, *Moskovskiyе Vedomosti*, reforms, education

For citation: Perevalova, E.V. (2022) A minister and a journalist: The relationship between Dmitry Tolstoy and Mikhail Katkov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 329–347. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/15

Д.А. Толстой – одна из ключевых фигур отечественной истории последней трети XIX в. В годы правления Александра II он в течение четырнадцати лет, с 1866 по 1880 г., совмещал должности министра народного просвещения и обер-прокурора Священного синода, а при Александре III был назначен в 1882 г. на один из самых заметных и важных постов в Российском государстве – пост министра внутренних дел, одновременно став шефом жандармов. Его многолетняя деятельность во главе ключевых ведомств во многом определила развитие как образовательных учреждений страны в последнюю треть XIX в., так и внутреннюю политику России в целом. На протяжении всей карьеры Толстого его самыми верными политическими союзками были правовед К.П. Победоносцев, сенатор, член Государственного совета, с 1880 г. – обер-прокурор Священного синода и член Комитета министров, глава консервативной партии в правительстве Александра III, и авторитетный журналист М.Н. Катков, редактор-издатель

влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости», руководство которой он осуществлял почти четверть века, с 1863 по 1887 г., и общественно-политического и литературного ежемесячника «Русский вестник». В отличие от Толстого и Победоносцева Катков никогда не занимал государственных постов, но его не без оснований называли «государственным человеком без государственной должности» – настолько ощутимым было его влияние на общественную и политическую жизнь России в 1860–1880-е гг.

Главным делом, объединившим высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста, стали реформы в сфере образования, непрерывно продолжавшиеся в России на протяжении более двух десятилетий. Как современниками, так и исследователями-историками деятельность Толстого и Каткова в этой области оценивалась весьма неоднозначно и достаточно противоречиво [1–4]. С точки зрения одних, они стремились создать «из учащейся молодежи манекенов казенно-мундирной мысли, нравственно и умственно-оскопленных слуг царя и отечества», для других их политика стала «фундаментом и благодатной почвой для взросления целого ряда поколений» [5. С. 323]. Однако и противники и сторонники Толстого и Каткова, как правило, рассматривали их как абсолютных единомышленников, идущих рука об руку в деле трансформации образовательной системы Российской империи. Проблема исследования состоит в неопределенности представлений о вкладе каждого из них в реформирование российского образования в 1870–1880-е гг.

На основе архивных материалов, дневниковых записей, писем и воспоминаний современников в данной статье сделана попытка рассмотреть характер взаимоотношений высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста, определить степень их взаимного влияния, выявить роль каждого в преобразовании средней и высшей школы в указанный период. Актуальность заявленной проблемы обусловлена продолжающимися не один год реформами современной системы российского образования и усиливающимся интересом к истории данного вопроса, а также возрастающей ролью СМИ в освещении этих процессов. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности хранящихся в архивах ОР РГБ писем Д.А. Толстого, М.Н. Каткова, Б.М. Маркевича, Е.М. Феокистова, А.И. Георгиевского и др.

Основной целью политики Толстого во главе Министерства народного просвещения было создание высокообразованного слоя, преданного престолу и Отечеству и способного направить развитие страны по эволюционному пути. Все его начинания – преобразование духовно-учебных заведений в 1867–1869 гг., гимназическая реформа 1871 г., утверждение в 1872 г. положения о городских училищах, в 1874 г. – положения о начальных училищах и, наконец, принятие университетского устава в 1884 г., когда Толстой уже возглавлял Министерство внутренних дел, – вызвали бурные дискуссии как в профессорско-преподавательской среде, так и в газетно-журнальной периодике. На фоне ожесточенной борьбы, развер-

нующейся между представителями различных политических сил по поводу «крестьянского вопроса», судебной, земской, военной и других реформ, споры вокруг преобразований в сфере народного просвещения могут показаться не столь существенными. Однако эта полемика выходила далеко за рамки вопросов об учебных планах и программах. Посредством воздействия на среднюю и высшую школу государство стремилось получить возможность влиять на дальнейшее социально-политическое развитие страны, поэтому в дискуссиях вокруг образовательной реформы речь шла не просто об изменениях в учебном процессе, но о том, чему и как учить следующие поколения, т.е. тех, кому предстояло отвечать за будущее Российской империи в XX в.

Главным объектом полемики стали гимназические реформы 1864 и 1871 гг. Первая была осуществлена по инициативе А.В. Головнина [6], предшественника Толстого на посту министра народного просвещения, в ходе ее произошло разделение гимназий на классические и реальные: в первых основательно изучались античная культура и древние языки (латинский и древнегреческий), во вторых – преобладали математика и естествознание. Реформа 1871 г., проведенная уже при Толстом, завершила формирование образовательной системы русского классицизма в средней школе: в учебных программах был значительно усилен объем математики, при этом в классических гимназиях были введены дополнительные часы на изучение древних языков, но уменьшены часы на изучение истории словесности, русского языка, географии и т.п. [7]. Место реальных гимназий заняли шестилетние реальные училища, в которых основное место отводилось математике и предметам естественно-научной направленности. Правом продолжить образование в университетах обладали только выпускники классических гимназий, тогда как выпускники реальных училищ могли претендовать на обучение в технических, промышленных и торговых высших учебных заведениях. Обсуждение нового университетского устава, принятого в 1884 г., дало новый толчок дискуссии, которая приобрела крайне бурный характер и вылилась в ожесточенное противостояние консервативно и либерально настроенных представителей академического сообщества [8–10].

Планируемые в отечественной средней и высшей школе перемены вызвали глубокую заинтересованность и озабоченность Каткова и получали широкое освещение в его изданиях, занимая в них одно из центральных мест. Так, в конце 1860-х – 1870-е гг. разрабатываемая гимназическая реформа стала основной темой «Московских ведомостей», рассматривалась в газете как «главный жизненный интерес современного положения наших дел» и как одно из основных направлений деятельности правительства. Подобно Толстому, Катков связывал с успешным осуществлением преобразований в сфере просвещения будущность не только отечественной науки, но и всей российской государственности и в классическом образовании видел едва ли не единственное средство борьбы с распространявшимся нигилизмом и социалистическими учениями. По его глубокому

убеждению, вся европейская наука и современная цивилизация своим развитием были обязаны античной цивилизации и только классическая система образования была способна сформировать высокий интеллект и культуру в самом глубоком смысле, а потому России, чтобы стать частью единого просвещенного мира, также следует построить процесс обучения на основе изучения древних языков, классического наследия Греции и Рима и завещанных Античностью умственных и художественных богатств. Основательное и глубокое изучение классики, с точки зрения Каткова, развивало бы у учащихся склонность к глубокому мышлению и научной деятельности и, таким образом, препятствовало бы распространению среди юношества поверхностных радикальных взглядов. Такого же мнения придерживался и компаньон Каткова, соредатор и соиздатель «Московских ведомостей» – профессор римской словесности П.М. Леонтьев. Будучи членом Ученого комитета Совета министра народного просвещения по выработке устава гимназий, он принимал активное участие в разработке основных положений этого устава, учебных планов (в первую очередь по древним языкам), правил вступительных испытаний и в спорах с «реалистами», т.е. сторонниками реальных учебных заведений, убежденно отстаивал интересы классических гимназий. Энергичные поборники «классики», Катков и Леонтьев в 1868 г. даже основали в Москве классический лицей, получивший название Лицея цесаревича Николая – в память скоропостижно скончавшегося весной 1865 г. наследника престола Николая Александровича – старшего сына императора Александра II. Это учебное заведение было призвано не только давать фундаментальное образование, но и формировать определенный уровень мировоззрения – задача, с которой, по их мнению, не могли справиться существовавшие в стране казенные гимназии [11].

С началом ожесточенной борьбы за образовательные реформы Катков в «Московских ведомостях» начал делать ставку не столько на общественное мнение, сколько на «административный ресурс», и в своих передовых статьях апеллировал не столько к обществу, сколько к тем лицам в правительстве, от которых зависело принятие решений. «Не в обществе дело... – признавался публицист в частном разговоре с одним из своих доверенных сотрудников. – Реформа решается не в обществе, а в министерстве, в правительственных сферах...» [12. С. 84]. При таком подходе журналист нуждался к постоянным связям и контактам с бюрократическим аппаратом министерства, что позволяло бы ему оказывать непосредственное воздействие на подготовку и принятие нужных и правильных, с его точки зрения, решений. Однако с либерально настроенным предшественником Толстого – А.В. Головинным, занимавшим пост министра народного просвещения с 1861 по 1866 г., и с непосредственными преемниками – А.А. Сабуровым и бароном А.П. Николаи, возглавлявшими министерство соответственно в 1880–1881 и 1881–1882 гг., отношения у Каткова явно не складывались [13]. Напротив, Толстой с первых своих шагов на бюрократическом поприще горячо высказывался в поддержку редактора «Московских

ведомостей». Так, отсылая в 1863 г. Каткову свое сочинение о Римско-католической церкви в России, Толстой в сопроводительном письме пишет: «Очень рад, что это доставляет мне случай выразить Вам то глубокое уважение, которым я, как и все русские, проникнут к Вашей деятельности и тем политическим принципам, коими вы завоевали общественное мнение. <...> Всякое замечание Ваше я приму как доказательство Вашего внимания, которым, поверьте, всегда буду дорожить» [14. Л. 137]. Чиновника и журналиста изначально сближали как общность взглядов на систему образования, так и консерватизм политических воззрений в целом, в результате чего они стали не просто единомышленниками, но соратниками в борьбе за классическое образование, создав в 1860-е гг. своего рода союз, прочность которого у большинства современников не вызывала сомнений.

В этом союзе министра и журналиста ведущая роль, казалось бы, должна была принадлежать высокопоставленному чиновнику, обладавшему тем самым «административным ресурсом» и реальной властью, тогда как роль публициста должна была сводиться к исполнению «заказа», исходящего из высоких бюрократических сфер. Однако Толстой явно уступал Каткову в энергии и решительности, в четкости представлений об основных этапах и результатах реформы, вследствие чего последний стал не просто его «правой рукой», но фактическим руководителем на посту министра народного просвещения. Современники не без оснований видели в Каткове истинного автора и вдохновителя проводимой Министерством народного просвещения политики. Сохранилось немало свидетельств того, что Толстой не предпринимал никаких действий, не посоветовавшись с журналистом, который буквально «заряжал» его своей ни перед чем не отступавшей энергией. Если же у Толстого возникали затруднения и препятствия в процессе продвижения своих проектов, а Каткова не было в Петербурге, то министр тут же «терялся и падал духом». Так, служивший в 1870-е гг. чиновником особых поручений при Толстом Е.М. Феоктистов прямо писал, что тот как министр «беспомощен», «у него не было собственных идей» и потому «тотчас же прибегнул к советам и указаниям Каткова и Леонтьева», «жадно уцепился за человека, который стоял пред ним с вполне готовою программой» [15. С. 177]. По образному выражению петербургского корреспондента «Московских ведомостей» писателя и публициста Б.М. Маркевича, также служившего чиновником особых поручений в Министерстве народного просвещения, Толстой все время «держал Каткова за фалды» [16]. Подтверждение тому можно найти и в адресованных редактору «Московских ведомостей» письмах самого Толстого. Во многих из них он обращается к журналисту с просьбами посмотреть и дать свои замечания и комментарии к разрабатываемым в его ведомстве документам. Так, в марте 1866 г. Толстой просит Каткова «сделать одолжение» и рассмотреть проект преобразования духовных училищ [17. Л. 138–139], в апреле того же года – «сообщить в подробности» замечания «на гимназический устав, на способы его исполнения, и на то, что следует сделать в этом отношении» [18. Л. 139], в мае – «просмотреть прилагаемое извлечение из отчета Попе-

чителя СПб Учебного округа об учебниках для древних языков и передать мне ваше мнение о том: каким наиболее практичным образом можно преодолеть встречаемые теперь затруднения в преподавании этих языков» [19. Л. 139], в 1872 г. – внести исправления и дополнения в проект университетского устава, который министр собирался предложить на рассмотрение Советов университетов [20. Л. 147–148] и т.д.

Дело доходило до того, что иногда Толстой, не надеясь, как видимо, на силу собственных аргументов и не решаясь самостоятельно искать поддержку у председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, прибегал к посредничеству Каткова. «На четверг назначено первое заседание комиссии по реальным училищам, – писал в Москву Маркевич. – Дмитрий Андреевич очень просил Вас приехать, говоря, что Вы одни в состоянии повлиять на великого князя, которым, предполагает он, заручилась враждебная сторона. Ваше присутствие весьма будет полезно во всяком случае и не для того только вопроса» [21. Л. 116]. «Я беседовал с графом Дмитрием Андреевичем (Толстым. – *Е.П.*), который просил меня сообщить Вам следующее: он очень бы желал, чтобы Вы приехали в Петербург, – вторил Маркевичу Феокистов. – Намерение его не делать никаких уступок при обсуждении проекта реальных училищ – непреклонно. <...> Если же Вы располагаете приехать в Петербург – чего граф, повторяю, очень желает, – то было бы лучше Вам приехать в начале следующей недели. Дело в том, что нужно подействовать на великого князя Константина Николаевича теперь же, пока проект не поступил к нему в Государственный совет. ...Было бы хорошо теперь же побеседовать с ним и расположить его в пользу проекта» [22. Л. 86]. К примеру, накануне того дня, когда проект реформы средних учебных заведений должен был поступить на рассмотрение Государственного совета, Каткову, благодаря настойчивости адъютанта великого князя – А.А. Киреева, который разделял позицию редактора «Московских ведомостей» в вопросах образования и причислял себя к «решительным поборникам классицизма» [23. Л. 128], удалось встретиться с Константином Николаевичем в Мраморном дворце [24. Л. 113] и в ходе почти часовой беседы убедить его на заседании Совета поддержать именно тот проект реформы, на котором настаивали «Московские ведомости». И это при том, что отношение великого князя к московскому журналисту было крайне неприязненным вследствие резкой критики, звучавшей в «Московских ведомостях» в его адрес в связи с польскими событиями 1863 г., а попытка Головнина – главного советника великого князя и его «серого кардинала» (так иногда называли этого чиновника современники) пригласить в том же 1863 г. Каткова к «взаимовыгодному» сотрудничеству, т.е. заручиться поддержкой его газеты в обмен на ряд льгот и преимуществ, окончилась громким скандалом, изрядно подпортившим репутацию тогдашнего министра народного просвещения [25].

Однако отношения Толстого и Каткова были отнюдь не безоблачными, они нередко испытывали недовольство друг другом, которое ни одному из них не удавалось скрыть от окружающих.

В первую очередь, на наш взгляд, причиной тому был постоянно преследовавший министра народного просвещения страх обнаружить свою зависимость от авторитетного журналиста, опасения быть заподозренным в том, что он не в состоянии принимать самостоятельные решения. Маркевич в адресованных Каткову письмах неоднократно сетовал на то, что «Толстой так мелочен, что, видя во всех нас Ваши орудия, он назло Вам, если чем недоволен, отринет всякий от нас совет, как бы здрав он ни был, – по крайней мере будет избегать случая выслушать его» [26. Л. 28]. «Опять началась мальчишеская боязнь, чтобы не сказали, что он у Вас на помочах ходит, – он даже этого скрыть не умеет», – писал Маркевич Каткову осенью 1873 г., когда накануне обсуждения в Госсовете вопроса о женском образовании министр вдруг неожиданно заявил, что он «решительно не согласен» с Катковым по вопросу женского образования, «что это фанатизм, а он должен думать о своем политическом положении, что он, требуя древние языки для женщин, возбудит против себя уже не один государственный совет, а самого Государя» [27. Л. 220]. Точно так же в 1874 г. Толстой решительно воспротивился внесению изменений и дополнений в проект устава о начальных народных училищах, которые были подготовлены председателем Ученого комитета и членом Совета министра народного просвещения А.И. Георгиевским. Последний в 1863–1866 гг. был одним из самых деятельных сотрудников «Московских ведомостей», а после переезда в Петербург на службу в Министерство народного просвещения продолжал поддерживать тесную связь с их редактором. Подготовленные им поправки, без сомнения, были согласованы с Катковым и получили его одобрение, однако Толстой возвратил бумаги Георгиевскому, внося в них собственные поправки. «Граф раздражен против меня по поводу этого вопроса, – с горечью сообщал Георгиевский в Москву Каткову, – что, быть может, и хорошо, что он не пригласил меня к себе и вместо того, чтобы лично оскорблять меня и сделать мое положение в министерстве невозможным, ограничился искажением моего проекта, восстановление которого в прежнем виде, быть может, еще и окажется возможным, если вы с своей стороны придумаете какие-нибудь действительные к тому способы» [28]. Не один лишь Георгиевский жаловался на раздражительность Толстого и его неспособность выслушать аргументы своих подчиненных. «Он не умеет слушать, прерывает, торопится и сам проповедывает, не давая мне никакой возможности договорить своих доводов», – с досадой писал в Москву Б.М. Маркевич [29. Л. 53].

Как можно предположить, самолюбивый Толстой таким образом пытался сохранить хотя бы видимость самостоятельности принятия решений и избежать раздражавших его намеков на влияние, которое имел на него Катков. Но для всех, кто был хорошо знаком с характером и привычками министра, не было секретом, что, несмотря на досаду и раздражение, в которое он нередко впадал вследствие необходимости прислушиваться к советам Каткова, в результате последнее слово, как правило, оставалось за журналистом. «Забавно было слышать, – вспоминал впоследствии

Е.М. Феокистов, – как иногда в минуты раздражения граф Дмитрий Андреевич восклицал: “Не могу же я, однако, сообразоваться со всем, что придет в голову журналисту...” И в конце концов он все-таки подчинился настойчивым его требованиям» [15. С. 180]. Редактору «Московских ведомостей», обладавшему настойчивостью и решительностью в достижении поставленных целей, глубокой убежденностью в правоте тех положений, которые он отстаивал перед Толстым, всегда удавалось, хотя и с трудом, убедить министра в необходимости той или иной меры. «Надо было неусыпно следить за ним <Толстым>, и Катков вспоминал впоследствии не иначе как с ужасом о том, что это ему стоило», – писал в своих воспоминаниях Феокистов [15. С. 180]. И сам Катков в частных разговорах не раз с досадой признавался, что «Толстого надо наставлять и подпирать на каждом шагу», а своему коллеге и другу профессору П.М. Леонтьеву прямо писал, имея в виду Толстого, что «этот человек не может быть пригоден для такой великой должности» [30]. Журналист не раз с горечью говорил, что для бюрократической верхушки нужны отнюдь не доводы науки и просвещения: «Кто такие наши ученые мужи, – скептически отзывался он о чиновниках от науки, которым предстояло осуществлять и контролировать реформу. – В большинстве это паркетные шаркуны, мастера маршировки и угодливости. Что им наука и что они ей? Даже правоведа и лицеисты не более как натасканные, дрессированные чиновники. Этим господам надо убеждать доказательствами, что просвещение не представляет ни малейшей опасности и что классики не приведут к республике, не нарушат полицейского благополучия и являются опорой порядка» [12. С. 84]. Весьма вероятно, что под «мастерами маршировки и угодливости», «правоведами и лицеистами» Катков имел в виду в том числе и Толстого – выпускника Царскосельского лицея и, по всей видимости, весьма невысоко оценивал своего союзника.

Судя по процитированным выше письмам и отрывкам из мемуаров, и подчиненные министра народного просвещения – Феокистов, Маркевич, Георгиевский без особого почтения и даже с изрядной долей иронии относились к своему непосредственному руководителю. Маркевич, любивший в переписке с редактором «Московских ведомостей» прибегать ко всякого рода конспиративным уловкам, во многих письмах иронично именовал Толстого «прыгуном», явно намекая тем самым на непостоянство министра, его колебания и шатания при принятии решений, нетвердость в отстаивании собственной позиции. «Т. <Толстой> все такой же прыгун и болтун, и сегодня дал мне новое этому доказательство», – писал Маркевич в Москву в январе 1872 г. накануне заседания комиссии по выработке проекта устава народных училищ [21. Л. 116]. «Наш прыгун считает себя обиженным Вами, – с издевкой сообщал Маркевич в Москву в марте 1874 г. о недовольстве Толстого в связи с публикацией в «Московских ведомостях» подряд нескольких статей об университетских беспорядках, в самом факте появления которых министр увидел стремление Каткова «уколоть его» [26. Л. 28]. Спустя несколько дней Маркевич с досадой писал о невозможности

обсудить с министром поправки в устав начальных училищ: «Прыгун окончательно прячется от нас с Георгиевским» [31. Л. 29].

Еще одним поводом для разногласий между Толстым и Катковым было недоверие высокопоставленного чиновника к печати, его стремление ограничить поступающий в прессу поток информации, сузить диапазон обсуждаемых в газетах проблем. И даже «Московские ведомости» не могли рассчитывать на какое-либо «снисхождение» с его стороны. Толстой не спешил делиться информацией со своим главным единомышленником. «С моим прыгуном пива не сварить, – писал Маркевич в ответ на требования Каткова сообщить оперативную информацию, касающуюся деятельности Министерства народного просвещения, – он будет отнекиваться, и бояться, и отлынивать, как боялся он сообщить мне для Вас гранку готовящегося правительственного сообщения в “Правительственный вестник”» [32. Л. 21]. В обязанности Маркевича, как представителя «Московских ведомостей» в столице, входило обеспечение редакции документами и официальными сведениями из петербургских департаментов, и ему нередко приходилось оправдываться перед Катковым из-за невозможности получить нужную редакции информацию «из первых рук». «Вы очень на меня гневаетесь и обвиняете в лени, за то, что я не сообщаю Вам разные документы, “когда мне так легко доставать их от Бобринского¹ и Толстого”, – отвечал на упреки Каткова Б.М. Маркевич. – <...> Не раз, а десять раз просил я Толстого и Бобринского, видя у них на столе разные записки (печатные), посылаемые им из Государственного совета и Комитета министров, дать мне их на прочтение – и каждый раз и тот и другой с улыбкой говорили мне: “для сообщения в Московские ведомости”. И как не убеждал я их, что от этого никакого вреда их репутации произойти не может, что ни Вы, ни я скомпрометировать их не в состоянии – они оба отказывали мне наотрез в сообщении желаемого. <...> Все они боятся пуще огня обвинения в “сношениях с прессою”, почитая это какую-то изменой – сколько, сколько раз приходилось мне слышать то от одного, то от другого из этих лиц по поводу даже самых незначительных сообщений: “Но ради бога, не сообщайте это в газеты!”» [33. Л. 130] На напрямую заявленную Маркевичем просьбу – передавать Каткову для ознакомления получаемые им из Государственного совета и Комитета министров записки и прочие документы – Д.А. Толстой отвечал решительным отказом [34. Л. 39].

На протяжении всего периода подготовки и проведения сначала гимназической реформы, а затем выработки и принятия университетского устава Катков был вынужден постоянно ездить в Петербург, чтобы, с одной стороны, «укрепить» Толстого в понимании правильности того или иного положения готовящихся к обсуждению в Государственном совете документов, а с другой – добиться поддержки у других влиятельных лиц в правительстве. «Каждый раз с приездом его в Петербург все оживлялось и все проникались

¹ Бобринский Алексей Павлович (1826–1894) – генерал, министр путей сообщения (1871–1874), член Государственного совета.

бодростью; он не знал отдыха, проводил ночи без сна, бросался в разные стороны, посещал всех лиц, которых можно было склонить в пользу дорогого ему дела», – вспоминал Феокистов [15. С. 183–184]. «Он не щадил своих сил и здоровья для дела, которое считал высокой государственной и общественной потребностью», – отмечал преданность Каткова делу образовательной реформы в своих воспоминаниях Г.К. Градовский, сотрудник «Московских ведомостей» в конце 1860-х – начале 1870-х гг. [12. С. 85].

В последние годы правления Александра II Толстому не удалось удержаться на своем посту: в апреле 1880 г. он был уволен с должностей министра народного просвещения и обер-прокурора Священного Синода, после чего либеральная общественность, решительно настроенная как против Толстого, так и против Каткова и его газеты, с удовлетворением отмечала признаки падения влияния журналиста на правительственные сферы. «Миновало царство Катковых», – не без злорадства констатировал в своих дневниковых записях князь В.М. Голицын после сообщения об уходе Д.А. Толстого с поста министра [35. Л. 140].

Однако с воцарением Александра III Толстой в мае 1882 г. был назначен на один из самых ответственных постов в империи – министром внутренних дел и шефом жандармов. В бюрократических кругах это назначение напрямую связывали с ростом влияния редактора «Московских ведомостей», а Толстого за глаза называли «креатурой Каткова» [36. Л. 91]. Передовая статья, опубликованная в «Московских ведомостях» вскоре после этого назначения, стала своего рода программным заявлением Каткова. «Наши противники ошибаются, представляя нас то во власти, то в оппозиции, – писал публицист. – Мы всегда во власти и всегда, если угодно, в оппозиции. Смена разных лиц в правительстве несколько не касается нас и не изменяет нашего положения. Власть наша действительно большая: она заключается в магической формуле А есть А или дважды два четыре. Если нужно было подавлять крамолу, прокравшуюся в наше общество, то нужно было подавлять ее, а не содействовать ей. Это совершенно то же самое, что А есть А. Вот что мы говорили, и эта истина не потеряла своей силы и во время торжества крамолы» [37]. Номер газеты с этой статьей, по свидетельству Маркевича, вызвал в столице много разговоров и продавался «по 2, по 3 и более рублей» [38. Л. 161]. Как представляется, в глазах многих эта публикация послужила еще одним подтверждением неразрывной связи высокопоставленного чиновника с московским журналистом, которого, кстати, в первые годы правления Александра III иногда называли «подспудным премьером» [39. С. 225], приписывая ему огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора. Имена Толстого и Каткова, наряду с именем Победоносцева как для противников, так и для сторонников стали олицетворением эпохи «контрреформ». «С тех пор, как граф Дмитрий Андреевич (Толстой) стал министром внутренних дел и, следовательно, для Михаила Никифоровича не предстояло уже опасения какой-нибудь цензурной кары, – писал в своих воспоминаниях сенатор Я.Н. Есипович, – он смело встал и против Государственного

совета и против Сената» [40. С. 218]. «Не подлежит сомнению, – писал в мае 1882 г. в своих дневниках Киреев, – что при Игнатьеве сильное влияние оказывал на дела Аксаков, а при Толстом влиятельным человеком будет Катков» [36. Л. 91]. И действительно, по образному выражению В.В. Розанова, «Московские ведомости» в 1880-е гг. исполняли роль своего рода «инспекции всероссийской службы», которую «все боялись, все ее смущались, и – ненавидели, клеветали на нее», но при этом зачастую «единственное слово Каткова» «указывало» и «приказывало», а министрам «оставалось переписать» – и часто министры, подавленные словом его, «переписывали» его передовицы в министерских распоряжениях» [41. С. 36–38].

Однако сохранил ли журналист по-прежнему сильное влияние на своего недавнего единомышленника и союзника? По свидетельству Е.М. Феоктистова, Толстой начал сторониться Каткова еще в последние годы своего управления Министерством народного просвещения, а став министром внутренних дел, сразу высказался в том смысле, что ему «нечего прибегать к его <Каткова> содействию», и во время частых приездов журналиста в Петербург они почти не встречались [15. С. 221]. Косвенным свидетельством охлаждения в отношении недавних союзников могут служить дневниковые записи государственного секретаря А.А. Половцова, одного из самых информированных людей в империи, посвященного во многие тайны и изгибы придворной дипломатии и знакомого с закулисными технологиями власти. Катков предстает в них как глава теневого правительства, в руках которого сосредоточена огромная власть: состав правительства, назначения, принятие того или иного закона и т.д., а его ближайшее окружение автор записок с иронией именуется «двором», который «открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждение и похвалу, и в конце концов достигает своих целей» [42. Т. 1. С. 499–500]. «Рядом с законным государем правительством создалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора “Московских ведомостей”», – с явным недоброжелательством по отношению к последнему пишет высокопоставленный чиновник в декабре 1886 г. и перечисляет окружающих журналиста «многочисленных пособников на высших ступенях управления»: министра народного просвещения И.Д. Делянова, министра государственных имуществ М.Н. Островского, обер-прокурора Священного синода К.П. Победоносцева, И.А. Вышнеградского, сменившего в январе 1887 г. в кресле министра финансов Н.Х. Бунге, правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина [42. Т. 1. С. 499–500]. Среди сановников, перечисленных Половцовым, имя Толстого отсутствует, и это, как представляется, не случайно. Будучи человеком в высшей степени самолюбивым и осторожным, Толстой в своем новом статусе, видимо, не желал быть уличенным в зависимости от журналиста и заслужить упрек от окружающих и (не дай Бог!) от самого государя в следовании его советам и наставлениям, а потому стремился всячески минимизировать свое общение

с ним. В свою очередь, и Катков был недоволен Толстым, порицал его за «излишнюю осторожность» [43. Л. 171] и говорил о нем как о человеке «без энергии» [44. Л. 179]. Все попытки вновь сблизить Толстого с журналистом, которые неоднократно предпринимал Е.М. Феоктистов, искренне уверенный, что у министра без поддержки Каткова «нет ничего, решительно ничего, никакой программы, никакой системы» [45. Л. 22], особого успеха не имели. И хотя со временем Феоктистову все же удалось добиться их примирения, однако прежнего доверия и единомыслия между ними уже никогда не возникало.

Несмотря на влияние в политических и придворных кругах, именитый журналист тем не менее по-прежнему нуждался в поддержке Толстого, который, как и в годы правления Александра II, выступал в качестве посредника в его отношениях с императором. Как министр внутренних дел, он ежедневно бывал с докладами на приеме у Александра III и мог, таким образом, пояснить, прокомментировать передовые статьи публициста в «Московских ведомостях», а то и передать содержание адресованных императору писем-объяснений Каткова. А необходимость в таких комментариях возникала нередко. Передовые статьи Каткова, написанные «пером булатным и острым как кинжал» [46. Т. 2. С. 129], страстно, темпераментно, полемически остро, порой даже излишне прямолинейно и прямодушно, без оглядки на цензуру, нередко вызывали недовольство высокопоставленных сановников, даже и гнев самого Александра III. Так, к примеру, в феврале 1887 г. во время одного из таких докладов император недовольно заметил, что «Катков поступает не совсем хорошо», искажая при публикации содержание писем своего берлинского корреспондента: «Этот корреспондент пишет одно, а печатается другое <...> – говорил Александр III. – Зачем же Катков изменяет то, что ему сообщают, дает другую окраску? Ведь поступая таким образом, он может потерять доверие. Вы известите его об этом» [47. Л. 32]. Через Феоктистова Толстой советовал Каткову в письме и изложить факты, опровергающие данную информацию, с тем чтобы во время очередного доклада он мог бы познакомить императора с содержанием письма и таким образом оправдать журналиста в его глазах. Каждый раз, чтобы передать письмо лично императору, Катков должен был через правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина обращаться к Толстому с запросом для получения на то официального разрешения, а министр, в свою очередь, извещал его о результате прошения через начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова [48].

Однако смягчить Александра III удавалось далеко не всегда. После прочтения передовой статьи в № 66 от 8 марта 1887 г., в которой в резких выражениях порицалась вероятность продления срока действия секретного австро-русско-германского договора, заключенного Россией в 1881 г. и известного как «Союз трех императоров», император без лишних размышлений тут же распорядился дать «Московским ведомостям» предостережение. «В высшей степени неприличная статья, – написал он на полях первой

полосы прочитанного им номера газеты. – Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г. Катков; приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие, и что всему есть мера» [15. С. 244–245]. Главное управление по делам печати едва лишь приступило к обсуждению вопроса о мере взыскания «Московским ведомостям», как в № 69 от 11 марта была напечатана еще одна статья с критикой министра иностранных дел Н.К. Гирса и прогерманской политики России, и ее появление ускорило принятие решения о вынесении газете предостережения. На этот раз Толстой не решился подать свой голос в защиту Каткова, а лишь предложил в формулировке предостережения заодно упомянуть передовую статью в № 67, направленную также против министра иностранных дел и не менее резкую по тону, чтобы избежать второго предостережения, которое могло последовать сразу вслед за первым. Подобная реакция была вполне в духе Толстого, о котором хорошо знавшие его современники отзывались как о человеке «с системой, но без большого характера, т.е. он не положит душу свою за свою идею, хотя видит ее истину. Он эгоист и ссориться не любит» [49. Л. 113]. И лишь благодаря «исключительной энергии» Победоносцева, который считал вынесение предостережения «Московским ведомостям» «крайне вредным и несвоевременным» и сумел доказать это Александру III [50. Л. 43], распоряжение, уже подготовленное в Главном управлении по делам печати и направленное на утверждение императору, подписано не было.

Смерть журналиста, последовавшая вскоре вслед за этим событием – в июле 1887 г., уничтожила этот союз, длившийся более двух десятилетий, союз, основывавшийся на единстве политических взглядов и убеждений, на общности представлений о развитии образовательной системы России. Анализ переписки Толстого с Катковым, эпистолярного наследия их ближайших помощников – Е.М. Феоктистова, Б.М. Маркевича, А.И. Георгиевского, изучение воспоминаний и дневниковых записей А.А. Половцова, А.А. Киреева, Г.К. Градовского и других современников позволяет сделать вывод, что в этом союзе высокопоставленного чиновника и влиятельного журналиста лидером был Катков, издания которого не только осуществляли «информационную поддержку» предпринятых министром народного просвещения реформ, но во многом инициировали и направляли его деятельность. Обладая сильным и решительным характером, упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей, непоколебимой уверенностью в собственной правоте, журналист на протяжении многих лет с успехом отстаивал перед Толстым те меры, которые считал единственно правильными и верными в сфере образования. И хотя сам Катков называл себя лишь «чиновником особых поручений» при министре народного просвещения [51. Л. 151], но, по мнению некоторых современников, он и сам мог бы с успехом возглавлять министерство, хотя его «резкий характер не совсем удобен для министра» [52]. Со своей стороны, Толстой, имея воз-

возможность, в силу занимаемых должностей, едва ли не ежедневно бывать с докладами у императора, был своего рода представителем журналиста, поверенным, ходатаем по его делам сначала перед Александром II, а затем перед Александром III. Его, безусловно, можно отнести к числу «катковцев» – высокопоставленных чиновников, которые так или иначе были связаны с редакцией «Московских ведомостей», разделяли позицию этой влиятельной консервативной газеты и находились под несомненным влиянием ее редактора-издателя. В то же время министр нередко выступал как «скрытый оппонент» Каткова, неоднократно пытался избавиться от своей зависимости от него, продемонстрировать самостоятельность в принятии решений, однако, как правило, последнее слово всегда оставалось за авторитетным журналистом. История взаимоотношений Толстого и Каткова служит весьма показательным примером усиления влияния печати на властные структуры Российской империи в 60–80-е гг. XIX в.

Список источников

1. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002. 441 с.
2. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.
3. Перцев В.В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века // Концепт. 2013. № 1. С. 46–53.
4. Замостьянов А.А., Чумаков В.Т. Последнее тридцатилетие XIX века: Время Д.А. Толстого и И.Д. Делянова // Народное образование. 2013. № 5. С. 91–102.
5. Из записок министра народного просвещения Д.А. Толстого 1870–1880-х гг. // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 323–330.
6. Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. 512 с.
7. Воронин В.В. Дискуссия о классическом и реальном образовании в России: обсуждение «Учебной реформы» Д.А. Толстого в Государственном совете (1871–1872 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. Вып. 2. С. 106–119.
8. Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. Вып. 12. С. 100–108.
9. Клыкова Е.Д. Споры об университетской автономии в русском обществе (1870-е – начало 1880-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2015. № 1. С. 42–51.
10. Новикова М.Б., Перфилова Т.Б. Университетский вопрос в 1866–1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 22–33.
11. Перевалова Е.В. Лицей цесаревича Николая (1868–1917) – образцовое учебное заведение нового типа // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2014. № 2. С. 56–67.
12. Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. № 1. С. 77–86.
13. Перевалова Е.В. М.Н. Катков и А.В. Головнин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2017. Т. 6, № 3. С. 330–346.
14. Толстой Д.А. Письмо М.Н. Каткову. 9 октября 1863 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.

15. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. (1848–1896): Воспоминания. М. : Новости, 1991. 460 с.
16. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. СПб. 17 апреля 1871 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 15.
17. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 25 марта 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
18. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 17 апреля 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
19. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 3 мая 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
20. *Толстой Д.А.* Письмо М.Н. Каткову. 9 июля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
21. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 24 января 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
22. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 19 февраля. Б. г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 36.
23. *Киреев А.А.* Дневник. 20 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 8.
24. *Киреев А.А.* Дневник. Октябрь 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 3.
25. *Первалова Е.В.* М.Н. Катков и А.В. Головин: к истории взаимоотношений // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2017. Т. 6, № 3. С. 330–346.
26. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 10 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 33.
27. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. СПб. 6 ноября 1873 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
28. *Георгиевский А.И.* Письмо Б.М. Маркевичу. 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 2. Ед. хр. 12.
29. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 30 августа 1868 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 30.
30. *Катков М.Н.* Письмо П.М. Леонтьеву. Б.д. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. хр. 37.
31. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 18 марта 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 33. Л. 29.
32. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 22 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 21.
33. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 20 апреля 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 32.
34. *Маркевич Б.М.* Письмо П.М. Леонтьеву. 1872 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 27. Ед. хр. 2.
35. *Голицын В.М.* Дневник. 21 апреля 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 75. К. 10. Л. 140.
36. *Киреев А.А.* Дневник. Май 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
37. [Передовая статья] // Московские ведомости. 03.06.1882. № 152.
38. *Маркевич Б.М.* Письмо М.Н. Каткову. 6 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
39. *Бартнев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
40. *Есипович Я.Г.* Записки сенатора // Русская старина. 1909 г. Кн. 8.
41. *Розанов В.В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
42. *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : ЗАО Центрполиграф, 2005.
43. *Киреев А.А.* Дневник. Январь 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
44. *Киреев А.А.* Дневник. 10 февраля 1883 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
45. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 16 октября 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 37.
46. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания : в 2 т. СПб., 1908–1910.
47. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 22 февраля 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 38.
48. *Толстой Д.А.* Письма Е.М. Феоктистову. 12 декабря 1886 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 11. Ед. хр. 15.
49. *Киреев А.А.* Дневник. 25 июня 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
50. *Воейков Д.И.* Письмо М.Н. Каткову. 13 марта 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
51. *Катков М.Н.* Письмо императору Александру II. 22 июня 1879 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 45.

52. Тютчева Е.Ф. Письмо К.П. Победоносцеву. 19 марта 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 230. К. 44.07. Ед. хр. 2.

References

1. Khristoforov, I.A. (2002) *“Aristokraticeskaya” oppositsiya Velikim reformam (konets 1850 – sredina 1870-kh gg.)* [“Aristocratic” opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid-1870s)]. Moscow: Russkoe slovo.
2. Kotov, A.E. (2016) *“Tsarskiy put” Mikhaila Katkova: ideologiya byurokraticeskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh gg* [“The Tsar’s Way” by Mikhail Katkov: The Ideology of Bureaucratic Nationalism in the Political Journalism of the 1860s–1890s]. Saint Petersburg: Vladimir Dal’.
3. Pertsev, V.V. (2013) Gymnasium education in pre-revolutionary Russia: the second half of 19th century – the beginning of 20th century. *Kontsept – Koncept*. 1. pp. 46–53. (In Russian).
4. Zamosťanov, A.A. & Chumakov, V.T. (2013) Poslednee tridsatiletie XIX veka. Vremya D.A. Tolstogo i I.D. Delyanova [The last thirty years of the 19th century. The time of D.A. Tolstoy and I.D. Delyanov]. *Narodnoe obrazovanie – National Education*. 5. pp. 91–102.
5. Tolstoy, D.A. (2005) Iz zapisok ministra narodnogo prosveshcheniya D.A. Tolstogo 1870–1880-kh gg [From the notes of the Minister of Public Education D.A. Tolstoy in 1870–1880s]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. Moscow. 1. pp. 323–330.
6. Staferova, E.L. (2007) *A.V. Golovnin i liberal’nye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860-kh gg.)* [A.V. Golovnin and liberal reforms in education (the first half of the 1860s)]. Moscow: Kanon+; ROOI “Reabilitatsiya”.
7. Voronin, V.V. (2010) The discussion about classical and real education in Russia: The debate on D. Tolstoy’s “Educational Reform” in State Council (1871–1872). *Vestnik rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2. pp. 106–119. (In Russian).
8. Ablyazov, K.A. (2006) Ustav universitetov 1884 g.: istoriya podgotovki i kharakteristika ego osnovnykh polozheniy [Charter of universities in 1884: the history of preparation and characteristics of its main provisions]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial’no-ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 12. pp. 100–108.
9. Klykova, E.D. (2015) Disputes about university autonomy in the Russian society (1870s – early 1880s). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya – Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1. pp. 42–51. (In Russian).
10. Novikova, M.B. & Perfilova, T.B. (2014) University question in 1866–1884. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1. pp. 22–33. (In Russian).
11. Perevalova, E.V. (2014) Litsey tsesarevicha Nikolaya (1868–1917) – obraztsovoe uchebnoe zavedenie novogo tipa [The Lyceum of Tsarevich Nicholas (1868–1917) as an exemplary educational institution of a new type]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul’turny, smysly. Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya – Locus: People, Society, Cultures, Meaning. Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: History and Political Science Series*. 2. pp. 56–67.
12. Gradovskiy, G.K. (1908) Iz minuvshego [From the past]. *Russkaya starina*. 1. pp. 77–86.
13. Perevalova, E.V. (2017) M.N. Katkov and A.V. Golovnin: to history relationship. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. Nauchnyy zhurnal Baykal’skogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of Baikal State University “Theoretical and Practical Issues of Journalism”*. 6 (3). pp. 330–346. (In Russian).

14. Tolstoy D.A. (1863) *Pis'mo M.N. Katkovu*. [A letter to M.N. Katkov]. 9 October 1863. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
15. Feoktistov, E.M. (1991) *Za kulisami politiki i literatury. (1848–1896). Vospominaniya* [Behind the scenes of politics and literature. (1848–1896). Memories]. Moscow: Novosti.
16. Markevich, B.M. (1871) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. 17 April 1871. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 8. File 15. Saint Petersburg.
17. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 25 March 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
18. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 17 April 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
19. Tolstoy, D.A. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 3 May 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
20. Tolstoy, D.A. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 9 July 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 19.
21. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 24 January 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32.
22. Feoktistov, E.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 19 February. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 36.
23. Kireev, A.A. (1880) *Dnevnik* [A diary]. 20 April 1880. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 8.
24. Kireev, A.A. (1866) *Dnevnik* [A diary]. October 1866. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 3.
25. Perevalova, E.V. (2017) M.N. Katkov and A.V. Golovnin: to history of relationship. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Journal of Baikal State University "Theoretical and Practical Issues of Journalism"*. 6 (3). pp. 330–346. (In Russian).
26. Markevich, B.M. (1874) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 10 March 1874. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 33.
27. Markevich, B.M. (1873) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 6 November 1873. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32. Saint Petersburg.
28. Georgievskiy, A.I. (1874) *Pis'mo B.M. Markevichu* [A letter to B.M. Markevich]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 2. File 12.
29. Markevich, B.M. (1868) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 30 August 1868. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 30.
30. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 49. File 37.
31. Markevich, B.M. (1874) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 18 March 1874. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 33. File 29.
32. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 22 April 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 27. File 2. Page 21.
33. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 20 April 1872. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 32.
34. Markevich, B.M. (1872) *Pis'mo P.M. Leont'evu* [A letter to P.M. Leontiev]. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 27. File 2.
35. Golitsyn, V.M. (1880) *Dnevnik* [A diary]. 21 April 1880. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 75. List 10. File 140.
36. Kireev, A.A. (1882) *Dnevnik* [A diary]. May 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
37. *Moskovskie vedomosti* (1883) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. 3 June. 152.
38. Markevich, B.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 6 June 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 31.

39. Bartenev, P.I. (1912) Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva" [From the notebook of "Russkiy Arkhiv"]. *Russkiy arkhiv*. 3.
40. Esipovich, Ya.G. (1909) Zapiski senatora [Notes of a senator]. *Russkaya starina*. 8.
41. Rozanov, V.V. (1997) Suvorin i Katkov [Suvorin and Katkov]. *Novoe vremya*. 7.
42. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t.* [A diary of the Secretary of State: in 2 volumes]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
43. Kireev, A.A. (1883) *Dnevnik* [A diary]. January 1883. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
44. Kireev, A.A. (1883) *Dnevnik* [A diary]. 10 February 1883. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
45. Feoktistov, E.M. (1882) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 16 October 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 37.
46. Golovin, K.F. (1908–1910) *Moi vospominaniya* [My memories]. In 2 volumes. Saint Petersburg: izdanie t-va M.O. Vol'f.
47. Feoktistov, E.M. (1887) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 22 February 1887. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 38.
48. Tolstoy, D.A. (1886) *Pis'ma E.M. Feoktistovu* [Letters to E.M. Feoktistov]. 12 December 1886. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 11. File 15.
49. Kireev, A.A. (1882) *Dnevnik* [A diary]. 25 June 1882. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 126. List 9.
50. Voeykov, D.I. (1887) *Pis'mo M.N. Katkovu* [A letter to M.N. Katkov]. 13 March 1887. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 23.
51. Katkov, M.N. (1879) *Pis'mo imperatoru Aleksandru II* [A letter to Emperor Alexander II]. 22 June 1879. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 120. List 45.
52. Tyutcheva, E.F. (1881) *Pis'mo K.P. Pobedonostsevu* [A letter to K.P. Pobedonostsev]. 19 March 1881. Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 230. List 44.07. File 2.

Информация об авторе:

Перевалова Е.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненасева Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), head of the Journalism and Mass Media Department, Higher School of Printing and Media Industry of Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2021;
одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 19.01.2021;
approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2022. № 76

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.04.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 21,8; усл. печ. л. 28,3. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4996.

Дата выхода в свет 29.06.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru